

18+

ОЛЕГ КАНТЕМИРОВ

Мой путь

ОЛЕГ КАНТЕМИРОВ

МОЙ ПУТЬ

О времени, людях и выборе пути

Издательские решения
По лицензии Ridero
2026

УДК 79
ББК 75
К19

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

Кантемиров Олег

К19 Мой путь : О времени, людях и выборе пути / Олег Кантемиров. — [б. м.] : Издательские решения, 2026. — 406 с.
ISBN 978-5-0069-7331-2

Книга Олега Кантемирова «Мой путь» — рассказ о жизни, пройденной через спорт, цирк, кино и наставничество. Детство, первые победы, риск манежа, философия каратэ и сцены, дорога за океан и работа с учениками складываются в единый путь поиска смысла и ответственности. Это книга о преемственности, благодарности и выборе, о силе характера и людях, которые идут рядом и продолжают путь. Адресована тем, кто ищет свой путь и не боится идти до конца.

**УДК 79
ББК 75**

18+ В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

ISBN 978-5-0069-7331-2

© Олег Кантемиров, 2026
© Виктор Харебов, составитель, 2026

«Это книга о моем пути — о том, что я понял,
потерял, нашел и сумел сохранить.
Но главное — это история о людях, которые
сделали меня тем, кто я есть».

— Олег Кантемиров

ПРЕДИСЛОВИЕ

Книга, которую держит в руках читатель, — это не просто воспоминания или череда событий и дат. Это внутренний путь человека, которому было суждено прожить редкую, насыщенную жизнь — в цирке, в спорте, в кино, в дружбе, в поиске смысла и честности. Она создана из голоса, памяти и опыта Олега Кантемирова — человека, который никогда не стремился украшать или сглаживать реальность, но всегда умел видеть в ней свет, движение и истину.

Когда несколько лет назад Олег впервые начал делиться со мной своими размышлениями, историями, эпизодами, когда в разговоре возникали имена, лица, детали, я понял, что его история — не просто биография. Это живой рассказ, в котором каждое слово рождается прямо из сердца. Его воспоминания всегда казались мне не рассказом, а дыханием — дыханием человека, прошедшего через силу, риск, творчество, любовь и преданность своему делу.

Эта книга выросла из его монологов — искренних, честных, глубоких. Работа над книгой была совместным и длительным процессом, в котором воспоминания, разговоры, записи и обсуждения постепенно складывались в текст. Материал бережно собирался, уточнялся, выстраи-

вался по главам и приводился к литературной форме, сохраняя при этом живую интонацию рассказа и точность воспоминаний.

Это было истинным удовольствием и честью — иметь возможность так близко прикоснуться к внутреннему миру Олега Кантемирова, человека, в котором твердый характер сочетается с редкой простотой и который умеет говорить о самом важном спокойно и уверенно. Каждый рабочий день над этой книгой становился для меня маленьким открытием: в его голосе я слышал не только историю одного человека, но и историю целой эпохи, целого поколения, целой культуры цирка, спорта и кинематографа.

Я благодарен судьбе за возможность быть рядом в процессе создания этой книги. И искренне надеюсь, что читатель ощутит в этих главах то, что ощущал я: прямоту, искренность, мужество, а главное — свет, который всегда сопровождает путь людей, живущих настоящим искусством.

Эта книга — голос Олега Кантемирова. Мне лишь повезло помочь этому голосу стать страницами.

С уважением и благодарностью,
Виктор Харебов

ГЛАВА 1. ВЛАДИКАВКАЗ. НАЧАЛО ПУТИ

ДЕТСТВО И АТМОСФЕРА ГОРОДА

Иногда мне кажется, что мое детство — это не ушедшая пора, а живое пространство, куда я могу мысленно вернуться в любой момент. Пространство, наполненное звуками и запахами, которые никуда не исчезли — они просто спрятались где-то внутри меня, как старые фотографии, которые хранишь не в альбоме, а в сердце. Стоит лишь мысленно вернуться во Владикавказ тех лет, еще носивший имя Орджоникидзе, — и все оживает снова: улицы, люди, трамваи, шум ветра в кронах старых тополей, ранние утренние голоса с соседских дворов. Кажется, будто все это происходило не со мной, а с каким-то другим, маленьким мальчиком, но память, словно ласковая рука, подталкивает: нет, это был ты, и все это — часть твоего пути.

Когда я думаю о городе своего детства, первым всегда ощущается свет. Не конкретная картина, не какой-то дом или площадь — а свет. Утренний, мягкий, расплывающийся по крышам; вечерний, уже более глубокий, теплый, как будто окрашенный в золото. Город в то время жил в осо-

бом ритме, не спеша, по-домашнему, с какой-то удивительной цельностью. Люди узнавали друг друга — не так, как сейчас, по именам и номерам телефонов, а по голосу, по походке, по тому, как кто-то выходит из подъезда или ставит ногу на ступеньку трамвая. Были дворы и улицы, которые словно говорили: «Вот ты опять пришел, мальчик. Мы тебя помним», — стоило только пройти по ним.

Запахи... Я мог бы описать этот город только запахами, и этого было бы достаточно. Ранним утром — запах влажной пыли после ночного дождя, смешанный с ароматом хлеба из ближайшей пекарни. Днем — горячий воздух, в котором будто растопился запах асфальта, спелых яблок и дымка от дровяных печей. Вечером — тепло от земли, которая за день накопила солнце, запах чабреца откуда-то с гор, и сыроватый воздух Терека. Река всегда была рядом — не только как география, но как присутствие. Даже если ее не видно, она чувствуется. Иногда я думал, что ее шум — это дыхание города.

Но больше всего в памяти — звуки. Они были везде, и они создавали ту атмосферу, которую невозможно забыть. Трамвайный звонок, чистый, резкий, но не раздражающий — он был частью городской музыки. Детский смех во дворах. Громкие голоса мужчин, сидящих на скамейках у подъездов и обсуждающих футбол или последние новости — те самые, что тогда передавали медленно, будто нехотя. Звук футбольного мяча — он всегда был где-то рядом, потому что мальчишки играли везде: на пустырях, во дворах, на площадках, где уже давно не было качелей. И, конечно, музыка — она доносилась из открытых окон. Кто-то слушал радио, кто-то пел, кто-то репетировал на скрипке или на фортепиано. Это был город, который звучал.

Иногда мне вспоминается один конкретный день, хотя с тех пор прошли десятилетия. Было начало лета, когда все вокруг сияло. Я вышел на улицу рано, еще не было се-

ми утра. Воздух был свежим, но теплым, и солнце лежало на земле полосками. Я слышал, как где-то вдали стучит тележка с молоком, как хлопает дверь у соседей, как вороны ругаются на крыше старой школы. Я шел медленно, потому что мне нравилось рассматривать все вокруг: ржавые ворота, за которыми рос куст жасмина; старый тополь, на котором каждый год вили гнездо; дом с облупившейся штукатуркой, где когда-то жил портной. И в тот момент я вдруг понял — не словами и не мыслью, а простым ощущением, — что я люблю этот город. Не как место, где ты родился, а как часть самого себя.

Детство тогда казалось бесконечным, как улица, которая уходит куда-то вдаль и поворачивает, но ты точно знаешь — за поворотом вас ждет еще одна улица, и еще одна, и еще. Мы бегали по городу как по собственному дому. Дворы соединялись между собой, проходы были открыты, никто никого не прогонял. Это было удивительное чувство свободы — не потому что нам позволяли все, а потому что мир вокруг был добрым, просторным, доверчивым. Казалось, что город улыбается тебе, даже если ты просто идешь в школу или возвращаешься с тренировки.

Я помню, как вечером все менялось. Улицы становились мягче, тише, а свет — глубоким, почти бархатным. Пахло дымом от костров, которые жгли за домами, и горячим хлебом, который приносили домой из магазина. По воскресеньям можно было услышать, как кто-то поет вдалеке — грустно и красиво. Я не знал тогда, почему в этом пении столько боли и света, но оно запоминалось, как будто предназначено для того, чтобы когда-нибудь всплыть в памяти.

Но, наверное, самое сильное воспоминание — это люди. Мы были окружены людьми, у которых в глазах всегда было что-то хорошее, доброе. Не важно, кем они были — соседями, учителями, прохожими. Люди тогда как будто уважали само наличие другого человека рядом. Взрослые

при встрече кивали друг другу, даже если были незнакомы. Мальчишки всегда помогали друг другу — подать мяч, подтолкнуть велосипед, поддержать в дворовой стычке. Все было проще, но теплее. Я рос в атмосфере человеческой заботы, может быть, даже неосознаваемой самими взрослыми, но абсолютно естественной.

Сейчас я понимаю: именно тогда во мне сформировалось главное — чувство пути. Не в смысле путешествий или перемен, а как внутреннее движение души. Когда ты растешь среди людей, которые живут открыто, честно, без лишних слов, ты сам учишься видеть важное. Ты учишься замечать не только то, что вокруг, но и то, что внутри. И именно город моего детства научил меня слушать. Слушать людей, слушать тишину, слушать самого себя. Он дал мне основу — ту, на которой строится вся дальнейшая жизнь.

Иногда я думаю: если бы можно было хоть на минуту вернуться в те дворы, в те утренние улицы, в тот солнечный запах, — я бы шел медленно, очень медленно, чтобы каждый шаг задержался внутри меня. Потому что это не просто воспоминания — это начало моего пути. Той дороги, которая привела меня ко всем встречам, к сцене, к тем людям, которых я полюбил и которых судьба подарила мне позже. Город моего детства был моим первым учителем. Учителем света, голоса, характера.

И если сегодня, спустя столько лет, закрыть глаза и позволить памяти говорить самой, то я снова стою на той летней улице, слышу звон трамвая, чувствую запах хлеба и влажной земли... и понимаю — все, что было во мне хорошего, началось именно там.

СЕМЬЯ И ПЕРВЫЕ УРОКИ ЖИЗНИ

Когда я пытаюсь мысленно вернуться в свои самые ранние годы, я возвращаюсь не к событиям — а к людям. К тем лицам, которые стояли рядом, когда мир только начинал открываться передо мной. И, наверное, прежде всего — к маме. Ее образ и сегодня стоит перед глазами так ясно, как будто я вижу ее сейчас, в этой комнате, за своим столом. Иногда я думаю, что все главное, что есть во мне, — это из тех первых лет рядом с ней.

Я рос в многосемейном доме на улице Рамонова, и к тому времени родители уже развелись. Слово «развод» я тогда не понимал, как и ребенок вообще мало что понимает из сложностей взрослой жизни. Но я чувствовал — чувствовал по тону голосов, по пустым вечерам, по тому, что мама уставала быстрее, чем должна была, и по тому, что в доме порой становилось слишком тихо, как бывает в квартирах, где в воздухе висит непроговоренная грусть. Но несмотря на это, она — мама — умела превращать каждый день в что-то светлое. Она не позволяла боли касаться меня. И я всегда удивлялся, как из самых простых вещей она умела делать маленькие праздники.

Моя мама была очень сильным человеком, хотя я понял это гораздо позже. В детстве мне просто казалось, что она всегда знает, чего хочет. У нее было то спокойствие, которое не шумит, не давит, но присутствует как тихая уверенность в том, что все будет хорошо. Она никогда не жаловалась. Никогда. Даже когда ей приходилось гораздо труднее, чем я мог себе представить. Только спустя годы я понял, сколько сил она отдавала тому, чтобы мне было уютно, тепло и спокойно, чтобы я не ощущал себя ребенком с изломанной судьбой, чтобы у меня было ощущение дома — дома настоящего, а не формального.

Наш дом был старым, большим, многоквартирным, с длинными коридорами и скрипучими лестницами. Дома тех времен умели жить: они дышали, шумели, разговаривали со своими жильцами. На улице Рамонова, где мы жили, каждый двор был маленьким миром. Там жизнь кипела, как в большом муравейнике. Дети бегали по двору от утра до вечера, взрослые выходили поговорить, соседи делились хлебом, новостями, домашними блюдами. И самое удивительное — все были по-настоящему близки друг другу. Это был такой мир, где люди не просто жили рядом — они жили вместе. Дружно, открыто, честно.

Я часто думаю о том дворе. Он был больше, чем просто место, где мы играли. Это была школа жизни — настоящая, добрая, иногда шумная, иногда беспокойная, но живая. В большом дворе, где каждая семья знала друг друга, ребенку невозможно было вырасти одиноким. Ты не принадлежал только своей семье — ты принадлежал всему двору. Ты рос среди людей, среди голосов, среди чужих историй, которые впитывал почти незаметно. Наверное, поэтому я всегда легко находил язык с людьми: я с детства жил среди множества характеров, привычек, взглядов.

Мама работала много. Я видел ее уставшей, видимо, гораздо чаще, чем понимал. Но она никогда не показывала слабость. Ее руки всегда что-то делали: готовили, стирали, чистили, перебирали, штопали, гладили. Иногда я думал, что мать — это человек, который все время движется. Но самое важное — при всем этом движении она не забывала обо мне.

Если я просыпался ночью и звал ее, она появлялась мгновенно, словно ждала этого момента. Если я возвращался домой с разбитой коленкой, она не ругала и не упрекала, а лишь сдувала пыль с раны и говорила: «Потерпи, сынок, сейчас пройдет». Рядом с ней любой страх отступал.

Отец... Он был другим. Я не могу сказать, что его не было совсем — нет, он появлялся, но редко. Мы виде-

лись отдельными днями, иногда — отдельными месяцами. И, как это часто бывает, его образ стал для меня образом человека, который есть и которого одновременно нет. В детстве я не держал на него обиды, я просто не понимал, как устроен мир взрослых. Позже, уже много лет спустя, я понял, что он, наверное, не умел быть отцом — так же как другие люди не умеют петь, рисовать или танцевать. Бывает, что человек не получает этого умения от жизни. Но в детстве мне казалось, что без него мир все равно полный. Мама была тем центром, который удерживал все на своих местах.

Первый настоящий урок жизни я получил именно от нее. Она никогда не произносила больших слов — не говорила о долге, о силе, о выдержке. Но она показывала это каждый день. Я видел, как она живет, и понимал: так и нужно жить. С уважением к людям. С честностью. С любовью. И главное — с внутренним достоинством, которое не зависит ни от обстоятельств, ни от людей вокруг, ни от денег, ни от чужих мнений. Ее спокойствие, ее способность держать дом на своих плечах без жалоб — это стало для меня моделью силы, которую я потом носил в себе всю жизнь.

Я часто думаю о тех вечерах на Рамонова. Мама сидит у стола, чинит одежду, свет лампы падает на ее руки, и тишина в доме кажется такой густой, что ее можно потрогать. Иногда она говорила со мной — не как взрослый с ребенком, а просто как человек с человеком. Она рассказывала о своих мечтах, о том, какой она представляла себе жизнь, о том, как мечтала, чтобы у меня все было хорошо. В ее голосе всегда была мягкая грусть — но не от безнадежности, а от того, что она видела дальше, чем я.

Дом наш был простым, без излишеств. Обои были старые, мебель была старая, но все было чистым, аккуратным, и, главное — теплым. Я никогда не чувствовал, что

чего-то не хватает. И, наверное, это был еще один урок — умение радоваться тому, что есть. Радоваться самым простым вещам: горячему чаю вечером, мягкому свету лампы, прогулке по двору, запаху свежего хлеба. Умение видеть радость в простоте — это то, что многие взрослые теряют. А меня этому научила мама, не произнеся ни слова.

Соседи были частью нашей жизни. В многосемейном доме невозможно было быть закрытым — двери часто оставались открытыми, люди заходили друг к другу просто так, чтобы сказать пару слов, принести тарелку с чем-то вкусным или спросить, нужна ли помощь. Я рос среди таких людей. Они были разными — шумными, тихими, строгими, веселыми. Но каждый из них чему-то учил. Например, уважать старших. Или не смеяться над теми, кто слабее. Или помогать тому, кто попал в беду. Эти уроки давались не словами — они давались жизнью.

Наша маленькая квартира была как остров. Но вокруг этого острова был огромный мир двора. Я выходил туда — и исчезали все стены. Там начиналась настоящая жизнь. Зимой мы катались на корках, летом играли в футбол, в войнушку, строили шалаши из старых досок и ящиков. Все было настоящее. Ничего не было «как будто» — все было «всерьез». И, наверное, именно там я научился первой дисциплине, первому уважению, первому чувству ответственности за свои слова — потому что дети очень строго обходятся с теми, кто врет или ведет себя нечестно.

Моя мама знала об этом дворе все. Она знала всех соседей, знала, у кого какие проблемы, кто кому помог, кто с кем поссорился. И она всегда учила меня быть человеком. Не хорошим мальчиком, не пай-мальчиком — нет. Она учила меня быть человеком, который понимает другого. Слушает другого. Сердцем чувствует. Мне иногда кажется, что именно это — ее главное наследие во мне. Может быть, благодаря ей я так остро ощущаю людей. Благодаря ей я всегда слышу то, что сказано не словами.

Когда я думаю о том, чему она меня научила больше всего, я понимаю: она научила меня любви. Не той громкой, показной любви, которая требует признаний и жестов, а тихой, спокойной, которая просто есть. Она научила меня ценить близких. Быть благодарным. Уважать людей. Понимать, что все, что у тебя есть — это результат не только твоих усилий, но и чужой заботы. Этот урок я пронес всю жизнь — на сцене, среди друзей, среди тех, кого судьба послала мне на пути.

Если бы сейчас можно было вернуться на минуту в ту маленькую комнату на Рамонова, где мама сидит у стола, а я делаю уроки — я бы ничего не менял. Я бы просто посидел рядом. Просто послушал, как она дышит. Потому что именно там, между простой мебелью и старым окном, между запахом ужина и звоном голосов из двора, между ее теплыми руками и усталыми глазами, — именно там начиналась моя жизнь. И все, что было потом, выросло из этого маленького дома, из этого двора, из ее любви.

ПЕРВЫЕ УВЛЕЧЕНИЯ И ХАРАКТЕР

Если попытаться описать себя в детстве одним словом, я бы сказал: неусидчивый. Я постоянно был в движении, как будто внутри меня жил какой-то маленький моторчик, который не давал сидеть спокойно ни минуты. Мама иногда смотрела на меня с легкой усталой улыбкой и говорила: «Олег, ну посиди хоть немного тихо». Но тишина тогда казалась мне чем-то неправильным. Мир вокруг был такой большой, такой шумный, такой интересный — как можно было просто сидеть и ничего не делать?

Я просыпался рано, еще до того, как в подъезде начинали хлопать двери и звучать первые голоса, и уже чувствовал, как меня тянет туда — во двор, на улицу, к друзьям, к мячу, к любой движущейся цели. Меня всегда было много — в голосе, в движениях, в эмоциях. Я мог вспыхнуть, мог громко смеяться, вставать в разговоры взрослых, задавать вопросы, которые, наверное, иногда ставили их в тупик. Но вместе с этим во мне рано проснулась какая-то внутренняя серьезность, особенно в том, что касалось отношений между людьми.

Слово «дружба» для меня с детства было не просто красивым звуком. Я воспринимал его очень по-серьезному, почти как клятву. Если я считал кого-то другом, то это означало, что этот человек может на меня положиться. Не потому, что меня так учили, не потому, что кто-то говорил о чести, благородстве или чем-то таком. Нет. Просто внутри меня было ощущение, что иначе нельзя. Если человек тебе доверился, если он открылся тебе, если вы делите хлеб, тайны, страхи и радости, — значит, ты несешь за него ответственность.

Я очень не любил несправедливость. Во дворе всегда находился кто-то, кто был слабее других — тише, скромнее, физически слабее. Над такими детьми порой могли подтрунивать, иногда вообще откровенно гнать с площадки, не брать в игру. И внутри меня каждый раз все сжималось. Я не умел проходить мимо. Если видел, что на кого-то давят, что кто-то стоит в стороне с опущенной головой, а другие смеются, — у меня как будто автоматом включался внутренний рубильник: «Так нельзя». Я мог вступить, иногда слишком резко, иногда даже с кулаками. Но иначе тогда не умел.

Сейчас, оглядываясь назад, понимаю, что это было проявлением характерной для меня упорности. Если я принимал какое-то решение, то изменить его было очень трудно. Это касалось всего: игр, тренировок, дружбы, спо-

ров. Если я говорил, что буду тренироваться — значит, буду, пока не упаду. Если обещал прийти к другу — приду, даже если дождь, снег или какие-то свои дела. Это упрямство иногда приносило проблемы, но чаще помогало. Мама порой вздыхала: «Какой же ты упрямый, мой сынок», — но в ее голосе была не только усталость, но и какая-то тихая гордость.

Меня рано начали вдохновлять люди, которые умеют делать что-то до конца, «по-настоящему». В мире взрослых меня удивляло именно это: как они умеют вкладываться. Вот сосед, который может весь день чинить какую-то старую деталь, пока она, наконец, не начнет работать. Вот тренер, который приходит на площадку раньше всех и уходит позже всех, и никогда не показывает усталости. Вот мама, которая после тяжелого дня все равно готовит ужин, стирает, убирает и находит силы поговорить со мной. Я смотрел на них и думал: вот это — сила. Не та, что в мышцах, а та, что в терпении.

Первым моим настоящим увлечением, как это бывает со многими мальчишками, стал спорт. Не в виде каких-то официальных секций — вначале просто дворовый мяч, бесконечные игры «до последнего гола», пока не темнеет, а иногда и после, когда мяча уже почти не видно, а мы все равно не хотим расходиться. Я любил сам процесс игры — движение, скорость, борьбу, столкновения, падения. Но больше всего любил командность. Мне самому было важно не забить гол, а сделать так, чтобы мы выиграли. Даже тогда, еще ребенком, я остро чувствовал, что один на поле — никто. Человека раскрывает команда.

Может быть, поэтому я так болезненно относился к предательству. Даже в детской форме — когда кто-то договаривается играть за нас, а в последний момент переходит в другую компанию; когда кто-то обещает прийти, а не приходит; когда кто-то «сдает» друга, чтобы самому избежать наказания. Такие ситуации ранили меня сильно,

глубже, чем я тогда понимал. Я мог не подать виду, мог отшутиться, но внутри меня оставался след. С тех пор я отчетливо чувствую, кто рядом со мной по-настоящему, а кто — случайно, пока ему удобно. И, возможно, именно дворовое детство стало моей первой школой верности.

Я был живым, шумным, непоседливым, но при этом — внимательным наблюдателем. Меня всегда интересовало, что происходит между людьми. Я мог сидеть в углу комнаты и слушать, как взрослые разговаривают на кухне, не вмешиваясь, хотя обычно мне хотелось говорить самому. Меня завораживало, как меняется голос человека, когда он говорит о том, что ему дорого. Как по-другому звучат одни и те же слова, когда в них есть боль, радость или усталость. Я еще не знал никаких психологий, но на уровне интуиции понимал: человек — это не только то, что он говорит, а то, как он это говорит.

Взрослый мир тогда казался мне огромным и немного загадочным. С одной стороны — я видел труд, усталость, обязанности. Видел, как рано утром люди идут на работу, как вечером возвращаются, неся тяжелые сумки, как потом сидят на кухне и долго молчат, прежде чем заговорить. Но с другой стороны — были моменты особого света. Взрослые умели радоваться, и в этой радости было что-то более глубокое, чем в детской. Когда взрослый смеется от души, за его смехом всегда стоит целая история. И я, еще не понимая, о чем именно, чувствовал эту глубину.

Вдохновляло меня тогда многое. Спорт — своей честностью, прямоотой. В нем не спрячешься: или ты бежишь, или нет. Или выдержишь, или сдаешься. Вдохновляли истории о людях, которые чего-то достигли благодаря упорству. Любой рассказ о том, как кто-то преодолел трудности, как не сдался, как встал после падения и пошел дальше, — отзывался во мне особенно сильно. Я воспринимал это как ориентир. Где-то внутри очень рано посели-

лась мысль: нельзя сдаваться, нельзя бросать начатое, если это действительно твое.

Но больше всего меня вдохновляли примеры тихой, незаметной человеческой доброты. Когда сосед помогал донести тяжелый мешок пожилой женщине. Когда кто-то отдавал свою очередь в магазине. Когда мама, уставшая после работы, все равно находила время выслушать другого человека. Я смотрел на это и чувствовал — вот в этом настоящая сила. Я всегда инстинктивно тянулся к тем, кто защищает, а не нападает. Кто поддерживает, а не давит. И, наверное, поэтому сам рано привык вставать на сторону тех, кто слабее.

В школе, во дворе, на тренировках — везде находились ребята, над которыми кто-то пытался доминировать. Я не считал себя героем, не думал о себе как о защитнике, это все пришло потом, с годами. Но если я видел, что сильный давит слабого, внутри меня поднималась волна. Я не мог делать вид, что ничего не происходит. Порой вступался слишком резко, порой из-за этого попадал в неприятности, но отступить было намного тяжелее, чем ввязаться в конфликт. Для меня это было вопросом внутренней честности: если ты видишь несправедливость и молчишь, ты становишься ее частью.

Со временем эта устойчивая черта — не проходить мимо чужой беды, не отворачиваться — стала частью моего характера, который я потом принес и в спорт, и в профессию, и в дружбу. И когда сейчас меня спрашивают, кем я был в детстве — непоседливым, мечтательным или упорным, — я отвечаю: я был всем этим сразу. Я был мальчишкой, который много бегал, много смеялся, много спорил, но при этом уже тогда начинал чувствовать, что самое главное в жизни — это люди рядом. Их боль, их радость, их вера в тебя и твоя в них.

Но вместе с этой прямоотой шло и другое — стремление доказать себе и другим, что я могу больше, чем кажется.

Риск, азарт, желание самоутвердиться — все это часто толкало меня в переднюю линию любой дворовой ситуации. И однажды это желание привело к событиям, которые изменили мою жизнь.

Во дворе, где я рос, всегда находились странные, тяжелые железяки, оставшиеся, казалось, от каких-то забытых времен: ржавые детали, пружины, куски металла. Среди них была и тяжелая, массивная болванка — кусок сырого железа, вес которого казался неподъемным даже для взрослого мужчины. Все ее знали. Ее пробовали поднимать самые сильные ребята — и бросали с усмешкой: «Да это нереально». Эта болванка стала почти легендой двора.

Однажды кто-то сказал:

— Олег, ты же сильный. Попробуй.

В тот момент во мне вспыхнуло то самое чувство — доказать. Двор замер, ребята столпились вокруг, и я, толком не думая, ухватил эту железяку. Первая попытка — ничего. Вторая — снова ничего. Но я был уже не в силах остановиться. Во мне включилось упрямство, то самое, о котором мама говорила, словно о моем врожденном знамени. Я собрал всю силу, что была во мне. И вдруг почувствовал — болванка идет вверх. Она поднялась от земли на несколько сантиметров, и в тот момент я не слышал ничего вокруг — ни криков ребят, ни звука собственной крови в ушах. Я сделал это.

Я чувствовал себя победителем.

Но когда адреналин ушел, и я вернулся домой, я понял — что-то не так. Спина ныла, как будто внутри нее что-то надломилось. Эта боль была чужой, острой, неправильной. Мама испугалась. Я не мог повернуться в постели, а утром едва поднялся. Врач сказал слова, которые я запомнил на всю жизнь: двойное искривление позвоночника и сопутствующие повреждения. Для ребенка это звучало как почти окончательный приговор: ограничения, боли, запреты, «нельзя», «опасно», «бережно».

Мне казалось, что я сам разрушил свою жизнь. Наказал себя за свое желание доказать. Тогда я впервые в детстве по-настоящему испугался — не боли, а того, что из-за одного глупого спора вся моя будущая дорога изменится.

Но судьба иногда ставит рядом тех, кто способен изменить ход событий. Мне помог учитель лечебной физкультуры — помню его фамилию, Тушашвили. Он не жалел меня и не говорил, что все кончено. Не убеждал смириться с ограничениями. Он сказал тихо, спокойно, уверенно:

— Лечить тебя никто не сможет. Только ты сам можешь себя вылечить. Я покажу упражнения, а дальше все будет зависеть от тебя.

Эти слова не упрекали и не успокаивали — они будили. Внутри меня что-то щелкнуло. Я понял: выход есть. Но цена у него высокая.

Учитель показал мне комплекс упражнений. На вид — обычные растяжки, наклоны, движения для укрепления спины. Но выполнять их было мучительно. Каждый наклон отзывался резкой болью. Иногда во время занятий на глаза наворачивались слезы — от боли, волнения, страха.

Порой хотелось все бросить, уйти, забыть. Иногда я смотрел на друзей, играющих во дворе в футбол, и чувствовал эту детскую, тягучую боль зависти: они могут — я нет.

Но потом я вспоминал слова: «Только ты сам можешь себя вылечить». И продолжал.

Каждый день. В тишине комнаты. Стиснув зубы. Через боль. Через усталость. Через обиду и страх. День за днем. Неделя за неделей. Месяц за месяцем.

Постепенно спина стала поддаваться. Боль уходила. Мышцы крепили. Движения становились свободнее. И однажды я заметил — я могу повернуться, могу согнуться, могу сделать упражнение, которое раньше было невыносимым. Эти маленькие победы становились моим внутренним топливом.

И однажды, глядя в зеркало, я увидел, что стал другим. Передо мной стоял не травмированный мальчишка, обиженный на судьбу. Передо мной стоял юноша — крепкий, ровный, гармонично сложенный. Спина выпрямилась. Мышцы обрели структуру. Я впервые увидел в себе силу, которую создал собственными руками.

Я понял: самое главное я сделал сам. Ни врач, ни тренер — я. Именно я провел себя через боль, через дисциплину, через сомнения. Именно я научился стоять, когда хочется упасть.

Эта победа стала моей первой настоящей победой над собой. И, может быть, самой важной.

Со временем люди стали говорить: «Ты стал красиво сложенным», «У тебя идеальное тело», «Ты как вылитый спортсмен». Но за этой внешней красотой стояли месяцы работы, боли, усилий, ошибок, новых попыток, силы духа. Это не было подарком судьбы. Это было создано.

И сегодня я понимаю: если бы не тот спор, если бы не та болванка, если бы не та детская глупость, — возможно, я бы никогда не узнал, на что на самом деле способен. Не узнал бы цену труда. Не узнал бы, что могу восстановиться, выпрямиться, подняться. Не узнал бы, что характер — это не слова, а действие. День за днем. Шаг за шагом.

Может быть, тогда, во дворе, я хотел просто доказать свою силу. Но на самом деле доказал другое — что могу преодолеть то, что сломало бы многих. Могу идти вперед, даже когда трудно. Могу бороться — и побеждать.

И все это началось там — с детского упрямства, с желания самоутвердиться, с той тяжелой железной болванки, которая когда-то чуть не искривила мою судьбу, но в итоге помогла выпрямить мой характер.

И все же, пожалуй, самое точное определение моего детского характера — живой и верный. Я мог ошибаться, мог сердиться, мог быть несдержанным, но если я называл

человека другом, то стоял за ним до конца. И именно эта внутренняя готовность встать плечом к плечу с тем, кому трудно, стала тем стержнем, который потом помог мне пройти через многие испытания. Потому что путь, каким бы он ни был — трудным, долгим, светлым или полным потерь, — всегда легче, когда ты не один. А я с детства знал цену этому «не один».

ШКОЛЬНЫЕ ГОДЫ И УЧИТЕЛЯ

Когда я думаю о своих школьных годах, то вспоминаю не классы, не уроки, не расписания. Вспоминаю людей. Их голоса, выражения лица, их манеру держаться, говорить, молчать. Школа №18 оставила во мне след не потому, что я там получал знания, которые потом пригодились в жизни, а потому, что там жили люди, которые своими словами, своим отношением, своим примером построили во мне те внутренние опоры, которые остались со мной навсегда.

Школьная жизнь была шумной, противоречивой, как и все детство. Я был непоседливым, живым, всегда где-то в движении. Мог скакать по коридору так, что меня слышали за два этажа. Мог вступить за кого-то, не подумав, чем это обернется. Мог спорить с учителем так же громко, как со сверстниками. Но среди этого шума была и другая сторона — внимание. Я видел людей, чувствовал их настроение, умел замечать, когда кто-то грустит или переживает, даже если он это скрывает. И именно учителя стали первыми взрослыми, которых я научился читать так же, как потом — своих друзей, коллег, зрителей, жизнь.

В школе №18 работали самые разные люди. Были строгие, были мягкие, были добрые, были тяжелые, были те, кто держал дисциплину железной рукой, и те, кто мог увлечь класс без единого окрика. Но у каждого было что-то свое, что-то от сердца, что-то живое. И каждый по-своему научил меня чему-то большему, чем формулы или даты.

Одним из первых, кого я вспоминаю, был наш физрук Леонид Петрович Красильников. Он не был тренером-профессионалом, но для него мы были не учениками, а будущими мужчинами. Он умел сказать так, что становилось стыдно лениться. Он учил нас дисциплине. Не той, что ставит двойку за забытый дневник, а той, что воспитывает уважение к собственному телу и силе. Когда у меня еще болела спина после травмы, он был одним из первых, кто сказал: «Не сдавайся. Ты справишься». Он не жалел. Но и не заставлял. Он видел, что я борюсь. И просто подтверждал: «Ты на правильном пути». Иногда человеку этого достаточно — чтобы идти дальше.

Наш физрук заразил нас, мальчишек, идеей стать чемпионами. Он собрал волейбольную команду — с жестким отбором — и начал проводить с нами интенсивные тренировки. И это дало результат: за короткое время наша команда стала чемпионом Северной Осетии по волейболу.

Красильников сделал из нас настоящую команду и подарил главное — веру в себя, в собственные силы. Поэтому, когда позже я перешел в секцию самбо, мне не пришлось начинать силовую подготовку с нуля. И почти сразу у меня появилась новая идея — добиться результатов в самбо. Я снова почувствовал ту самую радость, которая возникает, когда ты часть команды. Считалось, что самбисты — интеллектуалы спортивной борьбы: люди думающие, тонко чувствующие стиль, своего рода элита. Они отличались от представителей других видов спорта — трудно объяснить почему, но это ощущалось. И мне это было близко.

Особую роль в этом выборе сыграл мой учитель — Варздат Ервандович Григорян¹. В нем удивительным образом сочетались строгость и уважение к ученику, высокая требовательность и человеческое тепло. Он умел не только учить приемам, но и формировать характер, прививать культуру борьбы и чувство достоинства. Рядом с таким тренером хотелось расти, работать и соответствовать.

До сих пор с осетинской школой самбо считаются в мире и в этом, прежде всего заслуга первоначального организатора, заслуженного тренера РСФСР Варздата Григоряна.

Школьные годы — это лакмусовая бумажка жизни. С одной стороны шум, смех, попытки казаться взрослее, первая дружба, первые конфликты, первая любовь. С другой — те взрослые, которые смотрят на тебя внимательнее, чем ты думаешь. Иногда замечают в тебе то, чего ты сам еще не видишь. Иногда говорят слово, которое потом становится твоим внутренним правилом на всю жизнь.

Я был непростым учеником. Горячим. Упрямым. Иногда — слишком эмоциональным. Но, возможно, именно поэтому школа №18 так сильно повлияла на меня. Она не пыталась меня переделать. Она пыталась направить. И самое главное — там были люди, которые верили, что из меня выйдет что-то хорошее. Эта вера — даже если она была без слов — осталась со мной на всю жизнь.

¹ Варздат Ервандович Григорян — основоположник самбо в Северной Осетии; мастер спорта по вольной борьбе и самбо (1946), заслуженный тренер России, заслуженный работник физической культуры РСО-Алания и РФ, почетный динамовец России. Чемпион мира по самбо среди ветеранов (США, 1995; 1996). Награжден медалью «Во славу Осетии» и государственными и ведомственными наградами.

Иногда я думаю: если бы можно было вернуться в тот коридор — со старой терракотовой плиткой, с запахом мела, с гулом перемены, — я бы остановился на миг и посмотрел вокруг. На старые окна. На закрытую учительскую дверь. На те кабинеты, где мы ругались, смеялись, спорили, впитывали в себя фразы и примеры, которые потом стали частью нашей судьбы. Потому что именно там, среди этих людей, я впервые понял, что взросление — это не возраст. Это способность слышать и менять себя.

И школа №18 научила меня слышать — не только предмет, но и человека. Не только слова, но и паузы между ними. Не только жизнь, но и ее смысл.

СПОРТ И ПЕРВЫЕ ПОБЕДЫ

Если сказать честно, я даже не помню, когда впервые почувствовал вкус соревнования. Такое ощущение, что он всегда был во мне — как часть моего характера, как естественное продолжение моего детского упрямства и вечно-го желания доказать что-то самому себе. Но если пытаться вспомнить конкретный момент, когда я впервые ощутил, что борьба — это не просто игра, а что-то глубже, то вернуться придется в тот самый двор, где мы росли, спорили, дрались, мирились, строили шалаши и мечтали о невероятном.

Вкус соревнования я почувствовал не на официальных занятиях, не в спортивном зале и даже не на школьной площади. Он появился раньше — там, где любое действие превращалось в маленькую битву. Кто дальше бросит камень. Кто быстрее добежит до старой липы. Кто выше за-

прыгнет. Кто дольше удержится на канате. У нас соревнованием было все. И это был не азарт ради азарта — это было ощущение, что мир большой, и в нем нужно найти свою силу.

Я не помню себя равнодушным. Если была игра — я в ней. Если была гонка — я впереди. Если был спор — я доказывал. Но, что самое удивительное, я никогда не стремился быть лучше остальных как цель сама по себе. Мне хотелось быть лучше самого себя. Каждый раз. Сегодня — чуть быстрее, чем вчера. Сегодня — чуть сильнее, чем был утром. В этом и был вкус соревнования: не победить кого-то, а пробиться через свои собственные слабости.

Первая настоящая победа, которую я помню, случилась, конечно, не на официальных соревнованиях. Это был какой-то дворовый день, сияющий, теплый, когда солнце казалось всемогущим, а мы бегали по земле, нагретой так сильно, что пыль поднималась целыми облаками. Тогда мы устроили «королевский бег»: забег вокруг всего квартала. Дистанция нам казалась огромной — как марафон. Сейчас понимаю, что это было всего несколько сотен метров, но для нас это был настоящий путь героя.

Я помню, как мы выстроились у ржавой трубы, которая считалась стартом. Кто-то шутил, кто-то смеялся, а я внутри напрягся так, будто стоял на Олимпиаде. Когда кто-то крикнул «Поехали!», я рванул вперед так резко, что у меня перехватило дыхание. Бежал я не за победой — я бежал, потому что внутри все горело. Ноги сами двигались, сердце било так, будто выбивало ритм моей будущей жизни. И когда я повернул за последний угол и увидел, что бегу первым, перед глазами даже потемнело. Я не знал, как сохранять силы, как распределять дыхание — я просто несея из последних сил.

Когда я пересек условную «финишную линию», меня буквально накрыло. Я упал на землю, захлебнувшись воздухом, но счастливый так, будто настоящий чемпионат вы-

играл. Ребята подбежали и начали поздравлять: кто-то хлопал по плечу, кто-то смеялся, кто-то говорил, что я сумасшедший. Но для меня это был первый вкус победы — вкус, который я запомнил навсегда. Он был не о том, что остальные позади. Он был о том, что я сделал что-то трудное, что я выложился полностью, что я смог.

Но вместе с первыми победами пришли и первые поражения. И поражения, как это ни странно, оказались даже важнее. В одном из дворовых соревнований — уже зимних, снежных — мы устроили импровизированные прыжки через снежные кучи. Я был уверен в себе, как никогда, подумав, что раз уж бег я выиграл, то и здесь не может быть иначе. Но когда подошла моя очередь, я взлетел слишком самоуверенно — и рухнул прямо в середину сугроба, застряв по самое плечо. Все засмеялись, и я тогда впервые почувствовал, что такое стыд. И что такое неправильное понимание собственной силы.

Я помню, как сидел потом на ступеньках подъезда, отряхивая снег и ворча под нос. Мне казалось, что мир рухнул. Но больше всего внутри сидела злость — не на других, не на смех, а на себя. На то, что самоуверенность меня подвела. Тогда я впервые понял, что победа требует не только силы, но и уважения к собственным границам и к соперникам. И что если ты хочешь действительно расти — нужно уметь не только выигрывать, но и проигрывать. Принимать это честно.

Когда я восстановился после травмы позвоночника, которую получил в детстве, спорт стал для меня не просто удовольствием, не просто игрой, а доказательством того, что человек может вырасти выше своих обстоятельств. Я помню тот день, когда впервые смог сделать наклон так, чтобы не чувствовать резкой боли. Помню, как впервые пробежал пару кругов вокруг двора после долгих месяцев упражнений. Помню, как тело будто вспоминало само себя, возвращаясь к силе постепенно, шаг за шагом.

Тогда же я впервые проникся к спорту по-настоящему. Не как к развлечению, не как к дворовому соперничеству — а как к части своей личности. Для меня спорт стал способом собрать себя по частям, восстановить то, что я сам же и сломал. И каждый успех после этого был особенным — не потому, что он приносил похвалу от других, а потому, что он говорил: «Ты смог».

Первый серьезный тренер, который появился в моей жизни, тоже сыграл огромную роль. Это был человек, который сразу увидел, что я стремлюсь идти дальше. Он не сюсюкал, не жалел, не говорил: «Не напрягайся». Наоборот, он требовал. Он мог сказать строго, даже жестко, но всегда справедливо. И я уважал это. Он научил меня важным вещам: терпению, дисциплине, самоконтролю. Он говорил: «Ты хочешь побеждать? Тогда учись прежде всего терпеть боль. Терпеть усталость. Терпеть неудачи. Победа — это награда за терпение».

Я видел, как другие ребята иногда сдавались. Не потому что были слабее — нет. Просто потому, что не знали, что такое правильная боль. А я уже знал. Травма научила меня тому, что боль может быть не только врагом, но и учителем. Если ты чувствуешь боль, но идешь дальше — значит, ты на правильном пути. Она показывает, где твои слабые места. И если работать на них — ты становишься сильнее.

Мои первые официальные победы тоже запомнились надолго. Одна была очень яркой: соревнования между школами, где я выступал не как случайный дворовый бегун, а как человек, который работал над собой. Перед стартом я переживал — больше, чем когда-либо. Помню, как стоял на линии, слушая гул зала, ощущая только бие-ние сердца, которое гремело в груди, как барабан. Когда дали старт, я почувствовал ту же волну, что и в детстве на дворовом забеге — будто мир вокруг исчез, и осталось только движение.

Когда я пришел первым, я понял одну важную вещь: победа — это не взрыв радости, не восторг толпы, не хлопки по плечу. Настоящая победа — это тишина внутри. Это когда ты понимаешь: да, я сделал это. Это мое. Моя работа. Моя сила. Моя воля.

Но были и поражения — и они учили еще большему. Одно из них — очень болезненное — на тех же школьных соревнованиях, когда я, уже уверенный в своих силах, слишком резко рванул вперед и выдохся на половине дистанции. Меня обогнали двое — легко, почти играючи — а я едва добежал до конца, сжигаемый собственным разочарованием. В тот момент я понял: нельзя недооценивать ни соперника, ни себя. Нельзя бежать, не чувствуя дистанции. Нужно уважать свое тело, свое дыхание, свой предел. И уважать тех, кто рядом.

Для меня спорт стал учителем, который многое объяснил без слов. Он научил меня, что жизнь — это не только рывок, но и выдержка. Что сила — это не только мышцы, но и характер. Что победа — это не только награда, но и ответственность. И что поражение — это не конец, а ступень к новому уровню.

Сегодня, когда я оглядываюсь назад, я понимаю: первые победы дали мне уверенность. Первые поражения дали мне глубину. А спорт в целом дал мне то, что потом стало частью моего пути — умение идти до конца. Умение держаться. Умение не опускать руки. Умение бороться.

Потому что вкус соревнования — это не вкус победы. Это вкус пути.

ПЕРВЫЕ ИСПЫТАНИЯ И ВНУТРЕННЯЯ СТОЙКОСТЬ

Есть моменты, которые становятся внутренними вехами — не потому, что они яркие, громкие или героические, а потому что в них человек впервые сталкивается с самим собой. Не с зеркалом, которое показывает внешность, а со своей глубиной. У каждого такая точка бывает в разном возрасте. У кого-то в юности, у кого-то в зрелости. А мне она встретилась еще в детстве — внезапно, почти случайно, но так, что разделила мою жизнь на «до» и «после».

До того момента я думал, что сила — это прежде всего мышцы. Умение поднять тяжелое. Умение выдержать удар. Умение быстрее всех бежать, выше всех прыгать. В нашем дворе именно так и измеряли мужскую силу. Кто мог больше — тот и был «круче». И я, как любой мальчишка, жил в этой системе координат. Но однажды все изменилось.

Это было вскоре после того, как я получил ту самую травму, которая почти перечеркнула мои спортивные мечты. Тогда, когда я поднял тяжелую железную болванку на спор — не потому что нужно, а потому что хотел доказать, что я не слабее других. После того случая мир на время стал другим. Ночами я не мог спать от боли, а днем ходил, крепясь, чтобы не показать слабость. Внешне я старался казаться прежним, но внутри все ломалось.

Мне казалось, что я подвел самого себя. Что я доказал всему двору свою силу — и в ту же секунду доказал себе свою слабость. Мама беспокоилась, врачи говорили осторожно, тренер пытался подбодрить, но все равно внутри меня была пустота. Страх. И какое-то странное чувство собственной хрупкости. Для мальчика, который всегда был

первым в забегах, главным защитником всех слабых, громким мотором нашего двора — это было как удар, который не можешь отбить.

И вот однажды, когда боль в спине стала уже привычной, но силы еще не вернулись, случилось то, что до сих пор стоит перед глазами так ярко, будто произошло вчера.

Во дворе шел обычный день: ребята играли, кто-то гонял мяч, кто-то спорил, кто-то катался на велосипедах. Я сидел на лавке, наблюдая за этим со стороны, потому что мне пока нельзя было участвовать в играх. Это само по себе было испытанием — сидеть, когда все тело просит бежать.

Но вдруг услышал крик. Резкий, детский, испуганный. Это был голос маленького мальчика из соседнего дома. Он был младше нас, худенький, застенчивый, всегда держался в стороне. И вот его толкнули в снежную кучу двое ребят постарше. Они смеялись, выкрикивали что-то, а он пытался выбраться, цепляясь за лед, но проскальзывал обратно.

В обычные времена я бы бросился к ним в ту же секунду. Меня всегда тянуло защищать. Но сейчас я знал, что спина не выдержит резкого движения. Что один неверный поворот может вернуть меня обратно в боли, от которой я только начал отходить.

Я сидел на лавке и буквально чувствовал, как внутри меня борются два человека: один — разумный, осторожный, тот, кто говорит «не ввязывайся, ты травмирован, ты не можешь сейчас»; и другой — тот самый мальчишка, который всегда бросался в любую драку за слабого.

И вдруг я понял, что не могу смотреть. Просто не могу. Не потому, что хочу доказать что-то двору. Не потому, что хочу казаться сильным. А потому что это неправильно. Потому что есть вещи, перед которыми боль и страх должны отступить. Потому что сила — это не то, что у тебя в руках, а то, что у тебя внутри.

Я поднялся, хотя тело протестовало. Я шел медленно, чувствуя каждый шаг. Но мальчик увидел меня и вытянул ко мне руку — будто просил о помощи. И это решило все. Я подошел к ребятам и сказал твердо:

— Отпустите его.

Они обернулись. Увидели меня. Один из них усмехнулся:

— Что ты сделаешь? Ты же теперь... инвалид?

Эти слова резанули не по спине — по душе. Но именно они дали мне ту последнюю каплю внутренней силы, которой мне не хватало.

— Отпустите его, — повторил я. — Иначе будете иметь дело со мной.

Ребята смотрели на меня пару секунд. Они видели, что я не в лучшей форме. Видели, что стою неровно. Что лицо у меня бледное. Но они увидели и другое — что я не отступлю. Что если они продолжат, я, несмотря на боль, все равно буду драться. И тогда они отпустили мальчика. Один из них бросил:

— С ума сошел. Поломанный герой...

Но они ушли.

Я помог мальчику подняться. Он смотрел на меня так, будто я спас ему мир. А я в этот момент понял очень важную вещь: сила — это не мышцы. Не скорость. Не спортивная форма.

Сила — это когда ты идешь туда, куда страшно.

Когда ты действуешь там, где тело слабеет.

Когда ты делаешь то, что правильно, даже если неправильно тебе самому.

И в тот момент я вдруг почувствовал не слабость, а мощный внутренний ток — будто внутри меня что-то выпрямилось быстрее, чем позвоночник.

После этого случая я начал смотреть на все совсем иначе. Травма перестала быть врагом. Она стала учителем. Впервые я понял, что бороться нужно не только с внешни-

ми трудностями, но и с тем, что внутри — со страхом, сомнениями, болью, обидой. И что внутренняя стойкость — это не громкие слова, а тихое действие в нужный момент.

Но этот случай имел продолжение — очень личное. Когда я вернулся домой, мама увидела, что я снова прихрамываю, и испугалась. Спросила, что случилось. И я рассказал. Она молчала долго, слушая, как я, сбиваясь, пересказываю событие. А потом тихо сказала:

— Сынок... Ты поступил правильно. Но помни: сильный — это не тот, кто бросается в драку. А тот, кто умеет видеть границу между храбростью и безрассудством.

Я тогда не до конца понял эти слова. Но запомнил на всю жизнь.

Потом был мой тренер. Когда я пришел на занятие с больной спиной, он сразу все понял по моему взгляду. Он не злился. Не ругал. Только сказал:

— Ты сделал то, что должен был сделать. Но теперь ты должен сделать второе — восстановиться. Не героизировать, а работать. Понимаешь?

И я понял. Потому что в этих словах было уважение — не к моим мышцам, а к моему сердцу.

После того случая я стал другим. Не внешне — внешность пришла позже, когда тело восстановилось и окрепло. А внутренне. Я стал внимательнее к тому, что чувствую. Стал слушать себя — не только свое желание доказать, но и свою способность выдерживать. Я понял, что сила — это не когда ты ломишься впереди всех, а когда знаешь, зачем идешь и чего нельзя переступить.

Я увидел, что иногда внутренний поступок стоит больше, чем десяток внешних рывков. Что бывают моменты, когда одно слово, одно «нет» или «да» — это больше, чем любые мускулы.

И самое главное — я понял, что настоящая стойкость приходит тогда, когда человек остается собой, даже когда ему больно, страшно или трудно.

Тот день стал моим первым настоящим испытанием. Я вышел из него другим. И, наверное, именно поэтому, когда позже спорт стал частью моей судьбы, а жизнь начала давать гораздо более серьезные вызовы, я уже знал, на что можно опереться. На мышцы — нет. На силу характера — да.

На ту самую стойкость, которая родилась в маленьком дворе, из маленького шага навстречу чужой беде, из одного движением через боль.

И с тех пор я всегда помнил:

Сила — это выбирать правильное, даже когда это трудно.

Сила — это идти вперед, даже когда шаги даются болью.

Сила — это быть собой — всегда.

ДРУЗЬЯ И ДВОРОВОЕ БРАТСТВО

Когда я думаю о своем детстве, то первое, что вспоминается — это не дом, не школа и даже не спорт. Это друзья. Наш двор. Наше маленькое, почти родственное братство мальчишек, которое жило по своим законам, имело свои обычаи, свои негласные правила. В те годы дружба была не просто словом — она была валютой, опорой, законом, воздухом. Именно она формировала тот костяк характера, который потом помогал мне идти по жизни.

Мне кажется, что мы росли в каком-то особенном мире — не лучше и не хуже других, просто другом. Море, где дружба была чем-то настолько естественным, что мы даже не произносили это слово вслух. Мы просто дружили. Про-

сто стояли друг за друга. Просто делили хлеб, мяч, время, секреты, опасности. Это не обсуждалось — это происходило само собой. Поэтому, когда меня спрашивают о дружбе тех лет, я отвечаю честно: для меня она значила всё.

Двор был нашим государством. Не по размеру — по духу. Это был огромный мир, разделенный на маленькие острова: скамейка у подъезда, место у старого тополя, поле между домами, бетонная площадка, где мы играли в футбол, и скрытая от взрослых лазейка между сараями — наше секретное убежище. У каждого было свое значение. На скамейку мы приходили слушать истории старших ребят. На поле — сражаться. К старому тополю — думать и спорить. А между сараями — делиться самым сокровенным, тем, о чем не скажешь взрослым.

Моими ближайшими друзьями были дворовые ребята: Арменак, Гена, Лева. Мы были разными — очень разными — но вместе составляли удивительно крепкую команду. Арменак был хитрец и стратег. У него всегда был план, когда мы уходили далеко в гаражи или в заброшенный парк. Гена был спокойным, надежным. Он редко говорил, но его слово было как камень — если сказал, значит сделал. Лева — весельчак, двигатель всех шуток и шумных задумок. Его смех слышали за три двора.

А я... я был тем, кто всегда шел первым. Не потому, что был самым смелым, а потому что внутри меня жило чувство, что если друг рядом — я обязан показать пример. Защищать, поддержать, вывести из любой ситуации. Я воспринимал дружбу как ответственность. В детстве я об этом не говорил, но чувствовал — если ты назвал кого-то другом, ты должен быть рядом в любой момент.

Самой сильной сценой, которая связана с дружбой, для меня всегда остается одна история — не громкая, не героическая, но сформировавшая во мне понимание того, что такое дворовое братство.

Это было поздней осенью, когда ветер по двору гоняет листья, и вечера наступают слишком быстро. В тот день мы с ребятами играли в футбол. Я был в хорошем настроении, спина почти не болела, и мы выигрывали. Но вдруг в конце игры к нам подошла компания старших подростков. Они считались в нашем районе «крутыми»: громкие, уверенные в себе, с сигаретами, с хмурыми взглядами. Мы старались держаться от них подальше — не потому что боялись, а потому что знали их нрав: они любили показать силу на тех, кто младше.

Тогда один из них подошел, взял наш мяч и сказал:

— Игра окончена. Мяч наш.

Гена попытался пошутить, но шутка повисла в воздухе. Арменак шагнул вперед, но старший только ухмыльнулся. Я видел, как сжались кулаки у Левы — несмотря на то, что он был самым маленьким, он ненавидел несправедливость сильнее всех. И я понял, что если сейчас мы отступим — мы потеряем не мяч, а что-то внутри.

Я сделал шаг вперед и сказал спокойно:

— Мяч наш. Мы играли. Вы можете играть после нас.

Наверное, снаружи это звучало дерзко. Но внутри я чувствовал страх. Не за себя — за ребят. Но тогда произошло то, что я запомнил на всю жизнь: мои друзья шагнули вперед вместе со мной. Не сзади, не поодаль. Встали плечом к плечу. Четверо рядом со мной. И это изменило все.

Старшие посмотрели на нас. Посмотрели друг на друга. Потом один бросил мяч мне под ноги.

— Ладно, играйте, герои.

И ушли.

Это была наша маленькая победа. В тот момент я впервые почувствовал, что дружба — это не просто связь. Это защита. Это внутренняя сила, которая умножается, когда рядом стоят те, кому ты доверяешь.

Мы росли в то время, когда вечерами по двору гуляли взрослые разговоры, а дети оставались детьми до темно-

ты. Мы сидели возле подъезда, делились мечтами: кто-то хотел стать футболистом, кто-то — водителем, кто-то — моряком, хотя море никто из нас не видел. Мы строили планы, которые ломались через неделю. Мы придумывали приключения, которые заканчивались синяками и смехом.

И самое ценное — мы принимали друг друга такими, какие мы есть. Никто не требовал быть «лучшими». Никто не оценивал разницу в одежде, в успехах, в оценках. Двор — это равенство, но не на словах — на поступках. Если ты надежный — ты свой. Если ты смелый — ты свой. Если ты добрый — ты свой. И если ты приходишь на помощь — тебя никогда не оставят одного.

Дружба тогда была честной. Настоящей. В ней не было выгоды — только доверие.

Контакты с друзьями детства и юности, конечно, сохранились, хотя жизнь разнесла нас по разным дорогам. Кто-то уехал, кто-то остался, кто-то ушел слишком рано. Но нить остается. Иногда мы встречаемся, иногда созваниваемся, иногда просто передаем друг через друга привет. Но есть такая вещь, которую время не разрушает: ощущение, что эти люди — часть тебя. Они — как корни, которые спрятаны глубоко в земле. Их не видно, но они держат тебя.

Дружба моего детства стала для меня чем-то вроде невидимого компаса. Она научила меня не бросать людей. Не предавать. Поддерживать. Видеть тех, кто нуждается. И понимать, что сила — когда рядом хотя бы один человек, который идет с тобой в темноту, не спрашивая, почему туда надо идти.

Этот опыт — самый чистый, самый настоящий — я пронес через всю жизнь. И если бы меня спросили, что именно сделало меня тем, кто я есть, я бы сказал: не победы, не тренировки, не преодоление травм. А то, что в детстве со мной рядом стояли друзья, которые, не будучи взрослыми, уже знали, что такое верность.

И это — то богатство, которое никто и ничто не может отобрать.

КАК ПРИРОДА МЕНЯЕТ СУДЬБУ

Горы появились в моей жизни раньше, чем я успел что-либо понять про себя самого. Я родился среди них — не в буквальном смысле, конечно, а в том внутреннем, глубинном. Горы — это не декорация, не фон, не привычный пейзаж. Это сила, которую чувствуешь даже тогда, когда не смотришь на них. Они стоят над городом так, словно ведут разговор с каждым, кто здесь живет, — не словами, а чем-то, что понимается без слов.

Когда я был ребенком, я еще не понимал философии гор. Я просто восхищался ими. Особенно по утрам, когда над крышами начинало светать, а вершины уже были освещены. Тогда казалось, что они выше времени. Мы просыпались от криков во дворе, от трамвайного звона, от запаха хлеба, — а горы просыпались от света. И делали это так тихо, так величественно, что мне казалось, будто они — настоящие хозяева всего, что вокруг.

Мама иногда, устав от работы и бытовых хлопот, выходила со мной на балкон. Я был еще совсем мальчишка и не понимал, зачем она так долго молчит, всматриваясь в эти далекие вершины. Мне хотелось бежать во двор, играть, шуметь. А она просто стояла, и я чувствовал, что в ее тишине есть что-то родное, важное. Она смотрела на горы так, будто черпала в них силы. И тогда я впервые задумался: может быть, именно в них скрыт ответ на то, как человек выдерживает все, что дает ему жизнь.

Но самым сильным моим детским воспоминанием о горах был один летний день. Мне было лет десять или одиннадцать. Мы с друзьями ушли далеко за город — так далеко, как нам тогда казалось, что это почти экспедиция. Мы дошли до места, откуда было видно, как горы поднимаются стеной. Я помню ощущение. Я стоял, смотрел на них — и будто весь шум мира исчез. Не было ни криков ребят, ни стрекота насекомых, ни звуков дороги. Я смотрел на горы и чувствовал странное спокойствие, которое никак не мог объяснить. Тогда я впервые почувствовал, что есть в природе сила, которую человек не может победить и вместе с тем может любить.

Позже, когда я восстанавливался от своей травмы позвоночника, я опять вспомнил горы. Не по-книжному, не символично — а инстинктивно. Когда выполнял те бесконечные упражнения, преодолевая боль, я представлял себе вершины. Их неподвижность. Их терпение. Их способность стоять десятилетиями, веками, переживая снег, дождь, солнце, ветер. Они не торопились. Они просто были. Сильные тем, что не ломались под внешним давлением. И тогда я понял, что именно это качество мне нужно — стойкость. Не резкий рывок, не вспышка силы, а умение выдерживать.

Горы никогда не кричат. Они не доказывают, что они сильные. Они просто стоят. Это был урок, который я тогда усвоил глубже, чем понимал.

С годами горы стали для меня символом. Не внешним, как на открытках или фотографиях, а внутренним. Когда я чувствовал, что жизнь давит, что что-то не получается, что я ошибся, упал, сделал глупость или оказался в тупике, — я вспоминал о них. Они научили меня главному: сила — это тишина. Не шумный героизм, не стремление быть первым любой ценой, а спокойная уверенность в том, что ты можешь выдержать. Выдержать боль. Выдержать труд. Выдержать поражение. Переждать бурю.

Были моменты, когда я чувствовал себя маленьким, почти потерянным. Особенно после того, как получил травму и вдруг понял, что мое тело — не вечный ресурс. Что оно может подвести. Что оно не всегда подчиняется. И тогда я снова обращался к образу гор, который уже жил во мне. Они давали ощущение не того, что я должен быть непробиваемым, как камень. А того, что могу быть сильным, как земля, которая держит на себе камень. Я начал понимать разницу между внешней силой и внутренней.

Внешняя сила — это мышцы, ловкость, умение прыгнуть дальше всех.

Внутренняя сила — это способность терпеть. Быть честным с собой. Не предавать свои принципы. Не сворачивать, даже когда трудно.

Этому меня научили горы.

Когда я уже стал старше и начал серьезно заниматься спортом, я почувствовал, что физическая форма — это только половина дела. Ты можешь быть крепким, быстрым, гибким, но если у тебя нет ядра — внутреннего центра, который держит тебя в равновесии, — то при первом же серьезном испытании ты рухнешь. И я вспоминал вершины, которые видел в детстве, вспоминал, как они стояли, не поддаваясь ветру. И мне хотелось быть таким же — не в том смысле, чтобы стать камнем, а в том, чтобы стать устойчивым.

Когда я впервые вышел в горы уже подростком, в реальный подъем, а не просто смотреть издали, я понял, что сила гор — это не только их высота. Это их спокойствие. Ты идешь по тропе, слышишь свое дыхание, чувствуешь, как ноги становятся тяжелее, как сердце бьется в груди, как тебя окружает тишина. И эта тишина не пугает — наоборот, она впускает тебя внутрь себя. И ты начинаешь слышать свое собственное сердце. Четче. Глубже. Правдивее.

Горы никогда не лгут. Никогда не делают вид, что они одни, а на самом деле — другие. Они такие, какие есть.

И это, наверное, самое сильное их качество. В мире людей часто все построено на видимости, на масках, на попытках быть тем, кем ты не являешься. А в горах все честно. Ты либо можешь пройти дальше — либо нет. Ты либо в силах подняться — либо признаешь, что не в силах. Они не унижают твою слабость, но требуют уважения. За каждую вершину нужно заплатить усилием. Но и награда — не зрелище, не фотография, а внутреннее чувство правильности.

Когда я думаю, что они значили для меня тогда, в детстве, я понимаю: они были мечтой. Образом высоты. Образом силы, к которой хочется стремиться. И еще — они были обещанием, что мир больше двора и школы. Что за пределами нашей шумной детской жизни есть пространство, куда можно идти, где можно расти, где можно становиться сильнее.

А что они значат сейчас? Наверное, то же самое, но глубже. Сейчас горы для меня — символ пути. Понимания того, что каждый человек идет вверх по своей собственной тропе. Что иногда путь каменистый, иногда — обманчиво легкий, иногда — страшный, иногда — невероятно красивый. Что бывают дни, когда ты чувствуешь себя на вершине, и дни, когда ты снова внизу. Но если в тебе есть внутренний стержень, если ты помнишь, кто ты и ради чего идешь, — то ты поднимешься. Пусть медленно, пусть с остановками, но поднимешься.

Горы научили меня тому, что высота — это не точка на карте, а состояние души. Не важно, где ты находишься физически — важно, насколько ты высок внутри. Насколько можешь видеть дальше своего страха. Насколько умеешь идти, несмотря на усталость. Насколько можешь быть честным в своих победах и достойным в своих поражениях.

Иногда я думаю, что если бы не горы, я бы многого в себе не открыл. Они были молчаливыми учителями. Я рос, менялся, переживал боли, находил силы — а они сто-

яли рядом и подсказывали мне ответы своим неподвижным величием.

Сегодня, куда бы ни забросила меня судьба, я всегда чувствую в себе их силу. И когда мне трудно, я закрываю глаза и представляю, как над Владикавказом поднимаются вершины — спокойные, вечные, терпеливые. И этот образ возвращает мне прежнее чувство: все можно пережить. Все можно выдержать. Все можно преодолеть.

Потому что сила — это не победа.

Сила — это высота внутреннего духа.

И горы научили меня этому раньше всех.

МЕЧТЫ ЮНОСТИ

Когда я пытаюсь вспомнить, о каких мечтах я жил школьником, я понимаю, что мечты тогда были не просто мыслями или фантазиями — они были состоянием души. Они были как воздух: их было много, они перемешивались, менялись, но всегда оставались рядом. В детстве мечты не планируются, не взвешиваются, они просто живут в тебе, как огонь, который еще не знает, что однажды станет пламенем. И, признаться, у меня было слишком много этих огней разного цвета и силы.

До сих пор я помню то удивительное чувство, когда сидишь на уроке, смотришь в окно, а мысли уносятся куда-то далеко — туда, где ты еще не был, но где, как тебе казалось, обязательно окажешься. Иногда я мечтал о сцене, иногда о спорте, иногда о путешествиях, иногда о какой-то неясной дороге, которая зовет, но не показывает маршрут. Я не мог назвать одну мечту «главной». Я

был слишком живой, слишком непоседливый, чтобы фиксироваться на чем-то одном. И, наверное, это было одной из моих сильных сторон — я хотел всего, хотел много, хотел глубоко.

Первой большой мечтой был, конечно, спорт. После всех моих детских травм, после борьбы за восстановление, после того как тело вдруг начало слушаться меня, а не сопротивляться, я мечтал стать сильным по-настоящему. Не просто сильным в дворовых играх, не просто первым в школьных соревнованиях, а сильным как спортсмен, который умеет работать над собой. Я смотрел на старших ребят, на тренеров, на то, как они двигаются, как держат себя, и в моем сердце рождалось желание быть таким же — крепким, выносливым, собранным. В те годы спорт казался мне путем к свободе. Если ты сильный — значит, ты можешь выбрать дорогу сам. Можешь постоять за себя. Можешь идти дальше других. Эта мечта вдохновляла меня, как вдохновляет огонь мореплавателя в холодную ночь.

Но спорт был не единственной дорогой, которую я видел перед собой. Внутри меня всегда жила тяга к сцене, хотя в детстве я еще не понимал, как именно она проявится. Мне нравилось выступать на школьных праздниках, нравилось, когда учителя просили прочитать стихотворение или сыграть маленькую роль. Нравилось видеть лица людей. Их внимание. Их реакцию. Меня завораживала сама мысль о том, что ты можешь выйти перед людьми — и что-то внутри них изменится. Что слово или движение может оставить след. Не внешний, не формальный — а человеческий.

Я не знал, что это называется сценой. Я просто чувствовал, что мне нравится быть в центре внимания — не ради славы, а ради чувства живого контакта с людьми. Тогда я еще не мог объяснить это. Но когда я смотрел на артистов по телевизору или на редкие выступления, ко-

торые к нам приезжали, у меня внутри все сжималось от восторга. Я видел, что человек на сцене делает нечто большее, чем просто выступление. Он дарит частицу себя. И где-то глубоко я мечтал оказаться там. Хотя эта мечта была осторожной, тихой, как робкий росток.

Но, пожалуй, самой большой мечтой, объединяющей все, что было во мне, было желание увидеть мир. Мир за пределами нашего двора, за пределами школы, за пределами города. Мир, о котором мы читали в учебниках и слышали от взрослых. Я стоял иногда на крыше гаража, закрывал глаза — и представлял, как иду по незнакомому городу, как слышу чужую речь, вижу другие дома, другие лица. Мне казалось, что за горизонтом существует бесконечное пространство, наполненное историями, людьми, движением, и что однажды я туда обязательно попаду.

В школьные годы, когда мой путь в спорте только начинался, я увлекся атлетизмом и тогда же познакомился с с Александром Алоянцем¹ — талантливым художником, который одновременно серьезно занимался атлетизмом. Он пробудил во мне мечты о путешествиях.

Мы подолгу сидели у него в мастерской, пили чай, и он рассказывал о своих поездках по Европе — о Люксембурге и других странах, где бывал по туристическим путевкам. Он говорил не только о дорогах и городах, но и о том, как

¹ Алоянц Александр Сергеевич — основатель атлетизма в Северной Осетии (с 1964 года). Создатель первого в республике и СССР клуба атлетизма «Геракл» (г. Орджоникидзе) на базе клуба ВРЗ общества «Локомотив»; его первый и бессменный тренер. Профессиональный художник. Член президиума Федерации атлетизма России (НАББА), первый заместитель президента Федерации атлетизма России (НАББА), президент Ассоциации культуристов Юга России и Северного Кавказа (1992), президент Федерации атлетизма РСО–Алания, международный судья и тренер НАББА (сертификат, Лондон, 1993).

живут люди, как устроен мир за пределами привычного окружения.

Александр был необычайно эрудированным и глубоким человеком. Я воспринимал его как старшего брата. Именно он научил меня мечтать по-настоящему и верить в будущее.

Я не мог сказать, чем хочу заниматься, когда вырасту. Во мне боролись разные желания, и каждое казалось одинаково ярким. Одно тянуло в спорт, другое — к путешествиям, третье — к сцене, четвертое — просто к жизни, которая тогда казалась огромной, неизведанной, полной возможностей. Но одно я знал точно: я хотел идти вперед. Хотел подняться выше тех обстоятельств, которые могли меня ограничить. Хотел доказать себе, что могу больше, чем о себе думаю.

Иногда мечты рождались в самых обычных ситуациях. Помню, как однажды мы с ребятами играли во дворе, и я, разогревшись, начал показывать разные акробатические прыжки — то, что умел, и то, что только начинал пробовать. И один из ребят сказал: «Олег, а тебе бы в цирк». Тогда я рассмеялся. Мне казалось, что цирк — это что-то абсолютно невозможное, слишком далекое. Но эти слова запали в меня. И потом, в какие-то моменты, когда я ощущал в себе силу тела, координацию, способность быстро реагировать, я вдруг представлял, что стою под куполом, а люди смотрят на меня снизу, и во мне поднимается волна восторга. Я не называл это мечтой. Но это жило где-то рядом.

Я часто сидел на уроках, глядя в окно, и представлял, как выглядела бы жизнь, если бы я выбрал одно из направлений. Я представлял себя спортсменом — сильным, с медалями, с соревнованиями, с поездками. Представлял себя актером или артистом — эмоциональным, смелым, выходящим на сцену под свет прожекторов. Представлял себя путешественником — идущим по дороге, которую

не знает никто из тех, кого я тогда знал. И каждый раз мне казалось, что все это — возможно. Я не видел границ. Я видел только пространство, полное дорог.

Наверное, мечты юности так и должны выглядеть — как множество открытых дверей. Взрослая жизнь постепенно закрывает ненужные, оставляя те, что ведут к настоящему предназначению. Но в детстве все двери открыты, и сердце бежит одновременно в разные стороны, не выбирая, а просто радуясь тому, что пути существуют.

Но самое важное — несмотря на все эти разные мечты, в глубине меня всегда жила одна, особо яркая: я мечтал стать человеком, который будет жить не зря. Не зря тратить силы, не зря идти по дороге, не зря бороться, не зря побеждать или проигрывать. Я мечтал о жизни, в которой буду чувствовать себя настоящим — честным перед собой, перед друзьями, перед родными, перед судьбой. Эта мечта казалась мне важнее всех остальных.

Иногда, гуляя по городу вечером, я представлял, что однажды уйду далеко-далеко, в другую страну или большой город, но в сердце всегда останется тот внутренний стержень, который формировался в детстве. Я мечтал увидеть мир, но знал, что куда бы ни пошел, частица Осетии всегда будет во мне — в силе, в характере, в отношении к людям, в той стойкости, которую я вынес из детства.

И теперь, спустя годы, оглядываясь обратно, я понимаю: все те мечты сбылись — но не так, как я тогда видел. Они переплелись, скрестились, соединились и создали тот путь, который я прошел. Спорт дал мне силу. Сцена дала мне свободу и способность дарить людям эмоции. Путешествия дали мне мир. А желание жить не зря дало мне направление.

Но все началось там — за партой, во дворе, на крыше гаража, в моих детских представлениях о будущем. Мечты юности были как ветер, который дует во все стороны сразу, но в итоге приводит тебя туда, куда тебе действительно

нужно прийти. И я благодарен тому мальчишке, который сидел в классе, смотрел в окно и мечтал обо всем сразу. Он не знал, что будет, но знал одно — что идти надо вперед. И я пошел.

СМЫСЛ НАЧАЛА ПУТИ

Если закрыть глаза и представить себе город моего детства, то прежде всего я вижу не улицы, не дома и не школьный двор, а самого себя — маленького мальчишка, стоящего у подножия гор. На нем поношенная куртка, немного длинные рукава, потрепанная обувь. Он стоит, всматривается вдаль и не знает, куда ему идти. Он не понимает еще, что жизнь уже началась, что путь его уже проложен невидимой нитью, которая будет вести его через боль, дружбу, победы, ошибки, великие открытия и странные повороты судьбы. Он просто стоит и смотрит. И если бы я мог обратиться к нему сейчас, взрослый, проживший десятки лет, прошедший через испытания, успехи, падения, выступления, сцены, дороги и судьбы, я бы встал рядом с ним — не сверху, не над ним, а именно рядом — и сказал бы то, что самому себе тогда услышать было бы бесконечно важно.

Я бы сказал: «Не бойся». И эти два слова для меня сегодня звучат как молитва той части души, которая так долго шла через страхи. В детстве внутри меня всегда жило желание доказать, показать, быть сильным, быть смелым. Но за ним всегда прятался маленький страх — страх ошибиться, страх быть слабым, страх не оправдать ожиданий, страх, что тебя не примут. Я бы сказал этому мальчику, что

страх — это нормально. Он не делает тебя слабым. Он всего лишь показывает, что впереди важный путь. И именно поэтому — не бойся. Иди.

Я бы сказал ему: «То, что кажется тебе проблемой сегодня, однажды станет твоей силой». Тогда, стоя у подножия гор, я часто чувствовал себя маленьким, потерянным, не до конца понимающим, как устроена жизнь. Мама работала много, я рос без отца, порой на дворе происходили стычки, порой было трудно, порой казалось, что весь мир слишком большой, а ты — слишком маленький. И я бы сказал ему: однажды ты поймешь, что все, что казалось недостатком, станет тем, что укрепит тебя. Что отсутствие роскоши научит ценить настоящее. Что боль научит стойкости. Что ошибки научат мудрости. Что одиночество научит слышать самого себя.

Я бы хотел сказать ему: «Ты думаешь, что живешь обычной жизнью, но уже сейчас в тебе живет необычное». Тогда я этого не знал. Я думал, что просто бегающий по двору мальчишка, который хочет быть сильным. Но внутри уже жила тяга к движению, к победе, к красоте человеческого тела, к сцене, к миру. И я бы сказал ему: не думай, что мечта — это что-то далекое. Все начинается здесь, в этих маленьких шагах. В этих дворовых играх. В этих первых рывках. В этой первой боли в спине, которая заставит тебя поверить, что человек может восстановиться, даже когда кажется, что все потеряно. В этой первой дружбе, где ты впервые почувствуешь, что значит быть рядом с человеком, который в тебе нуждается. Все начнется здесь — у подножия гор.

Я бы сказал ему: «Ты еще упадешь не один раз. И это нормально». Детям кажется, что падение — это конец, что поражение — стыд, что неудача — это знак, что ты не способен. Но это ложь. Самое главное — подниматься. И я бы сказал себе маленькому: твое падение — это начало пути вверх. Не считай их поражениями — считай ступенями.

На каждой такой ступени ты становишься другим — сильнее, внимательнее к себе, глубже. Ты не обязан победить сразу. Ты обязан идти.

А еще я бы сказал ему: «Ты не один». Это странно звучит, потому что в детстве часто чувствуешь себя одиночкой, особенно когда вокруг много взрослых проблем, о которых тебе никто не рассказывает. Когда родители расходятся. Когда мама устает. Когда во дворе случаются стычки, и ты не всегда знаешь, к кому обратиться. Но, если бы я мог, я бы положил мальчику руку на плечо и сказал тихо, чтобы он поверил: «Ты никогда не был один. И никогда не будешь». Потому что рядом всегда будут люди, которые увидят в тебе то, что ты сам пока не видишь. Учителя. Друзья. Тренеры. Люди, которые однажды помогут тебе подняться на сцену. Люди, которые протянут руку в моменты, когда кажется, что все рухнет. Даже те, кто войдет в твою жизнь на короткое время, оставят в тебе след.

А потом я бы сказал ему: «Ты еще не знаешь, но однажды ты превратишь боль в красоту». В детстве травма позвоночника казалась мне приговором. Казалось, что все закончено: спорт, движение, мечты о больших возможностях. Но потом, через долгий, упрямый труд, через пот и боль, мое тело стало сильнее, чем было до травмы. И я бы сказал себе: тогда, когда ты почувствуешь слабость, помни — именно она сделает тебя сильнее. Мышцы можно нарастить. Волю можно выковать. Характер можно вырастить. Ты станешь тем, кем станешь, не благодаря легкости, а благодаря трудностям.

Я бы сказал ему: «Ты еще не понимаешь, но однажды поймешь, что все в жизни приходит вовремя». В детстве хочется всего сразу. Хочется быть сильным сейчас. Хочется стать лучшим сейчас. Хочется добиться всего — сейчас, сегодня. Но жизнь так не работает. И я бы объяснил мальчику, что время — не враг. Время — учитель. Время дает че-

ловеку не то, что он хочет, а то, к чему он готов. И если что-то не происходит сразу, значит, впереди есть что-то большее, чем ты можешь представить.

Я бы сказал ему: «Любовь — это тоже сила». Тогда я был слишком юн, чтобы понимать это слово глубоко. Но позже, когда в моей жизни появлялись люди, которые давали тепло, поддержку, нежность, я понял, что сильный не тот, кто поднимает тяжести. Сильный тот, кто умеет беречь. Тот, кто умеет чувствовать. Тот, кто умеет защищать не только кулаками, но и сердцем. И я бы сказал себе ребенку: когда однажды ты встретишь тех, кто будет рядом, цените их. Береги их. Не закрывайся. Люди — это самое важное, что у тебя будет в жизни.

И, конечно, я бы сказал ему то, что звучит самым простым, но несет самый большой смысл: «Иди. Просто иди». Потому что вся жизнь состоит из движения. Неважно, быстрым или медленным будет твой шаг. Неважно, насколько трудной окажется тропа. Неважно, сколько раз тебя ударит судьба или насколько высока окажется вершина. Важно идти. Делать каждый новый шаг так, будто он — часть большого пути, а не случайность. Ты не знаешь, куда тебя приведет дорога. Но знай: если ты идешь вперед честно, с открытым сердцем, с уважением к людям и к себе — она всегда приведет туда, где тебе суждено быть.

И последнее, что я бы ему сказал: «Посмотри на горы. Они — твой ориентир». Горы учат стойкости, молчанию, терпению, высоте. Они учат тому, что настоящая сила — это не победа над другими, а победа над собой. И я бы сказал ему: как бы далеко ты ни ушел, ты всегда будешь носить их в сердце. Они будут твоим домом, твоей опорой, твоим напоминанием, что человек может подняться выше обстоятельств. Что человек может быть сильным, даже когда слаб. Что человек может оставаться собой, даже когда жизнь ломает и испытывает.

Если бы я мог сказать все это мальчику, стоящему у подножия гор, я бы сказал не для того, чтобы изменить его путь. А для того, чтобы дать ему уверенность, что путь этот — правильный. Что все, что ждет его впереди — и радость, и боль, и ошибки, и взлеты — нужно именно ему. Что жизнь не ошибется. Что он справится.

И я уверен: он бы поднял голову, посмотрел на меня своими детскими, серьезными глазами — и пошел вперед. Именно так, как и должен был идти всегда.

ГЛАВА 2. СТУДЕНЧЕСКИЕ ГОДЫ

УНИВЕРСИТЕТ И ВЫБОР ПУТИ

Вспоминая время поступления в университет, мне всегда кажется, что тогда я проживал сразу две жизни. Одна — обычная, внешняя: документы, приемная комиссия, ожидание результатов, разговоры с друзьями, поддержка мамы, запах коридоров университета, волнение перед началом нового этапа. И вторая — внутренняя, скрытая от всех: сомнения, ожидания, страхи, едва уловимое чувство предстоящего выбора, будто стоишь перед развилкой, где каждая дорога открывает целую вселенную. И именно тогда, между этими двумя внутренними мирами, я впервые серьезно задал себе вопрос: «Кем я хочу стать?»

Я вырос среди людей, которые много работали и мало говорили о мечтах. Мама была для меня примером стойкости и труда, и от нее я унаследовал убеждение, что любая дорога должна быть честной — прежде всего по отношению к самому себе. Но когда пришло время решать, куда идти после школы, я долго не мог найти ясность. Внутри меня жили разные желания: занимался

спортом — хотел развиваться дальше; любил движение, сцену, выступления — думал об этом; видел себя в путешествиях — мечтал о большом мире. И все же какой-то внутренний голос снова и снова возвращал меня к спорту. Ни как к игре, ни как к соперничеству, а как к силе, которая воспитала меня и держала каждый раз, когда жизнь пыталась сбить с пути.

Факультет физического воспитания и спорта в Северо-Осетинском университете был не просто привлекательным вариантом. Он был чем-то вроде естественного продолжения того пути, который я уже начал в детстве. Но я не могу сказать, что это решение было мгновенным. Скорее, оно постепенно оформлялось — как рисунок, который сначала кажется размытым, а потом вдруг выстраивается в четкие линии.

Тогда, после окончания школы, я еще жил с мамой, в нашем доме на улице Рамонова. Жизнь текла своим обычным ритмом, и, наверное, именно привычность этого ритма давала мне пространство для раздумий. По утрам я просыпался от звуков двора, от голосов соседей, от шагов на лестничной площадке. Завтракал, собирался, шел гулять или на тренировку — и все время думал о будущем. Мне казалось, что этот выбор определит меня — и определит навсегда. Хотя сейчас, спустя годы, я понимаю, что нет выбора, который был бы окончательным. Есть выборы, которые просто открывают дверь. А дальше — путь строится каждым шагом.

В то время вокруг меня были люди, которые верили, что спорт — это именно мой путь. Учителя, друзья, тренеры видели во мне упорство, силу, страсть к движению. Но, что важнее, они видели то, чего я сам тогда еще не понимал: что для меня спорт был не просто физической активностью. Он был источником внутренней дисциплины, способом выражать себя, стилем жизни, в котором тело и дух работают вместе.

Мама, хоть и переживала, никогда не навязывала мне свое мнение. Она всегда говорила: «Сынок, главное — будь честен с собой». И как бы просто ни звучала эта фраза, она была для меня тем самым ключом, который открыл истинный ответ. Потому что честный я был именно там — в спорте, в движении, в преодолении.

Конечно, были сомнения. Я видел, что многие выбирают факультеты, которые обещают стабильную профессию, спокойную карьеру, предсказуемость. Кто-то шел на экономику, кто-то — на филологию, кто-то мечтал о юриспруденции. А я в глубине души чувствовал, что мне нужен путь, в котором я смогу не только работать, но и жить. И когда я представлял свою будущую жизнь без спорта — без тренировок, без физического напряжения, без того ощущения, когда тело слушается тебя и ты чувствуешь себя живым — внутри появлялась пустота.

Я помню день, когда впервые зашел в университет, чтобы подать документы. Было жаркое утро, в коридорах стоял запах краски и свежих бумаг. Студенты и абитуриенты суелились, обсуждали планы, что-то заполняли, кто-то смеялся, кто-то был погружен в свои мысли. И вот тогда, стоя среди этих людей, я почувствовал, что это место притягивает меня. Не коридоры, не стены, не бюрократия — а ощущение пространства, где я могу расти. Где физическая сила превращается в профессию. Где здоровье становится наукой. Где движение становится смыслом.

Я стоял перед дверью деканата и вдруг поймал себя на мысли, что не сомневаюсь. Не в том смысле, что не страшно — страх был. Но сомнений не было. Я понимал: если не сделаю этот шаг сейчас, буду жалеть. Потому что это был не просто факультет. Это была дорога — моя дорога.

Когда я подал документы, внутри стало спокойно. Я понял, что сделал правильный выбор. И даже если бы судьба повернула иначе, даже если бы потом все изме-

нилось, этот шаг был верным — потому что он был моим.

Но через несколько дней меня вызвали в приемную комиссию. Люди в кабинетах, строгие лица, формальные слова — все это давило, словно воздух стал тяжелее. И я услышал то, чего не ожидал: меня не приняли.

Причина была сказана вежливо, почти обтекаемо, но смысл был ясен: слишком много сильных абитуриентов, слишком много «заметных фамилий», слишком много рекомендаций, которые значили больше, чем мои результаты, моя подготовка или мои мечты. Там, где я верил, что все решают способности, оказалось, что решает и другое — кто-то выше, громче, известнее.

Я вышел тогда из здания университета так, будто у меня выбили землю из-под ног. Я шел по улице и чувствовал, как внутри все погружается в туман. Казалось, что все, к чему я шел, все, о чем мечтал, обрывается прямо здесь, на ступеньках университета. Мама пыталась меня поддержать, но я видел ее глаза — тревожные, тихие. Она переживала так же сильно, как и я, только умела это скрывать.

На следующий год я повторил попытку поступить в университет — и на этот раз был принят на тот же факультет, на который подавал заявление годом ранее.

У меня было ощущение, что держу в руках ключ от двери, которую еще недавно считали закрытой. И что самое важное — дверь открылась не благодаря знакомству, не благодаря фамилии, не благодаря формальным преимуществам, а благодаря тому, кем я был. Благодаря моему труду. Моей силе. Моей страсти.

В итоге я окончил университет с красным дипломом. В течение одного года был комсоргом факультета, еще один год — профоргом факультета.

С тех пор я понял: судьба не случайность. Судьба — это когда человек идет по своему пути так честно и так упор-

но, что однажды появляется кто-то, кто замечает его и говорит: «Да, это твоя дорога».

И именно поэтому сегодня я могу сказать: выбор факультета не был случайностью. Это была тихая, глубокая необходимость. Это был путь, который выбрал меня. И когда тренер стал моим проводником в этот путь, я понял, что все сложилось так, как должно было.

Спорт научил меня одному: если человек делает свое дело честно, рано или поздно мир замечает это. И то, что когда-то казалось невозможным, становится реальностью.

ПЕРВЫЕ ДНИ В УНИВЕРСИТЕТЕ

Первые дни в университете я помню не по датам и расписаниям, а по голосам и какому-то особому свету, который был тогда в воздухе. Это были шестидесятые на исходе, тогда на улицах нашего города было меньше машин, больше людей, больше разговоров, больше живого общения. И вдруг в этой привычной жизни, где я много лет жил по ритму улицы Рамонова, двора, спортивных залов, появляется новый мир — университет. Он вплелся в мою жизнь не как чужеродный элемент, а как логическое продолжение того пути, который я уже начал, но все равно первые шаги по его коридорам я делал с тем самым легким внутренним дрожанием, которое не забывается.

Парадокс был в том, что к этому моменту я уже успел пережить отказ. Я уже услышал однажды, что меня не принимают, что есть другие, «более значимые» абитуриенты, другие фамилии, другие рекомендации. И уже успел пройти через то странное ощущение, когда тебе

как будто говорят: «Не твое место». А потом все резко перевернулось — университетский тренер увидел меня на тренировке, попросил повторить сложные гимнастические элементы, посмотрел на мою подготовку и сказал: «Он должен учиться у нас». И через несколько дней тот же университет, который только что был закрытой дверью, вдруг распахнулся. Меня приняли. Но память о первом отказе никуда не делась. И, наверное, именно поэтому первые дни в университете я проживал с особой остротой — как человек, которому вернули то, что он уже успел потерять.

Я не жил в общежитии. Я продолжал жить дома, на своей улице, с той же кухней, тем же двором, теми же утренними звуками. Но внутренне все изменилось. Утром я выходил из дома уже не просто как парень из соседнего двора, а как студент факультета физического воспитания и спорта. Это звучало гордо, но и обязывало. Я впервые почувствовал, что теперь представляю не только себя и свой дом, но и университет, и свой факультет, и людей, которые за меня поручились. Особенно того самого тренера, который настоял на моем зачислении. Его доверие я ощущал как груз и как поддержку одновременно.

Первый день на факультете запомнился смешением шумов. Коридоры были полны голосов, кто-то смеялся, кто-то спорил, кто-то уже успел найти себе друзей, кто-то стоял растерянный с папкой в руках. Я шел по этим коридорам, всматриваясь в лица. Многие казались старше меня — не по возрасту, а по взгляду. Кто-то уже служил в армии, кто-то пришел после техникума, кто-то был мастером спорта, кто-то — кандидатом. В воздухе чувствовался дух соревнования: на нашем факультете это было особенно ощутимо. Там, где собираются люди спорта, конкуренция — это не теория, а стиль дыхания. Ты почти физически чувствуешь, как каждый оценивает другого: как он двигается, как держится, как разговаривает. Но вместе с этим

удивительно, как быстро этот дух соревнования превращался в дух товарищества.

Первые лекции я слушал так, словно мне открывали дверь в новую реальность. На кафедре физвоспитания преподавали люди, которые сами прошли школу серьезного спорта. Они говорили не только о теории тренировки, о физиологии, о педагогике, но и о характере, дисциплине, ответственности за тех, кого ты когда-нибудь будешь тренировать. В их словах не было абстрактной идеологии, которую часто слышали в других аудиториях. Там было что-то гораздо более приземленное и честное: «Ты работаешь с человеческим телом и человеческой судьбой — будь достоин этого».

В то время мы все жили в особом ритме. Вроде бы все было понятно: страна, система, комсомол, лекции о морали и идеалах, красные уголки, лозунги. Но под этим официальным слоем кипела настоящая жизнь — с ее дружбой, любовью, юмором, спорами до ночи о смысле жизни, о том, что будет дальше, о том, изменится ли когда-нибудь этот мир. В студенческой среде тогда это чувствовалось особенно сильно. Мы принимали то, что есть, но каждый в душе искал свое пространство свободы. Для кого-то им была литература, для кого-то музыка, для кого-то философия, а для меня — спорт и сцена.

В первые дни я много наблюдал. За одnogруппниками, за старшекурсниками, за тем, как они общаются между собой. Были ребята, которые сразу старались показать, кто здесь лидер: громкие, уверенные, с крепкими плечами и своими историями побед. Были те, кто держался скромнее, кто смотрел внимательнее, слушал больше, чем говорил. Были те, кто пришел сюда по зову сердца, и те, кого привели родители или обстоятельства. Но одно нас объединяло: мы все оказались на пороге нового этапа, и никто не знал до конца, кем он выйдет из этих стен.

Я помню свои первые походы в университетский спортзал уже как студента. Это было другое чувство. Я был не просто гостем или школьником, которого допустили потренироваться, а частью системы. Запах древесины, резины, магнезии, звук ударяющихся о пол мячей, шаги по паркету, свисток тренера — все это вдруг стало не фоном, а моей повседневностью. На разминках я иногда ловил на себе взгляды других: кто-то уже знал историю того, как меня сначала не приняли, а потом почти «вытащили» в университет по настоянию тренера. Я чувствовал, что кто-то относится ко мне с интересом, кто-то — с уважением, а кто-то, возможно, с легким скепсисом. Но это только добавляло внутренней мотивации.

Атмосфера тех лет была удивительным сочетанием романтики и строгой конкретики. С одной стороны — дефицит, очереди, форма, обязательные собрания, отчеты, вечные разговоры «как положено». С другой — наши вечера, когда мы после занятий оставались в зале до темноты, тренируясь, разговаривая, споря, иногда дурачась как мальчишки. В душе каждого кипела энергия: нам казалось, что все впереди, что любая вершина достижима, что любые границы условны, если ты достаточно упорен.

Я помню, как после первых пар мы с ребятами выходили на улицу, и над городом уже начинали розоветь вершины гор. Кто-то спешил домой, кто-то шел в буфет, кто-то оставался в зале. Я возвращался на улицу Рамонова с новым внутренним чувством. Дом был тем же, двор — тем же, соседи — теми же. Но я возвращался уже не просто как «Олег из нашего дома», а как человек, который вступил на дорогу профессии. В этом было что-то тихо гордое и немного страшное. Ты как будто подписываешь негласный контракт с самим собой: «Я буду этим заниматься. Я буду расти. Я не имею права бросить».

В первые дни учебы особенно ярко чувствовалась дружба. Несмотря на дух соревнования, между нами

очень быстро возникло то, что можно назвать студенческим братством. Мы делились бутербродами, конспектами, костюмами для показательных выступлений, помогали друг другу готовиться к зачетам. В спортзале мы могли соперничать до последнего повтора, но стоило кому-то получить травму или оказаться в трудной ситуации, как все различия исчезали. В этом была особая честность спорта: он учит не только побеждать, но и поддерживать.

Дух романтики жил в мелочах. В утренних поездках в университет, когда трамвай был переполнен, а ты все равно умудрялся думать о будущем и ловить себя на том, что тебе нравится эта суэта. В поздних возвращениях домой, когда зимой над улицей висел морозный туман, а где-то далеко, за домами, чернели горы. В редких походах в кино с одноклассниками, когда обсуждали не столько фильм, сколько свои планы. В студенческих вечерах, которые устраивали старшекурсники: музыка с магнитофона, чьи-то стихи, чьи-то первые признания в любви. Все это создает тот фон, который потом вспоминаешь как «атмосферу студенческих лет».

Осетия тех лет — это еще и особое чувство плеча. Семьи были ближе, чем сейчас, соседи знали друг друга, студенты разных факультетов легко находили общий язык. В университете можно было встретить людей, которые потом становились известными тренерами, педагогами, врачами, артистами, но тогда мы все были просто молодыми и одинаково растерянными перед большим миром.

Первые дни в университете стали для меня подтверждением того, что меня не зря туда привела судьба. Я почувствовал, что нахожусь на своем месте. Да, предстояло еще учиться, доказывать, бороться, падать и вставать. Но внутренне я уже знал: этот выбор — не случайность. Это — начало большого пути.

Если бы сейчас меня попросили описать это одним словом, я бы сказал: ожидание. В воздухе тогда висело

ощущение ожидания чуда. Мы еще не знали, что нас ждет — будут ли наши мечты совпадать с реальностью, оправдаются ли наши надежды. Но мы были готовы идти. И, наверное, именно это состояние — когда ты стоишь на пороге неизвестного, но не отступаешь — и есть настоящий дух студенчества.

ПРЕПОДАВАТЕЛИ И НАСТАВНИКИ

Когда я вспоминаю свои университетские годы, то прежде всего вижу не аудитории, не зачетки, не сессии и даже не бесконечные тренировки, которые стали частью моего ежедневного ритма. Вижу людей. Лица. Глаза. Голоса. Преподавателей и наставников, которые вошли в мою жизнь не только через знания, но и через ту внутреннюю силу, которая передается не осознанно, а будто по наследству — от одного сердца к другому. Это были люди, которые формировали нас не как спортсменов, а как личностей. И сейчас, спустя годы, я понимаю: их влияние оказалось гораздо глубже, чем мы тогда могли осознать.

На факультете физического воспитания и спорта работали разные преподаватели. Кому-то было важно, чтобы в их предметах все сходилось до мелочей, другие говорили о теории легко и увлекательно, третьи могли требовать так, что казалось — они намеренно проверяют предел твоего терпения. Но среди них были и такие, которые становились внутренними ориентирами. Они не просто преподавали предмет — они передавали взгляд на жизнь. И именно таких людей я помню ярче всего.

Одним из первых наставников, который произвел на меня глубокое впечатление, был преподаватель анатомии — строгий, высокий мужчина с медленным, уверенным голосом. Его лекции были не столько о костях, мышцах и сухожилиях, сколько о природе человека. Он говорил: «Если вы работаете со спортивной подготовкой, вы работаете не с мускулами — вы работаете с судьбой человека. Его тело — часть его личности, а если вы что-то делаете неправильно, вы можете не просто испортить технику, вы можете сломать будущее.» Эти слова тогда казались слишком высокими, почти пафосными, но они оставили след. Особенно во мне — человеке, который уже пережил свою первую серьезную травму и знал, как неправильно поставленное движение может изменить жизнь.

Он часто повторял: «Тело и дух нераздельны». Тогда я слушал, кивая, но понимал лишь часть. Теперь же осознаю: он говорил не о философии. Он говорил о правде спорта. Если человек духовно сломлен — он никогда не поднимется на нужную высоту. И наоборот: если дух сильный — тело найдет путь.

Другим выдающимся наставником была наша преподавательница педагогики. Небольшого роста, с мягкой походкой, но с такой внутренней силой, что она могла войти в аудиторию — и весь зал затихал. Она не кричала, не требовала, но ее слово имело вес. Она учила нас тому, что тренер — это не командир и не начальник, а прежде всего воспитатель. «Самое трудное, — говорила она, — научить человека верить в себя. Гораздо труднее, чем научить его бегать быстрее или прыгать выше. Потому что движение можно исправить за месяц, а душу можно поджечь или сломать словом за секунду.»

Когда она рассказывала о психологии ученика, я слушал особенно внимательно. Наверное, потому что сам вырос в условиях, где поддержка была большей редкостью, чем критика. Она учила нас видеть в человеке не только

мышцы, а прежде всего эмоции. Она говорила, что тренер — это человек, который должен уметь услышать даже то, что не сказано. И эти ее слова я вспоминал много лет спустя — когда уже сам работал с людьми, когда видел, что иногда взгляд рассказывает о человеке больше, чем его движения.

Но особое место в моих воспоминаниях занимает один человек — преподаватель гимнастики, который стал для меня не просто наставником, а чем-то вроде духовного ориентира. Он был тихим, спокойным, никогда не повышал голос, но его уважали и старшекурсники, и преподаватели, и даже самые дерзкие ребята с нашего факультета. Он никогда не обращал внимания на амбиции. Он видел только работу — чистую, честную, требовательную.

Он наблюдал за нами так внимательно, что иногда казалось: он видит даже микродвижения наших мышц. Он мог остановить тебя в середине элемента и сказать: «Ты не здесь», — постучав пальцем в грудь. То есть не в движении ошибка, а в состоянии. Он учил нас тому, что любое упражнение начинается в голове. Не мышцы прыгают — прыгает сознание. Не тело держит равновесие — равновесие держит дух.

Однажды, во время одной из первой пар по гимнастике, он подошел ко мне после выполнения сложного элемента и сказал: — Ты сильный. Но сила — это еще не движение. Научись сначала слушать свое тело, прежде чем заставлять его.

Я тогда не понял. Я считал, что сила и движение — одно и то же. Если ты можешь прыгнуть — прыгай. Если можешь поднять — поднимай. Но он видел во мне что-то другое — тот внутренний огонь, который мог стать как источником роста, так и источником разрушения.

Этот наставник сопровождал меня весь первый год, направляя, не подавляя. Он помог мне понять, как важно работать над собой не только физически, но и ментально. Он

учил тому, что контроль над телом невозможен без контроля над характером. Я думаю, что именно он впервые сформулировал для меня простую истину: сила не в том, чтобы рвать вперед, а в том, чтобы уметь остановиться, выбрать правильный момент, услышать ритм движения.

И, конечно, я не могу не вспомнить того самого тренера, который настоял на том, чтобы меня приняли в университет. Он был для меня уже не просто человеком, который изменил судьбу, а настоящим наставником. Его подход был прямым, строгим, иногда даже резким. Но за этим внешним строгости скрывалось глубокое уважение к труду. Он никогда не позволял мне расслабляться, никогда не похлопывал по плечу просто так, никогда не говорил: «Молодец», если не считал, что я действительно заслужил. Зато, когда он говорил: «Хорошо», — это стоило больше, чем любое аплодисменты.

Он видел во мне потенциал, который нужно было направить. Он понимал, что мой характер — горячий, быстрый, порывистый — требует тонкого управления. Он говорил: «Ты можешь стать кем угодно, если научишься терпению». Эти слова я слышал от него часто. Тогда я не до конца понимал, как терпение связано с силой. Но потом жизнь много раз доказывала: именно терпение — главная составляющая успеха.

Все эти люди — преподаватели, наставники, тренеры — оказали на меня влияние, которое нельзя измерить оценками или зачетами. Они влияли не на профессию — они влияли на мировоззрение. Каждый из них давал мне что-то, что потом стало частью моего внутреннего строя. Один — уважение к телу. Другой — уважение к душе. Третий — уважение к времени. Четвертый — уважение к труду.

Они были требовательными, но справедливыми. Строгими, но человечными. Их уроки были не только о том, как правильно выполнять упражнения, но и о том, как пра-

вильно жить. Как держать равновесие — не только на снарядах, но и в обстоятельствах. Как преодолевать — не только дистанции, но и собственные сомнения. Как быть сильным — не только в мышцах, но и в сердце.

Сегодня, оглядываясь назад, я понимаю: университет научил меня многому. Но главным учителем были люди. И если бы не они, если бы не их внимание, их требовательность, их мудрость, мой путь был бы совсем другим. Они не просто преподавали — они вкладывали в нас себя. Они верили, что каждое поколение студентов станет лучше, чем предыдущее. И самое удивительное — эта вера была искренней.

Когда сейчас кто-то спрашивает меня: «Были ли у вас преподаватели, которые изменили вашу жизнь?», я всегда улыбаюсь. Потому что да — были. И не один. Они не просто изменили мою жизнь. Они помогли мне найти внутри себя человека, которым я должен был стать.

ТРЕНИРОВКИ И ДИСЦИПЛИНА

Когда я думаю о тех годах, о первых серьезных тренировках в университете, то понимаю, что именно там, в спортивных залах и на стадионах, я впервые по-настоящему столкнулся с самим собой. Не с соперниками, не с требованиями преподавателей, не с нормативами или сложностью упражнений — а именно со своей внутренней сутью. Университет научил меня многому, но главное, что он дал, — это дисциплина. Та самая тихая, скрытая дисциплина, которая не кричит, не гордится собой, не требует аплодисментов. Она просто есть. Она стано-

вится частью человека. Она делает его сильнее, чем любые мышцы, и терпеливее, чем любые внешние обстоятельства.

В первые недели учебы я еще был полон энергии, которой хватало на все: на учебу, на тренировки, на ночные разговоры в коридорах, на длинные прогулки домой. Но очень скоро началась настоящая работа, не внешняя, а внутренняя. Тренировки по гимнастике, легкой атлетике, общей физической подготовке — все это было знакомо мне еще со школьных лет. Но в университете то, что раньше казалось нагрузкой, стало только разминкой. Настоящий путь начинался дальше.

Самым тяжелым было то, что уже никто не относился к нам как к детям. На нас смотрели как на будущих тренеров, будущих специалистов, будущих педагогов. И каждая тренировка становилась экзаменом — не по технике, а по характеру. Именно тогда я понял, что дисциплина — это не про режим или силу воли. Дисциплина — это когда ты делаешь то, что должен, даже если не остается ни сил, ни желания.

Первым настоящим испытанием для меня стала одна тренировка по гимнастике — именно той дисциплине, через которую я когда-то получил и свою травму, и свой первый большой урок жизни. Именно на гимнастике я впервые почувствовал, что тело — это не инструмент, а партнер. И если ты не уважаешь его, если пытаешься идти грубой силой, оно ответит болью.

На той тренировке наш преподаватель, который видел характер каждого из нас по малейшему движению плеча или дыханию, — решил проверить нас на выносливость и технику одновременно. Он поставил задачу выполнить длинную связку из нескольких акробатических элементов, в которой требовалось не просто физическое усилие, но и идеальное чувство темпа, баланса, дыхания, внутреннего состояния.

Это была связка, которую я раньше выполнял по отдельным кускам. Но в тот день все нужно было соединить. И не просто соединить — а выполнить так, чтобы каждая часть переходила в другую без паузы, без рывка, без малейшего напряжения. Только плавность, только партнерство с собственным телом.

Я начал уверенно. Первые круги пошли легко. Но уже к середине связки я почувствовал, что дыхание сбилось, мышцы начали дрожать, а внутри появился тот знакомый страх — тот самый, который когда-то привел меня к травме в детстве. Это был не страх падения, не страх боли, не страх ошибки. Это был страх потерять над собой контроль. Страх, который приходит, когда хочется все сделать силой, «додавить», «переломить» тело вместо того, чтобы слушать его.

Я прошел почти всю связку, но на последнем элементе почувствовал, что не справляюсь. В доли секунды я понял: если сделаю движение силой, упаду. Если остановлюсь — провалю задание. Передо мной стоял выбор — и оба варианта были поражением.

Но именно в тот момент я вспомнил слова преподавателя: «Не заставляй тело. Веди его. Оно умнее, чем тебе кажется.»

И я впервые сделал то, чего от себя не ожидал: я замедлился. Я не остановился — я просто выровнял дыхание, изменил темп и дал себе секундную паузу внутри движения, легкую, почти незаметную. Это решение пришло как озарение — не от разума, не от опыта, а как будто от глубины памяти тела. И связка пошла дальше. Не идеально — но гармонично. И я ее завершил.

Когда закончил, я стоял в середине зала, тяжело дыша, руки дрожали, ноги были ватными. Но внутри было чувство не поражения и не победы — чувство понимания. Я впервые понял: сила — это не рывок. Сила — это управление собой. Это способность не рвать вперед, когда тебя

несет, и не сдаваться, когда тяжело. Это умение слышать то, что обычно забываешь слушать: дыхание, внутренний ритм, голос тела.

Преподаватель подошел ко мне, посмотрел внимательно — так внимательно, будто видел не мышцы, а душу — и сказал: — Теперь ты начал взрослеть.

Эти слова я помню до сих пор. Потому что они были не комплиментом и не похвалой. Они были признанием. Признанием того, что я перестал быть мальчишкой, который пытается всем доказать свою силу. И стал человеком, который начинает понимать: настоящая сила — это не доказательства, а внутреннее равновесие.

Но испытания характером были не только в зале. Иногда самым трудным было идти на тренировку, когда все внутри сопротивлялось. Особенно ранними зимними утрами, когда город еще спал, когда туман стелился над улицами, когда холод пробирался под одежду, и единственное, чего хотелось — остаться дома под теплым одеялом. Но дисциплина — это именно те моменты, когда ты выбираешь не комфорт, а необходимость.

Были дни, когда я приходил на тренировку после бессонной ночи, после тяжелой учебы, когда мышцы болели так, будто внутри них кто-то вставил горячие иглы. Но именно такие дни стали лучшими уроками. Потому что тогда я понял: тело может больше, чем я думаю. И дух может держаться, даже когда тело почти сдается.

Один раз, зимой, у нас была тяжелая беговая тренировка на стадионе. Снег хрустел под ногами, холод обжигал легкие, пальцы на руках не слушались. Но тренер сказал: «Сегодня — 3 километра, и никаких исключений». На втором километре у меня болели колени, я уже не чувствовал ступней, на третьем — казалось, что голова становится пустой. Но именно на третьем, последнем километре произошло то, что я потом чувствовал десятки раз: тело перешло на другой уровень работы. Оно начало двигаться

не по приказу разума, а по какому-то внутреннему инстинкту. Будто часть меня отделилась и просто бежала сама. А я только наблюдал.

Когда тренировка закончилась, я понял: и это тоже часть дисциплины — уметь продолжать, даже когда кажется, что все закончено. И на этом пути главная борьба всегда идет не со временем, не с дистанцией, не с нормативами — а с самим собой.

Самым непростым испытанием была, наверное, не одна тренировка, а то, что нужно было держать одинаковый уровень каждый день. Не только в зале, но и в учебе, в быту, в отношении к себе. Университет требовал системности. А спорт требовал честности. И если где-то дать слабину, то рано или поздно это отразится на всем — на технике, на характере, на самооощении.

Много лет спустя, когда я стал работать тренером и артистом, когда жизнь унесла меня далеко от университетских залов, я понял, что именно те первые испытания характера стали фундаментом моей взрослой жизни. Ни один сложный трюк, ни одна сложная сцена, ни одно заявление судьбе — ничего бы этого не было без той глубокой, тихой, иногда мучительной дисциплины, которую дал мне университет.

Дисциплина — это не строгий распорядок и не фанатичная работа до изнеможения. Дисциплина — это выбор. Выбор быть честным с собой. Каждый день. Каждый раз. Даже когда никто не видит.

И именно в университете я сделал этот выбор впервые.

ЖИЗНЬ ВНЕ СПОРТА

Студенческие годы — это не просто время между детством и взрослой жизнью, а отдельная вселенная, существующая по своим законам, наполненная чем-то особенным, что невозможно повторить потом, даже если очень захотеть. Это годы, когда ты еще не понимаешь до конца, кем станешь, но уже чувствуешь внутри себя разлетающиеся искры будущего. И хотя спорт занимал в моей жизни огромную часть — иногда казалось, что даже слишком большую, — все же были моменты, которые напоминали: жизнь шире, богаче, теплее, чем тренировки и нормативы. И именно эти моменты делали студенческую молодежь такой живой и настоящей.

Осетия 70-х была удивительным местом для молодежи. Тогда еще не было смартфонов, компьютерных игр, бесконечных сериалов. Но была другая роскошь: настоящие встречи, настоящие разговоры, настоящие друзья. Мы собирались целыми компаниями — кто в университете, кто у кого-то дома, кто на набережной Терека, кто в старых дворах, где воздух пах влажными листьями, свежим хлебом из ближайшей булочной и чем-то теплым, родным. Эти места становились нашими маленькими мирами, где мы могли быть собой.

После тяжелых тренировок у меня всегда оставалось чувство внутреннего перенапряжения, словно мышцы продолжали жить своей жизнью, и только общение с друзьями умело это напряжение снимать. Мы часто собирались вечерами небольшой компанией. У кого-то была гитара, у кого-то — целая сумка анекдотов, у кого-то — природный дар наполнять любую ситуацию ощущением праздника. Иногда мы просто сидели на лавке, закутавшись в куртки, и слушали, как кто-нибудь перебирает

струны, вытягивая из гитары простые, но теплые аккорды. И как бы ни начинался вечер, завершался он всегда одинаково — песнями.

Песни тогда были совершенно другим явлением, чем сегодня. Они не звучали из колонок, не шли фоном. Они собирали вокруг себя людей. Кто-то начинал тихо, кто-то подхватывал, и вот уже все поют — настоящий студенческий хор. Часто пели Высоцкого, Окуджаву, Кима. В этих песнях было что-то от самого духа времени: немного грусти, немного романтики, много правды. И нам казалось, что пока звучит песня, мир становится лучше.

Были и другие вечера — шумные, веселые, с танцами и смехом. Иногда мы устраивали что-то вроде «университетских капустников»: мини-концерты, выступления, сценки. Каждый пытался показать себя — кто шуткой, кто голосом, кто акробатическим трюком. Я часто делал какие-нибудь элементы — прыжок, переворот, стойку. Это всегда вызывало взрыв аплодисментов, хотя для меня это было скорее игрой. Но именно тогда я начинал понимать, что сцена будет частью моей жизни, что где-то в глубине меня есть потребность выступать перед людьми, делиться энергией.

Особенно ярко вспоминаются поездки. Студенты тогда любили уходить в горы, на природу, на речку. Иногда мы собирались утром, брали рюкзаки, чай в термосе, несколько булок хлеба, сыр, яблоки — и отправлялись куда глаза глядят. В горах время течет иначе. Оно как будто растягивается, становится мягким, как шерстяной плед. Мы сидели на камнях, слушали, как шуршит ветер, как где-то далеко ревет река, смотрели на уходящие в небо хребты и говорили обо всем на свете. О будущем, о молодости, о любви, о смысле жизни, о мечтах, которые тогда казались безумными и потому такими красивыми.

Особенно я помню одну поездку — осенний выезд к Голубым озерам. День был прохладный, тихий, воздух

прозрачный. Мы стояли на берегу, смотрели, как вода играет оттенками синего, и никто не говорил вслух, но мы все чувствовали одинаковое — что мы живем внутри чего-то удивительного, почти невозможного. В такие моменты казалось, что между нами нет никаких различий: ни спортивных успехов, ни оценок, ни статусов. Только общая юность, общий дух и общая дорога.

Но бывали и более простые моменты, которые сейчас вспоминаются с особой теплотой. Например, когда после лекций мы с ребятами заходили в студенческое кафе — место небольшое, шумное, но настолько уютное, что казалось: там живут все запахи университетской молодости. Там варили странный, но вкусный кофе; продавали булочки, которые исчезали быстрее, чем успевали остыть. Мы сидели за деревянными столами, спорили, шутили, рассказывали друг другу смешные истории. Иногда кто-то приносил газету, и мы обсуждали новости спорта. Иногда кто-то делился проблемами — домашними, личными, учебными. И всегда находилась поддержка.

Тогда я понял одну простую вещь: настоящая студенческая жизнь — это не про богатство возможностей, а про богатство человеческого общения. У нас не было лишних денег, но у нас было то, что сейчас многим кажется роскошью: живое присутствие рядом. Мы чувствовали друг друга — не через экран, не через текст, не через лайк, а просто через взгляд, через паузу в разговоре, через смех, через молчание.

Были вечера, когда казалось, что весь город принадлежит только нам. Мы гуляли по проспекту Мира, поднимались к набережной, слушали, как шумит Терек. Иногда заходили в книжные магазины просто так — полистать книги, вдохнуть их запах. Это было наше маленькое счастье — простое, тихое, но настоящее.

И все же самой яркой частью жизни вне спорта были разговоры. О них я вспоминаю чаще, чем о песнях и по-

ездках. Мы могли сидеть до ночи и обсуждать такие темы, что теперь мне бы не пришло в голову поднимать их среди взрослых людей. Мы говорили о том, что такое судьба. О том, что будет со страной. О том, почему человек не всегда слышит свое сердце. О том, почему так трудно понять себя. О том, как сохранить свою внутреннюю свободу в мире, который постоянно требует соответствовать.

В такие моменты я ощущал, что мы не просто молодые люди — мы молодые души. Мы еще не знали, как сложится жизнь, но внутри нас было огромное пространство возможностей. И эти разговоры, песни, поездки, вечера — все это становилось основой для будущего. Именно тогда формировались наши взгляды, наша энергия, наше ощущение себя.

Иногда я думаю: если бы у меня тогда не было этих людей, этих встреч, этой студенческой свободы, — смог бы я выдерживать тот путь, который потом пошел? Спорт хорош, но спорт одинок. Он требует отдачи, сосредоточенности, отказа от многого. И если бы не было рядом тех, кто напоминал, что жизнь — не только тренировки, но и песни, и горы, и дружба, и ночные разговоры, — все было бы гораздо тяжелее.

Студенческая молодежь тогда жила на грани между бытом и мечтой. Мы не имели многого, но имели главное — чувство, что жизнь только начинается. И каждый вечер мог стать началом чего-то нового. Мы не знали, куда приведут наши дороги, но знали, что сейчас — мы вместе. И это было богатство, которое не измерить деньгами или успехом.

Сегодня, спустя годы, я понимаю: жизнь вне спорта была не менее важна, чем тренировки. Она давала мне вдохновение. Давала мне отдых. Давала мне ощущение принадлежности. И самое главное — она давала мне силу. Потому что человек не может жить только победами и нагрузками. Ему нужно место, где он остается просто

собой — смеющимся, поющим, мечтающим, уставшим, живым.

И у меня это место было. Это были мои друзья. Мои вечера. Моя Осетия. Моя молодость.

ВНУТРЕННЕЕ ВЗРОСЛЕНИЕ

Есть моменты в жизни, которые не отмечены на календаре, не связаны с конкретной датой или праздником, но все же становятся внутренними границами. Моментами, когда человек, сам того не осознавая, переходит из одной жизненной ступени в другую. Когда заканчивается юность — со своими мечтами, упрямством, уверенностью, что весь мир лежит у твоих ног — и начинается зрелость, в которой появляются ответственность, долг, понимание последствий и умение смотреть на жизнь глубже, чем раньше. И если говорить честно, то такое взросление редко приходит тихо. Оно почти всегда связано с потрясением, с трудностью, с тем, что заставляет тебя взглянуть самому себе в глаза.

Для меня этот момент наступил не сразу. Я долго оставался тем упрямым, горячим парнем, который привык побеждать силой характера, а если не получалось — брал настойчивостью. Детская травма в дворовой драке когда-то научила меня преодолению боли, но не научила ответственности перед собой. Даже поступив в университет, я еще не понимал, что значит быть взрослым. Я шел вперед, но не задумывался, куда ведет этот путь и какие последствия несет каждое решение. Мне казалось, что жизнь — это длинная дорожка,

на которой можно бежать быстрее всех, главное — не останавливаться.

Но взросление приходит тогда, когда этому бегу что-то или кто-то ставит предел. В моем случае это был не один случай, а целая цепочка событий, которые будто связались в единый узел — и в какой-то момент этот узел затянулся так, что я понял: дальше идти «по-старому» невозможно.

Первым таким событием была одна из тренировок по общей физической подготовке. Мы выполняли сложнейший круговой комплекс: прыжки, отжимания, пробежки, работа на перекладине, элементы на кольцах — и все это почти без пауз. Тренировка была построена так, чтобы довести каждого до предела. Это не было наказанием — это было испытанием, призванным показать, кто способен выстоять.

На середине комплекса я почувствовал резкую боль в спине — ту самую, старую, едва заметную, которая иногда давала о себе знать после детской травмы. Тогда, в детстве, я на спор поднял тяжеленную железную болванку — и гордость за минуту обернулась искривлением позвоночника и болью, которая преследовала потом долгие годы. Я знал, что боль может вернуться. Но всегда надеялся, что она останется где-то далеко, в прошлом.

Но в тот день она вернулась. Внезапно. Резко. С такой силой, что я на секунду потерял дыхание. Внутри поднялась паника — страх, что все, чего я добился, может закончиться в один момент. Но вместе с этим страхом появилась и привычная юношеская бравада: «Дотяну. Терплю. Не остановлюсь». Я продолжил комплекс. Стиснул зубы. Выдержал. Но потом, уже в раздевалке, когда мышцы начали остывать, меня накрыла волна слабости. Я сел на скамью — и понял, что мне страшно.

Страшно не от боли — я ее переживал много раз. Страшно от мысли, что могу потерять то, что люблю. Страшно от того, что я сам себя снова довел до грани.

И самое страшное — от осознания, что никто, кроме меня, не контролирует мою жизнь. Ни тренер, ни университет, ни друзья — только я.

И это было первое осознание ответственности. Не за победы, не за оценки, не за впечатления других — а за собственное тело, за собственную судьбу.

Но окончательная граница взросления случилась немного позже, в другой ситуации, гораздо более тихой и личной. Она произошла не на тренировке, не на экзамене, не во время выступления. Она произошла дома, в нашем небольшом многосемейном доме на улице Рамонова.

Был поздний вечер. Я пришел после занятий и тренировок, уставший, измотанный. Мама в этот момент сидела на кухне, готовила что-то простое — картофель, кажется. Она никогда не жаловалась, никогда не говорила вслух о трудностях, но ее глаза иногда выдавали то, что язык пытался скрыть. В тот вечер она выглядела особенно уставшей. И вдруг я увидел — не просто взглядом, а сердцем — насколько сильно она тянет нашу жизнь. Сколько в ее руках труда, боли, терпения. Сколько в ее судьбе недосказанных историй.

Она посмотрела на меня, улыбнулась — так, как улыбаются только матери: чтобы скрыть свое, чтобы поддержать тебя.

И тогда в моей груди что-то щелкнуло. Я понял: я больше не имею права жить бездумно, беспечно, по-юношески. Я не имею права рисковать собой так, будто живу в пустоте. У меня есть мама. У меня есть мой путь. У меня есть люди, которые верят в меня. И есть ответственность — не абстрактная, не идеологическая, не придуманная, а настоящая.

Ответственность быть сильным не ради медалей, а ради тех, кто рядом. Ответственность принимать решения, а не просто жить импульсами.

С этого вечера началось мое внутреннее взросление. Оно не было резким — оно было постепенным, как расцвет. Но оно изменило все.

Я стал по-другому относиться к тренировкам. Раньше я видел их как вызов — теперь стал видеть школу характера. Раньше я хотел побеждать — теперь хотел становиться лучше. Раньше я рвался вперед, чтобы доказать — теперь шел вперед, чтобы соответствовать себе.

А самое главное — я перестал бояться ответственности. Наоборот, я почувствовал ее как силу. Как основу. Как точку опоры. И впервые за годы понял, что взросление — это не переход в мир запретов и обязанностей. Это переход в мир ясности. В мир, где ты видишь последствия своих действий и не прячешься от них.

Я понял, что мужчина — это не тот, кто сильнее всех или громче всех. Мужчина — это тот, кто готов стоять на ногах, даже когда внутри шторм. Тот, кто понимает цену своих решений. Тот, кто берет на себя то, от чего другие хотят уйти.

И, наверное, основная грань между «учеником» и «человеком, готовым нести ответственность» проходит не в момент взросления тела. Она проходит в момент взросления сердца. Когда ты понимаешь: все, что ты делаешь — твое. Все, что ты выбираешь — твой путь. Все, за что ты отвечаешь — твое настоящее и будущее.

В университете меня многому учили преподаватели и тренеры. Но самый главный урок я получил не в зале и не в аудитории, а в той маленькой кухне, где мама поставила передо мной тарелку горячего картофеля и улыбнулась так, будто у нее не было ни усталости, ни боли, ни забот.

Этот вечер стал для меня той точкой, после которой я уже не мог быть прежним. Я стал мужчиной не тогда, когда сдал самый сложный норматив. И не тогда, когда впервые победил в серьезном соревновании. И даже не тогда, когда

меня приняли в университет благодаря моей физической подготовке.

Я стал мужчиной в тот момент, когда почувствовал ответственность за жизнь — свою и тех, кто рядом. Когда понял, что сила — это не мышцы. Сила — это способность быть опорой.

И это чувство я пронес через всю жизнь.

ПРЕПОДАВАНИЕ И ПЕРВЫЙ ОПЫТ НАСТАВНИЧЕСТВА

Странное чувство — впервые ощутить себя не учеником, не спортсменом, а наставником. Еще вчера тебе самому объясняли, как правильно держать корпус, где поставить опору, как распределить дыхание, а уже сегодня ты стоишь перед младшими ребятами, и в их глазах читаешь то же самое, что когда-то было в твоих собственных: тревогу, неуверенность, надежду, стремление, азарт и желание научиться чему-то большему, чем просто движение. В университете этот момент наступил для меня неожиданно, хотя, наверное, к нему вел весь мой путь: от детства в дворе, где мы учились держать удар и помогать младшим, до гимнастического зала, где каждый тренер видел во мне не только спортсмена, но и потенциального педагога.

Первый раз, когда меня попросили позаниматься с младшими, я помню почти поминутно. Это был осенний вечер, зал был полупустой: кто-то уходил домой, кто-то еще тянул растяжку в дальней части зала. Наш преподава-

тель по гимнастике подошел ко мне и сказал: — Олег, останься, пожалуйста.

Я подумал, что сделал что-то неправильно. Что-то в связке? В приземлении? В технике? Но он лишь кивнул на двух мальчишек лет десяти, которые топтались у стены, смущенно переглядываясь.

— Им нужна помощь. У них соревнования через неделю. Покажи им базовые элементы. Только спокойно. Они боятся.

И вот я впервые вышел перед теми, кто смотрел на меня снизу вверх — буквально и внутренне. В тот момент я ощутил в себе что-то новое: ответственность, не похожую ни на спортивную нагрузку, ни на соревновательное напряжение. Стать наставником — это не просто объяснить. Это стать частью чьего-то роста. Это взойти на ту ступень, где твои ошибки больше не имеют права быть случайными.

Я стал показывать им простейшие элементы — перекаты, заходы, группы, выходы в упор. Но, как это часто бывает, даже самое простое, когда ты пытаешься объяснить другому, оказывается удивительно сложным. Я ловил себя на мысли, что не могу вспомнить, как именно делаю то, что делал тысячу раз. Движения в моем теле были настолько отработанными, что стали инстинктом. А объяснить инстинкт — задача почти невозможная. Но именно она и делает тренера тренером.

Я остановился. Глубоко вдохнул. И понял: чтобы объяснить, нужно сначала самому замедлиться. Нужно почувствовать движение снова — как в первый раз. И тогда я начал разбирать элемент так, будто сам его изучаю: положение стоп, направление коленей, напряжение плеч, дыхание, скорость. Мальчишки смотрели, как замороженные. И вдруг один из них, самый маленький, спросил: — А если я упаду?

Я улыбнулся. Потому что этот вопрос был обо мне. Это был мой собственный страх, только высказанный чужими

устаи. — Упадешь, — ответил я. — И еще не раз. Главное — не беги от падения. Учись вставать.

И в этот момент я впервые понял: наставничество — это не только техника. Это умение дать человеку внутреннюю опору.

Работа с младшими открыла во мне часть личности, о существовании которой я раньше не подозревал. Я увидел, что мне нравится наблюдать, как растет человек. Как у него что-то начинает получаться. Как его взгляд меняется — от страха к уверенности, от неуклюжести к точности, от сомнений к легкому, почти незаметному внутреннему огню.

Но не все было так идеально. Были дни, когда я сомневался в себе. Когда думал: «А имею ли я право учить? Я же сам еще учусь...» Особенно остро это ощущалось, когда что-то не получалось у ребят. Когда один из них, пытаюсь выполнить элемент, сбивался, падал, терял уверенность, смотрел на меня так, словно ждал спасения. В такие моменты мне хотелось, чтобы рядом стоял мой тренер — тот самый человек, который когда-то видел во мне больше, чем я сам. Хотелось, чтобы он подстраховал меня. Подсказал. Сказал правильные слова.

Но тренера рядом не было. Был только я — со своими мыслями, своим опытом, своими страхами. И тогда я понял еще одну важную вещь: тренер не тот, кто знает все. Тренер — тот, кто остается рядом, даже если не знает ответа.

Иногда я садился рядом с ребятами на мат, и мы просто дышали вместе. Иногда я говорил им слова, которые когда-то говорил мой наставник. Иногда — слова, которые никогда не слышал, но которые рождались в тот момент от сердца. И каждый раз я ощущал, что внутри меня происходит какое-то маленькое преобразование. Не внешнее, не заметное, но важное. Я учился быть терпеливым. Учился быть мягким. Учился видеть в человеке не результат, а процесс.

Однажды, когда мы готовили мальчишек к показательному выступлению на университетском празднике спорта, произошел эпизод, который я запомнил на всю жизнь. Один из учеников был невероятно одаренным ребенком: легко повторял связки, быстро запоминал, идеально чувствовал ритм движения. Но был у него один враг — страх зрителей. Каждый раз, когда мы выходили в большой зал, он застывал. Его дыхание сбивалось, руки дрожали, взгляд стекленел. Он становился не тем мальчиком, которого я видел на тренировках, а совсем другим — маленьким, хрупким, испуганным.

За день до выступления он подошел ко мне, сел на край мата и тихо сказал: — Олег, я не могу. Я боюсь. Я сел рядом. И вдруг понял, что это тот момент, когда от моих слов зависит очень многое. Не его успех. Не его техника. А его дальнейшее отношение к себе. — Послушай, — сказал я. — Ты думаешь, я никогда не боялся?

Он посмотрел на меня широко раскрытыми глазами. — Правда боялись?

И вот тут я понял еще одну сторону наставничества — честность. Мы часто думаем, что тренер должен быть идеальным, неуязвимым, непоколебимым. Но нет. Настоящий тренер — тот, кто умеет рассказать ученику правду о себе.

— Я боялся больше, чем ты можешь себе представить, — сказал я. — Боялся упасть. Боялся ошибиться. Боялся разочаровать. Но знаешь, что помогло? Не сила. И не техника. Помогло то, что рядом всегда был кто-то, кто верил в меня даже тогда, когда я сам не верил. Теперь я рядом с тобой.

Он посмотрел на меня долго. Потом кивнул. И на следующий день выступил. Не идеально. Не блестяще. Но выступил. И не убежал. И не заплакал. И не отказался. Он преодолел себя. И для меня это было победой ничуть не меньшей, чем мои собственные.

Именно тогда я понял окончательно: наставничество — это не когда ты ведешь. Наставничество — это когда ты идешь рядом.

Те первые шаги в роли тренера изменили меня. Я стал внимательнее к людям. Стал замечать, что каждый несет в себе свой собственный мир, свои страхи, свои надежды. Стал понимать, что сила — это не только поднять тяжесть или выполнить сложный элемент. Сила — это научиться быть поддержкой для другого.

И, наверное, именно благодаря этим мальчишкам, этим первым тренировкам, этим неумелым попыткам объяснить что-то, я начал чувствовать в себе то, что потом станет частью моего характера. Я начал понимать, что в жизни невозможно идти только своим путем. Нужно уметь быть дорогой для других.

Да, передавать то, что сам только начинаешь постигать, — это волнительно. Это ответственность. Это страх быть недостаточным. Но именно через эту неуверенность и проходит становление настоящего наставника. Потому что тренер никогда не бывает «готов». Он растет вместе со своими учениками. И иногда — благодаря им.

Сегодня, вспоминая те первые шаги, я понимаю: именно они стали фундаментом всех моих будущих путей — в спорте, в цирке, в искусстве, в жизни. Именно там я впервые понял, что человек становится сильнее не тогда, когда побеждает, а тогда, когда помогает другому подняться.

И это знание я пронес через всю жизнь.

МЕЧТЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В студенческие годы мечты приходят как дыхание — естественно, свободно, без оглядки на реальность. Тогда мы не думаем о том, что возможно, а что нет. Мы просто чувствуем, что впереди есть будущее, и оно зовет. Именно в университете, на стыке юности и взрослой жизни, у меня впервые начали возникать вопросы: кем я стану? куда меня приведет выбранный путь? что ждет за порогом выпускного? И главное — достаточно ли мне того, что уже есть?

Вроде бы все выглядело определенным: я учился на факультете физического воспитания и спорта, показывал хорошие результаты, тренеры видели во мне перспективу. Логика подсказывала, что мое будущее — тренерская работа, преподавание физкультуры, возможно, руководство секцией. В этом не было ничего плохого — наоборот, профессия тренера всегда вызывала у меня уважение. Но что-то внутри не давало покоя. Какая-то заноза, какой-то тихий шепот: «Это еще не все. Это только начало».

Думаю, впервые я почувствовал это на одном из университетских спортивных праздников. Мы готовили выступление — сложную гимнастическую программу, синхронные элементы, акробатическую связку. На репетициях я выкладывался полностью. Но когда мы вышли на сцену — на освещенную площадку перед полным залом студентов — и музыка загремела, я почувствовал, как мое тело оживает по-другому. Не по-спортивно, а по-артистически.

Когда выполняешь элементы в спортивном зале — это одно. Ты работаешь на технику, на результат, на оценку судей. Но на сцене все иначе. Там ты работаешь на человека, на зрителя. На его эмоцию. На его внимание. Я чув-

ствовал, как зал дышал вместе с нами, и это ощущение вошло в меня так глубоко, что я понял: этот мир мне родной.

После выступления ребята хлопали меня по плечам, кто-то смеялся, кто-то в шутку ревновал к восторженным взглядам девушек. А внутри меня в это время зрело что-то странное — желание большего. Того, что невозможно назвать, но можно почувствовать каждой клеткой.

Я стал замечать, что все чаще мечтаю не просто о спортивных достижениях, а о выступлениях — о сцене, о движении в лучах света, о тех мгновениях, когда человек преодолевает себя не ради медали, а ради красоты и вдохновения. Я еще не знал, что такое цирковое искусство, не видел тренировок артистов высокого уровня, но внутри меня уже шевелился этот особый, тягучий зов пространства, где сила становится искусством, а техника — поэзией тела.

Но даже если отвлечься от сцены, было и другое. Я чувствовал в себе энергию, которая не помещалась в рамки одной профессии. Спорт был моей стихией, моей школой, моей внутренней системой координат. Но мне хотелось увидеть мир, людей, дороги, города. Хотелось не просто тренировать — хотелось жить шире. Ощущать глубже. Открывать новое.

И все же я не сразу признавал себе эти мысли. Внутри боролись две половины. Одна — разумная, дисциплинированная, воспитанная университетом, тренерами, мамой. Она говорила: «Стань хорошим специалистом, это надежно, правильно, мудро». Другая — порывистая, мечтательная, горячая — шептала: «Путь длиннее, чем ты думаешь. Не ограничивай себя тем, что лежит на поверхности».

Тогда, в студенческие годы, никто не говорил о судьбах громко. Люди жили проще: заканчивали университет, устраивались на работу, создавали семьи, и все шло своим чередом. Но я чувствовал, что для меня черед не подхо-

дит. Как будто какая-то невидимая нить тянула меня куда-то дальше, заставляла смотреть не вниз, а вперед.

Я помню один разговор с университетским другом. Мы сидели на набережной Терека поздней осенью. Воздух был холодным и прозрачным.

Он сказал: — Ты знаешь, Олег, у тебя в глазах всегда блестит что-то особенное... будто ты не здесь. Будто ты все время смотришь куда-то дальше.

Я засмеялся: — Куда дальше?

Он пожал плечами: — Не знаю. Но в тебе есть что-то... внутреннее движение. Не такое, как у всех.

Тогда я не понял его слов. А может, просто не хотел понимать. Но они остались во мне и со временем обрели смысл.

Мечты в те годы были разными. Иногда — конкретными: стать мастером спорта, открыть свою секцию, построить карьеру тренера. Иногда — расплывчатыми: увидеть мир, побывать в больших городах, почувствовать свою силу вне привычных стен. А иногда — почти мистическими: что-то во мне хотело движения — но не по земле, не по ровной дорожке университета, а куда-то вверх.

Я часто ловил себя на том, что по вечерам, возвращаясь домой, представляю, как выступаю на большой арене. Вижу большой зал. Свет. Людей. Движение. И понимаю, что это не просто мечта — это признание в любви к тому, что я еще не знал, но что уже жило во мне.

Были моменты, когда я пытался подавить в себе эти мечты. Говорил себе: «Нужно быть практичным. Нужно думать о будущем, о профессии, о стабильности». Но всякий раз, когда я пытался заглушить мечту, мир отвечал мне каким-то знаком. Открывалось что-то новое: необычное выступление, разговор с тренером, случайная встреча, внутренний толчок.

В университете нам часто говорили: «Ваша задача — стать специалистами». Но я знал, что мне этого мало. Я

не хотел стать просто специалистом. Я хотел стать собой. Хотел открыть ту часть личности, которую спорт только начинал формировать, но еще не раскрыл.

Было ли у меня тогда ощущение, что жизнь готовит что-то большее? Да. И это ощущение было настолько сильным, что иногда мне становилось страшно.

Страшно — потому что я не знал, что будет дальше. Страшно — потому что мечты вели меня туда, где нет дорожных знаков. Страшно — потому что сердце тянуло туда, куда разум еще боялся смотреть.

И все же я чувствовал: мой путь не закончится здесь. Не завершится дипломом. Не ограничится профессией тренера. Жизнь готовила не просто работу — она готовила приключение. Путь.

И, пожалуй, главное в тот период — я начал понимать: человек не должен бояться смотреть выше своего горизонта. Мечта — это не слабость. Мечта — это внутренний компас. Именно он однажды выведет тебя туда, где ты найдешь самого себя.

И я уже тогда, студент третьего курса, начинал подозревать: все самое важное у меня еще впереди. И это будущее будет таким, какого я тогда даже представить не мог.

ФИЛОСОФИЯ МОЛОДОСТИ И ВЫБОРА

Если попытаться описать мои студенческие годы одним образом, одним целостным чувством, одной картиной, которая могла бы вместить в себя все — спорт, дружбу, сомнения, мечты, падения, надежды, — то это был бы образ дороги на рассвете. Дороги еще влажной от ночного тумана, еще не согретой солнцем, но уже залитой светом нового дня. Ты идешь по ней, вдыхая холодный воздух, и понимаешь: впереди все возможно. И каждый шаг рождает ощущение, что жизнь только начинается, что она не ограничена ни временем, ни обстоятельствами, ни ожиданиями других людей. Это образ чистой свободы, того внутреннего полета, который бывает только в молодости — когда сердце открыто, а мир кажется бесконечным.

Но если попытаться рассказать об этом не образом, а словами — тогда необходимо вернуться в то время, когда я только начинал чувствовать себя частью большого мира. Университет стал для меня не только местом учебы и тренировок, но и пространством, где начала формироваться моя внутренняя философия — спокойная, упорная, иногда противоречивая, но всегда честная. Молодость дала мне не только силу тела, но и способность видеть смысл в простых вещах, чувствовать глубину там, где другие видели лишь поверхность, и слушать себя даже тогда, когда голос внутри говорил тихо.

Я помню университетские коридоры, заполненные голосами. Там было все: шум, смех, наскоро выученные конспекты, споры, планы — от реальных до совершенно фантастических. Студенты жили в режиме постоянной кипящей энергии. Иногда я заходил в холл университета только чтобы пройти мимо, но задерживался на час, по-

тому что встречал друзей, знакомых, преподавателей. Мы обсуждали все — от техники прыжков до философии древних греков, от будущих экзаменов до того, что происходит в мире. Тогда еще никто не боялся говорить о своих мыслях вслух. Мы не знали, что некоторые мечты могут разрушиться, что некоторые дороги могут оказаться тупиковыми. И именно эта незнание давало крылья.

И именно тогда в мою жизнь вошла Лена Кузнецова — моя первая любовь. Перед самым окончанием университета я поехал в Москву, и одна из знакомых решила познакомить меня со своей подругой. Мы встретились в компании друзей: смеялись, говорили о планах, о будущем, о том, чего каждый из нас ищет в жизни. В ее спокойствии и мягкости было то, что меня сразу притянуло — может быть, именно потому, что мы были такими разными. Я всегда стремился куда-то вверх, к неизвестным вершинам; Лена же ценила дом, тепло, уверенность в завтрашнем дне.

Мы начали встречаться, и вскоре мне пришлось уехать домой — готовиться к госэкзаменам. Но именно тогда пришло ее письмо, перевернувшее все мои планы. Не раздумывая, я взял билет на первый же самолет до Москвы. Мы долго и серьезно говорили, откровенно и спокойно, и решили пожениться, как только закончим учебу.

Лена закончила Институт стали и сплавов, а я успешно сдал госэкзамены и окончил университет. После свадьбы я нашел работу учителя физкультуры в московской школе №1 Октябрьского района. Мы поселились в небольшой квартире возле метро Добрынинская. Лена устроилась по специальности, и началась наша первая совместная жизнь — простая, тихая, теплая.

Я никогда не забуду то время. Лена была удивительно домашней, спокойной, очень женственной. И в то же время — полной противоположностью моей бурной натуре. Меня все время тянуло куда-то дальше, мечты гудели внут-

ри, словно мотор, который не выключается ни днем, ни ночью. Лене же нужен был дом, стабильность, размеренное счастье.

Иногда, вспоминая те годы, я чувствую легкое смятение и, возможно, тень вины. Мы расстались — так сложилось, что наши пути разошлись раньше, чем жизнь успела нас изменить. Но Лена подарила мне самое ценное — мою чудесную дочь Наташу. И это чувство благодарности осталось во мне навсегда.

Эта история стала частью моей философии молодости так же, как и тренировки, победы, ошибки, дружба. Она научила меня ответственности за слова и поступки, напомнила, что мечты — это прекрасно, но рядом с тобой всегда живой человек, со своими надеждами и ожиданиями.

Самое удивительное в молодости — это ее искренность. Мы тогда не боялись верить. Верить в дружбу, в любовь, в будущее, в собственные силы. Даже если что-то не получалось, мы все равно поднимались и продолжали идти. Я много раз падал в прямом и переносном смысле — на тренировках, в отношениях, в своих ожиданиях. Но каждый раз молодость давала удивительное качество — способность начинать снова, без горечи, без сожалений. Это качество со мной до сих пор.

Если говорить о философии молодости, то первое, что я вынес из тех лет, — это уважение к усилию. Тогда я впервые понял, что путь важнее результата. Что каждый день тренировок, каждый шаг вперед — даже маленький, даже незаметный — имеет значение. В молодости кажется, что победа — это вершина, высшая точка. Но я понял, что победа — лишь мгновение, а путь к ней — вся жизнь. Именно путь формирует характер. Не медаль, не аплодисменты, а труд, который никто не видит.

Второе, что я вынес из тех лет, — это ценность настоящей дружбы. У нас не было денег, не было возможностей путешествовать, не было роскоши выбора. Но у нас была

роскошь общения. Часами сидеть на набережной Терека, пить горячий чай из термоса, говорить обо всем на свете — это была наша «философия ночных дорог», наши неформальные университеты, где мы учились понимать людей, а значит — понимать мир. Мы могли спорить, могли не соглашаться, но дружба оставалась прочной. Тогда я понял: друг — это тот, кто рядом не только в радости, но и в усталости. Не только в победе, но и в тишине. Это открытие стало фундаментом моего отношения к людям.

Третье, чему научила меня молодость, — это уважение к себе. Не в высокомерном, не в гордом смысле, а в человеческом. Научиться уважать свои мечты, свои границы, свои слабости, свои сомнения — это целая наука. Ведь мир постоянно пытается навязать тебе чужие ожидания, чужие роли, чужие сценарии. Но настоящая зрелость начинается тогда, когда ты вдруг понимаешь: жить нужно своей жизнью, а не чьей-то чужой. Молодость дала мне силу идти своим путем, даже если он казался странным или непонятным для других.

Но, пожалуй, самым важным, что я вынес из тех лет, было чувство движения. Движения не как физического действия, а как состояния души. Движение вперед, даже когда страшно. Движение, даже если не знаешь, куда ведет дорога. Движение — как способ жить. Это внутренняя энергия, которая заставляет человека расти, искать, открывать, пробовать. Моя жизнь потом не раз меняла направления — спорт, цирк, сцена, путешествия, люди, профессии, новые города. Но везде меня сопровождало именно это чувство: движение — жизнь. Остановка — только передышка.

Молодость — это время, когда человек впервые начинает ощущать сложность мира. Но при этом он еще не обременен грузом опыта, который иногда заставляет взрослых людей бояться рисковать. Мы были смелыми. Даже слишком. Мы часто делали ошибки. Мы иногда вели

себя так, будто вся жизнь — это одно большое приключение. Но это и есть энергия молодости: способность ошибаться, не теряя себя.

Странно, но именно в молодости человек мало задумывается о философии, но на самом деле он формирует ее каждый день, каждое мгновение. Тогда я еще не знал, что годы спустя буду оглядываться назад и понимать: многое из того, что стало сутью моей взрослой жизни, родилось именно в те простые дни. В поездках на трамвае, в поздних осенних вечерах у реки, в тренировках до изнеможения, в ночных разговорах, в маленьких победах, в неожиданных откровениях, в первой ответственности за других, когда я начал тренировать младших.

Если бы меня сейчас спросили, какое качество молодости я хотел бы сохранить навсегда, я бы ответил: способность мечтать. Мечтать по-настоящему — не о вещах, а о путях. Не о том, что можно купить, а о том, кем можно стать. В молодости я мечтал широко, смело, иногда наивно, но всегда честно. И эти мечты стали моими ориентирами. Они привели меня гораздо дальше, чем я мог тогда представить.

Да, если описывать студенческие годы одним образом, то это дорога на рассвете — свежая, светлая, полная обещаний. Но если описывать их одним ощущением, то это ощущение внутреннего огня. Того самого, который горит ярко, но спокойно. Который не сжигает, а согревает. Который двигает вперед, даже когда нет сил.

И этот огонь я пронес через всю жизнь. Он горел во мне, когда я впервые вышел на большую арену. Когда попадал в трудные ситуации. Когда начинал что-то с нуля. Когда помогал другим подняться. Когда сам поднимался после падений.

Студенческие годы дали мне все то, что сделали меня собой. Это была школа силы, школа дружбы, школа ответственности. Но больше всего — это была школа внутрен-

ней свободы. Свободы мечтать, искать, пробовать, ошибаться, падать, подниматься и снова идти вперед.

И то, что я вынес из того времени, сопровождает меня до сих пор: человек остается молодым до тех пор, пока его дорога продолжается, пока в нем живет движение.

НАЧАЛО ЦИРКОВОГО ПУТИ

Я часто думаю о том, как в жизни происходит самый первый, самый хрупкий и в то же время самый решающий поворот. Он никогда не выглядит как поворот — скорее как легкое отклонение от привычной траектории, будто ты идешь по дороге и вдруг замечаешь, что одна из плиток под ногами чуть теплее остальных. Ты ступаешь туда, сам того не замечая, а когда оглядываешься — видишь, что путь уже сменился, и назад идти невозможно. Моя дорога в цирк началась именно так: без планов, без расчетов, без мечты о манеже. Просто в один момент я почувствовал — пора выйти из привычного кольца и шагнуть в неизвестность, где воздух пахнет сценой, свободой и тем странным творческим беспокойством, которое заставляет человека жить иначе.

После окончания университета этот путь естественным образом привел меня к работе преподавателем физкультуры в московской школе. Это был спокойный, правильный, понятный ход жизни: диплом, распределение, работа, расписание уроков — все, что принято называть «нормальной жизнью». Но во мне всегда жила внутренняя энергия, которую было трудно вместить в школьные стены и линейки.

В школе у нас был сильный педагогический состав, но главное — был уникальный учитель физики, Балашов Михаил Михайлович, один из первых бардов Советского Союза.

Он окончил Московский физико-технический институт в 1963 году, был не только преподавателем, но впоследствии и директором школы. С ним были дружны многие известные барды — семья Никитиных и другие. Он был старше их, стоял у истоков этого движения, и вокруг него всегда существовало особое интеллектуальное и творческое пространство. Такой была наша школа — по-настоящему уникальная.

Я любил ребят, любил тренировки, любил процесс — но внутри постоянно что-то звало меня куда-то дальше. Не обязательно выше — просто дальше.

Через два года работы мне предложили перейти в Центр «Самбо-70». Предложение серьезное — место авторитетное, созданное Давидом Львовичем Рудманом, легендой советского самбо. Рекомендацию мне дал Сократ Касоев — человек огромного труда и силы, мастер спорта международного класса, заслуженный тренер. В то время подобные рекомендации чего-то стоили — это не просто слова, а признание внутри профессиональной среды. Многие бы на моем месте не раздумывали ни минуты.

Но я — раздумывал.

Потому что параллельно, почти случайно, в моей жизни возникли каратисты — ребята из Института дружбы народов и из ГРУ, которые пришли ко мне с просьбой потренироваться в моем школьном зале. Я согласился — как-то само собой, без мысли, что это изменит мою судьбу. Но после первой же тренировки я вдруг почувствовал такое живое, густое дыхание нового, что понял: никуда переходить я не хочу. Каратэ увлекло меня полностью. Я словно нашел новую стихию: стремительную, жесткую, музыкальную по ритму движений. Пять лет я жил этим искус-

ством. Я преодолевал себя, рос, менялся. Внутри зрела сила, которой я раньше в себе не знал.

Но даже тогда я еще не думал ни о каком цирке.

А потом... потом в Москву приехала гастролировать цирковая группа с программой «Прометей». Я пошел просто посмотреть, без ожиданий. Но все, что я увидел, было похоже не на цирк, а на другое измерение. Музыка Pink Floyd — густая, тревожная, космическая — разливалась по залу, а на манеже происходило что-то невероятное: огонь, свет, пластика, движение, выраженное через человеческое тело так, как я никогда раньше не видел. Это был спектакль, не номер; драматургия, не упражнение. И внутри меня словно кто-то включил прожектор. Я сидел в темноте зала и вдруг понял, что в моей душе происходит что-то, чему я не мог подобрать название. Не влюбленность — скорее узнавание. Как будто часть меня всегда знала о существовании такого мира, но только в этот момент увидела его наяву.

Я вышел после спектакля ошеломленным. Мир казался другим. Казалось, что воздух стал гуще, что в нем существует что-то важное, что я еще не успел постичь.

И вот в этот момент судьба сделала свой тихий жест.

Мухтарбек Кантемиров¹ — человек, чье имя и сегодня вызывает у меня уважение и благодарность, — обратился ко мне с предложением поучаствовать в пантомиме «Руслан и Людмила». Он рассказал обо мне режиссеру спек-

¹ Мухтарбек Алибекович Кантемиров — советский артист цирка и киноактер. Известный в стране каскадер и создатель конного театра, президент Федерации боевого метания «Freeknife» (свободный нож), президент благотворительного фонда имени Ирбека Кантемирова, почетный член мексиканской ассоциации наездников «Чаррос». Заслуженный артист Северо-Осетинской АССР (1960), Народный артист Северо-Осетинской АССР (1975).

такля — Анатолию Шаг-Новожилову¹. И тот... захотел меня увидеть. Мне объяснили, что ему нужен человек с определенной силой, с пластикой, с выражением — и, как ни странно, я подходил под его внутренний образ.

Я приехал в старый цирк на Цветном бульваре. Тогда он не назывался цирком Никулина — это было старое, живое, чуть усталое здание, дышащее тайной. Я зашел за кулисы — и остановился. Все там было другим: запахи, звуки, даже тишина. Каждый угол казался пропитанным историей.

Анатолий Шаг-Новожилов... Он произвел на меня впечатление, которое невозможно забыть. Фронтовик — человек, перетаскивший через линию фронта сорок фашистских «языков». Первый каскадер Одесской киностудии. Создатель иллюзионных номеров. Он говорил негромко, но в его голосе была та невероятная сила, которая чувствуется каким-то внутренним чувством.. Он посмотрел на меня внимательно, пристально — и сказал, что видит меня в воздухе. Видит меня в борьбе с Черномором. Он говорил так уверенно, будто уже видел весь спектакль, где моя роль существует по умолчанию. И я поверил ему. Поверил в новую траекторию собственного движения.

Я пришел просто посмотреть, а он — увидел меня на сцене. И это было решающим.

Когда я вернулся домой, у меня не было сомнений. Я пошел к директору школы и сказал: «У меня в жизни произошли перемены. Я ухожу в цирк». Сказал честно и спокойно. Он удивился — конечно. Но что самое удивительное — никто не стал убеждать меня остаться. Как

¹ Анатолий Сергеевич Шаг-Новожилов — советский и российский артист, иллюзионист, режиссер, изобретатель оригинальных иллюзионных трюков, видный деятель циркового искусства. Заслуженный артист Белорусской ССР, Заслуженный деятель искусств РФ (2004).

будто все понимали, что во мне уже начался процесс, остановить который нельзя. Потом я сказал об этом ребятам-каратистам — моим коллегам, друзьям, ученикам. Среди них были серьезные люди: полковники, кандидаты наук, хоккеисты. Все они были взрослыми, сильными, дисциплинированными людьми. Они смотрели на меня немного ошарашенно: человек с устойчивой позицией, с результатами — и вдруг цирк? Но вместо осуждения я увидел другое: уважение. Может быть, даже зависть к тому, что я решился. Они понимали, что я не бегу от чего-то. Я бегу к чему-то. К тому, что меня зовет.

И еще одна важная деталь той точки перелома. Цирк подарил мне не только профессию, не только новую судьбу. Он подарил мне семью. На кастинге «Руслана и Людмилы» я встретил Таню Зубрилину. Она проходила отбор вместе со мной. Я еще не знал, что это — встреча всей моей будущей жизни. Но что-то в ее взгляде, в ее светлой, собранной энергии подсказало мне, что это не просто случай. Мы стояли среди десятков кандидатов, среди суеты, реплик и проб, и между нами возникло то редкое мгновение, которое бывает только в начале настоящей истории. С тех пор мы шли одной дорогой. Так в мою жизнь вошла любовь — моя вторая любовь, цирк.

Если бы меня спросили, как произошел мой переход в цирк, я бы ответил просто: «Так, как происходит всякая судьба». Не по плану. Не по должности. Не по назначению. А по внутреннему зову, который сначала слышишь шепотом, потом — дыханием, потом — словно кто-то берет тебя за плечи и разворачивает в сторону, где ты еще никогда не был. И ты идешь. И именно в этот момент начинаешь по-настоящему жить.

ГЛАВА 3. ЦИРК И БОРЬБА С ГРАВИТАЦИЕЙ

ПЕРВЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ

Я помню свой первый день в цирковой студии так ясно, будто это было вчера, будто я снова стою перед тяжелой дверью старого здания на Цветном бульваре, ощущая пальцами холод металлической ручки и стараясь сделать глубокий вдох, прежде чем войти. В тот момент я еще не знал, что этот вдох будет похож на погружение в совершенно иную реальность. Не в профессию — в иной мир. Потому что цирк, как я быстро понял, не просто место, где работают артисты. Это особая вселенная, живущая по своим законам, со своей энергией, своим ритмом, своим дыханием. И входя туда, ты словно переступаешь границу невидимого пространства, где начинает действовать совершенно другая физика.

Первое, что я ощутил, был запах. Цирк пахнет не так, как спортзал, хотя в нем тоже много движения, пота, напряжения. Запах арены — тяжелый, теплый, древесно-песочный, с примесью металлического жара прожекторов — сразу погружает в состояние ожидания. В нем есть тайна.

В нем есть память о сотнях выступлений, об эмоциях зрителей, о страхах и победах. И когда я вдохнул этот запах, мне показалось, будто он встречает меня — не как новичка, а как человека, который наконец нашел дверь, куда давно стучался.

Я прошел внутрь, и тишина цирка удивила меня. Я ожидал шума, суеты, смеха, реплик — этой бесконечной энергии, которой пропитан любой спортивный зал. Но там все было другим. Звук глушился стенами и высокими куполами, превращаясь в мягкое эхо. И среди этой тишины я почувствовал дыхание большого пространства — как будто купол цирка сам живой, и он наблюдает за каждым шагом, проверяет, выдержишь ли ты его вес, его многолетнюю историю.

Но главное — люди. Я увидел их сразу, хотя сначала они казались просто тенью движения — гибкие силуэты, то появляющиеся, то растворяющиеся между тренажерами и канатами. Каждый двигался как-то по-особенному: легко, уверенно, будто его тело давно знает, что делать, и не сомневается ни на секунду. Это были не просто спортсмены. Это были люди, у которых тело и пространство стали одним механизмом. И я, привыкший к бойцовским приемам, к силе, к скулам и напряжению партнера, вдруг понял, что здесь сила выражена иначе — она растекается по форме, по жесту, по дыханию. Она не рвется наружу, не бросается на соперника — она летит в воздух, обыгрывает гравитацию, подчиняет себе пространство купола.

Меня поразила дисциплина — но не строгая, армейская, а внутренняя. Никто ни на кого не кричал, никто не командовал, никто не говорил «быстрее» или «делай так». Каждый артист работал с удивительной сосредоточенностью, будто слышал какой-то свой, личный метроном. Цирк — это, пожалуй, самое тихое место, где совершаются самые громкие подвиги. В тишине цирковой

студии я впервые увидел, что такое настоящее мастерство: оно не вырастает из слов, оно рушится и собирается заново через тысячи повторений, через падения, через шрамы, через маленькие победы, о которых никто не узнает.

Когда я только появился среди них, я ощущал себя чужим. Не в смысле отверженным — просто другим. Мои движения были резкими, земляными, спортивными. Их — воздушными, мягкими, но при этом невероятно точными. Они управляли пространством, как музыкант управляет мелодией. А я... я умел бороться, умел преодолевать, умел стоять на ногах. Но в цирке меня должны были научить не стоять, а лететь. И это чувство — что впереди предстоит научиться летать — было одновременно пугающим и захватывающим.

Атмосфера студии была такой, будто в ней одновременно присутствует прошлое и будущее. С одной стороны — потертые маты, старые декорации, обрывки реквизита, канаты, которые наверняка помнили не одно поколение артистов. С другой — молодые тела, новые движения, новые попытки подняться выше. И все это сплавлялось воедино, создавая ощущение, что ты попал не на репетицию, а в алхимическую лабораторию, где обычное превращают в необычное.

Я помню, как впервые поднял голову вверх. Купол. Это слово до того дня для меня означало просто форму здания. Но там, внутри студии, купол был чем-то почти одушевленным. Он висел надо мной как огромное небо, но это небо не давило — оно притягивало. Туда, вверх, в неизвестность. Я долго стоял и смотрел, и внутри впервые возникло то чувство, которое позже станет частью моей профессии: желание подняться выше себя, выше страха, выше той точки, где заканчивается привычная опора и начинается чистый воздух.

Меня представили нескольким артистам, которые уже работали над пантомимой. Их взгляды были внимательны-

ми, но спокойными. В них не было ревности к новичку, не было скепсиса. Скорее — оценка. Они смотрели на мои руки, плечи, на шаг, на осанку. Они сразу определяли — кто ты. Не по словам, не по рекомендациям, а по движению, по дыханию, по тому, как тыходишь в пространство манежа.

Я был поражен тем, что здесь все начинается с малого. Не с прыжков, не с трюков, не с эффектных движений, которые зрители потом будут аплодировать стоя. Здесь начинают с того, что учат... ходить. Ходить правильно. Почувствовать манеж. Почувствовать центр. Почувствовать ритм. Любой артист цирка скажет: движение — это язык, а язык нужно выучить с самых простых слов. В тот день я впервые услышал фразу, которую потом буду часто вспоминать: «Не тело должно двигаться по манежу — манеж должен двигаться внутри тела». Тогда я не сразу понял, как это возможно. Но позже, когда я впервые поднялся в воздух, смысл стал ясен: цирк строится не на внешних усилиях, а на внутреннем ощущении полета.

Еще одно, что меня потрясло, — доверие. В спортивной борьбе доверие есть, но оно другое: ты доверяешь партнеру, что он не травмирует тебя в тренировке, что он честно борется. Но в цирке доверие абсолютное и безоговорочное. Если человек, стоящий на страховке, сомневается хоть на долю секунды, это может стоить жизни. И я увидел, что здесь люди относятся друг к другу как к родным. Они знают цену жизни, цену риска, цену одной ошибки. Поэтому атмосфера была почти семейной, но не мягкой, а крепкой, как канат, который держит тебя под куполом.

Меня особенно поразила тишина во время репетиции воздушного номера. Тишина, в которой слышно только, как свистит воздух вокруг движущихся тел. С одной стороны — красота, с другой — постоянное напряжение. И именно эта двойственность создавала чувство, что ты присутствуешь при рождении чего-то величественного.

Не шоу, не трюка, не номера — а момента, где человек преодолевает границы собственного тела.

Когда Анатолий Шаг-Новожилов вошел в зал, тишина стала другой — собранной, осевой. Он не смотрел по сторонам, но все чувствовали его присутствие. Он был похож на человека, который знает о цирке все: и то, что происходит на манеже, и то, что происходит в душе каждого артиста. Его походка, его взгляд, его голос — все говорило, что перед нами человек, прошедший огонь, войну, искусство и ответственность. И я — обычный парень из спортивной среды — оказался рядом с человеком, который видел столько, что могучая сила исходила от него даже в покое. Он посмотрел на меня, как на материал, из которого можно что-то создать. И это был взгляд не режиссера — алхимика.

В тот день я впервые понял, что цирк — не место, где показывают силы. Цирк — место, где сила становится искусством. Где страх становится движением. Где человек учится бороться не с противником, а с гравитацией, с пустотой, с самим собой. А главное — где ты начинаешь понимать, что всякая высота не внешняя. Настоящая высота начинается внутри.

Когда я вышел из цирка в тот первый день, воздух на улице показался мне другим — слишком легким, слишком простым. Я шел по бульвару и думал о том, что сегодня впервые вошел в мир, к которому еще не готов, но который уже принял меня. И внутри родилось странное спокойствие: я знал, что впереди будет сложно, страшно, больно, иногда невозможно. Но я еще знал — что я пришел туда, куда должен был прийти.

И это чувство — чувство правильного шага — было сильнее всего остального.

ИСПЫТАНИЯ И ПРЕОДОЛЕНИЕ СТРАХА

Страх... Это слово я тогда не произносил вслух. Да и сейчас говорю о нем неохотно. В спортивной среде к страху относятся почти как к слабости, с которой нужно бороться и которую нельзя показывать. Но в цирке я понял: страх — это не враг. Это учитель. Это та тень, которая идет за каждым шагом артиста, и если ты пытаешься ее не замечать — она догоняет. Но если оглядываешься и учишься с ней разговаривать — она становится чем-то вроде внутреннего компаса, который подсказывает, где начинается настоящая высота.

Когда я впервые стал под куполом, страх был не просто гостем — он был воздухом, которым я дышал. Внизу — мат, маленький кружок пространства, который казался слишком далеким и слишком маленьким. Вверху — пустота, свет, балки, канаты. А внутри — ощущение, что ты вступил на территорию, где человек вообще-то находиться не должен. И это чувство напоминало смесь полета и падения. Иногда я ловил себя на том, что тело делает все правильно, а вот внутри меня уже началась паника: страх падения, страх ошибки, страх того, что я не принадлежу этому миру.

Я привык к силе, к борьбе, к сопернику. В спорте страх всегда был направлен наружу — на другого человека. В цирке страх разворачивается внутрь, потому что здесь ты сам для себя — и партнер, и препятствие, и враг, и опора. И когда я впервые понял это, мне стало по-настоящему страшно. Потому что невозможно обмануть самого себя.

Первые недели дали мне понять, что цирк не про эффектные движения. Он про молчаливое преодоление, про то, что строится внутри. Трудности были не в том, чтобы

держат равновесие, а в том, чтобы перестать делать движения силой, по-спортивному. В цирке все должно быть легко, красиво, воздушно, будто ты не поднимаешь свое тело — а позволяешь ему идти туда, где меньше сопротивление. Меня учили расслабляться там, где я привык напрягаться, и напрягаться там, где раньше действовал чистый инстинкт. И это ломало меня.

Была еще одна трудность — дисциплина, не внешняя, как в армии, а внутренняя, как в монастыре. Нужно было снова и снова подниматься на высоту, делать одни и те же движения до тех пор, пока они не станут состоянием тела. И однажды я понял, что устал. Устал не от физической нагрузки — от внутренней. Устал быть новичком. Устал показывать себе и другим, что я способен. Устал бороться с собственными ощущениями.

И был момент... был. Когда мне действительно захотелось все бросить.

Это произошло вечером после одной из репетиций под куполом. Я сорвался — не сильно, без травмы, но достаточно, чтобы почувствовать резкий удар по самолюбию. Я помню этот звук — короткий, хлопающий, как будто пространство выдохнуло. Страховка сработала, меня быстро опустили, никто не кричал, никто не укорял — наоборот, говорили спокойно, поддерживали. Но внутри меня возникло чувство, будто я провалился в щель между прошлым и будущим, и не уверен, что смогу из нее выбраться.

Я вышел на улицу, сел на скамейку возле цирка. Был поздний вечер, шел снег — тихий, редкий, почти незаметный. Двигались машины, люди спешили по своим делам, а я сидел и думал: «Зачем мне все это? Зачем я сюда пришел? Не поздно ли мне начинать все с нуля?» Я думал о школе, о тренерах, о каратэ, о той жизни, где меня все знали, где я был сильным, уверенным, где мне не приходилось снова доказывать свое право на высоту.

И тогда во мне проснулся какой-то тихий голос — не громкий, не пафосный, просто спокойный. Он сказал: «Если ты уйдешь сейчас, этот страх останется с тобой навсегда». И я понял, что дело вовсе не в цирке. Дело во мне. Я пришел за тем, что невозможно получить в спорте — за преодолением, которое не связано с победами, медалями, соперниками. Я пришел за чем-то глубже: за возможностью понять, что человек может быть больше, чем его физическая сила.

Первый страх — страх высоты — со временем стал привычным. Он не исчез. Он просто перестал кричать и начал шептать. Потом этот шепот превратился в ритм. А потом я научился слышать не страх, а движение. Научился дышать в воздухе так, будто высота — это просто продолжение земли, только чуть более честное.

Страх перед публикой пришел позже, с первыми прогонами, когда я впервые посмотрел на манеж так, как видит его артист. Внизу — круглая арена, по периметру — ряды будущих зрителей. И вдруг я понял: они все будут смотреть на меня. На каждое движение, каждый вздох, каждую паузу. В спорте публика оценивает результат. В цирке — человека. И я чувствовал, что это обнажает. Как будто ты выходишь перед ними без брони, без маски. И нужно сделать не просто движение, а что-то, что будет иметь смысл.

Но самым трудным был страх перед новым искусством. Не перед высотой — перед тем, что мне придется не просто научиться технике, а стать частью театра. Я должен был научиться говорить телом. Научиться передавать эмоцию через жест, через пластику, через паузу. Это было новым языком, который я никогда раньше не изучал.

Шаг-Новожилов видел мою борьбу — внешнюю и внутреннюю. Он говорил мало, но его слова попадали точно. Однажды он сказал мне: «Ты можешь бояться, но не можешь уступать страху». Другой раз — когда я снова спу-

стился после неудачной попытки — он сказал: «Здесь не борются с высотой. Здесь с ней договариваются». И эти слова сделали во мне такую перестройку, о которой я раньше не подозревал. В спорте ты всегда преодолеваешь. В цирке ты учишься жить в гармонии с тем, что больше тебя.

Страх стал частью моего движения. Он перестал мешать и начал помогать — подсказывать, где я слишком напряжен, где недостаточно внимателен, где пытаюсь прыгнуть выше, чем готов. Он стал моим настройщиком, моим метрономом.

Но самым важным оказалось то, что я не один. Вокруг меня были люди, которые знали цену страху. Каждый из них хоть раз проходил через то, что переживаю я. У каждого был свой момент, когда хотелось все бросить. Кто-то плакал, кто-то уходил на несколько дней, кто-то стоял на манеже и не мог поднять голову. И именно это объединяло нас. Цирк не любит тех, кто считает себя бесстрашным. Он любит тех, кто понимает страх и идет через него.

Если бы вы спросили меня, было ли желание уйти — да, было. Но если бы я ушел, я бы предал ту часть себя, которая стремилась к высоте. И я бы никогда не узнал, что человек способен сделать, если остается верен своему пути.

Сегодня, оглядываясь назад, я понимаю главное: первые трудности — это не испытание. Это входной билет. Это цена за право прикоснуться к искусству, к которому приходишь не ради славы, не ради аплодисментов, а ради того, чтобы однажды почувствовать, что ты стал частью пространства, где человек побеждает гравитацию не силой, а духом.

И если бы мне сейчас предложили пройти этот путь еще раз, со всеми страхами, падениями, сомнениями — я бы согласился без колебаний. Потому что именно там,

в тишине под куполом, среди страхов и первых шагов, я впервые понял, что значит по-настоящему жить — не по земле, а в воздухе.

«ПАРТЕРНЫЙ ПОЛЕТ»

«Партерный полет» — номер со счастливой и долгой судьбой. Этот классический цирковой номер был придуман много лет назад талантливым артистом Семеном Арнаутовым¹, вместе с группой воздушных акробатов. Точно так же, как цирк однажды позвал меня своим невидимым голосом, так и «Партерный полет» появился в моей жизни не как техническая комбинация, а как естественное продолжение всего, что я прожил до того момента. Но чтобы подойти к нему, нужно было сначала пройти через внутреннюю перестройку — перестать быть просто спортсменом и стать артистом.

Спорт — это мир четких правил, конкретных задач и ощутимых результатов. В спорте ты всегда знаешь, что делаешь: бросок — шаг — удержание — победа или поражение. Там нет места недосказанности. Там тело — инструмент, а энергия — оружие. Но цирк, особенно воздушная акробатика, построен иначе. В нем движение — это язык,

¹ Семен Иванович Арнаут — партерный акробат, заслуженный артист РСФСР (1969). Выпускник ТЦИ (1936, педагог С. Морозов). Руководитель и участник знаменитого ансамбля партерных акробатов «Романдос» (позднее — «Летающие акробаты»). В 1946–1948 годах Семен Арнаут возглавлял также группу акробатов-прыгунов на подкидных досках.

который должен говорить не о силе, а о смысле. И именно этот переход — от прямой силы к художественному жесту — стал для меня самыми трудными ступенями на пути к «Партерному полету».

Репетиции моего будущего номера начались не где-нибудь, а в знаменитой цирковой студии на Прядильной улице, недалеко от метро Измайловская. Эта студия была известна в Москве тем, что в ней рождались лучшие цирковые номера. Каждый угол там пропитан духом людей, которые мечтали стать артистами, и тех, кто уже стал легендами. Первое впечатление было почти мистическим: высокие потолки, запах канатов, звон металлических рам, тяжелые маты, постоянно шоркающие шаги. Но больше всего — ощущение, что здесь никто не живет наполовину: либо ты отдаешься этому искусству полностью, либо не выживешь.

Я пришел туда после долгих спортивных лет, с уже устоявшимися привычками, со своей техникой, со своей уверенностью. Но очень быстро понял, что все эти навыки — только фундамент, а дом придется строить заново. И первым, кто это понял и принял, был мой учитель — воздушный гимнаст Юрий Семенович Рябинин. Он увидел во мне не только спортивную подготовку и силу, но и то внутреннее состояние, которое нужно артисту: способность слушать, терпеть, ломать себя, учиться заново.

Юрий Семенович говорил тихо, спокойно, но каждая его фраза ложилась в меня как кирпич в фундамент. Он понимал: я пришел из спорта, а цирк — это совсем другая жизнь. В спорте я привык к прямой линейности — в цирке надо было чувствовать пространство, чувствовать партнера, чувствовать сам воздух. Он объяснял мне по шагам каждый элемент, каждое движение, каждый акцент — и я снова становился учеником, который учится ходить заново. Часто я возвращался домой полностью разбитым, но внутри меня все сильнее прорастало странное чув-

ство — как будто я не выполняю упражнение, а создаю себя нового. В те месяцы я понял одну важную вещь: цирк — это не работа. Это образ жизни. Это семья. И если эта семья тебя принимает, то принимает без оговорок — ты становишься ее частью, ее звеном, ее кровью. И, наверное, именно поэтому я так полностью отдался этому процессу. Я хотел быть не просто исполнителем — я хотел стать частью большого живого механизма под названием цирк. И эта мечта вела меня вперед, даже когда казалось, что сил больше нет.

Параллельно шли репетиции пантомимы «Руслан и Людмила», над которой мы работали девять месяцев — сначала в Москве, потом в Ленинграде. Это был долгий и важный этап. Мы учились не просто технике, но и сценическому существованию — тому, как жить на арене, как передавать эмоцию через движение, как подчиняться ритму партнера, как быть в кадре, даже если не в центре внимания. Эти девять месяцев были похожи на школу выживания, но в хорошем смысле — школу, которая делает из спортсмена артиста. Когда спектакль осенью 1979 года был принят Государственной комиссией и вышел на публику, я впервые почувствовал настоящую силу сцены — как она не просто освещает, а меняет человека.

И все же «Партерный полет» стал моим настоящим переходом — моим собственным рождением в цирке. После успеха «Руслана и Людмилы» мы с Таней Зубрилиной перешли в номер знаменитой цирковой семьи Арнаутовых¹.

Партерный полет — удивительный жанр. Здесь все происходит рядом, в непосредственной близости к зрите-

¹ Арнаутовы — династия партерных акробатов. Александр Арнаутов — руководитель номеров, и Дмитрий Арнаутов — режиссер и исполнитель воздушных вариаций на ремнях. После 1990 года братья успешно работали в Канаде, став частью труппы цирка Cirque du Soleil.

лю. Ты словно летишь не в небе, а среди людей. Они видят твои глаза, слышат дыхание, ощущают скорость твоего движения. И именно эта близость превращает номер в поэзию: иллюзия полета на высоте человеческого взгляда.

Создавая свой вариант этого номера, мы хотели передать не просто технику. Нам хотелось, чтобы зритель почувствовал то внутреннее состояние, в котором мы сами жили все это время. Стремление к свободе. Преодоление собственных границ. Легкость, рожденную из тяжелого труда. И, главное, ту эмоцию, которую трудно выразить словами: когда человек, почти касаясь земли, все равно способен лететь.

Мы с Таней репетировали как одержимые. Каждый день — снова и снова одни и те же движения: вращения, подъемы, поддержки, переходы, синхронные падения и взлеты. В партерном полете малейшая ошибка недопустима — зритель видит все. И в этой близости, в этой честности жанра есть нечто, что заставляет артиста становиться лучше каждый день.

Когда номер был готов, начались поездки. Сначала по стране. Публика принимала нас тепло, иногда чересчур эмоционально, и я впервые почувствовал, что наш номер — не просто технический элемент цирковой программы, а отдельный мир, который мы с Таней создаем каждый вечер с нуля. Потом поездки стали международными — Италия, затем фестиваль в Пхеньяне. Там мы получили приз — и это было не просто признание. Это был знак, что номер живет, что он работает, что он несет зрителю что-то настоящее.

Оглядываясь назад, я понимаю: «Партерный полет» стал нашим личным манифестом. Наш путь в цирке всегда был связан не с высотой как таковой, а с преодолением. И именно этот номер позволил нам выразить это преодоление без слов, в чистом движении. Мы хотели, чтобы зритель видел не просто технику и не просто эф-

фект. Мы хотели, чтобы он почувствовал внутреннюю свободу — свободу быть собой, свободу полета, свободу мечты.

В каждый выход на арену мы вкладывали то чувство, которое однажды испытали сами: ощущение, что человек способен преодолеть гравитацию — не только земную, но и ту, что живет внутри него. И если зритель хотя бы на миг ощущал это вместе с нами, значит, все было не зря.

АРТИСТЫ, ПУБЛИКА И ФИЛОСОФИЯ ПОЛЕТА

Когда вспоминаю годы, проведенные в цирке, я все больше понимаю: самым важным в этой профессии было вовсе не умение взлететь. Не техника, не сила, не гибкость, не риск. Самое главное — это люди, с которыми ты делишь воздух. Летчик не подумает о высоте без доверия к самолету, а воздушный гимнаст не имеет права на взлет без доверия к своему партнеру, к команде, к труппе, к тем, кто стоит внизу, кто держит страховку, кто следит за каждым движением, будто за дыханием самого воздуха. И, наверное, именно поэтому цирк — самая честная семья, которую я когда-либо встречал.

В первый год работы в труппе я понял простую вещь: здесь не может быть случайных людей. В спорте ты можешь тренироваться рядом с десятками спортсменов, и каждый живет своей жизнью, со своими целями. А в цирке чужой боли не бывает. Если кто-то получил травму, это будто рана всей труппы. Если кто-то встал на арену

через боль, через страх, через бессонную ночь — остальные стоят за его спиной. И это не метафора. Я видел, как старшие артисты поправляли бинты младшим, как вчерашние соперники по кастингу вместе тащили тяжелые декорации, как перед выходом на арену кто-то молча мог положить руку на плечо — и этого было достаточно, чтобы страх отступил.

У меня были наставники. Были те, кого я слушал, как слушают старших братьев. Были те, с кем особенно хотелось работать. Но особое место в моей памяти занимает один артист — человек удивительной внутренней силы. Он работал с нами в номере «Партерный полет», был в нижнем ярусе, поддерживал, ловил, страховал. Его глаза всегда видели «вперед», дальше, чем обычный взгляд. Его интуиция спасала не раз. И именно эта интуиция спасла одну партнершу во время того выступления, которое я помню до сих пор, как будто все произошло вчера.

Это случилось на одном из вечеров, когда зал был полон, когда музыка играла ровно, когда все шло почти идеально. Мы выполняли связку, где один из артистов должен был «выкинуть» партнершу в мою сторону — легкая дуга, точная траектория, и я ловлю ее точно в ту секунду, что должна случиться. Все было отработано десятки раз. Но в тот вечер произошло то самое «чуть-чуть», которое иногда решает судьбы — траектория ушла выше, чем нужно. Прямо на глазах стало ясно: она не долетает.

Есть доли секунды, которые растягиваются как вечность. В ту секунду я понял, что у меня есть только одно действие — вытянуться. Вытянуться выше своей физики, выше своих возможностей. Я выкинул руку вперед, насколько смог, вытянулся во весь рост, чувствуя, как пространство вокруг меня сжалось до одной точки — ее падения. Я поймал ее. Одной рукой. Правой.словно меня бросило вниз, я почувствовал удар веса, почувствовал, как что-то внутри спины не выдержало, и мы вместе

ушли вниз — она в безопасности, я со вспышкой боли, которая словно выжгла все вокруг.

Это была тишина. Глухая, тревожная, честная тишина профессионалов, которые сразу понимают, что произошло. Мой партнер снизу — тот самый, который видел все заранее — мгновенно понял, что со мной что-то не так. Он тихо, почти незаметно для зала сказал: «Спускайся. Я заменю». И этим он спас мне не только номер, но, возможно, и жизнь.

Позже у врача диагноз прозвучал как приговор: смещение диска. Травма тяжелая, опасная. Он сказал прямо, не смягчая: «Карьеру воздушного гимнаста можете считать законченной. Продолжите — станете инвалидом». Я помню, как эти слова ударили — не по телу, по душе. Каждый артист знает, что травма рано или поздно придет. Но никто не готов услышать, что все — конец. Только что ты летал, ты был частью пространства, и вдруг тебя пытаются поставить на землю — навсегда.

Но я тогда решил, что не сдамся. Может быть, это упрямство спортсмена. Может, любовь к цирку. Может, память о тех людях, которые стали для меня семьей. Но я точно знаю: с того дня началась моя личная борьба с судьбой, с телом, с болью, с тем диагнозом, что звучал как приговор.

Таня — мое самое главное звено, мой партнер не только на манеже, но и в жизни, — придумала способ, который мог бы помочь. Мы привязали мои ноги резиновой лентой к тяжелым батареям, и каждый день я вытягивал позвоночник, словно пытаюсь удлинить себя, выпрямить ту боль, что засела глубоко внутри. Это были недели тишины, борьбы и внутренней решимости. Иногда я вспоминал Валентина Дикуля — его огромный путь, его победу над, казалось бы, невозможным. И в те минуты я словно слышал голос: «Если он смог — значит, и ты можешь».

И вот через месяц я снова вышел на репетицию. Я не говорил никому заранее — не хотел сочувствия, жалости, попыток остановить. Просто встал на манеж. И когда я сделал первый подъем, когда движение прошло чисто, без боли, без дискомфорта — лица людей вокруг изменились. Не от удивления, не от восторга — от уважения. Они знали, что такое путь через травму. И знали, что я прошел его честно. Но самое главное — я снова чувствовал воздух под руками. Я снова был дома.

Публика... Это отдельный мир. Ты можешь быть готов на тысячу процентов, ты можешь знать связку наизусть, можешь быть уверен в партнере — но пока ты не выйдешь на арену, пока не почувствуешь дыхание зала, искусства не произойдет. Я помню тот вечер, когда зал встал. Не весь сразу — сначала одна линия, потом другая, потом целый сектор. И вдруг — все пространство поднялось. Аплодисменты были как гром. Я чувствовал, что этот звук проходит через мышцы, через сердце, через все, что во мне было живым. Это не был звук успеха — это был звук признания. Не меня, не трюков — признания нашей борьбы, нашей честности, нашей преданности цирку.

В ту секунду я понял, что сила артиста — не в прыжке, не в поддержке, не в траектории. Настоящая сила — в том, что ты способен дать людям чувство полета. Полета не физического — внутреннего.

А философия полета... Да, я часто говорю, что цирк — это борьба с гравитацией. Но с возрастом я понял, что гравитация — это не сила, которая тянет тело вниз. Это сила, которая удерживает душу от ее высот. С чем человек борется, когда поднимается над землей? С собой. Со своими страхами. Со своей болью. Со своим неверием. Со своим прошлым, которое держит, как железная гиря. И каждый взлет — это не физическое движение, а маленькая победа над той частью себя, которая хочет остаться на земле.

Фраза: «Цирк — это борьба с гравитацией» для меня никогда не была пустым выражением. Когда ты стоишь на арене, смотришь вверх, чувствуешь, как воздух под куполом дрожит от прожекторов, от дыханий артистов, от ожидания зрителей — ты понимаешь, что гравитация действительно существует. И не только физическая, та, что тянет тело вниз. Есть другая — внутренняя, та, что связывает человека с его страхами, с прошлым, с сомнениями. И если цирк чему-то и учит, то именно тому, как разрывать эти связи, как преодолевать именно эту, невидимую тяжесть.

Когда я впервые поднялся над ареной, я понял простую вещь: человек боится не высоты. Высота — это всего лишь цифры. Человек боится пустоты. Боится того пространства, где нет опоры, где нет привычного пола, где никто не держит за руку, где каждый миллиметр пути зависит от твоего внутреннего равновесия. В воздухе человек остается наедине с тем, что он есть — без масок, без ролей, без оправданий. И, может быть, именно поэтому искусство полета так сложно: оно требует честности с самим собой.

Гравитация внутри нас — это сила, которая говорит: «Останься на земле. Не рискуй. Тебе там нечего делать». Это голос страха. Голос усталости. Голос прошлого опыта, который пытается удержать тебя в привычной точке. И каждый артист, выходя на арену, борется не с высотой — он борется с этим голосом. Потому что полет начинается не в мышцах, а в сознании. Сначала нужно поверить, что ты в принципе можешь оторваться от земли. А это не так просто, как кажется.

Многие думают, что воздушная акробатика — это прежде всего сила тела: крепкие руки, мощная спина, гибкость, ловкость. Но это лишь оболочка. Главное происходит внутри. Настоящий полет начинается в тот момент, когда ты перестаешь бороться с высотой и начинаешь

с ней договариваться. Когда понимаешь, что воздух — не противник, что он не хочет тебя сбросить, что он не враг. Он просто проверяет — уверен ли ты в своем движении, уверен ли ты в своем пути, уверен ли ты в том, что способен выдержать ту свободу, которую дает взлет.

Да, свобода тоже требует смелости. Это одна из самых парадоксальных истин цирка. На земле жить проще — ты всегда можешь остановиться, сесть, подумать, отложить решение. В воздухе нет «потом». Там каждое движение — окончательное. Каждый промах — мгновенный. И именно эта определенность делает воздух честным пространством. Он не терпит лжи. Он не терпит самоуверенности. Он принимает только тех, кто пришел к нему с открытой душой, кто готов не просто выполнять движения, а проживать их.

Когда я впервые понял это — внутри произошло что-то похожее на переворот. Я понял, что полет — это не про победу над телом. Тело всегда будет тянуть вниз. Это его природа. Но дух... дух способен подниматься выше. И когда внутри человека просыпается это стремление — тогда начинается то, что зритель потом видит со стороны как легкость, как красоту, как магию.

Но магии нет. Есть труд, есть внутренняя борьба, есть терпение. И есть одно главное качество — доверие. Без доверия человек не взлетит. Нужно доверять партнеру, который ловит тебя даже тогда, когда ты не видишь его. Нужно доверять собственной памяти движений, собственным рукам, собственному дыханию. Нужно доверять пространству, которое кажется враждебным, пока ты не научишься его чувствовать. И, что самое трудное, нужно доверять самому себе. Потому что именно внутренняя уверенность — та тонкая нить, которая удерживает тебя в воздухе, когда все остальное говорит: «Падай».

Полет — это не трюк. Это состояние души. Человек летит тогда, когда внутри него есть пространство для мечты. Когда есть внутренняя точка, которая тянет вверх сильнее, чем любая боль, любой страх, любое сомнение.

И сегодня, спустя годы, я все увереннее повторяю: «Цирк — это борьба с гравитацией». Но понимаю эту фразу уже иначе. Гравитация — это все, что удерживает нас внизу: привычки, страхи, мнение других, неуверенность, прошлые ошибки, боль. А полет — это то, что мы выбираем сами. И каждый человек, не только артист, поднимается над землей тогда, когда делает шаг к своей внутренней высоте.

И если мне повезло хоть однажды подарить зрителю это чувство свободы, если хоть один человек в зале почувствовал, что он тоже может взлететь — значит, все, через что я проходил, было не зря.

ФЕСТИВАЛИ И ПРИЗНАНИЕ

Что чувствует артист, когда его номер получает международное признание? Когда аплодируют не только на родной арене, где тебя знают, где публика выросла на похожих номерах, где традиции цирка понятны и почти интуитивны, но и там, где люди говорят на другом языке, видят мир иначе, выросли в других условиях? Каково это — показать свое искусство такой публике и услышать, что они понимают тебя почти так же глубоко, как те, кто стоял рядом с тобой все твоё творческое детство? Я долго не мог подобрать точные слова, но, наверное, самое правильное — это чувство удивления. Не гор-

дости, не самодовольства, а именно удивления — что то, что ты создавал внутри себя, что рождалось из боли, труда, сомнений, преодолений, оказалось понятно без перевода. Понятно людям, выросшим за тысячи километров, на другой земле, среди других символов и обычаев.

Когда наш номер «Партерный полет» начал путешествовать, я еще не осознавал, насколько цирк — универсальный язык. Мне казалось, что мы поедем, покажем, вернемся — и все. Но первая поездка показала мне то, чему невозможно научиться в студии или на манеже: искусство принадлежит не артисте. Оно принадлежит зрителю. И если твой полет — честный, если он наполнен чувствами, если он вырос не из желания понравиться, а из внутренней необходимости, он будет понятен в любой точке мира.

Поездка в Пхеньян стала для меня особенной. Даже сегодня, спустя годы, я помню этот путь не как гастроли, а как целое путешествие в другое измерение. Нам казалось, что мы едем просто на фестиваль — и только позже я понял, что едем показывать людям, выросшим в совершенно иной культурной системе, не просто номер, а часть нашей души.

Путь туда был долгим, насыщенным ожиданием. Мы летели всей труппой, как одна связанная команда — со смехом, тревогами, разговорами, воспоминаниями о репетициях. В таких поездках особенно ярко чувствуешь, что ты — часть семьи. Не коллектива, не группы, не состава — именно семьи. Кто-то переживал о реквизите, кто-то о форме, кто-то о том, чтобы номер прошел технически безупречно, но все были объединены одной мыслью: мы должны показать то, что умеем, так, как будто это — первый и последний раз в жизни.

Когда мы прилетели в Пхеньян, нас встретил совсем другой мир. Улицы, архитектура, жесты людей, сам ритм города — все было иным. И в этом «ином» было удиви-

тельное ощущение тишины. Я не могу объяснить это иначе. Город казался спокойным, ровным, как будто в нем нет спешки, нет суеты. И в этой тишине я почувствовал: наш номер должен зазвучать особенно. Как будто воздух там стал плотнее, а пространство — внимательнее.

Фестиваль проходил в большом зале, рассчитанном на тысячи зрителей. За кулисами царила предфестивальная атмосфера — артисты из разных стран, каждая труппа со своими традициями, манерами, костюмами. Звуки разных языков, запахи грима, шелест костюмов — все это создает особое напряжение, которое невозможно почувствовать ни на тренировке, ни на обычном выступлении. Это напряжение ожидания — того, как разные культуры, разные школы, разные судьбы сойдутся в одном пространстве и будут говорить на одном языке — языке тела.

Наш выход я запомнил на всю жизнь. Перед началом номера всегда бывает короткая пауза — едва заметная, всего пара секунд. Но именно она решает все. В эти секунды ты как будто встречаешься с самим собой — без внешнего мира, без зрителей, без музыки. Один на один. Это момент, когда ты спрашиваешь себя: «Готов ли ты?» И если ответ — честный, если страх и уверенность находят баланс, тогда можно делать шаг вперед.

Мы вышли. Музыка зазвучала, мягкая, ритмичная, подчеркивающая самую суть партерного полета — движение низко над ареной, где каждая поддержка, каждый взмах, каждое вращение ощущается зрителем так близко, будто он сам участвует в этом танце. В Пхеньяне зрители сидели очень тихо. Абсолютно другая манера восприятия: они не аплодировали сразу, не выкрикивали одобрение, как иногда бывает у нас. Они смотрели, как будто впитывали.

И вдруг, уже на середине номера, я понял: они понимают. Не технику — ее сложно оценить без профессионального взгляда. Они чувствуют эмоциональный рисунок номера. Те переходы, которые мы строили месяцами. Те

моменты, где дыхание партнеров совпадало. Те линии движения, которые в цирке считаются самым чистым выражением чувства — когда тело становится не инструментом, а словом.

Сам момент кульминации я помню как вспышку. Мы сделали сложную поддержку, где Таня практически скользила над ареной, а я должен был поймать ее точно в центр траектории — то самое мгновение, от которого зависело и впечатление, и безопасность. И когда все прошло идеально — зал не взорвался аплодисментами. И это был самый дорогой момент, который любой артист может получить.

А когда номер закончился, зрители встали. Не резко, не шумно, а как-то по-своему — спокойно, но всем залом. Я видел их лица — сосредоточенные, серьезные, благодарные. В этот момент я понял: искусство не требует перевода. В воздухе нет языка. В движении нет страны. Чувство полета — универсально.

Позже, когда нам присудили приз фестиваля, я не чувствовал себя победителем. Скорее — человеком, ставшим мостом. Пусть всего на несколько минут, но между разными мирами, судьбами и культурами. Наш номер стал для зрителей чем-то, что они поняли сердцем. А для нас — подтверждением того, что то, что мы делали годами, имеет смысл не только внутри нашей труппы, не только в России, но и на другом конце света.

Я много думал о том, почему партерный полет получил такое признание. И понял: потому что он был искренним. В нем не было ничего «для эффекта». Ничего нарочитого. Ничего вымученного. Это был номер про доверие, про путь, про внутреннюю свободу: те вещи, которые понятны каждому человеку, независимо от языка, возраста, профессии.

В Пхеньяне я впервые увидел, что человек может быть далеким культурно, политически, географически — но при

этом абсолютно близким по ощущениям. И что полет — это универсальный символ. Он всегда про одно и то же. Про свободу. Про преодоление. Про то, что человек способен подняться выше того, что держит его на земле.

Но если Пхеньян дал нам чувство силы, то Италия подарила что-то совершенно иное — ощущение настоящего чуда. Наша поездка на конкурс телевидения и радио Италии стала для меня одной из самых запоминающихся страниц жизни. Италия встретила нас светом — ярким, почти южным, который всегда будто напоминает: жизнь должна быть большой, теплой, открытой. Мы прилетели туда уже с уверенностью в номере, но без уверенности в себе. Все-таки зарубежная сцена — это другое. Там никто тебя не знает, никто заранее не готов аплодировать, никто не относится к тебе с уважением лишь потому, что ты — часть большого российского цирка.

Первое, что поразило, — итальянская публика. Она эмоциональна, но очень внимательна. Они слушают глазами. Они чувствуют тело артиста, как музыкант чувствует инструмент. Когда мы вышли на арену, я почувствовал этот взгляд — не требовательный, не холодный, а исследующий. В нем было скрыто ожидание: «А что вы умеете? Что вы нам покажете?»

И мы показали.

В Италии партерный полет воспринимался особенно ярко. Там любят красоту движения, драматургию тела, органичность дуэта. И наш номер — построенный на доверии, на плавности, на иллюзии полета в сантиметрах от земли — попал им прямо в сердце. Когда Таня делала свой почти невесомый переход, создавая впечатление, будто ее несет не рука партнера, а поток воздуха, публика замерла. А затем был взрыв — аплодисменты, всплеск эмоций, свист, крики, все то, что итальянцы никогда не скрывают.

Мы стали лауреатами конкурса телевидения и радио Италии, и это было большим достижением. Но важнее бы-

ло другое — в тот момент я понял, что наш номер действительно живет. Он резонирует с людьми, которые выросли в другой культуре, в другой музыкальной традиции, в другой эстетике. Это стало доказательством того, что язык движения — универсален. В нем нет «чужих».

А потом произошло событие, о котором я не мог бы даже мечтать. Нам сообщили, что Папа Иоанн Павел II лично приглашает участников фестиваля на аудиенцию в Ватикан. Я помню, как мы с Таней стояли на площади Святого Петра, среди сотен артистов, музыкантов, танцоров, исполнителей со всего мира. Свет падал на колоннаду Бернини, воздух был почти прозрачным — как бывает только в Италии, когда исторические стены будто дышат.

Когда Папа вышел к участникам, пространство изменилось. В нем появилось ощущение тепла и мягкости — не торжественного, не официального, а человеческого. Он говорил о том, что искусство — это дар, который Бог вложил в человека для того, чтобы он мог поднимать душу выше обыденности. А потом произошло то, что мы с Таней будем помнить всю жизнь.

После общего приветствия он подошел ближе — к нам, к тем, кто представлял цирковое искусство. Он знал, что среди нас были воздушные гимнасты, акробаты, артисты, работающие на грани риска. Он сказал несколько фраз, которые остались в сердце навсегда: «Вы дарите людям не только красоту. Вы дарите им мужество. Спасибо вам за вашу отвагу».

Эти слова — «за отвагу» — я запомнил навсегда. Потому что никто из нас, артистов, никогда не думает о себе как об отважных. Мы просто делаем то, что любим. Мы делаем то, что без нас не будет существовать. Но услышать эти слова из уст человека, которого уважает весь мир... Это был момент, который невозможно забыть.

Когда он подошел ближе и подал мне руку — спокойно, мягко, с той особой внутренней силой, которая бывает

у очень добрых и очень мудрых людей, — я почувствовал, как внутри все на мгновение остановилось. Папа Иоанн Павел II посмотрел мне прямо в глаза и поблагодарил лично меня за мастерство и отвагу. Его голос был теплым и искренним, без тени официальности.

И в тот момент я понял: эти слова обращены не только ко мне одному — они обращены ко всем артистам, кто когда-либо поднимался над ареной, кто жил на грани риска, кто преодолевал страх и учился летать.

Таня стояла рядом, и я видел, как этот жест тронул и ее. Она всегда была спокойной, собранной, уверенной, но в ее взгляде промелькнула тихая, глубокая радость — будто кто-то сверху подтвердил: наш путь — настоящий. Мы идем верно. Наш труд — не зря.

Мы вышли из Ватикана другими людьми. Не знаменитыми — мудрее. Мы поняли, что искусство — это не только аплодисменты, не только награды, не только поездки. Это еще и ответственность. Ответственность дарить людям не трюк, а вдохновение. Не зрелище, а внутренний подъем. И что наше движение под куполом, на трапедии, над ареной — это не просто борьба с гравитацией. Это небольшая помощь человеку в борьбе с его собственной тяжестью внутри.

И когда после Италии мы снова поехали показывать номер — уже в другие страны, на другие фестивали — каждый раз я видел в зрителях не просто публику. Я видел в них людей, которые приехали туда со своими страхами, своими сомнениями, своими надеждами. И думал: если хотя бы один из них после нашего выступления почувствует, что он тоже может «взлететь» — значит, все было не зря.

Сегодня, вспоминая те поездки, я понимаю: признание — это не медаль. Признание — это когда чужой человек, живущий на другой стороне планеты, смотрит на твоё движение и понимает, что оно о нем. О его жизни. О его

страхах. О его надежде. А такое понимание — лучше любой награды.

Возвращаясь домой после фестиваля, я долго смотрел в окно самолета на облака под крылом. И думал о том, что признание — это не награда. Это свидетельство того, что ты сумел выразить то, что живет внутри тебя, так чисто, что это почувствовал другой человек — пусть даже на другом конце планеты.

И, наверное, именно в такие моменты и понимаешь, что цирк — это действительно борьба с гравитацией. Не только физической, но и внутренней. Борьба за право быть собой. За право лететь.

О ЧЕЛОВЕКЕ И ПОЛЕТЕ

Когда я оглядываюсь назад и вспоминаю свои цирковые годы, я всегда чувствую, что вспоминаю не профессию, не работу, не этап жизни — я вспоминаю другое измерение своего существования. Будто в те годы я жил на границе двух миров: одного земного, привычного, где все подчинено тяжести и законам быта, и другого — воздушного, где человек хотя бы на секунду способен выйти за пределы своего веса, своих страхов, своей судьбы. И чем старше я становлюсь, тем отчетливее понимаю: цирк дал мне самое главное — опыт того, что человек действительно может взлететь. Не в физическом смысле — физика всегда берет свое. Но духовно, внутренне, по-человечески — да, человек способен подняться над собой.

Иногда я закрываю глаза и возвращаюсь туда: слышу хруст мата, чувствую запах пыли под прожекторами, ощу-

щаю холодный металл трапеции в ладонях. В такие моменты я снова становлюсь тем молодым мужчиной, который впервые поднялся в воздух, еще не зная, чего боится больше — высоты или самого себя. И в этих воспоминаниях есть удивительное чувство: будто все, что происходило тогда, не исчезло, а укоренилось внутри, став частью моей природы. Как будто воздух тех лет навсегда остался в легких.

Что я чувствую сейчас? Наверное, благодарность. За людей, с которыми вышел на одну арену. За учителей, которые верили в меня больше, чем я сам. За тех, кто ловил меня в моменты, когда силы кончались. За Таню, которая была рядом в каждом моем взлете и в каждом падении. За зрителей, которые отдавали нам свое дыхание, свои эмоции, свою энергию. За то, что в моей жизни было место полету — пусть временному, пусть сценическому, но настоящему.

А еще я чувствую ясность. Ясность того, что полет — это не про высоту. Настоящий полет происходит не в воздухе, а внутри человека. Потому что вся жизнь — это, по сути, постоянное падение. Мы падаем в обстоятельства, в сомнения, в непонимание, в страх, в потери, в душевную боль. И только иногда нам удается остановить это падение и подняться — пусть ненадолго, пусть только в ощущении, но подняться. Когда человек верит, когда он идет наперекор, когда он преодолевает то, что кажется непреодолимым — это и есть полет.

Когда я работал в цирке, я думал, что учусь технике, учусь силе, учусь владеть телом. Но теперь понимаю: я учился владеть собой. Воздушные номера — это школа характера. Ты не можешь подняться без доверия, без дисциплины, без внутренней тишины, без способности остановить страх. В моих репетициях было много боли, ошибок, провалов. Но каждая из этих точек стала ступенью. Цирк научил меня не бояться усилий. Он научил меня тому, что

труд — это не наказание, а путь к свободе. Потому что свобода не дается человеку. Ее создают.

Когда я смотрю на свою жизнь сегодня, я понимаю, что тот человек, который когда-то летал, продолжает жить во мне. Не в мышцах, не в связках — они давно перестали быть такими же крепкими... А в каком-то внутреннем ощущении направления. Я по-другому смотрю на трудности. Я по-другому слушаю страх. Я по-другому отношусь к падениям. Потому что знаю: в каждый момент жизни, даже самый тяжелый, у человека есть точка, из которой можно взлететь еще раз.

Вспоминая свои выступления, я иногда думаю: что видел зритель? Восхищение? Риск? Красоту? Возможно. Но для меня каждый выход был моментом, в котором я пытался дать людям чувство, что движение вверх возможно. Что высота — это не метры. Высота — это состояние, в котором ты поднимаешься выше обстоятельств. Выше усталости. Выше неуверенности. И если хотя бы один человек в зале в этот момент чувствовал трепет, легкость, внутренний подъем — значит, я сделал то, ради чего вообще существует цирк.

Но самое удивительное, пожалуй, то, что полет остается с человеком навсегда. Даже когда он больше не выступает. Иногда я иду по улице, смотрю на небо — не как зритель, а как человек, который знает вкус воздуха в движении. И тогда я чувствую, что внутри меня по-прежнему живет та самая легкость, которую когда-то подарила сцена. Она стала частью моего характера. Она стала той внутренней высотой, которой можно опереться в тяжелые моменты.

И да, сегодня я уверен: человек действительно способен взлететь — если верит. Не телом. Душой. У каждого из нас есть своя арена. Своя высота. Своя борьба с гравитацией — с гравитацией жизни, которая тянет вниз каждую секунду. И каждый человек хотя бы раз в жизни дела-

ет тот шаг, который определяет все: шаг вверх. Иногда он незаметен, иногда не связан ни с какой физической высотой. Иногда этот шаг — всего лишь решение не сдаться. Иногда — решение начать заново. Иногда — решение простить, пережить, выдержать.

Когда я размышляю об этом сейчас, уже после всех фестивалей, наград, поездок, встреч, после травм, боли и больших побед, я понимаю: цирк был моей школой духа. Не техникой. Не профессией. А школой того внутреннего пространства, без которого человек остается только телом. А тело всегда тянет вниз. Летит вверх только душа.

Я видел много людей, которые могли прыгнуть выше меня, были сильнее, гибче, быстрее. Но не каждый мог летать. Потому что полет — это не сумма физических качеств. Это состояние человека, который находит внутри себя точку опоры — не внешней, а внутренней. Человек летит, когда видит смысл. Когда любит свое дело. Когда доверяет тем, кто рядом. Когда делает шаг не потому, что умеет, а потому, что чувствует — иначе нельзя.

Сегодня, вспоминая те годы, я чувствую не ностальгию, а полноту. Как будто все, что было — лето, воздух, арены, гастроли, страхи, падения, победы — все это легло в мою жизнь как слои, на которых держится моя нынешняя опора. И если бы сейчас кто-то сказал мне, что я уже не летаю, я бы улыбнулся. Потому что полет — это не высота. Это свобода. А свобода никогда не уходит.

Иногда я снова вижу ту арену, где впервые поднялся над землей. Слышу далекий смех зрителей, шум прожекторов, дыхание партнеров. И тогда я понимаю: человек действительно способен взлететь. Не потому, что не боится падения. А потому, что знает — внутри него есть сила, которая сильнее страха.

И если когда-нибудь меня снова спросят, что такое полет, я отвечу просто: полет — это когда человек становится

выше самого себя. Хотя бы на секунду. Эта секунда —
и есть вечность.

ГЛАВА 4. ШКОЛА, РОЖДЕННАЯ ЖИЗНЬЮ

НАЧАЛО ПУТИ

Я часто возвращаюсь мыслями в 1979 год, хотя с того времени прошла уже целая жизнь. Но стоит закрыть глаза — и все оживает с удивительной ясностью: запах старого спортзала, теплый пар от разогретых тел, глухой стук босых ног по деревянному полу, смех ребят, которые еще не знали, что станут частью большого пути. Тогда никто из нас не подозревал, что мы, обычные студенты, искатели смысла и силы, окажемся у истоков того, что позже назовут школой каратэ¹ в Советском Союзе. Но все начиналось совсем не с постановлений или громких слов. Все началось с непреодолимой тяги — к чистому движению,

¹ Каратэ — это японское боевое искусство, система защиты и нападения без оружия, означающая «пустая рука». Оно включает в себя ударные техники руками, ногами, локтями и коленями, а также блоки и захваты. Помимо физического развития, каратэ уделяет большое внимание дисциплине, концентрации и самосовершенствованию.

С 2020 года является олимпийским видом спорта.

к дисциплине, к самому себе.

Каратэ... Насколько обычным тогда казалось это слово. Мы произносили его еще слегка неуверенно, не понимая всей глубины стиля, созданного Гитин Фунакоси в 1922 году.

У нас не было тренеров японского уровня, не было методических пособий, не было правильных кимоно, а порой и самого зала. Мы занимались везде, где была хоть какая-то возможность: в университете, в подвалах, на улице. Не было ничего, кроме желания. Но оно было настолько горячим, что хватило на всех — и на тех, кто потом уезжал по распределению в разные города, и на тех, кто появлялся в зале как будто с внезапным решением круто изменить свою жизнь. Я помню, как быстро дело пошло, как мы росли изо дня в день. Помню, как меня самого поразила эта легкость овладения техникой, будто тело давно уже знало эти движения, а я лишь должен был вспомнить их.

Именно в те годы мы впервые столкнулись с настоящим японским каратэ. Группа студентов из Института дружбы народов привела с собой тренера из Японии — мастера Сато Тэцуо¹. Тогда его присутствие казалось чем-то фантастическим: настоящий японец, мастер, человек, который видел каратэ не в фильмах и не в книгах, а вживую, там, где оно родилось. Сато-сан стал первым японским учителем в СССР и основоположником школы Сито-рю у нас в стране.

Позже я узнал, что Сато Тэцуо занимал должность вице-президента в одной из международных федераций каратэ-до Сито-рю², что за его плечами — путь, который нам

¹ Сато Тэцуо — 7 дан, сихан Всеяпонской федерации каратэдо Сито-кай; почетный президент Федерации Сито-рю России; президент Ассоциации японо-российской торговли; вице-президент Общества японо-российской дружбы; профессор института Оогаки Дзёси Танки.

тогда и не снился. Но тогда, в тот самый первый день знакомства, он просто тихо вошел в зал, поклонился и сказал: «Начнем».

В тот момент между нами и ним словно распахнулась дверь в другой мир. Он обучал нас не только технике — он учил чувствовать движение как продолжение внутренней собранности. Он показывал уклонение не как бегство, а как высшую форму понимания противника. Он объяснял, что сила — это не давление, а контроль, без которого нет точности. И, наверное, именно тогда я впервые понял, что такое стиль каратэ.

Но нельзя забывать, что все это происходило в эпоху, когда каратэ в СССР было почти запрещено. В конце 1970-х и начале 1980-х годов отношение к каратэ в мире стало стремительно меняться. На Западе оно становилось коммерческим, спортивным — благодаря фильмам, соревнованиям, зрелищности. В Советском Союзе все было иначе. Каратэ объявили системой чуждой советскому человеку, идеологически сомнительной, связанной с «уличной криминальной субкультурой». Затем последовал официальный запрет. Но даже до этого заниматься приходилось полуподпольно, осторожно, всегда с мыслью, что в любой момент могут прийти, закрыть зал, разогнать группу.

И все же мы продолжали. Мы не были смельчаками или романтиками — мы были людьми, которые чувствовали смысл в каждом движении. Иногда я думаю: почему мы не бросили? Почему не отступили? И каждый раз понимаю: путь уже выбрал нас. Не мы его начали — он начался в нас.

² Каратэ-до Сито-рю — это один из самых распространенных стилей каратэ, основанный в 1934 году Кэнвой Мабуни. Это сочетание окинавских стилей каратэ Сюри-тэ и Наха-тэ, которое отличается своей технической базой, близкой к старым окинавским техникам, и большой коллекцией ката.

Ученики уходили, новые приходили. Те, кто освобождал место — по распределению, по работе, по жизни, — они уезжали дальше, но стиль, который мы строили, оставался. Каждое свободное место в зале моментально занимал человек, который слышал про нас от знакомых или просто чувствовал, что ему это нужно. В какой-то момент, уже овладев техникой достаточно глубоко, я сам начал тренировать учеников. Это стало естественным продолжением пути. Ты растешь — и помогаешь расти другим. Разве можно иначе?

Но чтобы по-настоящему понять атмосферу тех лет, нужно вспомнить главное: тогда каратэ в СССР было окружено ореолом тайны. Нам казалось, что мы прикасаемся к чему-то древнему и сокровенному. Конечно, многое мы узнавали неправильно, черпали из книг, слушали рассказы тех, кто якобы что-то видел или умел. Мы не всегда точно понимали традиции, технику, культуру. Но важно было другое — искренность. Воля. Безграничное желание постигать. Порой именно оно заменяет правильные источники знаний.

Постепенно в разных городах начали появляться первые практики настоящего каратэ — в Москве, Ленинграде, Киеве, Эстонии. Но начало этого движения неразрывно связано с именем Сато Тэцуо. Его школа не была массовой, но именно она дала фундамент, на котором позже выросли крупные клубы, будущие руководители направлений, мастера, тренеры. После его возвращения в Японию его ученики продолжили развивать стиль, сохранив чистоту того, чему он нас учил.

Иногда я думаю, как все сложилось бы, если бы тогда, в 1979-м, мы не нашли этот зал, не вышли на тренировку, не почувствовали этот прилив сил, когда техника начинает получаться. Что бы было, если бы мы испугались запретов, сдались, решили, что это слишком сложно? Было бы ли все — турниры, ученики, школа, путь длиною в десятилетия? Наверное, нет.

Каждый раз, когда я возвращаюсь в те годы мысленно, я вижу не только себя. Я вижу людей, которые стояли рядом со мной, с одинаково горящими глазами. Вижу зал, где мы ставили первые блоки и уклонения, где ошибались и исправлялись, где спорили о технике, где порой оставались ночами, отрабатывая движения до тех пор, пока они не начинали жить внутри нас.

Когда смотришь назад из сегодняшнего дня, понимаешь: все, что казалось случайностями, было необходимыми звеньями. Запреты научили нас дисциплине. Отсутствие учителей — терпению. Ориентация на самопоиск — развитию.

Так создавалась школа. Без громких слов. Без официальных документов. Она росла в людях. Росла в том, как мы тренировались, как мы относились друг к другу, как мы преодолевали трудности. И сегодня, спустя десятилетия, я понимаю: рождение школы — это не год, не дата, не событие. Это процесс. И он продолжается.

ПЕРВЫЕ УЧЕНИКИ

Когда я думаю о первых учениках, передо мной возникает не просто список имен, а целые судьбы, характеры, голос, манера двигаться, даже то, как человек входил в зал, как раскладывал свои вещи, как смотрел на тебя в первый день. В те годы каждый, кто приходил на тренировки, словно приносил с собой маленький огонек надежды. И из таких огоньков постепенно разгорелось большое пламя. Так рождалась школа, которая не имела официального названия, но уже жила, уже дышала, уже тянула к себе тех, кто искал путь.

Чтобы понять, как все происходило, нужно вспомнить атмосферу тех лет. Конец 1960-х и 1970-е — время, когда слово «каратэ» было для большинства чем-то мифическим. О нем говорили вполголоса, пересказывали истории, видели редкие фотографии в журналах, но понимали мало. Уже в 1969 году в Москве под руководством Алексея Штурмина¹ была официально зарегистрирована первая школа каратэ. Следом — секции в МГУ, в Университете дружбы народов, в Институте имени Мориса Тореза. Появились первые клубы — «Бауманец», «Фрунзенец», другие. Это было похоже на сеть ручейков, которые еще не превратились в реку, но уже обозначали направление течения.

Несмотря на попытку властей «закрыть» каратэ, назвав его «методом физической подготовки, не имеющим ничего общего с советской системой физического воспитания», уже в 1978 году произошло событие, которое казалось настоящим прорывом. 13 марта была создана Всесоюзная комиссия по каратэ при Госкомспорте СССР во главе с Алексеем Борисовичем Штурминым. Уже осенью, 13 ноября, вышел приказ «О развитии борьбы каратэ», и комиссия преобразовалась в Федерацию каратэ СССР. Ее президентом стал полковник КГБ Виктор Куприянов, методическую комиссию возглавил Илья Гульев, судейскую — Владимир Артюх, аттестационную — Тадеуш Касьянов. Казалось, что вот она — эпоха расцвета. Но мы, кто уже тогда тренировал или учился, знали: все это зыбко, все это может исчезнуть так же быстро, как появилось. И так в итоге и произошло.

¹ Алексей Борисович Штурмин — заслуженный тренер России, основатель Центральной школы карате (Сэн'Э), основатель первой Федерации карате СССР, член президиума Российского союза боевых искусств, заслуженный тренер РФ. Чёрный пояс Сэн'Э, 9-й дан карате. Кандидат технических наук. В 2011 году награждён орденом Почёта.

1979 год стал для меня особой, поворотной вехой. На базе Дворца спорта тяжелой атлетики «Труд» на Цветном бульваре была создана Центральная школа каратэ. Ее руководителем стал все тот же Алексей Штурмин, а старшим тренером назначили Тадеуша Касьянова.

Однако задолго до этого, еще в конце 1974 года, произошло событие, значение которого я осознал лишь со временем. В зале впервые появилась большая группа спортсменов из МГУ и Института дружбы народов имени Патриса Лумумбы. Они вошли уверенно и шумно, с той естественной свободой движения, которая свойственна людям, привыкшим к спорту и духу соревнований.

Среди них сразу выделялся Вячеслав Матвеев — уже тогда внутренне собранный, с глубоким уважением к технике стиля. Позднее он стал мастером айкидо Айкикай, обладателем четвертого дана, вошел в руководство Федерации айкидо Айкикай России и открыл собственную школу с филиалами¹. Но в тот момент он был просто Вячеслав — высокий, внимательный, с ясным и спокойным взглядом. И именно он одним из первых почувствовал, что в наших тренировках есть что-то по-настоящему подлинное.

На одном из занятий, в зале появился новый человек — хоккеист Константин Климов. О нем тогда знали все: нападающий, двукратный чемпион СССР, мастер спорта. Но на тренировках он никогда не показывал, что он «звезда». Он был невероятно дисциплинированным спортсменом — работал тихо, сосредоточенно, как будто приходил не учиться чему-то новому, а догонять самого себя.

¹ Вячеслав Матвеев — мастер айкидо Айкикай (4-й дан), также имеет по два дана по иайдо и дзёдо; член Президиума Федерации айкидо Айкикай России, основатель школы айкидо с филиалами.

Через какое-то время Климов привел к нам своего товарища — знаменитого вратаря Владимира Мышкина, будущего олимпийского чемпиона, заслуженного мастера спорта. Он уже тогда был человеком удивительного спокойствия. Его движения были неторопливыми, но точными. И хотя казалось, что вратарю хоккейной команды каратэ может быть чуждо, он, наоборот, тонко чувствовал технику уклонений. Он воспринимал каратэ как искусство резкого перехода из неподвижности в действие — и это было в нем органично.

Тренировался у нас и Валерий Газзаев — тогда еще молодой спортсмен, а в будущем известный футбольный тренер. С ним приходил Ника Худиев, иногда появлялся Валерий Филатов из «Торпедо». Эти люди были уже из другой спортивной жизни, но каратэ их притягивало тем, что оно требовало не только физической силы, но и внутренней дисциплины. И они чувствовали, что здесь можно найти то, чего не хватало даже в профессиональном спорте — ощущение пути, уважения, глубины.

А затем появились те, кто стал уже не просто учениками, а настоящими соратниками. Николай Егоров — всегда прямой, открытый, честный в движениях и поступках. Казбек Губиев — спокойный, внимательный, с редкой способностью точно запоминать технику и воспроизводить ее без суесть. Ахполов Эльбрус — мощный, но гибкий, сочетавший природную силу с искренним стремлением понять внутренний смысл каждого приема.

Тимур Догузов выделялся по-своему: собранный, с внутренним чувством порядка и ответственности. В его движениях не было показной резкости — все было точно, выверенно, по делу. Уже тогда в нем ощущалась склонность к организованности и лидерству, умение держать себя и пространство вокруг. Позднее это внутреннее качество привело его к службе, и со временем он стал начальником ГАИ Владикавказа.

Эти ребята были разными, но всех объединяло одно — жажда учиться.

И что особенно важно — они верили. Верили не в миф о сверхъестественных восточных тайнах, а в то, что человека меняет постоянная, непрерывная работа над собой: шаг за шагом, без самообмана, без легких обходных путей, без иллюзий. Они приходили в зал и оставляли у входа все лишнее — гордость, усталость, сомнения. Это и были первые настоящие ученики.

Каждый, кто появлялся в зале, приносил с собой свое прошлое. Климов — травмы хоккейных боев, Мышкин — сосредоточенность и реакцию, Газзаев — спортивный азарт, Матвеев — спокойную философию айкидо. И все это, смешиваясь, создавало атмосферу, в которой стиль становился живым. Я видел, как люди меняются — как сначала повторяют движение, не понимая, а потом вдруг в их глазах появляется тот самый свет, который говорит: теперь понял.

Но судьба уже готовила мне новый путь. Я никогда не забуду тот день, когда впервые увидел цирковое представление Арнаутовых. Все было настолько невероятным: сила, красота, пластика, полеты, риск, музыка движения. Тогда во мне что-то перевернулось. Я понял, что хочу стать цирковым артистом. Это решение было неожиданным даже для меня. Казалось бы — где каратэ, а где цирк? Но позже я понял: это не разные дороги. Это разные формы одного и того же — стремления к совершенству, к преодолению, к искусству владения телом.

Но самое удивительное — даже став артистом цирка, я не оставил каратэ ни на один день. Где бы я ни оказывался — в Северодвинске, Новосибирске, Баку, Душанбе, Тбилиси, Хабаровске, Минске — я находил или маленький зал, или комнату в общежитии, или даже пустую площадку на стадионе. И там, после репетиций, уже поздно вечером, собирал ребят. Иногда это были молодые рабочие, иногда

студенты, иногда такие же артисты цирка. И снова — свет в глазах, снова вопросы, снова желание понять. Школа продолжала жить, перемещаясь вместе со мной по всей карте Советского Союза.

И сейчас, оглядываясь назад, я понимаю, что первые ученики — это не те, кто пришел ко мне самыми первыми. Это те, кто поверил в путь. Кто остался, когда было трудно. Кто видел во мне не наставника, а человека, который идет рядом. Они были, по сути, первыми кирпичами того фундамента, на котором потом выросло все остальное. И каждый из них оставил во мне часть своего характера, своей силы, своей искренности.

Так рождалась школа. Так рождались ученики. Так рождался путь, который продолжается и сегодня — через имена, движения, воспоминания, через судьбы тех, кто однажды вошел в зал и остался в моей жизни навсегда.

ШКОЛА СИЛЫ ХАРАКТЕРА

Когда вспоминаю те годы, первые залы и первые тренировки, я вижу не бетонные стены и не скрип половиц, а ту особую атмосферу, которая возникает только там, где люди собираются не ради формы, а ради сути. У нас не было зеркал, не было правильных стоек, не было матов, а порой — даже нормального отопления. Но было то, чего нельзя купить — жажда учиться. Все начиналось в самых скромных условиях, где каждая доска пола знала цену усилию. Иногда казалось, что даже воздух в зале был в движении вместе с нами — такой плотный был ритм тренировок.

В конце 1970-х спорткомплекс на Нагорном бульваре в Москве стал для меня одним из таких мест силы. В 1980 году, когда Мухтарбек Кантемиров ушел из проекта «Руслан и Людмила», его друг предложил мне стать заместителем спорткомплекса. Так начался особый период. В одном здании собирались люди, каждый из которых был мастером своего дела: фехтование вел Анатолий Галушкин, позднее старший тренер сборной России; штангой занимался легендарный Николай Дубов; бокс — Леонид Шейнкман, неоднократный призер чемпионатов СССР, заслуженный тренер России. А секцию каратэ вел я. Один из моих учеников в те годы — Борис Кантемиров, человек талантливый, упорный и невероятно преданный делу.

Наш зал был маленьким — квадратное помещение с выбеленными стенами, которые впитывали в себя тяжелое дыхание, шум ударов, глухие шаги и редкие реплики тренера. Но именно там зарождалось то, что потом многие будут называть школой. Ребята приходили после работы, после учебы, кто-то после бессонной смены. Никто не жаловался. Наоборот — казалось, что чем тяжелее условия, тем сильнее люди тянулись к тренировке. Там, среди простоты и скромности, рождалось настоящее доверие.

В таких залах человек раскрывается полностью. Там нет декораций. Ты или работаешь — или уходишь. Каждый видел, кто насколько честен. Секретов в движении не спрячешь: либо ты вкладываешь усилие, либо делаешь вид. Именно поэтому атмосфера между людьми была особенной — ровной, уважительной. Ведь мы были объединены одним: поиском.

Переломным моментом стали тренировки с Гурамом Мжаванадзе и Виктором Лифшицем. Гурам — профессор нейрохирургии, человек невероятно спокойный, с идеальной точностью в движениях, будто каждое из них он выверял под микроскопом. Лифшиц — главный инженер лазерных машин, которые пришли в СССР из Голландии.

Их обслуживал специалист из Голландии — Роберт Ришель. Его отец был знаменитым тренером по дзюдо.

Мы объединили наши секции и продолжили работу вместе. И это было удивительное время. Формально еще не существовало никакой федерации, но наши объединенные секции уже жили по своим законам, уже были школой. Мы тренировались с утра до ночи, спорили, разбирали технику, пробовали новые подходы, вновь и вновь возвращались к базовым движениям. В этом было ощущение того, что мы делаем нечто настоящее, большое, фундаментальное.

Но через полтора года судьба снова изменила мой путь. В 1984 году каратэ в СССР официально запретили. Людей штрафовали, секции закрывали, залы пустели. И тут снова прозвучала рекомендация Мухтарбека Кантемирова. Он сказал, что я должен вернуться в цирк. И еще один голос звучал каждый день — голос Тани. Она мечтала о цирке. Моя супруга, человек удивительной искренности — каждый день говорила: «Олег, я хочу в цирк. Я люблю цирк». И я видел по ее глазам: это не каприз. Это зов сердца. А заодно — путь, который открывает двери, когда другие закрываются.

Я прошел проверку на выносливость у Арнаутовых, тренировки были тяжелыми, порой на грани возможностей. Но именно каратэ сделало меня сильнее. Гармония движения, умение работать с импульсом, чувствовать чужое тело — все это оказалось бесценным и в цирке. И вот мы уже вдвоем с Таней в труппе, вместе на манеже, вместе в гастрольях, которые поведут нас по всей стране.

Но даже тогда я продолжал заниматься каратэ. В каждом городе, на каждой гастрольной площадке находился зал, где собирались люди. И там начинались тренировки — иногда поздно ночью, иногда на рассвете. И туда приходили те, кто тоже искал путь.

В те годы рядом со мной тренировались по-настоящему удивительные люди. Именно в нашем зале зарождалось советское кунг-фу. Гуссейн Магомаев — один из первых, кто поднимал это искусство. Сейчас у него в Дагестане настоящий монастырь кунфу. Его ученики побеждали китайских мастеров — таких историй было немного, и каждая становилась легендой. Был Александр Зимин — тяжеловес, начальник группы захвата КГБ СССР. Сергей Шаповалов — тот самый, кто на Кубке СССР в 1976 году в Томске впервые в истории выполнил двойное сальто с поворотом на 180 градусов. Это был прыжок, который вошел в историю спортивной акробатики. Был и Сергей Жуков — один из основателей в СССР школы Масутацу Оямы, основателя киокушинкай.

Рядом с такими людьми уважение к делу и друг к другу возникало само собой. Ты ощущаешь, что являешься частью потока, который больше каждого из нас. И ты учишься у каждого — в движении, в характере, в умении держать удар судьбы.

И был еще один человек — Джахангир Шахмурадов, первый чемпион СССР по каратэ. Его имя не требовало представления. В своей книге он посвятил одну из глав мне — Олегу Кантемирову. Для меня это было честью. И особой строкой в памяти остались моменты, когда Бибо Ватаев вручал мне награду в ресторане «Актер». Там же я встречался с Василием Ливановым — человеком потрясающей культуры. Он подарил нашему конному театру лошадь. Позже сын Буденного подарил еще одну. Эти жесты говорили о многом: они показывали, что путь боевого искусства пересекается с путем искусства сценического, творческого, человеческого.

И я благодарен судьбе за то, что она провела меня через этих людей, через эти залы, через эти испытания. Потому что именно там, в простоте деревянного пола и тяжелом рисунке дыхания, родилось понимание, которое я

несу до сих пор: настоящий бой — всегда внутри человека. И победить в нем можно только честностью.

ТРУДНОСТИ И ГОДЫ ЗАПРЕТОВ

Если сегодня кто-то видит в боевых искусствах часть спорта, культуры или обычную дисциплину, то объяснить ему атмосферу советских лет почти невозможно. Каратэ тогда не было выбором. Это не была дорога, по которой можно идти свободно. Это был вызов — тихий, внутренний, который ежедневно заставлял спрашивать себя: «Что для меня важнее: удобство или путь?»

Я вспоминаю то время как длинный коридор испытаний — не громких, не театральных, а скрытых, тех, что проверяют человека глубже всего. Не кулаком, а временем. Не силой, а обстоятельствами. Боевые искусства последовательно проходили через все ступени негласного давления: их сначала «не рекомендовали», затем — «не одобряли», позже «не советовали», потом стали «пристально контролировать», ограничивать, а затем и запрещать. Каждый новый виток был похож на удар, под который нужно подобрать правильное уклонение.

Внутри этого давления звучало множество вопросов: «Зачем тебе это?», «Не боишься неприятностей?», «Стоит ли рисковать?» Что особенно поразительно — подобные вопросы исходили не только «сверху». Часто это говорили друзья, коллеги, знакомые — люди, желавшие уберечь, оградить, сохранить. Они видели, что каратэ для меня — не хобби, а внутренняя необходимость. Им казалось, что однажды эта необходимость может обернуться против меня.

Но если человек нашел свой путь, сильный ветер не заставит его развернуться. Можно согнуться, укрыться, поменять маршрут — но путь остается. Я ощущал это не потому, что был бунтарем или хотел что-то доказать. Просто я видел смысл. Видел дорогу.

Самое первое столкновение с настоящим давлением пришло не от государственных структур, а от людей, которые не понимали сущности боевого искусства. Для них каратэ сводилось к драке, к уличным разборкам, к опасности. Приходилось объяснять: каратэ — не про удар, а про дух; не про конфликт, а про самоконтроль; не про хулиганство, а про путь.

Но слова мало убеждали. А вот движения — да. Стоило людям увидеть, как мы работаем — точно, мягко, без агрессии — многое менялось. Так было много раз, и я понял: путь невозможно объяснить. Путь можно только показать.

Однако в те годы даже самые ясные объяснения не всегда спасали. Начались проверки — иногда внезапные, иногда «плановые». В зал могли войти в любой момент — просто посмотреть, чем мы занимаемся. Формально это не было запретом, фактически — это означало, что тебя держат на виду. Иногда вызывали «поговорить». Иногда приходилось менять расписание, закрывать занятия, искать залы подальше от людных улиц. Это были годы, когда нужно было тренировать не только технику удара, но и внимательность — и это был особый экзаме́н.

Самым тяжелым стал период после официального запрета. Когда вышло постановление о том, что заниматься боевыми искусствами нельзя, вокруг словно сомкнулись стены. Залы закрывались. Учителя уходили в тень. Ученики исчезали — не по своей воле, а потому, что обстоятельства вынуждали. Казалось, что путь прервался, что дверь закрылась.

Но тот, кто идет долго, знает: одна дверь закрывается, чтобы открыть другую.

И судьба действительно открыла новую дверь — цирк. Мир, в который меня привел Мухтарбек Кантемиров. Особая художественная вселенная, где опасность, искусство и движение сливаются в одно целое. В цирке никто не запрещал крутить сальто, держать баланс, развивать тело, расти. Переход туда стал возможностью сохранить главное — способность учить, передавать путь. Цирк давал ту свободу, которая нужна ученику — не внешнюю, а внутреннюю.

Даже когда мы с Таней гастролировали по всей стране, я всегда находил место, где можно было тренировать тех, кто хотел учиться. Иногда — маленькая комната в спортшколе на окраине Сибири, иногда — заброшенный зал, иногда — помещение дома культуры. Часто я ехал на занятия поздно вечером, уже после выступления, когда тело требовало тишины. Но стоило открыть дверь, увидеть лица учеников — усталость исчезала.

Так я вновь отвечал на старый вопрос: как сохранить верность делу?

Верность не держится усилием. Она держится любовью. Если ты любишь путь, ты не можешь выйти из него. Даже когда все дороги перекрыты — ты все равно найдешь тропинку.

В те годы рядом со мной было много тех, кто тоже шел наперекор обстоятельствам. Это были люди жившие своим искусством, а не просто занимавшиеся им. Я смотрел на них — и понимал: сопротивление не ломает. Оно провояет человека на прочность.

Иногда я думаю, что годы запретов были необходимы. Именно они очистили путь от случайных людей. Когда заниматься можно свободно — всегда найдутся те, кто пришел «просто попробовать». Но когда цена высока — остаются лишь те, кто действительно выбрал путь.

Но самым трудным было не внешнее давление, а внутреннее. Я задавал себе вопросы: правильно ли я поступаю? Есть ли в этом смысл? Не подвергаю ли я учеников риску? И каждый раз ответы приходили не из логики и не из расчета, а из того тихого внутреннего голоса, который слышит только тот, кто идет долго: «Продолжай. Это твоя дорога».

А дорога знает, куда ведет.

Теперь, спустя десятилетия, я ясно понимаю: если бы не те годы, если бы не запреты, не проверки, не необходимость быть одновременно внимательным и честным — я бы не стал тем, кем стал. И путь Вадору не стал бы моей сутью. Гармония рождается из сопротивления. Стойкость — из тишины.

Верность делу сохраняется единственным способом — не изменяя себе. И, возможно, именно поэтому каратэ для меня никогда не было набором ударов. Для меня оно всегда было способом жить. И оставалось им даже тогда, когда мир говорил: «Остановись».

Но путь не останавливается, пока идет человек.

И я продолжал идти.

СОБСТВЕННЫЙ СТИЛЬ

Я никогда не считал свой стиль каким-то особым учением или отдельной философией. Я просто делал то, что считал правильным, и шел тем путем, который мне диктовала жизнь. Возможно, со стороны это выглядит как система, как метод, как особый подход. Но для меня это всегда было продолжением характера и опыта, а не набором красивых слов.

Мой путь начался задолго до зала и татами¹. Он начался тогда, когда я рано остался без отца и оказался в среде, где нужно было уметь постоять за себя. Это была не враждебная среда, но она была сложной. Рядом были друзья, но за ними стояли старшие братья, отцы, целые семьи. И ты либо находишь в себе опору, либо постепенно исчезаешь. В этой системе я должен был самоутвердиться, и сделал это единственным способом, который тогда был доступен, — через физическую силу, через упорство и готовность работать больше других.

Поэтому сила для меня никогда не была второстепенной. Она была основой. Не показной, не для эффектных движений, а настоящей — той, что держит тело, позволяет выдерживать нагрузку, навязывать темп, быть резким и собранным. Уже потом, когда в моей жизни появилось каратэ, я просто переложил этот внутренний опыт на спорт.

Я с большим уважением отношусь к мастерам восточных единоборств. Я многому у них научился. Технике, дисциплине, точности движения, умению владеть телом и собой. Восточная школа дала мне фундамент — понимание формы, структуры, принципа. Но я никогда не пытался стать частью чужой философии целиком. Я брал то, что было мне близко, и соединял это с тем, на чем вырос сам.

Когда вокруг каратэ начали выстраивать ореол таинственности, говорить о скрытых энергиях, особых состояниях и легких путях, я всегда говорил прямо: каратэ — это спорт. Обычный, тяжелый, требовательный вид спорта. Здесь не становятся мастерами от разговоров и не приближаются к результату от того, что кого-то подвесили на люстре или научили красиво говорить. Результат прихо-

¹ Татами в каратэ — это напольное покрытие (маты), предназначенное для обеспечения безопасности, амортизации падений и снижения риска травм во время тренировок и соревнований.

дит только через работу. Через ежедневные тренировки. Через повторение, усталость, боль в мышцах и умение не искать оправданий.

Мой стиль сформировался именно так. Это стиль усиления воли. Стиль физической готовности. Стиль скорости, резкости, стремительных входов, бросков, жесткого темпа. В нем много движения и давления, потому что бой для меня всегда оставался реальным столкновением, а не демонстрацией формы. Я никогда не искал внешней красоты ради самой красоты — мне важна была эффективность и честность движения.

При этом я всегда старался сохранить уважение — к сопернику, к ученику, к залу, к делу. В этом, наверное, и проявляется то воспитание, которое я получил с детства. Кавказская традиция чести и достоинства не нуждается в объяснениях. Она просто живет в человеке. Требовательность к себе, уважение к старшим, ответственность за тех, кто рядом, и умение держать слово — все это для меня было важнее любых абстрактных рассуждений.

Я никогда не ставил перед собой задачу воспитывать «мудрецов» или философов боевых искусств. Я хотел воспитать людей, которые умеют работать, не боятся трудностей и понимают цену усилию. Людей, которые знают: путь спортсмена — это не тайна и не легенда, а каждодневный труд. И если кто-то из моих учеников избавился от иллюзий и нашел для себя честную дорогу — значит, я сделал все правильно.

Я благодарен восточным мастерам за то, чему они научили меня. Но мой стиль — это мой путь. Он вырос из жизни, из обстоятельств, из характера. И если в нем есть сила, резкость и прямота, значит, иначе он просто не мог сложиться.

СМЫСЛ ВЫБРАННОГО ПУТИ

Со временем я понял одну простую вещь: технику можно выучить. Дисциплине можно научиться. Силу можно нарабатывать. Но то, что называют духом школы, невозможно передать напрямую. Его нельзя вложить в человека словами и нельзя навязать через требования. Он либо складывается внутри — либо не складывается вовсе.

За годы работы — в спортивных залах, в цирковых помещениях, в небольших комнатах на гастролях, в самых разных условиях — я видел одно и то же. Почти каждый, кто приходит заниматься, сначала ищет технику. Это нормально. Молодость всегда тянется к форме, к силе, к уверенности. Но рано или поздно наступает момент, когда становится ясно: техника — это инструмент. А главное — человек, который этим инструментом пользуется.

Я всегда относился к каратэ прежде всего как к делу, а не как к системе взглядов на мир. Но именно через это дело постепенно и формируется отношение к жизни. Не через рассуждения, а через поведение. Через то, как человек держит удар — не только физический, но и жизненный. Через то, как он относится к партнеру, к залу, к работе, к собственным ошибкам.

Когда ко мне приходили ученики — Борис Кантемиров, Николай Егоров, Казбек Губиев, Ахполов Эльбрус, ребята из университетских секций, позже артисты цирка, — все начиналось одинаково. Они хотели научиться двигаться, бить, бросать, быть сильными. Но со временем разговор неизбежно уходил в сторону другого: как держать себя, как не срываться, как не терять уважение — и к другим, и к себе.

Я никогда не любил длинные объяснения. Я видел, что слова часто проходят мимо. Человек может запомнить

фразу, но забыть смысл. Поэтому главным способом передачи для меня всегда оставался личный пример. Поведение. Отношение. Спокойная, собранная работа. Без лишних эмоций, без показной строгости, без давления.

Иногда самым сильным инструментом оказывалось отсутствие суеты. В этом состоянии человек слышит не внешние слова, а собственную меру. Он понимает, когда работает честно, а когда начинает искать обходные пути. Суета многое скрывает. Без нее — все видно сразу.

Мне в свое время повезло видеть, как работают настоящие мастера. Очень разные люди — по профессии, по характеру, по судьбе. Но объединяло их одно: они не играли роль учителя. Они просто были собраны. Честны в движении. Спокойны в себе. И этого было достаточно, чтобы рядом с ними выравнивались другие.

Я многому у них научился — не в словах, а в том, как они входят в зал, как начинают движение, как держат паузу. И когда сам стал учить, я старался придерживаться того же принципа: не «учить жизни», а работать. Не демонстрировать превосходство, а сохранять внутреннюю собранность. Потому что школа разрушается не из-за ошибки в технике. Она разрушается тогда, когда тренер теряет честность — прежде всего перед самим собой.

Были ученики, которые хотели быстрых результатов. Я всегда говорил им прямо: сила — не цель. Сила — это следствие. Если гоняться только за силой, можно потерять себя. Если заниматься делом честно и последовательно, сила придет сама. Кому-то это становилось понятно сразу. Кому-то — спустя годы. Но итог всегда был один и тот же.

Я видел, как Борис Кантемиров приходил после тяжелого дня — уставший, но внимательный. Как Николай Егоров стремился к точности и чистоте движения. Как у Казбека Губиева дисциплина была спокойной и внутренней, без показного напряжения. Как у Ахполова Эльбруса соче-

тались мощь и тонкость. Каждый был разным. И я никогда не пытался сделать их одинаковыми.

Я не поощрял агрессию. Строгость — да. Требовательность — обязательно. Но жесткость ради жесткости — никогда. Потому что дух школы живет не в ударе и не в силе. Он живет в отношении. В том, как человек ведет себя, когда на него никто не смотрит. В том, как он работает, когда устал. В том, как он относится к слабому и к сильному.

И если за все эти годы я что-то понял окончательно, то только одно: выбранный путь имеет смысл тогда, когда человек остается на нем честным. Перед делом. Перед учениками. И перед собой.

ГЛАВА 5. МАСТЕРА И УЧЕНИКИ

ДОВЕРИЕ И ПЕРЕДАЧА ОПЫТА

Моя жизнь в боевых искусствах началась не с удара, не с приема, не с какого-то впечатляющего упражнения, а именно с доверия — того незримого жеста, который открывает путь от сердца к сердцу. Ведь боевые искусства — это не просто техника, не набор движений, которые можно выучить механически. Это пространство, в котором человек раскрывает себя, обнажает слабость, пытается понять, куда двигаться дальше, и ищет того, кто сможет провести его по трудной, извилистой дороге. И каждый раз, когда я думаю об этом, передо мной встает простое слово: доверие.

Что оно значит между мастером и учеником? Наверное, прежде всего — готовность быть честным. Не перед другими, а перед самим собой. Я не раз видел, как люди приходили в зал с напряженной улыбкой, с выпрямленной спиной, в попытке показать, что все под контролем. Но стоило начать первое упражнение — и становилось ясно, чего они боятся, что скрывают, что пытаются утаить

за красивой осанкой. Боевые искусства не терпят обмана. Ты либо делаешь шаг вперед и признаешь свою неопытность, либо так и остаешься в стороне, наблюдателем, который боится прикоснуться к реальности.

Для ученика доверие начинается с простого: с того момента, когда он решается выйти на татами. Он еще не знает техники, его движения неловки, дыхание сбивается, а руки дрожат от волнения. Но он выходит. И этим шагом он говорит: «Я готов учиться. Я доверяю тебе». Он словно протягивает мастеру невидимую нить — тонкую, как паутинка, но достаточно прочную, чтобы со временем превратиться в канат.

Для мастера же доверие — это ответственность. Ведь, если задуматься, ученик доверяет не только свою технику, но и свой путь. Он доверяет тебе свое тело, свою психику, свое время, свои надежды. Все, что накопил за годы и все, что хочет изменить. И когда ты понимаешь, какая это ноша, внутри возникает тихое, но очень серьезное чувство: «Я не имею права обмануть этого человека. Я обязан быть честным, внимательным и терпеливым». Потому что каждое слово мастера может стать либо опорой, либо камнем, о который ученик споткнется.

На практике доверие проявляется в мелочах. Иногда — в том, как человек смотрит на тебя, когда ты показываешь новый прием. Если взгляд открыт, если в нем нет внутреннего сопротивления — значит, ты сумел донести смысл, и ученик готов идти за тобой. Иногда — в том, как он выполняет исправление. Ты поправляешь стойку, наклоняешь плечо, разворачиваешь корпус — и видишь, что он не спорит внутренне, не пытается доказать свою правоту, а просто принимает исправление как часть пути. Это и есть доверие.

Но главное проявление доверия — способность повторять даже то, чего ты сам не понимаешь до конца. Ученик еще не осознает всей логики движения, не чувствует скры-

того центра тяжести, не понимает, почему именно так нужно дышать, но делает, как сказал мастер. Через такое «слепое» принятие проходит каждый — и не только в боевых искусствах. Ребенок повторяет шаги за взрослым, музыкант — за педагогом, художник — за наставником. И только спустя годы понимает, что именно через доверие он вышел на свой собственный путь.

Я не раз наблюдал, как доверие меняет людей. Один парень, помню, пришел в зал угрюмый, замкнутый. Двигался он резко, сдержанно, будто все время ждал удара от мира. Но через несколько месяцев стал мягче — не в смысле слабее, а в смысле более открытым. Он начал слушать, перестал спорить, даже улыбка появилась. И однажды он сказал мне почти шепотом: «Я никогда раньше никому не доверял, а тут... как-то само получилось». И я понял, что мы на верном пути. Ведь боевые искусства — это не про удары. Это про то, как человек учится доверять хотя бы одному человеку, а через это — всему миру.

Но доверие — процесс двусторонний. Оно не работает, если мастер смотрит на учеников сверху вниз, как на подчиненных. Мастер — не генерал и не жрец. Он тот, кто идет впереди по дороге, которую тоже когда-то не знал. Я всегда помню о том времени, когда сам был учеником — и потому стараюсь быть честным и открытым со своими учениками. Если я ошибаюсь — признаю. Если не знаю — говорю, что не знаю. Если нужно время, чтобы разобраться — беру время. Удивительно, но такие простые слова: «Я тоже учусь», — обычно только укрепляют уважение. Ведь ученики видят, что ты — живой человек, а не памятник.

Доверие проявляется и на уровне движения. Когда ученик позволяет тебе корректировать его стойку, он буквально допускает тебя в то пространство, которое для многих людей является самым личным — в пространство тела. Ты наклоняешь его локоть, поднимаешь плечо, смещаешь таз — и в эти секунды несешь ответственность

за то, что он не упадет, что почувствует движение, что поймет смысл. Мастер обязан держать ученика так, словно держит хрупкий сосуд — с уверенностью, но без грубости.

Иногда бывают ситуации, когда доверие проходит испытание. Например, ученик делает ошибку, получает травму или чувствует страх. И тогда у мастера есть два пути: либо отступить и сделать вид, что ничего особенного не произошло, либо остаться рядом и помочь пройти через сложность. Я всегда выбираю второе. Потому что именно в такие моменты ученик понимает: мастер — это не тот, кто показывает сложный прием, а тот, кто остается рядом, когда у тебя ничего не получается. Когда сложно, стыдно, страшно — вот тогда и проверяется доверие.

Многие думают, что доверие — вещь легкая. На самом деле оно требует огромного внутреннего труда. Ученик должен уметь принимать — а это непросто. Принимать критику, принимать собственную слабость, принимать шаги, которые иногда кажутся бессмысленными. А мастер должен уметь отдавать — отдавать знания, внимание, время, энергию. И если одна сторона перестает участвовать в этом обмене, отношение становится пустым.

Я часто думаю о том, почему я так дорожу моментами доверия. Наверное, потому что они делают отношения между мастером и учеником настоящими. Ведь есть вещи, которые нельзя притвориться: уважение, искренность, готовность слушать. Эти качества невозможно купить, невозможно сыграть. Они рождаются только в движении, только в практике, только в совместном пути.

И вот что я понял спустя годы: доверие — это не то, что дается один раз. Оно создается заново на каждой тренировке. Ты можешь быть мастером двадцать, тридцать лет, иметь сотни учеников — и все равно каждый новый человек, переступивший порог зала, задает тебе один и тот же вопрос, пусть и без слов: «Могу ли я доверять тебе?» И твой ответ — не в словах, а в том, как ты работаешь, как

смотришь, как ведешь. В том, насколько честен ты в мелочах.

А когда доверие становится взаимным — происходит чудо. Мастер начинает видеть в ученике не просто новичка, а человека с его внутренней силой, скрытым потенциалом, неповторимой логикой движения. А ученик начинает видеть в мастере не только носителя техники, но и человека, который помогает ему раскрыть самого себя. Именно в такие моменты появляется то, что я называю настоящей школой. Не в стенах, не в традициях, не в наградах — а в живой связи между людьми.

И, может быть, самое главное — доверие делает путь светлее. Оно превращает даже трудные тренировки в пространство, где человек растет. Оно помогает пережить ошибки без унижения, боль без отчаяния, сложность без страха. Оно делает каждого из нас немного сильнее — не внешне, а внутри.

Иногда мне кажется, что мастер и ученик идут по мосту, который строится прямо под ногами. Каждый шаг — это новая доска, новая опора. И этот мост держится не на технике, не на званиях, а на доверии. Если оно есть — можно пройти даже по самому узкому краю. Если нет — даже широкая дорога покажется опасной.

И когда спустя годы ученик приходит и говорит: «Спасибо. Вы изменили мою жизнь», — я знаю, что дело было не в приемах и не в ударах. Дело было в том, что когда-то, в самом начале, он поверил. А я постарался быть достойным этой веры.

ОТ ПЕРВЫХ ШАГОВ — К РЕЗУЛЬТАТУ

Иногда этот момент приходит неожиданно: ты стоишь рядом со своими товарищами, с теми, кто начинал вместе с тобой, кто вместе ошибался, падал, срывал кожу на костяшках, и вдруг видишь — они уже другие. Их движение стало чище, дыхание — ровнее, взгляд — спокойнее. Они выросли. Они стали мастерами. И не просто мастерами техники — мастерами самого пути.

Поначалу я даже не мог сформулировать, что именно меня удивило. Мы все начинали примерно одинаково — молодые, горячие, упрямые. Мы не особо думали о том, кто кого обгоняет, кто быстрее постигает технику, кто сильнее на спарринге. Это само собой происходило в зале, в поте, в ударах, в повторении движений бесчисленное количество раз. Но однажды я поймал себя на том, что человек, стоящий рядом со мной на татами, делает движение так, как я пока не умею. Не потому что он хитрее или удачливее — а потому что он перерос ту ступень, на которой стоял раньше.

Первым чувством была... тишина. Не удивление, не ревность, не гордость — именно тишина. Как будто внутри что-то остановилось, чтобы лучше услышать, что происходит. Мой товарищ по спорту, тот, кто вместе со мной переживал трудные тренировки, вдруг оказался впереди. И в эту секунду наступила честность: честность перед собой, перед ним, перед судьбой. Я понял, что у каждого свой путь, и что, возможно, в этот момент он делает шаг, который я еще не готов сделать.

Но затем пришло другое чувство — ясное, теплое: гордость. Не такая, что заставляет хлопать по плечу и громко говорить «Браво!», а тихая, глубокая гордость за то, что человек обрел что-то свое. Он вырос — и этот рост виден. Я

смотрел на него, как смотрит брат на старшего брата, хотя мы были ровесниками. Гордость, лишенная сравнения, чистая, свободная.

Мне кажется, что когда ты видишь, как товарищ становится мастером, ты сталкиваешься с одной из самых трудных истин боевых искусств: твоя собственная дорога перестает быть центром всего. Ты учишься радоваться тому, что путь другого человека идет вверх. И это превращает тренировку в нечто большее, чем просто индивидуальное совершенствование.

Однако вместе с гордостью пришла и ответственность. Я поймал себя на мысли: если он смог — значит, это возможно. Значит, это не какой-то недостижимый дар, не случайность. Значит, путь открыт. И тогда внутри возникает спокойная, почти философская обязанность — перестать жалеть себя. Догонять не для того, чтобы быть лучше, а для того, чтобы не отступать от собственной судьбы.

Парадоксально, но именно в такие моменты понимаешь, что дух соревнования — это лишь поверхностный слой. Гораздо важнее другое: способность признать чужой успех как часть общего движения, общего роста. Когда один из нас поднимался, поднимались мы все. Когда один открывал новый уровень техники, он словно освещал путь для остальных. И это не красивый образ — это правда, которую я видел своими глазами.

Я вспоминаю одного товарища — мягкого, спокойного, внешне почти незаметного. Когда мы начинали, он был самым тихим в группе. Но у него была удивительная черта: он слушал всем существом. Иногда казалось, что он впитывает каждое слово мастера, каждое движение, каждый намек. И однажды — я до сих пор помню этот вечер — он вышел на спарринг, и все изменилось. Он двигался так, будто внутри него открылся новый источник силы. Не агрессия, не злость — именно сила, основанная на понимании.

И в тот миг я понял, что я стал свидетелем рождения мастера. Это было как увидеть рассвет: ты знаешь, что он неизбежен, но все равно поражаешься тому, как много света появляется на горизонте.

Что я почувствовал? Радость. Настоящую, глубокую радость — как будто его успех стал моей собственной победой. И потом, когда он начал выигрывать соревнования, когда его стали приглашать на семинары, когда о нем начали говорить как о будущей звезде — я чувствовал не малейшей тени зависти. Только благодарность судьбе за то, что я видел его путь с самого начала.

Но были и другие моменты — сложнее. Когда товарищ обгоняет тебя, ты неизбежно остаешься один на один с вопросами: «Почему не я? Что я делаю не так? Где я недоразвиваюсь?» И в этот момент начинается внутренний рост. Ты учишься смотреть на себя честно. Учишься видеть свои слабые стороны. Учишься быть благодарным тому, кто идет впереди и показывает — не словами, а фактом — что путь возможен.

Мне кажется, что стать счастливым за успех товарища — это одно из самых трудных, но и самых зрелых чувств. Оно требует не просто доброты, но внутренней свободы. Ты не меряешь себя чужим ростом. Ты принимаешь свою дорогу, но и признаешь дорогу другого.

Когда в зале появляется чемпион — настоящий чемпион, не по вывеске, а по духу, — он изменяет пространство. Его присутствие делает тренировки другими. Он вдохновляет, он заставляет собраться, он подталкивает к высоте, о которой ты раньше не думал. И я не раз наблюдал, как ученики — и молодые, и взрослые — словно выпрямлялись рядом с такими людьми. Потому что чемпион — это не только титулы. Это качество движения, внутренней тишины, собранности.

Я испытал особое чувство, когда мои товарищи впервые начали побеждать меня. Не потому, что я слабел, нет.

А потому, что они росли быстрее. В этих моментах я видел: путь каждого из нас неповторим. И я будто понимал — их победа не отнимает у меня мою. Она только подчеркивает: нужно идти дальше, искать глубже, работать внимательнее.

Но знаете, что самое удивительное? Когда человек становится мастером, ты вдруг начинаешь видеть в нем то, чего раньше не замечал. Его движения становятся предельно честными. Никакой суеты, никакой спешки. Каждое действие — как итог огромной внутренней работы. И это заставляет тебя уважать его по-новому. Он уже не просто товарищ по спорту — он человек, который своим трудом создал себя заново.

Со временем я понял, что превращение товарищей в чемпионов — это не только их личный путь. Это проверка для всех вокруг. Одни радуются, другие завидуют, третьи уходят, не выдержав внутреннего сравнения. Но те, кто остаются — становятся семьей. Потому что они умеют видеть в чужом успехе источник света, а не угрозу.

Мне кажется, что в каждом таком моменте — когда кто-то из твоих товарищей поднимается выше — есть что-то от рождения нового. Нового уровня, нового смысла, новой высоты. И если ты принимаешь это, если радуешься этому, если чувствуешь благодарность — ты сам поднимаешься вместе с ним.

Что я чувствовал? Наверное, все сразу — и гордость, и радость, и внутреннюю ответственность. Ответственность — потому что чужой успех напоминает тебе: ты тоже должен расти. Радость — потому что видишь, как человек раскрывается. Гордость — потому что осознаешь, что стоял рядом в тот момент, когда он только начинал.

И в конце концов я понял: путь мастера начинается не тогда, когда ты обгоняешь других, а тогда, когда умеешь искренне радоваться тому, что кто-то идет впереди.

Только тот, кто способен видеть силу в чужом успехе, способен однажды раскрыть свою.

ПРОДОЛЖЕНИЕ ШКОЛЫ

Когда я впервые услышал, что Борис Кантемиров стал одним из лучших тренеров России, меня охватило тихое, глубокое чувство, которое трудно сформулировать одним словом. В памяти словно всплыли годы, прожитые бок о бок с ним: тренировки ранним утром, когда зал еще не наполнен голосами и шагами; осенний свет на матах; наши разговоры после занятий, где половина мыслей рождалась между словами. И вдруг — осознание того, что человек, которого ты знал молодым, ищущим, порой сомневающимся, стал мастером не только техники, но и пути. Его признали, его ученики побеждают, его слово стало для многих точкой отсчета. Это не просто новость — это ощущение продолжения.

Особенно ярко это ощущение возникло, когда я узнал о победах Марии Соболев — ученицы Бориса, чемпионки мира по каратэ. Я видел записи ее выступлений: ее движения были чистыми, собранными, точными, в них не было лишнего блеска, но было то, что отличает настоящего мастера — внутреннее спокойствие, умение действовать ровно тогда, когда нужно, и не тратить ни одного лишнего усилия. А самое сильное впечатление на меня произвел взгляд Бориса в углу татами. В этом взгляде было все: переживание, ответственность, воспитанная годами выдержка, и — что особенно важно — вера. Вера тренера в ученика, которая никогда не бывает фальшивой.

Когда смотришь на такие моменты, начинаешь понимать, что путь каждого тренера — это не только его личное движение вверх. Это движение, в котором он неизбежно соединяется с другими. Твои товарищи, друзья, коллеги — все они становятся частью общей линии, того потока, который вбирает в себя отдельные пути и превращает их в школу. И если кто-то из них поднимается выше, добивается большего, выводит своих учеников на мировой уровень, ты чувствуешь не угрозу, не ревность, а расширение пространства, в котором существуешь. Как будто воздух вокруг становится чище и шире.

Для меня никогда не существовало ощущения, что коллеги «перебежали мне дорогу». Эта мысль кажется чуждой самому духу боевых искусств. Дорога не принадлежит одному человеку. Она не имеет одного хозяина и одного направления. Это скорее сеть троп, на которых каждый ищущий находит свой уклон, свой ритм и свою высоту. Иногда кто-то идет быстрее, иногда медленнее, иногда меняет направление или открывает новую ветвь. Но все это — единое движение, которое делает школу живой.

Я видел, как Борис начинал свою тренерскую работу. Помню, как он рассказывал о первых учениках — скромно, без саморекламы, почти случайно, как будто говорил о чем-то совершенно обычном. Он всегда был таким: работал много, говорил мало. И эта внутренняя дисциплина, соединенная с уважением к делу, позволила ему построить то, что сегодня стало одной из сильнейших школ. Я часто думаю, что настоящий тренер растет вместе со своими учениками. Чем они сильнее — тем он мудрее. Чем они внимательнее — тем он ответственнее. И в этом смысле успех Марии Соболев — не только ее достижение. Это вершина, на которую они поднимались вместе.

Когда твои друзья и коллеги открывают собственные секции, когда начинают вести группы взрослых, подростков, детей — это особое чувство. В такие моменты ожи-

вают воспоминания: ваш первый зал, первые ошибки, первые удачи, размышления о технике до поздней ночи. А рядом с этими воспоминаниями появляется понимание: каждый из них нашел свою форму передачи знаний, свою интонацию, свой путь к людям. И ты видишь, что школа не просто продолжилась — она изменилась, выросла, стала богаче.

Иногда я прихожу в залы, где тренируют мои друзья. Я смотрю на ребят, которые повторяют их движения, слушают их замечания, пытаются перенять их манеру. В такие моменты я чувствую, что время вдруг становится объемным: оно не уходит, не исчезает, а трансформируется в новых людях. Все, что мы когда-то изучали и отработывали, продолжает жить — в их ударах, в их дыхании, в их внимании. Это удивительное ощущение: будто твоя собственная жизнь растет за пределами тебя.

Конечно, есть в этом и ностальгия. Когда видишь своего товарища в роли тренера, вспоминаешь — каким он был двадцать, тридцать лет назад. Иногда смешной, иногда упрямый, иногда слишком резкий или слишком мягкий. И вдруг — он вырос, стал наставником. В его голосе слышится уверенность, в его движениях — зрелость, в его взгляде — то самое чувство ответственности, которое невозможно сыграть. Оно приходит только тогда, когда ты несешь людей через сложность, через страх, через сомнения.

И все же, главным чувством, которое я испытываю, когда вижу успех своих коллег, остается спокойная, глубокая гордость. Не за себя, а за школу, за путь, за ту непрерывную линию, которая проходит через поколения. Гордость за то, что мы когда-то стояли рядом, и теперь каждый из нас делает свое дело, но вместе мы создаем большее, чем любой из нас мог бы создать в одиночку.

Иногда говорят, что школа — это здание, документы, список фамилий. Но я все больше убеждаюсь: школа — это

живое дыхание тех, кто был до тебя, тех, кто растет рядом, и тех, кто придет после. Если движение продолжается — школа существует. Если есть тренеры, которые передают дальше — школа сильна. Если ученики становятся мастерами, чемпионами, наставниками — школа жива.

И когда я думаю о будущем, я понимаю: однажды ученики Марии тоже станут тренерами. И ученики их учеников — тоже. И школа будет расти, расширяться, изменяться, но не исчезнет. Потому что она принадлежит не одному человеку. Она принадлежит самому пути.

И в этом — самое большое счастье.

МАСТЕРСТВО КАК ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ

Когда я впервые услышал фразу «Учитель жив, пока живут его ученики», она показалась мне красивым, но слишком возвышенным выражением — чем-то из мира притч, чем-то далеким от реальной жизни зала, где пахнет потом, старым татами и сосредоточенностью. Но чем старше становился, чем больше учеников проходило через мои руки, чем больше судеб я видел, тем яснее понимал: эти слова не метафора. Это закон. Закон, который работает тихо, без громких объявлений, но неизменно.

Учитель живет не в портретах на стене, не в дипломах, не в наградах, не в громких словах. Учитель живет в движении своих учеников — в том, как они поднимают руку, как смещают корпус, как входят в атаку или как отступают. Живет в их дыхании — ровном, сосредоточенном, когда

они встречают трудность. Живет в их обращении к миру — уважительном, собранном, честном.

Когда ты видишь человека, который когда-то стоял перед тобой новичком — с неуверенным шагом, с робкой улыбкой, с руками, которые не знали, куда себя деть, — а потом наблюдаешь, как он вырос, как стал мастером, как воспитал своих учеников, ты вдруг понимаешь: ты присутствуешь при продолжении собственной жизни. При ее новой форме, ее новом движении. И тогда слова «Учитель жив...» обретают простую, земную ясность: ты не исчезнешь, пока живет то, что ты передал.

Мастерство — это не техника. Техника — лишь вершина айсберга. Настоящее мастерство — это способ быть. То, как человек входит в зал. Как он слушает. Как он работает. Как он принимает поражение. Как он держит себя, когда все идет наперекосяк. Если ученики перенимают эти качества — значит, они несут не только знания, но и тебя. И в этом — глубокая, неподдельная форма бессмертия.

Каратэ за годы моей жизни переживало разные этапы. В какие-то моменты казалось, что школа расцветает, в какие-то — что она проходит через испытания. Появлялись новые тренеры, создавались секции, рождались разные стили преподавания. Но одна вещь всегда оставалась неизменной: дух. Этот удивительный, тихий дух уважения, внутреннего спокойствия, умения соответствовать моменту и не делать лишнего.

Когда я думаю о каратэ сегодня, я вижу не просто школу. Я вижу живую традицию. Традицию, в которой каждый, кто приходит, становится звеном между прошлым и будущим. Традицию, в которой никто не является окончательной точкой — все мы лишь переходы, мосты, ручейки, впадающие в большую реку.

Я много раз видел, как ученики, выросшие в школе, начинают вести занятия. Сначала неуверенно, с излишней серьезностью, где-то — слишком напряженно. Но потом —

с каждым годом — их движения становятся мягче, их голос крепче, их взгляд глубже. И ты понимаешь: в них начинает звучать не только их собственное понимание, но и твое, и понимание их первого тренера, и понимание тех мастеров, которые стояли у истоков.

Именно так работает преемственность: она не навязывается, не диктуется, не передается приказом. Она впитывается через дыхание, через внимание, через отношение к делу. Один ученик перенимает это у своего учителя, а потом передает уже по-своему, через призму своего опыта. Так школа не застывает — она растет.

Иногда мне говорят: «Сегодня много стилей, много направлений, много интерпретаций — неужели это не размывает традицию?» А я отвечаю: нет. Живая традиция не боится ветвей. Она боится только одного — остановки. Там, где движение прекращается, начинается засуха. Там, где исчезает желание учиться, исчезает и школа. А если ученики продолжают путь — в любых формах, в любых городах, в любых обстоятельствах — традиция только крепнет.

Один момент я запомнил особенно. Это был вечер после соревнований, на которых выступали подростки. Среди участников было несколько ребят, чьи учителя — мои бывшие ученики. И вот, когда все разошлись, один мальчик подошел к своему тренеру и тихо сказал: — Спасибо... Я понял, что могу больше, чем думал.

В этот момент учитель улыбнулся — очень спокойно, очень по-взрослому — и подвел мальчика ко мне: — Это мой учитель. Если бы не он, я бы и сам не понял, что могу больше, чем думал.

И тогда я почувствовал удивительное: словно в этом коротком диалоге соединились три поколения. Мальчик, который еще только учится верить. Молодой тренер, который гордится тем, что его ученик сделал шаг вперед. И я — человек, который когда-то стоял в том же положении,

в той же роли. Традиция в такие моменты становится почти осязаемой — как легкое движение воздуха, которое проходит через всех нас.

Бывали и другие эпизоды. Иногда тяжелые, иногда сложные. Например, когда ученики уходили искать свой путь, открывали собственные секции, выбирали новое направление. Но даже тогда я никогда не воспринимал это как потерю. Потому что традиция — это не узда. Она не держит силой. Она держится уважением. Если человек уходит честно, по-взрослому, но несет в себе то, чему его учили — значит, традиция жива. Она просто изменила форму.

И чем больше я размышляю об этом, тем яснее понимаю: мастерство не заключается в том, чтобы достичь вершины. Настоящее мастерство — в преемственности. В том, чтобы передать дальше. В том, чтобы то, что ты понял, не исчезло вместе с тобой. В этом смысле ученики становятся продолжением не только школы, но и личности учителя. Они несут его дальше. Иногда — даже туда, куда он сам уже не успеет дойти.

Когда я вижу молодых ребят, которые сегодня выходят на татами, иногда в Москве, иногда в других городах, иногда в других странах, я не думаю о том, что мы когда-то могли бы встретиться в одном зале. Я думаю о другом: о том, что их движение — это новая глава той же истории. Что их успехи — это не продолжение моих успехов, но продолжение нашего общего пути. Что они — не «следующее поколение», а звено той цепи, которая никогда не рвется.

И да, я чувствую: каратэ давно перестало быть просто школой. Оно стало живой традицией. Традицией, которая дышит через своих учеников. Традицией, в которой голос каждого тренера становится частью общего хора. Традицией, которая передается через людей — каждый раз заново, принимая их дыхание, их опыт, их характер и про-

должаясь в тех, кто еще даже не знает, что однажды станет ее частью.

Учитель жив, пока живут его ученики. И сегодня я понимаю это так ясно, как никогда раньше.

УРОКИ БЛАГОДАРНОСТИ

Если бы мне когда-нибудь дали возможность обратиться сразу ко всем ученикам, которые прошли через мой зал — к тем, кто тренировался годами и к тем, кто задержался лишь на несколько месяцев; к тем, кто выигрывал соревнования, и к тем, кто тихо уходил после тяжелого дня; к тем, кто стал мастерами, и к тем, кого жизнь увела в другую сторону, — я бы сказал им одно большое, человеческое спасибо. И это «спасибо» было бы не формальностью и не красивой фразой, а чем-то, что рождается из глубины прожитых лет.

Я думаю об этих учениках чаще, чем они могут представить. Чувствую ли я их всех? Да. Помню ли я каждого? Возможно, не по именам, но по движениям, по жестам, по голосам — да. Внутри меня живет целая галерея лиц, которые однажды переступили порог зала. У кого-то были напряженные плечи и тревожный взгляд, кто-то входил с гордой осанкой, будто заранее знал, что станет сильным, а кто-то приходил тихо, будто извиняясь за свое присутствие. Но каждый из них внес в мою жизнь то, что не исчезло и не исчезнет.

Если бы они стояли передо мной сейчас, я бы сказал: вы стали моими учителями ничуть не меньше, чем я был вашим.

Когда-то я думал, что учитель — это тот, кто передает знания. Кто показывает стойку, объясняет технику, исправляет ошибки. Но годы научили меня другому: ученики формируют учителя точно так же, как учитель формирует учеников. Их вопросы заставляли меня искать глубже. Их сомнения — быть терпеливее. Их раны — внимательнее смотреть на каждое движение. Их победы — радоваться так, как будто это мои собственные. Их поражения — не позволять себе быть равнодушным ни на секунду.

Я бы хотел сказать каждому: вы помогли мне стать тем, кто я есть.

У каждого ученика была своя история. Один пришел, потому что искал уверенность. Другой — потому что хотел перестать бояться мира. Третий — чтобы научиться побеждать. Четвертый — чтобы обрести дисциплину. Пятый — чтобы почувствовать себя частью чего-то большего. И у каждого была своя причина для того, чтобы уйти. Но никто из них не ушел бесследно.

Тем, кто тренировался упорно и долго, я сказал бы: ваша настойчивость научила меня уважать путь, каким бы медленным он ни был.

Я видел людей, которые двигались вперед на миллиметр в месяц, но этот миллиметр был честнее любого быстрого успеха. Видел, как вы падали и поднимались, снова и снова, без истерики, без жалоб, без попыток оправдаться. И каждый раз, когда вы вставали, я понимал, что учу не технике — учу позвоночнику духа, учу смирению и стойкости.

Тем, кто побеждал, я сказал бы: ваши победы были частью моего собственного роста.

Я помню те секунды перед объявлением результатов, когда все замирает, когда воздух становится плотным. Иногда я переживал больше вас. Иногда — наоборот, пытался сдерживать дрожь, чтобы вы не увидели, насколько я волнуюсь. Ваша радость становилась моей радостью. Ваши

медали — не подтверждением моего мастерства, а подтверждением того, что вы нашли в себе силы пройти до конца.

Но особенно хорошо я помню тех, кто проигрывал — и возвращался. Проигрыш всегда оголяет человека сильнее победы. Он смывает все внешнее и оставляет только сущность. Вы становились взрослее, чище, честнее после поражений. И я бы сказал вам: вы научили меня понимать цену смелости.

Тем, кто уходил так же молча, как приходил, я сказал бы: я благодарен вам за то, что вы были.

Не каждый остается. И это нормально. Жизнь шире любого зала, и не каждому предназначено долго идти по пути боевых искусств. Но даже один месяц тренировок оставляет след — и для меня, и для вас. Кто-то после первой тренировки понял, что это не его дорога, но этот шаг, этот честный отказ — тоже часть пути. Я уважал каждого, кто выбирал свою судьбу и делал это честно.

Тем, кто однажды сказал: «Спасибо, я многому научился», — я сказал бы: и я научился многому у вас.

Потому что для учителя нет большей награды, чем увидеть, как человек, который когда-то боялся выйти на татами, теперь стоит уверенно и прямо. Как тот, кто не мог поднять руки от усталости, вдруг становится примером для других. Как тот, кто не верил в себя, находит внутренний стержень. Эти изменения были для меня теми самыми «мелкими чудесами», которые происходят ежедневно, тихо, без фанфар, но меняют человека навсегда.

Тем ученикам, которые стали тренерами, я сказал бы: вы продолжили то, что мы начинали вместе.

Они открыли свои секции, передали другим то, что однажды получили сами. В их голосах, в их движениях, в их подходе я иногда слышу отголоски того, что когда-то говорил им я. Но, что удивительно, я также слышу в них то, чему научили меня они сами. Преемствен-

ность — не цепь, а дыхание: оно меняется, но остается тем же.

Тем, кто в трудные моменты говорил: «Я устал» или «Мне страшно», я сказал бы: вы были самыми честными.

Страх — не враг. Страх — начало пути. Усталость — тоже часть работы. И каждый раз, когда вы признавались в этом, вы делали шаг вперед, даже если вам казалось, что вы стоите на месте. Я уважал и ценил эту честность: она делала вас настоящими.

Тем, кто приносил в зал свои боли, обиды, разочарования, и превращал их в движение, я сказал бы: вы сделали то, что многим кажется невозможным.

Преобразовать внутреннюю тяжесть в силу — редкий дар. И я видел, как это происходило много раз. Иногда человек после тяжелого дня выходил на татами и становился свободнее, чем был утром. Иногда удар раскрывал его лучше, чем слова. Иногда шаг вперед становился шагом в жизни.

Тем ученикам, которых я когда-то строго поправлял, я сказал бы: простите, если мои слова были резче, чем нужно.

Я никогда не говорил из злости, но иногда из излишнего рвения, иногда из желания дать больше, чем человек был готов принять. Сейчас я понимаю, что учитель тоже учится — каждый день, с каждым учеником, с каждым взглядом. И если когда-то кто-то почувствовал себя недостаточно успешным или недостаточно сильным — я бы хотел, чтобы он знал: в моих глазах он всегда был тем, кто способен на большее.

И наконец, если бы мне представилась возможность обратиться ко всем сразу, ко всем, кто когда-либо переступал порог моего зала, я сказал бы от души: я благодарен вам за то, что вы доверили мне часть своей жизни, за то, что разделяли со мной тишину тренировок и напряжение работы, за то, что приходили, даже когда силы были на ис-

ходе, и за то, что уходили честно и спокойно, если ваша дорога вела дальше. Я благодарен за то, что вы возвращались, за то, что росли, за то, что позволили расти вместе с вами. Ученики делают учителя живым — это истина, которую я понял только с годами. Именно они дают ему возможность быть полезным, сохранять смысл, оставаться в движении. И если во мне есть что-то от мастера, то лишь потому, что однажды самые разные люди — сильные и уставшие, уверенные и сомневающиеся, ищущие и осторожные — доверили мне право идти рядом с ними хотя бы небольшой отрезок их пути.

Если бы они могли услышать меня сейчас, я сказал бы лишь одно: вы не просто прошли через мой зал — вы прошли через мое сердце, и там остались. Навсегда.

ГЛАВА 6. СЦЕНА, КАДР, РОЛЬ

ПЕРВЫЙ ШАГ В КИНО

Я часто думаю: если бы судьба обладала рукой, она касалась бы нас не как учитель, который выдает задания и следит за выполнением. А как режиссер — мягко, почти незаметно, но так, что один едва уловимый жест способен изменить весь дальнейший сценарий. Так было и со мной — переход из цирка в кино не был заранее спланированным шагом, не был результатом амбиций или желания прославиться. Он вырос из цепочки случайностей, которые вдруг сложились в линию, похожую на тщательно выписанный маршрут.

В начале 1980-х годов в Москве существовал свой особый мир — мир закрытых кинопоказов. Для большинства людей кино тогда было обычным походом в кинотеатр: купил билет, занял место, посмотрел фильм. Но за этим простым слоем скрывалось другое пространство — полутайный, культовый мир тех самых «закрытых сеансов». Они проводились в Домах кино, в вузовских киноклубах, в залах кинофестивалей, иногда прямо на студиях. Там соби-

рались студенты творческих факультетов, артисты, режиссеры, те, кто жил искусством так, будто дыхание зависит от него. Атмосфера в таких залах была совершенно особенной: никто не ел попкорн, никто не болтал, никто не приходил для того, чтобы «просто развлечься». Люди смотрели внимательно, сосредоточенно, проживая каждый кадр как событие.

Когда мой друг Казбек Губиев¹ впервые пригласил меня на такой показ, я не думал, что этот эпизод станет поворотным. Мы просто шли по холодной вечерней Москве, обсуждая цирковые номера, придумывая, как можно улучшить трюки, и он вдруг сказал: — Хочешь увидеть кое-что необычное? Там сегодня закрытый показ. Такое не показывают в обычном кино.

Я пожал плечами — я тогда всегда соглашался на все новое, потому что чувствовал: границы мира шире, чем моя арена, и если не идти, то можно пропустить важное.

Зал был небольшим, тесным, с тусклыми боковыми лампами. Но в нем ощущалось какое-то электрическое напряжение от ожидания. Люди сидели прямо, как на экзамене. На экране появлялись заставки американских студий — и казалось, что вместе с ними дует ветер из другой вселенной, свободной, дерзкой, непривычной.

Первым фильмом, который я увидел, был страшный, почти пугающий хоррор — жанр, до которого у нас тогда руки не доходили. Он был снят так, что казалось, будто камера смотрит не на актеров, а прямо в твою душу. Потом — фильм о Вьетнаме: грязь, дым, музыка, лица солдат, которые живут на грани между долгом и безумием. Та мощь изображения, то, как звук и свет складывались в один эмоциональный удар, захватили меня мгновенно.

¹ Казбек Губиев — народный артист Северной Осетии, Заслуженный артист РФ.

Я сидел в том тесном зале и понял вдруг: кино — это не «другая» сцена, это сцена, которая умеет проникать глубже. Здесь не нужно кричать, чтобы тебя услышали. Не нужно совершать сложнейшие трюки, чтобы вызвать эмоцию — достаточно взгляда, паузы, дыхания. Камера видит то, что арена пропускает.

Я вышел с показа другим человеком — как будто внутри меня что-то начало смещаться. Мир вдруг стал шире, чем манеж. И это расширение тянуло меня все сильнее. Я стал ходить на такие показы постоянно — меня затянуло, даже, можно сказать, «испугало», насколько сильно. Кинематограф начал жить во мне сам, проникать в мысли, в сон, в мечты.

И вот здесь судьба, как всегда, действовала через людей. На арене я все больше времени проводил рядом с Мухтарбеком Кантемировым — человеком, который уже тогда умел видеть в людях скрытые возможности. Он стал для меня не только коллегой по цирку, но и проводником в какой-то иной, более сложный и глубокий мир.

Мы часто обсуждали трюки, планы, идею того, что цирк может быть не просто искусством, а философией движения. И вот однажды, когда репетиция затянулась до позднего вечера, и весь манеж был погружен в мягкий полумрак, Мухтарбек сказал мне фразу, после которой моя жизнь повернулась:

— Ты должен попробовать себя в кино. В тебе есть то, что камера любит: тишина внутри.

Я тогда только рассмеялся. Мне казалось смешным — как это так: я, циркач, занимающийся трюками, могу попасть на экран? Но Мухтарбек говорил серьезно. Он сказал, что меня хочет видеть один режиссер. Что ему нужна «маска», человек с характерной пластикой, не театральной, а живой — такой, какую дает только цирковая школа.

Через пару недель он действительно привел меня на киноплощадку, как когда-то привел меня в цирк. Это

было так естественно, будто он просто показал еще одну дверь, которая всегда была рядом, но я ее не замечал.

Первый съемочный день — до сих пор помню каждую деталь. Камеры казались огромными, почти живыми существами. Свет бил в глаза так, что первые минуты я не мог даже сосредоточиться. На арене свет — это часть твоей крови, он помогает тебе держать ритм. Здесь же он был как прожектор на допросе — требовательный, не прощающий ошибок.

Режиссер наблюдал за мной молча. Я думал: ну все, сейчас скажут «спасибо, вы нам не подходите». Но он внезапно спросил: — Ты много говоришь в цирке? — Практически нет, — ответил я. — Отлично. Камера любит тех, кто умеет говорить без слов.

Это была первая важная фраза, которую я услышал в кино. И первый урок, который я выучил: в кино нет лишних движений. Каждый жест, каждое движение шеи, наклон головы — все имеет значение. Камера ловит то, что человек даже не осознает в себе.

И тогда во мне проснулся тот же азарт, что и много лет назад, когда я впервые вошел на цирковую арену. Но был и страх — не тот, что заставляет дрожать колени перед прыжком, а глубокий, внутренний: а вдруг я не смогу? Что если на арене я силен, а перед камерой почувствую себя неуверенно?

Но, как это всегда бывает, жизнь не ждет, пока ты соберешься с мыслями. Первая роль — пусть маленькая, пусть эпизод — стала тем самым первым кирпичиком в новом мире. Я понял, что кино требует от человека другой техники, другой смелости. В цирке ты стремишься вверх — к высоте, к полету. В кино — внутрь, к себе.

Чем глубже я погружался в этот процесс, тем яснее становилось: цирк дал мне не только физическую школу, но и психологическую. В цирке ты должен уметь концентрироваться мгновенно — один неверный шаг, и ты уже

лежишь под сеткой. Это умение я принес с собой на съемочную площадку.

То, что другие актеры искали годами — внутреннюю собранность, устойчивость, способность находиться в образе с первого дубля — мне было знакомо еще с манежа.

Когда я оглядываюсь назад, я иногда думаю: а если бы друг не позвал меня на тот закрытый показ? А если бы я не сидел в зале, не смотрел на экран, не испытывал той странной смеси ужаса и восхищения? А если бы Мухтарбек не произнес ту фразу — «ты должен попробовать себя в кино»?

Нет, я не верил тогда в знак судьбы. Но сегодня понимаю — это был он. Тот самый жест режиссера, который никто не замечает, но который изменяет все.

И переход из цирка в кино перестал быть случайностью. Он стал естественным продолжением моего пути — новым уровнем, новой ареной, где трюки превращаются в кадры, а внутреннее движение становится главным инструментом.

Если бы меня спросили, что я почувствовал, оказавшись не перед зрителями, а перед камерой, я бы ответил так:

я почувствовал, что моя жизнь вошла в новый кадр — и этот кадр начал писать меня заново.

ПЕРВЫЕ СЪЕМКИ

Иногда, когда я думаю о своем первом опыте в кино, мне кажется, что этот период был похож на вхождение в незнакомый храм. Все там было и знакомо, и одновременно

менно совершенно новым: свет, который ослеплял не хуже прожекторов на арене, люди, которые двигались почти бесшумно, словно выполняли сложный ритуал, и особая тишина, которой в цирке не бывает. В цирке всегда есть шум — даже когда зал замирает перед опасным трюком, ты чувствуешь дыхание публики, пульсацию пространства, слышишь, как живет воздух вокруг тебя. На съемочной площадке тишина была другой: она не жила снаружи, она жила внутри и заставляла вслушиваться прежде всего в самого себя.

Моя первая крупная работа в кино — фильм Юлия Гусмана «Не бойся, я с тобой», который снимался в Баку. В этот мир я попал через Мухтарбека Кантемирова. Он уже был человеком, которого режиссеры знали и уважали, в нем была внутренняя благородная мощь, которую нельзя сыграть — она была частью его природы. Однажды он получил одну из главных ролей и сказал почти между делом: «Поехали со мной. Тебя тоже попробуют». Эти простые слова стали для меня пропуском в пространство, о существовании которого я еще недавно только догадывался.

Баку встретил нас жарой, ветром с моря, густыми запахами базаров и особенной южной насыщенностью жизни. Там все казалось плотнее и ярче: солнце било сильнее, краски были сочнее, голоса звучали громче, воздух словно был наполнен звуком и цветом. Съёмочная группа была многонациональной, каждый — от гримера до осветителя — казался неотъемлемой частью большого, сложного механизма, где не бывает случайных деталей.

Когда меня представили Юлию Соломоновичу Гусману, я ожидал увидеть строгого, тяжелого режиссера, смотрящего свысока. Но он оказался внимательным, мягким, ироничным человеком, который умел слушать и видеть актера, даже если перед ним не профессиональный артист, а циркач, впервые оказавшийся перед камерой. Он изучал меня взглядом, в котором чувствовались опыт и интерес,

и вдруг сказал: «У вас интересная пластика и благородная походка. Это редкость». Тогда я еще не понимал до конца, насколько важны в кино такие, казалось бы, мелочи — походка, манера держать руки, то, как человек входит в пространство. Позже я понял: для камеры это иногда говорит больше, чем длинный монолог.

Меня приняли в число актеров, и это решение удивило прежде всего меня самого. Я никогда всерьез не думал, что могу оказаться «внутри кадра», что объективы будут направлены на меня, что мои движения станут частью режиссерского замысла. Съемки шли напряженно, под ярким солнцем, которое быстро выматывало, но никто не жаловался: все понимали, что мгновение, когда звучит «камера, мотор», стоит любого ожидания и усталости. Моя роль была небольшой, но для меня она значила больше, чем могла бы значить любая главная роль в тот момент. Это был первый шаг, первая попытка прожить жизнь персонажа внутри движения камеры. Мне хотелось сделать все не только правильно, но и красиво. Цирк учит не просто трюкам, а красоте движения, и я очень быстро почувствовал, что в кино от этой красоты требуется еще большая точность.

Очень скоро выяснилось, что я могу быть полезен не только как исполнитель, но и как человек, умеющий придумывать трюки. В одном эпизоде нужно было отнять саблю у противника — так, чтобы движение выглядело стремительным, мягким и благородным, без лишней грубости. Я предложил свой вариант: легкий уход корпуса, смена уровня плеч, мягкий захват кисти, едва заметный рывок — и сабля словно сама покидает руку противника. Гусман попросил показать еще раз, позвал ассистентов, внимательно посмотрел и сказал: «Вот так и будем снимать. Это красиво». Эти слова стали для меня ключевыми. В кино все действительно должно быть красивым — не в смысле гладкого совершенства, а в смысле вырази-

тельности, точности и внутренней оправданности. Малейшая ошибка, лишний жест, неубедительное движение — и кадр сразу теряет правду.

Я придумывал и другие решения: как выбить пистолет, как развернуть противника, как сделать столкновение зрелищным и опасным на вид, но абсолютно безопасным для актера. Я чувствовал себя так, словно привез в кино язык цирка и пытаюсь адаптировать его под новую грамматику. На арене каждое движение рассчитано на дальний ряд, ты всегда думаешь о том, как тебя увидят с последнего места под куполом. В кино же камера сама подойдет ближе, сама выберет угол, сама подчеркнет нужную деталь, но от этого ответственность не становится меньше — наоборот, она растет. Камера не прощает фальши. Камере нельзя соврать.

Неожиданно самой трудной частью оказалась не физическая нагрузка, а ожидание. В цирке ты почти всегда в движении: вышел, выполнил номер, услышал реакцию, ушел. Номер — как короткая, но очень плотная жизнь. В кино ожидание становится частью ремесла: солнце ушло — ждем, тень легла не так — ждем, поменяли объектив — ждем, партнер сбился с текстом — ждем, лошадь устала — ждем. Это ожидание выматывает иногда сильнее, чем сложный трюк. Но именно в этих длинных паузах я учился терпению. Кино требует терпения так же, как цирк требует смелости. Без одного и другого в этих профессиях не удержаться.

Были и другие открытия. Мне пришлось столкнуться с задачей, о которой я раньше не задумывался: сыграть эмоцию не телом, а лицом. Я привык передавать смысл движением, импульсом, связкой. А здесь надо было просто стоять и смотреть — так, чтобы один взгляд говорил больше, чем длинная реплика. После одного из дублей оператор подошел ко мне и тихо сказал: «Просто подумай о том, что ты чувствуешь. Камера сама все возьмет. Ей не нужна

игра. Ей нужна правда». Это был еще один важный урок. В цирке правду проверяет высота и риск, в кино — объектив. Там тоже нельзя прятаться за внешними эффектами.

После «Не бойся, я с тобой» меня пригласили работать над фильмом «Два шага от рая». Там мне доверили постановку трюков и боевых сцен. Я снова опирался на цирковой опыт: стремился к тому, чтобы движения были мягкими, точными, благородными. Мне всегда казалось неправильным, когда кино превращает драку в бессмысленный хаос. Настоящий мастер единоборств движется экономно, почти плавно, без суеты. Я хотел передать именно эту красоту экономии, красоту точности и силы, которой не нужно кричать. Зритель может не понимать технических деталей, но красоту он чувствует всегда. Когда режиссер, посмотрев отснятый материал, сказал: «Это очень красиво», я почувствовал внутреннее подтверждение: я могу быть здесь полезен, я действительно нашел в кино свое место, где цирковая школа и эстетика кадра работают вместе.

Если говорить о сложностях, то сами трюки не были для меня самым тяжелым — это оставалось нашей стихией. Работа с камерой тоже со временем стала привычной. Ответственность? Да, она была большой, но и цирк никогда не давал права на ошибку. Самым трудным было другое — принять, что я больше не только цирковой артист, не только человек арены. Я начинал жить между двумя искусствами, которые требуют от человека разных качеств. Цирк дал мне силу, выносливость, дисциплину и понимание красоты движения. Кино дало мне тишину, глубину и способность видеть мгновение изнутри. Между этими двумя пространствами постепенно начал формироваться новый я.

Сейчас, когда я смотрю старые кадры из «Не бойся, я с тобой», я вижу там молодого человека, который еще не понимает всей силы камеры, но уже чувствует ее

взгляд. Вижу неловкость, робость, смешанные эмоции, но вижу и главное — стремление к правде. Возможно, именно это стремление и позволило мне задержаться в кино надолго. Если бы тогда меня спросили: «Ты готов стать актером?» — я, наверное, ответил бы: «Не знаю». Но сегодня я точно знаю другое: именно на тех бакинских съемках я впервые понял, что кино — это не просто профессия. Это путь. И по этому пути я уже тогда сделал свой первый, по-настоящему уверенный шаг.

ФИЛЬМ «ФАНАТ»

Когда вспоминаю работу над фильмом «Фанат», я каждый раз ощущаю странное, почти личное тепло. Это не просто проект, не просто роль, не просто опыт, который остался в прошлом. «Фанат» стал точкой, в которой кино и моя собственная жизнь соприкоснулись так тесно, что иногда трудно сказать, где заканчивается персонаж и начинается человек. И если роль тренера Олега Ивановича стала для многих зрителей знаковой, то это произошло не потому, что я пытался что-то особенно изображать, а потому, что в этом образе действительно было много от меня самого — не намеренно, а по сути.

Часто говорят, что актеры приносят в роль свои черты характера. Но в случае с «Фанатом» все было иначе. Там роль пришла ко мне уже наполненной моими чертами, как будто кто-то заранее посмотрел на меня, изучил мою жизнь, мои переломы, мои особенности, мои трудности, мои победы — и написал образ, который был не дополнением, а отражением.

И это действительно так. Я всегда подчеркиваю: то, что я снялся в фильме «Фанат», — это гораздо больше заслуга Мурата Джусоева, сценариста этого фильма. Сценарий был написан Муратом Джусоевым вместе с Борисом Кантемировым. И в этом тандеме именно Мурат стал тем человеком, который увидел во мне не актера, а живой характер, на основе которого можно построить образ.

Мурат Джусоев был великолепным борцом, мастером спорта, человеком необычайной — физической и внутренней — силы. Он был крепкий, как будто созданный из стали, и одновременно очень чуткий к людям. Борис Кантемиров тоже был из таких — как камень, мощный, стойкий. Эти двое знали цену выдержке, мужеству, умению идти вперед без лишних слов. И, наверное, именно поэтому они так тонко чувствовали биографию других.

Когда мы начали работать в цирке, Мурат приходил к нам очень часто. Он наблюдал не поверхностно — он изучал. Иногда он просто сидел на репетициях, смотрел, как я работаю с партнерами, как общаюсь, как реагирую. Иногда снимал меня на камеру вместе с Борисом. Тогда мне казалось, что он просто ищет материал, наблюдает ради интереса. Но позже я понял: в те моменты он изучал не только технику, не только движения. Он изучал меня как человека.

Он знал мой характер, знал мою судьбу почти целиком — знал, по каким дорогам я прошел, что оставил позади, что потерял, что обрел. Он видел мои сомнения, мои взлеты, мои падения, мою тяжесть и мою упертую веру в то, что человек обязан идти вперед, даже если идти тяжело. И когда он писал сценарий, он создавал образ тренера во многом из этих наблюдений. Он писал его не под актера — он писал под человека, которого он видел годами — под меня.

Поэтому, когда говорят: «Роль получилась очень естественной», я улыбаюсь. Она не могла быть другой. Я не иг-

рал человека, который думает, говорит или действует иначе. Я просто проживал на экране то, что в моей жизни уже существовало: отношение к дисциплине, к делу, к ученикам, к ответственности.

В образе тренера Олега Ивановича многое было взято прямо из моей биографии, но переплавлено в художественный материал. Его строгость — это не авторитарность, а стремление сделать человека сильнее. Его прямота — это не жесткость, а честность, которой он не умел изменять. Его погруженность в учеников — это не профессиональная обязанность, а потребность души: помогать, направлять, поддерживать.

Но особенно мне близко в нем было одно качество — способность видеть в молодом человеке не то, что он есть сегодня, а то, кем он может стать. В цирке это качество необходимо. Ты смотришь на мальчика или девушку, которые впервые выходят на арену, и видишь: у него дрожат ноги, у него нет техники, он боится. Но если у него есть внутренний огонь, ты уже знаешь, что из него получится артист. И тогда твоя задача — провести его через страх, через сомнения, через боль — но так, чтобы он вырос, а не сломался.

Именно это было в Олеге Ивановиче. Он видел в персонажах — особенно в главном герое — возможность роста. Он видел в них людей, которые уже страдают, уже запутались, уже пытаются найти свое место, но еще не понимают, каким путем им идти. И для таких людей тренер становится почти третьим родителем — не кровным, но духовным.

Создавая этот образ, я вспоминал многих людей, которые в моей жизни были такими наставниками. Нас всех формируют учителя — не только в школе, но и в спорте, и в искусстве, и в жизни. И в каждом таком наставнике есть два начала: строгость и доброта. Внешне они могут выглядеть как одно и то же, но в глубине строгость — это

любовь, способная требовать, а доброта — это поддержка, способная поднимать.

Я хотел вложить в своего героя именно это — внутреннюю доброту, спрятанную за сухой манерой. Он не говорит лишних слов, но его молчание значило больше, чем крики. Он не обнимает, но его взгляд поддерживает сильнее любого объятия. Он не читает длинных лекций, но каждая его фраза — как удар по внутреннему хаосу, который мучает молодого человека.

Это и есть образ наставника, который мне знаком лучше, чем любой другой. Он не идеальный, не мягкий, не безупречный — он живой. Он иногда ошибается, иногда давит, иногда перебарщивает, но всегда хочет одного: чтобы тот, кому он помогает, стал сильнее, увереннее, честнее по отношению к себе.

Насколько этот образ близок мне? Очень близок. Это было бы неправдой — сказать, что все придумано или сыграно. Наоборот, многое в нем родилось из того, что во мне уже существовало. Может, поэтому зрители и восприняли эту роль так тепло: они увидели в персонаже не «типаж», не штамп, а человека, живущего по законам, которые не меняются ни в спорте, ни в цирке, ни в жизни.

Иногда меня спрашивают, насколько я старался придерживаться сценарного образа и насколько — импровизировал. Но тут нужно понять главное: когда сценарий написан человеком, который знает тебя почти как самого себя, импровизация возникает сама. Ты реагируешь так, как реагировал бы в жизни, а не потому, что так «правильно» по роли. В каждом движении, в каждом взгляде, даже в паузах между словами — там все было живое.

Мурат Джусоев, создавая образ, словно оставил пустые пространства, которые я должен был заполнить собой. И потому роль росла изнутри, а не снаружи. Она не требовала игры — она требовала честности.

Работа над фильмом была непростой, напряженной, но для меня лично — удивительно естественной. Я как будто не входил в образ, а позволял ему выйти из меня. И, возможно, именно поэтому «Фанат» стал точкой, где кино перестало быть для меня просто профессией. Оно стало отражением жизни — моей и тех людей, по чьим следам я шел.

Если бы меня спросили, что я хотел вложить в этот образ, я бы ответил: уважение к тому, что человек может измениться. Не быстро, не легко, не сразу — но может. И тренер в «Фанате» был именно про это. Он не спасает, не защищает, не тащит за собой. Он делает другое: он помогает человеку увидеть себя таким, каким тот еще не стал.

И если зрители почувствовали это — значит, роль была сыграна правильно. Или, точнее, прожита.

РАЗЛИЧИЕ МЕЖДУ АРЕНОЙ И КАМЕРОЙ

Когда я пытаюсь объяснить, чем отличается арена от съемочной площадки, я часто ловлю себя на том, что говорю не про технику, не про трюки и даже не про слова. Отличие между цирком и кино лежит глубже, чем просто набор инструментов. Это не просто разница между тем, что ты делаешь перед живой публикой, и тем, что ты делаешь перед холодной линзой. Это — два разных мира, два разных способа существовать в искусстве и два разных типа правды, которых эти миры требуют от человека.

Цирк — это пространство, где ты кричишь своим телом. Камера же — это пространство, где ты говоришь тишиной. И то, и другое требует мастерства. И то, и другое требует смелости. Но смелость эта — разная. В цирке смелость — это шаг вперед, бросок вверх, прыжок в неизвестность. В кино смелость — это шаг внутрь, туда, где нет ни страховочной сетки, ни публики, которая поддержит аплодисментом.

Для меня цирк всегда был миром, где все решает движение. Ты выходишь на арену и сразу чувствуешь: зритель хочет видеть энергию, силу, риск. Он хочет видеть человека, который делает невозможное. На арене звук твоего дыхания, мельчайший поворот головы — все растворяется в большом жесте. Цирк требует масштаба. Твоя пластика должна быть видна последнему ряду, твое напряжение — ощутимо даже тем, кто сидит наверху, в самых дешевых местах. В цирке ты живешь на пределе — физическом, эмоциональном, иногда даже философском. Там все честно: если ты не смог — ты упал. Если не удержал равновесие — потерял номер. Там нет дублей, нет возможности исправить. Цирк — это всегда «здесь и сейчас».

Кино же — другая территория. Линза камеры не любит больших жестов. Она не понимает пафоса, не прощает лишнего. Там ты не имеешь права кричать — даже внутренне. Камера слышит то, что человек обычно прячет. Она ловит то, что ты сам не всегда замечаешь: как меняется выражение лица при паузе, как двигаются глаза, как напрягается шея. И если на арене ты должен быть крупнее жизни, то в кино ты должен быть настоящим, даже если это «настоящее» — тишина, едва заметная эмоция, легкое дрожание ресниц.

Очень долго я пытался понять, что сложнее. В цирке я был дома. Там каждая мышца, каждый сустав действовали автоматически, почти без размышлений. Тело знало, что делать. Тело было языком, а язык этот был родным. В ки-

но же тело нужно было почти заново учить — учить быть тише, сдержаннее, точнее. Там важно не то, как высоко ты прыгаешь, не то, насколько сильный у тебя удар. Там важно, что у тебя внутри в тот момент, когда ты поднимаешь взгляд.

И вот это оказалось для меня самым трудным — не движение, а неподвижность. В цирке пауза — это подготовка к трюку. В кино пауза — это трюк сама по себе. Она может быть сильнее действия. Я помню, как на первых съемках мне говорили: «Не делай ничего. Просто будь». Эти слова поначалу выводили меня из равновесия. Как это — «ничего не делать»? Как можно передавать смысл, просто стоя или сидя? Но постепенно я понял: в кино невозможно «ничего не делать». В кадре все — действие, даже тишина. Даже дыхание.

Есть еще одно отличие, которое я почувствовал не сразу. На арене ты всегда ощущаешь зрителя. Он — твой партнер. Его энергия заряжает тебя, его внимание поддерживает, его реакция дает тебе уверенность. В кино зрителя нет. Перед тобой только камера, и она не дает обратной связи. Не улыбается, не удивляется, не восхищается. Она просто смотрит. И эта холодная беспристрастность требует другого типа сосредоточенности — внутренней.

В цирке я всегда чувствовал ответственность — перед партнером, перед труппой, перед публикой, перед профессией. Но ответственность в кино была другого рода. Там ты отвечаешь не только за трюк и не только за движение. Ты отвечаешь за правду момента. Если ты фальшивишь хотя бы чуть-чуть, камера запомнит это навсегда. И никто не скажет: «Ладно, он волновался, он устал». В кино фальшь остается в кадре так же надолго, как и правда.

Меня часто спрашивают, что было сложнее — работать без слов или говорить перед камерой. Но это совсем не один вопрос — это две разные территории сложности. В цирке я говорил телом, и это был язык, который я освоил

с детства. Без слов? Да, без слов. Но каждое движение — это фраза. Каждая связка — это мысль. Каждый прыжок — это целый абзац.

Когда я попал в кино, я впервые увидел, как трудно бывает сказать одну простую фразу так, чтобы она звучала естественно. Мои первые реплики были слишком прямыми, слишком «цирковыми» — как будто я хотел, чтобы их услышал весь зал. Но камера не любит громкости. Она любит честность. И однажды режиссер сказал мне: «Говори так, будто говоришь самому себе». И тогда я понял: слово в кино — это не звук, а чувство, которое проходит сквозь него. Когда ты говоришь неправду, зритель слышит это даже через экран.

Но при этом работа «без слов» в кино оказалась еще труднее. На арене молчание — это пауза. В кино молчание — это смысл. Там нельзя просто стоять и молчать — нужно проживать это молчание. Каждая пауза становится выбором, каждое дыхание — эмоциональным жестом. И если внутри пусто, камера покажет пустоту.

Поэтому различие между ареной и камерой для меня заключается не только в технических аспектах, но в том, куда направлено искусство. Цирк — вовне. Кино — внутрь. Цирк требует тела. Кино требует души. Цирк хочет, чтобы ты был сильным. Кино хочет, чтобы ты был честным.

Но одно я могу сказать точно: никакое кино не заменит цирк, и никакой цирк не заменит кино. Это два океана, в которых ты плывешь разными способами, но оба они помогают тебе понять самого себя. Цирк научил меня концентрироваться, рисковать, держать удар и идти до конца. Кино научило меня слушать тишину, ценить паузу, понимать человека глубже, чем он сам себя понимает.

И, наверное, самое главное отличие в том, что в цирке я всегда стремился вверх — к высоте, к полету, к преодолению. А в кино я всегда стремился к глубине — к тому, что

скрывается под словами, под жестами, под внешними движениями.

Если бы мне пришлось выбирать, что труднее — говорить перед камерой или работать без слов, — я бы сказал так: труднее всего быть самим собой в любом искусстве. Но если ты умеешь это в цирке, тебе легче дается кино. А если ты научился этому в кино, ты иначе смотришь на цирк. И тогда понимаешь: арена и камера — это два взгляда на человека. Один — снаружи. Другой — изнутри. И оба важны.

ВНУТРЕННЕЕ ПЕРЕВОПЛОЩЕНИЕ

Вопрос о том, как артист находит равновесие между собой и образом, кажется простым только на первый взгляд. На самом деле это один из самых тонких и хрупких узлов профессии, узел, который каждый человек искусства развязывает по-своему. И если в театре или кино этому уделяют отдельные курсы, то цирк учит этому иначе: через проживание, через риск, через честность перед зрителем и перед самим собой. Поэтому, когда я пришел в кино, мне пришлось пройти удивительный путь — путь внутреннего перевоплощения, который опирался на опыт арены, но в то же время требовал новых, непривычных усилий.

В цирке ты всегда выходишь как ты сам. Даже если номер построен на драматургии, даже если есть образы, костюмы, стилизации — все равно через все это просвечивает личность артиста. Нельзя спрятать себя за трюк, нельзя обмануть публику фальшивым волнением или поддельной

смелостью. Цирк — это искусство прямое, оголенное, честное. Когда ты стоишь на высоте, держишь партнера на вытянутой руке или делаешь *salto mortale* — нет разницы, какой у тебя псевдоним, какой костюм на тебе надет, какой грим наложен. В этот момент ты — это ты. Твое дыхание, твоя вера в себя, твоя внутренняя собранность. Арена обнажает человека до самого ядра.

Кино же, наоборот, предлагает возможность спрятаться. Камера позволяет стать кем-то другим, примерить характер, судьбу, жизнь, которая к твоей собственной не имеет отношения. И соблазн спрятать свое настоящее «я» за ролью очень велик. Многие так и делают — растворяются в образе, полностью уходят в персонажа. Но я понял довольно рано: такое растворение опасно. Оно лишает тебя опоры, вычеркивает твою подлинность. А без нее никакая роль не будет живой.

И вот тут возникал главный вопрос: как найти равновесие? Как позволить себе измениться, но не потерять себя? Как войти в роль, но не раствориться в ней?

В моем случае внутреннее перевоплощение всегда начиналось с тишины. Перед каждым съемочным днем я старался оставаться один, хотя бы несколько минут. Это была привычка из цирка — там тоже есть момент перед выходом на арену, когда ты должен остаться с собой и почувствовать свое дыхание. В кино эта привычка стала еще важнее. Я закрывал глаза и спрашивал себя: кто я сейчас? Чего я хочу? Что во мне должно прозвучать в этой сцене — мой опыт или опыт персонажа? И, главное, где проходит граница между ними?

Иногда я чувствовал, что роль требует от меня той части характера, которая была мне естественна. Тогда перевоплощение происходило почти незаметно. Как в «Фанате», где сценарист разглядел во мне то, что хотел передать через образ. Там мое собственное «я» и роль шли рядом, почти не разрываясь. Но были и другие случаи, когда пер-

сонаж был далек от меня — другие реакции, другие ценности, другие взгляды. И вот тогда начиналась работа не над образом, а над собой.

Кино заставляет посмотреть внутрь. В цирке ты думаешь прежде всего о движении, о точности, о риске. В кино ты думаешь о смысле, о подтексте, о том, что скрывается за словами или тишиной. И чтобы стать персонажем, ты должен найти в себе хотя бы маленький островок, где пересекаются вы и он. Нельзя играть человека, которого в тебе совсем нет. Нужно найти хотя бы зерно — качество, чувство, эмоцию — и позволить ему вырасти.

Иногда я находил это зерно в собственных ошибках. Иногда — в мечтах. Иногда — в страхах. И когда роли требовали эмоций, которых я не демонстрировал в реальной жизни, мне приходилось идти туда, где было неуютно. Но эта неуютность была честной, и именно она помогала сохранить искренность.

Есть еще одна важная вещь: в цирке искренность — это условие выживания. Ты не можешь притворяться, что не боишься. Ты не можешь изображать силу. Там все настоящий человек: его слабости, его мускулы, его дыхание. И я всегда переносил эту логику в кино. Даже если роль требовала внешней жесткости, внутри она должна была оставаться живой. Даже если сцена была сложной, я старался не играть эмоцию, а искать ее в себе. В цирке все держится на реальности — и я понял, что кино тоже требует реальности, просто другого сорта: внутренней.

Говорят, что камера любит правду. Но правда не всегда красивая, не всегда удобная. Она может быть грубой, резкой, неидеальной. И когда я пытался сделать сцену «правильной», она получалась фальшивой. А когда позволял себе быть несовершенным — она становилась живой. Это и есть искренность, которой так трудно достичь.

Я никогда не позволял роли становиться над моей личностью. Это опасно — если дать персонажу полностью

овладеть собой, можно потерять контуры своего характера. Но я позволял роли входить в мою жизнь аккуратно, через маленькие окна переживаний. И каждый раз, когда сцена заканчивалась, я возвращался к себе. Это тоже часть искусства — не застревать в образе.

Цирк научил меня одному важному принципу: на арене ты должен быть настоящим, иначе зритель все почувствует. И этот принцип я перенес в кино. Даже если я играл человека совершенно другого, я должен был оставаться честным. Искренность — это не попытка быть собой, а попытка быть живым. И камера это чувствует так же точно, как зритель в цирке чувствует твоё внутреннее состояние.

И со временем я понял: перевоплощение — это не исчезновение себя. Это диалог между тобой и ролью. Ты даёшь ей часть своего опыта, часть своей боли, часть своей силы, а она взамен даёт тебе возможность увидеть себя под другим углом.

Вот это и есть равновесие — не потерять себя, но позволить себе измениться. Не раствориться в роли, но дать ей пространство. Не играть чувства, а проживать их. И, самое главное, помнить: любой образ, даже самый яркий, самое сложное — это лишь одна глава в твоей жизни. А жизнь всегда больше роли.

И именно поэтому искренность сохраняется не в кадре — она сохраняется внутри человека, который выходит из кадра таким же честным, каким он был, когда входил в него.

ФИЛЬМ «ЧЕЛОВЕК В ЗЕЛЕНОМ КИМОНО»

Когда я вспоминаю работу над фильмом «Человек в зеленом кимоно», внутри поднимается чувство, очень похожее на тихую благодарность. Это был не просто очередной проект, не просто еще один эпизод в моей киноработе — это было кино, которое стало частью моей биографии, частью моего внутреннего поиска. И хотя главного героя играл не я, а Нодар Плиев — знаменитый хореограф и солист ансамбля «Алан», — сама атмосфера фильма, люди, работавшие над ним, и испытания, через которые мы прошли вместе, сделали эту историю удивительно близкой моему собственному пути.

Нодар был человеком выдающимся — танцор с уникальной пластикой, артист, который привык жить в музыке, в движении, в том особом дыхании, которое свойственно людям сцены. Он был великолепным исполнителем — сильным, гибким, целеустремленным. И когда он пришел в кино, он принес с собой весь этот большой танцевальный мир. Но именно это и оказалось неожиданной трудностью: режиссерам не нравился его «танцевальный» стиль в кадре. Они пытались объяснить ему: «Так нельзя, это не сцена, это кино. Нужно иначе». Но Нодар сопротивлялся. Он делал так, как привык — широко, выразительно, артистично. Ему говорили: «Это должно быть по-другому», а он ответить мог только движением, к которому привык всю жизнь.

И тогда мне пришлось с ним разговаривать. Я подошел к нему не как наставник, не как старший, а как человек, который понимает, что значит менять язык собственного тела. Я сказал ему: «Ты великий. Я никогда так не станцую. Ты делаешь то, чего я в жизни не смогу. Но сейчас —

не сцена. Сейчас кино. Здесь нужно делать так, как говорят. Это не потому, что мы тебя не уважаем. Наоборот — ты мастер. Ты пойми, это другая форма». Он слушал тяжело, но слушал. Это был не конфликт — это был поиск взаимопонимания между двумя искусствами. И только с огромным трудом, буквально еле-еле, удалось убедить Нодара продолжать сниматься так, как требовали режиссеры. Но когда он принял это — в кадре появился другой человек: концентрированный, точный, сдержанный, и при этом хранящий свою природную пластику.

И никто не сыграл бы эту роль так, как он. Потому что в нем была та редкая внутренняя честность, которая делает героя убедительным даже без слов.

Но не только Нодар сделал этот фильм особенным. В нем участвовали люди, каждый из которых был почти легендой. На площадке работал Андре д'Андре Рейк, основатель и главный тренер Московского клуба Вадорю каратэ, человек с огромным опытом и поистине железной дисциплиной. Его появление в кадре добавляло фильму ту подлинность, которую нельзя сыграть. Просто присутствие мастера меняет атмосферу.

Там же снимался Тимур Азиев — тяжеловес, с которым я проводил бой. Уникальный человек, редчайший боец. Весил больше 130 килограммов, и мог бить в прыжке в любую сторону так, как будто весил вдвое меньше. Он был телохранителем у партийной элиты — огромная сила и молниеносная реакция в одном человеке. С ним каждая сцена была вызовом, но и удовольствием, потому что работа с мастером всегда раскрывает в тебе то, о чем ты сам не подозревал.

И еще один человек, с которым связаны мои самые теплые воспоминания, — Николай Сомов. Мой ученик. Цирковой артист невероятной силы: он держал на себе колонну из восьми артистов — рекорд мира. В кадре он двигался мощно, уверенно, красиво. И для меня лично было

особой гордостью, что человек, которого я тренировал, стал частью этого фильма.

Но, пожалуй, самая яркая, самая значимая фигура в создании картины — это Борис Кантемиров. Человек, который не просто участвовал в фильме, а фактически спас его. Я говорил и буду говорить: если бы Борису дали возможность, он стал бы величайшим режиссером. Его природное чувство кадра, движения, драматического ритма — все это было уникально. Он знал кино не по книгам, он чувствовал его. И без него «Человек в зеленом кимоно» просто бы не состоялся.

Это был трудный период. Время было тяжелое: инфляция, нехватка денег, отсутствие ресурсов. Пленка «Свема», которую нам удалось достать, была рискованной — 30% брака. То есть каждый третий метр мог оказаться испорченным. Мы снимали около зданий МВД — где-то можно было работать, а где-то нельзя, потому что постоянно были ограничения, проверки, необходимость договариваться. Условия были непростыми, и каждый день мог стать последним днем съемок просто потому, что заканчивались деньги или — хуже — заканчивалась годная пленка.

Один эпизод стал почти легендой. Мы три дня снимали сцены на фоне огромного портрета Брежнева, четыре на восемь метров. Свет ставили долго, работали точно, кадры получались очень выразительными. И когда материал отправили проявлять — оказалось, что вся пленка бракованная. Три дня работы — выкинуты. Брак. Потери были огромными. Мы переживали это как настоящую катастрофу, потому что каждый метр пленки стоил дорого, каждый день труда всех людей был на вес золота. А проявлять пленку приходилось в Одессе — там были лаборатории, способные справиться с материалом, но дорога, задержки, технические сбои делали процесс непредсказуемым.

И вот в этих условиях Борис Кантемиров проявил себя так, что до сих пор вспоминать хочется с уважением. Он

буквально спас фильм. Он договаривался, он искал выходы, он находил способы снимать так, чтобы уменьшить риск брака, он выстраивал сцены так, чтобы каждый дубль имел шанс стать финальным. Он был тем скрытым режиссером, который держал все в руках, хотя в титрах его имя было написано совсем в другой строке. И благодаря ему фильм был снят до конца.

И самое удивительное — людям фильм понравился. Несмотря на трудности, несмотря на брак, несмотря на борьбу за каждый кадр — все это не отразилось на самой картине. На экране осталась сила, ясность, энергия и честность. Остался дух тех людей, которые работали не за деньги, не за славу, а за то, чтобы искусство продолжало жить даже тогда, когда условия казались неподъемными.

Если говорить о том, что значила для меня эта работа, я бы ответил: это был фильм о поиске смысла. Не о победе, не о технике, не о мастерстве, а именно о том внутреннем пути, который каждый проходит в своем искусстве — будь то танец, бой, кино или цирк. И да, можно сказать, что в этом фильме я играл самого себя — человека, который ищет не внешнего признания, а внутренней правды. Того, кто понимает: борьба — это не драка, а путь. Искусство — не форма, а дыхание. И смысл — не награда, а движение.

И, может быть, поэтому «Человек в зеленом кимоно» остался в моей памяти не просто страницей в творческой биографии. Он стал частью моего личного опыта, частью того внутреннего путешествия, которое начинается в молодости и продолжается всю жизнь.

ФИЛОСОФИЯ АКТЕРСТВА И ПРАВДА ОБРАЗА

Когда меня спрашивают, что важнее в актерской профессии — техника или правда чувства, я каждый раз ловлю себя на том, что начинаю думать не о кино, а о жизни. Потому что актерская честность — это вовсе не про ремесло и не про набор приемов. Это про то, насколько человек способен быть настоящим там, где проще всего притвориться. Искусство — любое: цирк, кино, танец, музыка — это способ разговора с миром. И если этот разговор не идет от сердца, если он построен только на технике, то он может быть красивым, мощным, эффектным — но пустым.

Я прошел через две школы, каждая из которых учила меня своей правде. Цирк — школа тела, риска, концентрации, мгновенной реакции, абсолютной честности перед зрителем. И кино — школа внутренней тишины, нюансов, невидимых глазу процессов, которые происходят в глубине человека. И, пройдя обе эти дороги, я пришел к выводу: техника — это важно, но правда чувства — важнее. Потому что техника без чувства — это просто набор движений, а чувство без техники — хаос. Но когда соединяются оба начала, рождается то, что зритель ощущает как «честность».

В цирке ты не можешь обмануть никого. Ты можешь сделать безукоризненный трюк, можешь выйти в блестящем костюме, можешь играть улыбкой — но если внутри у тебя пустота, если ты выходишь не с сердцем, а по обязанности, зритель это почувствует мгновенно. Зритель в цирке — он честнее всех. Он не рассуждает, не анализирует — он чувствует. Он видит твой страх, твою усталость, твою решимость. Он считывает все: жест, взгляд, дыхание.

И если ты пытаешься заменить внутреннюю правду внешним эффектом, на арене это провал. Там искренность — не художественный прием, а необходимость. Без нее невозможно.

В кино все устроено иначе, но суть остается той же. Камера улавливает то, что часто скрыто даже от зрителя. Она подбирается к лицу так близко, что видит то, что в обычной жизни скрыто. Она улавливает малейшее смещение эмоции, едва заметный импульс, который проходит по мышцам. Камера замечает фальшь раньше, чем актер успевает ее прикрыть. И я понял это сразу: невозможно обмануть объектив. Он не впечатляется техникой. Его интересует только внутреннее движение — то самое, что происходит не в жестах и словах, а в пространстве души.

Но правда чувства — это не значит «позволить эмоциям выплеснуться». Это другой процесс. Это способность быть честным перед собой в момент, когда тыходишь в роль. Настоящая искренность начинается не в кадре, а в подготовке к нему. Это момент, когда ты спрашиваешь себя: что во мне откликается на этого героя? Что в нем от меня? Что во мне от него? Какие точки пересечения существуют между моей жизнью и его вымышленной судьбой? И если ответ — «никаких», то роль не получится. Потому что нельзя прожить то, что тебе полностью чуждо. Нужно найти хотя бы одну нить, хотя бы одно переживание, которое принадлежит тебе. И через него войти в образ.

Я часто вспоминаю, как создавал свои первые роли. Тогда техника давалась мне проще, чем внутреннее чувство. Я знал, как двигаться — благодаря цирку. Знал, как держать корпус, как распределять силу, как падать, как бить, как реагировать телом. Но этого было мало. В кино тело — это всего лишь оболочка. А актерскую работу определяет вопрос: что у человека внутри в этот момент?

И я учился. Учился смотреть вглубь. Учился слушать тишину. Учился находить эмоции не в движении, а в паузе. Иногда режиссер говорил мне: «Ничего не делай. Просто думай». И я постепенно понимал, что это значит. Это значит — не прятать себя. Не прикрывать пустоту игрой. Если внутри тишина — пусть будет тишина. Если внутри боль — пусть она проявится. Если внутри сомнение — не пытайся его спрятать. Камера любит честность. И эта честность — самое сложное в актерстве.

Но честный актер — это не тот, кто отображает свои личные чувства. Это тот, кто умеет проживать чувства персонажа так, будто они его собственные. Это тонкая грань, но она определяет все. Можно быть эмоциональным человеком, но плохим актером. И можно быть сдержанным по жизни, но глубоко честным в кадре. Все зависит от того, способен ли человек впустить в себя роль.

Очень важную вещь я понял со временем: для актера главное — не изображать, а позволять. Позволять роли говорить через тебя. Позволять себе быть уязвимым. Позволять себе быть настоящим. Не придумывать, а проживать. Не играть, а открываться.

И здесь я снова возвращался к цирку. На арене ты не можешь закрыться. Там закрытость опасна — она мешает чувствовать партнера, мешает слышать зал, мешает решать в доли секунды. Там ты должен быть открыт — иначе будешь ранен или упадешь. И эта открытость помогла мне в кино больше, чем любая актерская школа. Цирк научил меня не бояться себя — своих чувств, своих слабостей, своих мыслей. Актерская честность рождается именно там — в смелости быть собой, где бы ты ни находился: на арене, в кадре, в жизни.

И все же нельзя сказать, что техника не важна. Техника — это фундамент. Это дисциплина, ритм, форма, умение держать паузу, умение говорить в нужном темпе, умение двигаться в кадре так, чтобы не разрушить композицию.

Техника нужна всегда — она позволяет голосу и телу быть инструментами. Но без души этот инструмент звучит пусто. Поэтому для меня техника — это опора. А правда чувства — это смысл.

Актерская честность — это не идеальность. Это не ровность игры, не красота голоса, не правильная мимика. Актерская честность — это способность позволить зрителю приблизиться к тебе настолько, что он увидит твою настоящую человеческую основу. Не спрятанную за ролью — а соединенную с ней. Именно поэтому зрители помнят не тех, кто «блистательно сыграл», а тех, кто был живым.

И чем дольше я работаю, тем больше убеждаюсь: роль может быть любой — сильной, слабой, смешной, трагической, маленькой, большой. Но если в ней есть правда — зритель ее примет. Если нет — она исчезнет, как дым. Потому что искусство не помнит игры. Оно помнит только честность.

ВОСПРИЯТИЕ ЗРИТЕЛЯ

Когда фильмы с моим участием начали выходить в прокат, я впервые столкнулся с тем, что называют популярностью. Это было новое состояние — неожиданное, непривычное, почти неловкое. В цирке зритель всегда рядом, он здесь же, в зале, в этой же секунде реагирует на твоё действие. Его энергия — живая, осязаемая. Но в кино зритель появляется позже, когда работа уже сделана, когда сцены отсняты, когда ты давно ушел с площадки и живешь другой жизнью. И именно это различие делает встречу со зрителем после фильма особенно тон-

кой: он знает тебя по образу, по кадру, по истории, которую ты пережил на экране, но не всегда знает того, кто стоит за этим образом.

Сначала я относился к узнаваемости спокойно, даже осторожно. Когда ко мне подходили на улице, спрашивали: «Это вы снимались там-то?», я чувствовал что-то близкое к удивлению. Ведь для меня актерская работа была продолжением цирковой — не подвигом, не попыткой «заявить о себе», а естественным развитием пути. И когда зрители начинали говорить, что мои герои вдохновляют, что им близка их сила, их честность, их прямота — я немного смущался. Я никогда не думал о том, чтобы «вдохновлять». Я просто старался быть честным перед ролью.

Но с течением времени я понял одну важную вещь: когда зритель видит в твоём герое что-то свое, что-то нужное ему, — это уже не про популярность. Это про общение. Это про ту самую невидимую связь, которая возникает между артистом и человеком, который смотрит на экран. И это, наверное, самая удивительная форма диалога — когда один человек проживает историю, а другой находит в ней отражение своей собственной.

Иногда ко мне подходили молодые люди — спортсмены, ученики секций, просто ребята, которые искали в жизни точку опоры. Они говорили: «Ваш герой помог мне справиться вот с этим». Или: «После фильма я начал тренироваться». Или: «Мне понравилась ваша прямота, я хотел бы быть таким же». И каждый раз я слышал в этих словах не комплимент, а просьбу — просьбу о поддержке, о подтверждении того, что путь силы и честности имеет смысл.

И тогда я понял: популярность сама по себе ничего не стоит. Но то, что она позволяет приблизить тебя к человеку — стоит многого. Я никогда не относился к этому как к испытанию славой. Меня не тянуло в центр внимания,

не тянуло в разговоры о «звездности». Все это было лишним. Но я относился к узнаваемости как к продолжению того большого разговора, который начался в цирке. Только там этот разговор был через риск, через трюк, через движение. А здесь — через экран, через образ, через внутренние состояния героя.

Бывали и другие ситуации — когда люди начинали говорить обо мне как о «строгом», «сильном», «непреклонном». Они переносили характер героя на человека, который стоял перед ними. Иногда это было забавно, иногда — нелегко. Ведь зритель часто видит не тебя, а того, кого ты однажды сыграл. И это тоже часть ответственности артиста: понимать, что роль может стать для кого-то эталоном или ориентиром.

Я относился к этому с уважением. Если человек увидел в моем герое что-то, что помогло ему жить, — значит, роль сыграна правильно. И даже если популярность приносила неудобства — главное было не это. Главное — то, что между мной и зрителем существовал мост, построенный честной работой, а не внешним успехом.

Иногда мне задавали вопрос: «Не давило ли ощущение, что на вас смотрят?» Но нет — не давило. Потому что зритель никогда не смотрит как судья. Он смотрит как человек, который ищет в другом человеке хоть маленькую опору. И если эта опора нашлась — значит, ты сделал больше, чем просто снялся в кино. Ты стал голосом, который кто-то услышал.

Я думал об этом так: популярность — это всего лишь форма внимания. А внимание — это форма доверия. И если зритель доверяет тебе настолько, что начинает видеть в тебе часть своей жизни, — относиться к этому нужно не как к испытанию, а как к ответственности. Это не повод гордиться собой. Это повод быть честным с собой еще больше.

Поэтому для меня узнаваемость стала не наградой, не испытанием и не лестным подтверждением успеха. Она

стала продолжением разговора между мной и теми, кто смотрит. Разговор этот тихий, почти незаметный, но очень важный. И если мои герои вдохновили кого-то — значит, моя работа не пропала зря. Значит, в искусстве есть то, что продолжает жить в сердцах людей даже тогда, когда камера давно выключена.

ЧЕЛОВЕК В ИСКУССТВЕ

Когда я сегодня смотрю на свои старые фильмы, чувствую не столько ностальгию, сколько удивительное спокойствие. Это особое состояние — словно листаешь страницы собственной жизни, в которых движение кадра становится продолжением твоего дыхания, а сцены — продолжением твоих выборов. В каждом фильме — шаг, который ты когда-то сделал, взгляд, который когда-то держал, судьба, которую когда-то примерил на себя. И когда видишь все это спустя годы, понимаешь: никакая роль не проходит бесследно. Она оставляет в душе след — иногда резкий, иногда мягкий, но всегда настоящий.

Но сегодня, глядя на свои фильмы, я чувствую прежде всего благодарность. Благодарность людям, с которыми мне довелось работать. Благодарность времени, которое позволило мне быть частью кинематографа. И благодарность зрителям, которые увидели в моих героях что-то важное для себя. Ведь кино — это не про актера. Кино — это про человека, который смотрит. И если человек увидел в моем персонаже хоть один отклик своей собственной жизни — значит, мы с ним поговорили, пусть даже никогда не встретимся.

Когда спрашивают, какое послание я бы оставил зрителю, который впервые посмотрит мои фильмы сегодня, я отвечаю просто: смотрите не на меня, а на тех, кто вдохновлял меня самого. На тех, чьи образы служили мне примером того, каким должен быть человек в искусстве.

Особо хочу отметить Джеки Чана. В мире кино мало людей, о которых можно без тени сомнения сказать: «величайший». Но о нем это можно сказать. Перед ним я преклоняю колено — не как поклонник перед кумиром, а как артист перед артистом. Потому что он — величайший мастер. Человек, который сделал себя сам, который прошел через боль, через риск, через отчаянную смелость. Он творил не только в кино — он творил в самом понимании искусства движения. И я уверен: если бы он оказался в цирке, он стал бы великим цирковым артистом. Потому что в нем есть то, что невозможно натренировать — внутренняя честность и преданность искусству.

Есть такие люди — редкие, великие в своем перевоплощении. Люди, от которых исходит энергия, способная изменить воздух вокруг себя. Я помню, как однажды увидел, как идет Василий Лановой... И что-то внутри будто остановилось. Не потому, что он знаменит. Не потому, что он из большой культуры. А потому, что в нем была такая сила присутствия, такая наполненность, что рядом с ним ты ощущал себя иначе — чище, сосредоточеннее, глубже. Это и есть величие — не громкость фамилии, а энергия, которая идет от человека.

Если бы мне довелось дать совет тому, кто смотрит мои фильмы впервые, я бы сказал: ищите таких людей. Учитесь у них. Берите пример с тех, кто не только играет роли, но и проживает их так, как будто каждая из них — часть их внутренней правды. Не обязательно быть актером, чтобы научиться этому. В любой профессии есть свои великие. В любом деле есть люди, которые делают его сердцем, а не руками.

А если говорить обо мне и моих картинах — я бы хотел, чтобы зритель увидел главное: в каждом герое я пытался сохранить живую человеческую основу. Смелость — это не всегда сила. Честность — это не всегда громкие слова. Подлинность — это не поза, а внутреннее состояние. И если зритель увидит эту подлинность в моих ролях — значит, я сделал все, что мог.

Человек в искусстве — это всегда мост. Между прошлым и будущим. Между кадром и зрителем. Между ролью и жизнью. И если мои работы стали хоть маленькой частью этого моста — тогда мой путь в кино был не напрасен.

И я бы хотел, чтобы каждый зритель, открывая для себя мои фильмы сегодня, услышал то, что стоит за кадром: уважение к мастерству, благодарность учителям и восхищение перед теми великими людьми, которые светят нам всем, показывая, какой силой может обладать одна человеческая судьба.

ГЛАВА 7. НА ГРАНИ ИСКУССТВ

ЕДИНСТВО ТРЕХ ИСКУССТВ

Человек всю жизнь идет не по дороге, а по тонкой линии — где-то между памятью и надеждой, между выбором и судьбой, между тем, что у него есть, и тем, что еще только ищет себя. Я много лет думал, что мои вехи пути — спорт, цирк, кино — существуют отдельно, как разные комнаты в одном большом доме. В одной комнате — запах татами, быстрый вдох перед атакой, тяжелые тренировки и чувство настоящей школы. В другой — свет прожекторов, тишина за кулисами, ожидание прыжка. В третьей — камеры, хлопок «мотор!», бесконечные дубли, попытки поймать то самое выражение лица, которое будет истинным. Но со временем я понял: все это не комнаты. Это — один дом. Мой дом. Одно дыхание. Один путь.

Когда впервые пришло это осознание — я, честно говоря, не могу назвать точную дату. Воспоминания не складываются в аккуратные папки, как документы на полке. Они всплывают — неожиданно, иногда почти физически. Но если постараться, если провести нить через разные годы, то,

думаю, впервые я почувствовал единство этих искусств тогда, когда начал видеть движение не как технику, а как выражение внутреннего состояния. Это произошло не на ринге и не в цирковом манеже. Это произошло в самый обычный день, во время самой обычной тренировки. Я просто стоял перед зеркалом и делал ката. Но в какой-то момент вдруг ощутил: я не выполняю форму — я проживаю ее. Как будто техника перестала быть набором движений и превратилась в язык. В способ говорить с миром. И тогда я понял: то же самое происходит, когда я выхожу под купол цирка. То же самое — когда стою перед камерой.

Движение — это речь. Если в нем нет смысла, оно мертво. Если оно не идет от сердца — оно пустое. И здесь уже не так важно, какое искусство ты практикуешь. Каратэ, цирк, кино — каждое из них требует предельной честности. Нельзя спрятаться, нельзя обмануть. Даже если внешне все правильно — внутри ты знаешь, что фальшь уже прозвучала. Цирк не терпит фальши. Камера — тем более. Татами — совсем нет.

Может быть, именно в этом глубинное родство трех искусств: они требуют присутствия. Настоящего. Бескомпромиссного. В каждом мгновении.

Но чтобы прийти к этому пониманию, мне пришлось прожить десятки лет. Десятки состояний. Быть сильным — и быть разбитым. Быть уверенным — и быть растерянным. Переживать поражения — и не уметь принять успех. В какой-то момент я понял, что цирк воспитал во мне смелость. Каратэ — дисциплину. Кино — внимание к деталям. Но все вместе они воспитывали во мне самое главное — умение слышать себя.

Знаете, когда к нам приходили иностранные тренеры или режиссеры, они иногда удивлялись: «Как вам удастся сочетать такие разные сферы деятельности? Почему вы не выбираете одну?» А я не мог объяснить словами. Пото-

му что для меня это было не сочетание, а дыхание. Как вдох и выдох — разные движения, но одна жизнь. Цирк и спорт — выдох, когда ты отдаешь энергию, когда бросаешь тело в прыжок, когда вкладываешь силу в удар. Кино — вдох: ты впускаешь в себя мир, историю, чужие судьбы. Ты должен замедлиться, стать тише, глубже. Но и то и другое — части одного цикла.

Помню один съемочный день, очень ранний. Еще темно, прохладно, съемочная группа сонная, тишина такая, что слышно, как кто-то наливает кофе из термоса. Мы снимали сцену, где я должен был пройти по коридору с определенным выражением — усталости, но внутренней собранности. Никакого экшена, никаких трюков. Просто пройти. И я делал дубль за дублем, но внутри не было того правильного ощущения. И вдруг я поймал себя на том, что вспоминаю тренировку по ката. Тот момент, когда тело вырабатывает не усилие, а состояние. И я закрыл глаза, перевел дыхание — и прошел. Казалось бы, мелочь. Но именно тогда я понял окончательно: границы между искусствами — воображаемые. Если ты умеешь быть честным в движении, то умеешь быть честным и в кадре. Если умеешь слушать тело — умеешь слушать пространство. Если умеешь побеждать страх в цирке — умеешь побеждать его и на съемочной площадке.

Но главное, пожалуй, даже не в этом: каждое из этих искусств учило меня не технике, а состоянию. Цирк — доверять, потому что под куполом нет времени на сомнения, есть лишь секунды, в которых решается все. Каратэ — уважать: противника, партнера, зал, школу. Кино — видеть: нюансы, жесты, тишину между словами. И все три искусства учили меня одному и тому же — человек раскрывается только тогда, когда перестает играть и начинает жить.

Есть еще один момент, о котором не часто говорят. В каратэ есть понимание «ки» — внутренней энергии. В цирке есть понятие «ритма» — не музыкального, а энер-

гетического. В кино есть понятие «правды момента» — когда кадр вдруг становится живым. Как ни странно, все это — о том же. О внутреннем течении. О состоянии, которое не подделаешь и не построишь усилием. Оно возникает, когда ты полностью присутствуешь здесь и сейчас. И когда я начал замечать, что эти состояния похожи — я впервые увидел общий язык трех путей.

Но, если честно, истинное осознание пришло ко мне не в манеже и не на съемках. Оно пришло в тот день, когда я сидел за столом дома, вечером, после тяжелой тренировки и долгого циркового сезона. Я был усталый, почти выжатый, и вдруг почувствовал какое-то странное спокойствие. Как будто внутри меня появилась точка, в которой все складывается. Цирк, каратэ, кино — не тянут меня в разные стороны. Не спорят. Не требуют выбора. Они стоят, как три опоры, на которых держится моя жизнь. И я понял, что никогда не смогу отказаться ни от одной. Потому что вместе они дают мне то, чего не дает по отдельности ни одна дисциплина: полноту.

Полноту движения. Полноту восприятия. Полноту жизни.

Иногда меня спрашивают: «А что, если бы вы не попали в цирк? Или не начали заниматься каратэ? Или не оказались в кино?» И я всегда отвечаю: «Я бы все равно оказался там, где есть движение». Но я думаю, это не совсем верно. Потому что движение — это только поверхность. В глубине всегда было другое — желание понять природу человека. Его страхи. Его силу. Его надежды. Его способность преодолевать.

И, наверное, именно это объединяет все три искусства. В каждом из них человек выходит на грань. В цирке — на физическую грань. В каратэ — на грань духа. В кино — на грань эмоции. Но только переходя эту грань, он начинает понимать себя настоящего. Без масок. Без ролей. Без красивых слов.

Поэтому сегодня, оглядываясь назад, я вижу не три разных пути, а три стороны одного лица. Трехмерную форму жизни, где каждое искусство освещает другое. Где каратэ делает цирк глубже. Где цирк делает кино честнее. Где кино делает каратэ человечнее. И все вместе — делает меня собой.

Если сказать проще: эти искусства не просто соединяются — они друг друга завершают.

И, может быть, в этом и есть мой путь: идти по этой грани, не выбирая одно, но слыша все три. Потому что только тогда жизнь звучит полно. И только тогда понимаешь: искусство — это не профессия. Это состояние души. И если душа умеет говорить, то неважно, в каком жанре. Она все равно скажет правду.

ВНУТРЕННЯЯ ДИСЦИПЛИНА

Слово «дисциплина» — одно из самых неверно понимаемых слов. Людям часто кажется, что дисциплина — это когда ты заставляешь себя. Когда преодолеваешь лень, доводишь упражнение до конца, не сдаешься. Это правда, но это только поверхность, самый первый слой. У меня ушли годы, чтобы увидеть: настоящая дисциплина — не про усилие. Она про состояние. Она начинается не с команды себе «надо», а с тихой внутренней ясности — «я хочу быть лучше». И вот тогда усилие перестает быть борьбой. Оно становится частью пути.

Когда я впервые пришел в спорт, мне казалось, что дисциплина — это прежде всего физика. Силовые тренировки, выносливость, повторения, техника. Делай тысячу

раз, а если устал — сделай еще сто. Это правильная школа. Она воспитывает тело, делает его инструментом. Она необходима. Но чем больше я рос, тем яснее становилось: физическая дисциплина — только фундамент. Она дает форму, но не содержание. Она укрепляет мышцы, но не сердце. А без сердца любое искусство — пустой звук.

В цирке я понял это особенно остро. В тот момент, когда стоишь под куполом, когда воздух становится плотным, когда секунды растягиваются, а время будто ждет твоего решения — именно тогда ты впервые понимаешь, что физической силы недостаточно. Можно отжаться тысячу раз, можно прыгать часами, можно быть сильным, выносливым, но если внутри нет собранности — ты уже проиграл. Цирк учит тому, чему не всегда учит спорт: не тело управляет тобой, а ты телом. И если ты не умеешь управлять собой — никакая сила не спасет.

Но, наверное, самое глубокое понимание внутренней дисциплины я получил не в цирке и не на татами — а на съемочной площадке. Там вроде бы ничего не угрожает твоей жизни, нет физической опасности, нет трапеций под потолком. Но есть другая сложность: в кино требуется полная эмоциональная дисциплина. Камера — безжалостная. Она видит все. Она замечает малейшие колебания, фальшь, напряжение, даже мысли. И если ты внутри не собран, если не уверен в состоянии, оно сразу проявляется — в глазах, в дыхании, в микродвижениях лица. И вдруг становится ясно: сила актера — не в том, чтобы играть. А в том, чтобы быть.

И вот тогда я окончательно понял, что физическая дисциплина — лишь один из путей. А духовная — это сама дорога.

Но, говоря честно, я не сразу пришел к этому различию. Когда мне было двадцать, казалось: главное — тренироваться. Главное — не пропустить ни дня. Главное — быть

крепким, быстрым, настойчивым. И да, это важно. Молодость — время, когда тело отвечает силой, когда мускулы растут, когда ты чувствуешь себя почти неуязвимым. Но проходит время — и ты начинаешь видеть глубже. Начинаешь понимать, что сила — это не только способность поднять вес или совершить прыжок. Настоящая сила — это способность управлять собой, когда вокруг хаос. Когда ты устал. Когда тебя критикуют. Когда ты ошибся. Когда ничего не получается. Когда хочется бросить.

И вот здесь и начинается та самая духовная дисциплина, которая, как я теперь понимаю, важнее любой другой.

Я видел много спортсменов, сильных, одаренных. Они блистали на тренировках, впечатляли всех — до тех пор, пока не встречались с первой серьезной трудностью. С травмой, провалом, непониманием, внутренним кризисом. И тогда становилось ясно: физическая дисциплина обучает телу, но духовная — учит принимать, учит терпеть, учит идти вперед, когда путь перестает быть ровным. Она не дает свернуть.

В цирке я видел и другое: невероятно техничных артистов, которые умели все — но не могли выйти под купол в плохой день, когда эмоции рассыпались. И наоборот: артистов, которые уступали в силе, но обладали внутренней тишиной — и именно она давала им возможность совершать невозможное.

Дисциплина сердца — тише, но сильнее. Она не звучит. Она не бросается в глаза. Ее не увидишь на теле. Она проявляется в простых решениях: прийти на тренировку, когда у тебя болит душа. Сделать дубль с тем же вниманием, что и первый, хотя режиссер сказал: «еще двадцать раз». Встать под купол, когда внутри темно. И не потому что надо — а потому что ты выбрал быть верным своему пути.

Есть разница между самоконтролем и сдерживанием. Я понял это спустя годы. Сдерживание — это

когда ты борешься с собой. Самоконтроль — когда ты понимаешь себя.

В юности я часто боролся — с усталостью, с эмоциями, с сомнениями. Позже я понял: борьба истощает. А понимание — собирает. Это как дыхание. Ты можешь заставить себя дышать медленно — но это будет напряжение. Или ты можешь найти состояние, в котором дыхание само станет ровным. То же самое и с дисциплиной. Можно заставлять себя. А можно раскрыть в себе точку спокойствия, из которой рождается действие без лишнего внутреннего шума.

И если спросить меня сегодня: какая дисциплина важнее для мастера — физическая или духовная? — я отвечу так: важнее та, которая остается с тобой, когда тело устает.

Тело сильное не всю жизнь. Выносливость — не вечна. Мускулы — подвержены времени. А вот способность собираться, способность держать внутренний центр, способность оставаться честным с собой — это то, что не стареет. Это то, что делает мастера мастером. И в двадцать, и в пятьдесят.

Но при этом я глубоко убежден: эти дисциплины не противоречат друг другу. Они питают друг друга. Физическая укрепляет волю. Духовная направляет волю. Физическая дает инструмент. Духовная — дает смысл, зачем этот инструмент нужен. Это как две стороны одного меча. Лезвие — движение. Рукоять — разум. Без рукояти меч не удержать, но и без лезвия он бесполезен.

Я не раз замечал, что духовная дисциплина формируется в тех же моментах, что и физическая — на грани. Когда ты на пределе. Когда усталость такая, что руки дрожат, дыхание рвется, а мозг говорит: «достаточно». Но ты продолжаешь — не из упрямства, а из уважения к пути. И вот в эти секунды, когда тело уже не слушается, вдруг что-то переключается. Появляется какая-то необыкновенно чистая ясность — будто исчезает шум, и ты видишь, кто ты есть. Без масок. Без привычных оправданий. И в этот мо-

мент ты впервые встречаешься с духовной дисциплиной лицом к лицу: она не заставляет. Она ведет.

Я помню одну съемку, позднюю ночь, мы делали сцену, где нужно было тонко передать внутренний разлом героя. Физически — ничего сложного. Но эмоционально — очень тяжело. Было холодно, туманно, и я чувствовал: внутри я устал так, что почти нечем играть. И вдруг я понял — не надо играть. Надо просто быть. Быть честным. Не прятать усталость, а впустить ее в кадр. Не пытаться смотреть «как положено», а смотреть так, как смотришь ты в этот момент на самом деле.

И тогда камера поймала то состояние, которое мы искали весь день.

Это тоже дисциплина — умение позволить себе быть настоящим.

Иногда я думаю, что духовная дисциплина — это не строгость, не жесткость, а наоборот — мягкость. Мягкость, которая сильнее любой силы. Способность оставаться открытым, даже когда хочется закрыться. Способность продолжать, даже когда внутри пусто. Способность слышать, даже когда эго пытается кричать.

У мастера есть одна важная черта: он не ищет внешних опор. Он становится опорой сам для себя. И эта опора строится не бицепсами и не прыжками — а тем самым внутренним стержнем, который формируется годами. Формируется в ночах, когда ты тренируешься один. В падениях. В ошибках. В провалах. В молчаливых победах. В простом, почти будничном решении: «я продолжу».

Если сказать просто, но честно: Физическая дисциплина делает человека сильным. Духовная — делает человека настоящим.

И мастер — это всегда тот, кто смог соединить эти два берега. Тело и дух. Движение и тишину. Силу и понимание.

И когда они соединяются — тогда и рождается то состояние, которое называют мастерством.

ДВИЖЕНИЕ КАК ЯЗЫК ОБЩЕНИЯ

Когда я говорю, что движение должно исходить из сердца, каждый понимает эти слова по-своему. Кто-то думает, что это красивая метафора, другие — что это нечто мистическое, связанное с энергией или вдохновением. Но для меня это не метафора. И не поэзия. Для меня это — опыт. Наблюдение. Суть того, чем я занимаюсь всю жизнь.

Потому что движение — это язык. Настоящий, живой язык, на котором человек говорит даже тогда, когда молчит. Иногда — особенно тогда, когда молчит.

Я понял это не сразу. В начале, как и все, я учил технику. Правильный удар, правильный шаг, правильная стойка. В цирке — правильное положение тела в полете, точность линии, чистоту приземления. В кино — правильный ракурс, точность взгляда, ритм мизансцены. Все — правильно. Но правильность сама по себе не создает смысла. Можно идеально владеть техникой — и не сказать ей ничего. Можно быть безупречным спортсменом или артистом — и остаться немым.

И только спустя годы я стал видеть: движение становится искусством в тот момент, когда перестает быть правильным и становится правдивым.

Эта разница кажется тонкой, почти незаметной. Но без нее не существует ни мастерства, ни глубины, ни подлинности. Правильно — это когда ты делаешь, как учили. Правдиво — когда ты делаешь, как живешь.

Я понял это впервые в одной тренировке. Было раннее утро, зал еще прохладный, стекло в окне мутное, воздух неподвижный. Я делал ката — привычное, многократно отточенное. И вдруг заметил: мое тело движется идеально, но внутри — пусто. Как будто я присутствую только физически, а мысли где-то в стороне. И в этот момент я остано-

вился. Впервые за многие годы. Потому что понял: техника без присутствия — это всего лишь жест. А жест без сердца — это механика.

Я сделал вдох, закрыл глаза и попробовал снова — но уже иначе. Не выполняя комбинацию, а проживая ее. Не думая, что должно быть, а слушая, что есть. И вдруг движение стало другим. Оно стало объемнее, тише, глубже. Как будто тело перестало повторять форму и стало говорить. Это ощущение невозможно спутать ни с чем. Как будто в тебя включили свет, который всегда был, но ты не замечал его.

Тогда я впервые понял: движение — это признание. Признание в том, что ты чувствуешь. В том, что ты есть. В том, что ты живешь.

Техника — это алфавит. Движение — это речь. А искусство — это смысл, который через эту речь проходит.

В цирке я почувствовал то же самое. В полете есть доля секунды, когда ты еще не завершил элемент, но уже знаешь — будет он чистым или нет. И это не предчувствие, не интуиция. Это честность. Твое тело не врет. Оно знает, когда ты в движении полностью, когда сердце в нем участвует. И когда — нет. Зритель это тоже чувствует, даже если не может объяснить. В хорошем прыжке есть что-то невозможное — какое-то внутреннее сияние. Это не красота техники. Это красота правды.

А в кино я увидел то же самое в иной форме. Камера — страшно честный инструмент. Она слышит внутренний ритм человека. Она видит, когда ты делаешь жест потому что так «надо». И когда — потому что он рождается сам. В одном кадре человек может шагнуть так, что зритель ничего не почувствует. А может так, что кадр приобретет глубину, которую невозможно сыграть. И дело вовсе не в умении — а в том, что в этот момент движение стало выражением внутреннего состояния.

Я иногда думаю: почему люди плачут на фильмах, хотя все — игра? Почему им хочется аплодировать после сложного циркового трюка, будто сейчас произошло что-то большее, чем акробатика? Почему в зале единоборств иногда стоит такая тишина, что слышно дыхание участников? Потому что зритель всегда чувствует, когда движение говорит правду.

Когда в нем нет фальши, нет попытки понравиться, нет демонстративности. Когда оно рождается из того места, где человек настоящим становится хотя бы на мгновение.

Движение, рожаемое сердцем, никогда не бывает громким. Оно не требует внимания. Оно не может быть показным. В нем нет добавленного усилия. Нет внутренних комментариев. Нет желания произвести впечатление. Оно просто происходит. Как дыхание. Как шаг. Как взгляд, в котором вдруг открылась глубина.

Но как понять, когда движение становится искусством? Это, пожалуй, самый трудный вопрос, который только можно задать человеку, всю жизнь работающему с телом.

Я не могу дать универсальный ответ. Но я могу рассказать, как ощущаю это я.

Искусство начинается в тот момент, когда исчезает «я». Когда остается только действие.

Есть три этапа, через которые проходит любой человек, изучающий движение. Первый: «я делаю». Второй: «я делаю хорошо». И третий — самый редкий, самый дорогой: «это делается через меня».

На первом этапе движение — труд. На втором — мастерство. На третьем — искусство.

И этот третий этап невозможно ускорить. Его нельзя купить, нельзя сыграть, нельзя имитировать. Он приходит только спустя тысячи часов, через боль, через сомнения, через внутреннюю тишину, достигнутую не сразу. Когда исчезает напряжение. Исчезает амбиция. Исчезает страх.

И остается только чистое действие — без внутреннего шума, без борьбы.

Я видел людей, которые могли выполнять невероятные акробатические элементы, но в их прыжках не было души. И видел других — скромных, тихих, с простыми трюками, но в этих трюках было что-то такое, что заставляло зал задерживать дыхание. Разница — не в технике. Разница — в присутствии.

Когда движение идет из сердца, оно не нуждается в украшениях. Оно может быть медленным. Может быть простым. Может быть почти незаметным. Но оно будет живым. Оно будет говорить — без слов. И зритель это услышит. Даже если он не знает, что именно услышал.

Мне иногда говорят: «Вы красиво двигаетесь». А я улыбаюсь. Не потому что приятно. А потому что понимаю: красота — побочный эффект. Я никогда не стремился двигаться красиво. Я стремился двигаться честно. А честность сама создает красоту. Другую — не внешнюю, не кинематографическую. Ту, которая появляется, когда человек вдруг становится собой. Когда он перестает стремиться — и начинает присутствовать.

Искусство движения — это не движение тела. Это движение души внутри тела.

Можно выполнить идеальный удар — и не сказать им ничего. Можно просто поднять руку — и этот жест будет сильнее любого удара. Можно пройти по манежу — и это станет историей. Можно сделать шаг в кадре — и этот шаг скажет больше, чем диалог на две страницы.

Потому что язык движения — самый древний язык в мире. Он старше слов. Старше культур. Старше традиций. Он был с человеком всегда. Когда мы еще не умели говорить, мы уже умели двигаться. И через это движение мы уже выражали страх, радость, боль, благодарность.

Так и сейчас.

Поэтому я всегда говорю ученикам: «Не копируй. Не повторяй. Не старайся сделать красиво. Делай так, чтобы в движении было ты». Потому что ты — единственное, что делает движение неповторимым. Техника может быть одинаковой. Но сердце — всегда разное. И именно оно создает искусство.

Если сказать совсем просто, по-человечески: движение становится искусством тогда, когда перестает быть упражнением и становится признанием.

Признанием в том, что ты живой. Что тебе есть что сказать. Что твой путь — не о победах и не о медалях, а о том, как ты ищешь себя. Как ты находишь то состояние, в котором движение уже не требует усилия — оно просто рождается.

И в этот момент ты понимаешь: вся твоя жизнь — тоже движение. И тоже язык. И тоже искусство. Особенно когда оно исходит из сердца.

ЧУВСТВА НА СЦЕНЕ И ТАТАМИ

Есть состояние, которое кажется мне одним из самых загадочных в человеческой жизни — состояние на границе действия. Та тонкая секунда между тишиной и движением, между обычностью и сценой, между внутренним миром и миром, где на тебя смотрят. И чем старше я становился, чем дольше жил среди трех разных пространств — циркового манежа, спортивного татами и киноплощадки, — тем яснее понимал: у этих миров больше общего, чем кажется. На первый взгляд они совершенно разные: цирк — это свет, высота, риск; татами — дисциплина, честность, пря-

мой взгляд противника; кино — тонкость эмоции, тишина между словами. Но в глубине, там, где человек остается наедине с самим собой, их соединяет одно и то же чувство.

Оно всегда приходит перед выходом. Перед шагом, который разделяет быт и искусство. Перед тем, как мой внутренний мир становится видимым.

Я помню, как стоял за кулисами цирка — дрожь манежа от шагов артистов, запах магнезии, негромкий гул зрительного зала, теплый свет прожекторов, который будто сочился откуда-то сверху. Но внутри меня была тишина. Не тишина спокойствия, не тишина медитации, а тишина предельной ясности. Как будто все лишнее исчезает: все заботы, все мысли, даже следы усталости. Остается только готовность — чистая, ясная, без примесей. Иногда я называл это спокойствием, иногда собранностью, но со временем понял, что правильнее всего назвать это присутствием. На манеже ты не можешь быть наполовину, не можешь играть роль, не можешь обладать только внешней техникой. Все в цирке требует от тебя предельного присутствия, полного включения, словно ты соглашаешься оставить весь мир позади и шагнуть в пространство, где каждая секунда — вызов.

Похожее чувство я испытывал на татами. Но там оно было более суровым, более строгим. Если цирковая тишина наполнена воздухом высоты, то тишина татами наполнена уважением. Когда судья поднимает руку, когда между тобой и противником возникает пустота, в которой растворяется весь зал, — тогда ты понимаешь, что стоишь в пространстве, где все решает внутреннее состояние. Татами учат тому, что честность — не моральная категория, а необходимое условие. Если ты пытаешься играть, притворяться, изображать уверенность — противник увидит это мгновенно. Он прочитает это в твоём движении, в дыхании, в том, как ты ставишь ногу на ковер. И ты тоже уви-

дишь его. Там, на этой прямой линии между двумя людьми, нет места обману. И поэтому выход на татами всегда был для меня моментом, когда я словно смотрел в зеркало. Я видел себя — без масок, без оправданий, без красивых слов.

Но, пожалуй, самым удивительным было то, что похожее состояние приходило ко мне перед камерой. Внешне кино не похоже ни на цирк, ни на спорт. Нет риска сорваться, нет противостояния, нет опасности. Есть только техника, свет, партнеры, группа. Но именно здесь я впервые почувствовал, что уязвимость — одна из величайших человеческих сил. Перед камерой невозможно спрятаться. Камера видит все: оттенок эмоции, неровность дыхания, едва заметное напряжение в пальцах. Ты можешь владеть техникой актерского мастерства, но если в момент «Мотор!» внутри нет правды — кадр мертв. И именно здесь я впервые понял, что настоящая ответственность — не перед зрителем, не перед режиссером, не перед партнером. Настоящая ответственность — перед собой. Перед тем человеком, которого никто, кроме тебя, не видит. Камера сталкивает тебя с твоей собственной правдой — и не позволяет отвести глаза.

И что удивительно — все эти состояния похожи. Они похожи не действиями, не формой, не техникой — а тем, что происходит с человеком внутри. Я часто думал, что объединяет выход на арену, на татами и перед камерой — азарт, концентрация, страх, адреналин? Но чем больше я проживал, тем яснее понимал: эти эмоции существуют, но они не главное. Главное — глубинное состояние открытости. Уязвимость, соединенная с ясностью. Готовность быть увиденным — настоящим.

Нас всю жизнь учат быть сильными. Учусь делать движения уверенно, говорить уверенно, побеждать уверенно. Но никто не учит нас быть уязвимыми. А ведь именно это состояние — и есть подлинная сила. В цирке ты выходишь

на арену и знаешь: ошибка может стоить тебе всего. Но ты выходишь. На татами ты понимаешь, что сейчас будет бой — и что бой всегда обнажает человека. Но ты стоишь на линии. Перед камерой ты знаешь, что сейчас каждая твоя эмоция станет видимой. И ты все равно говоришь: «Я готов». И вот в этих трех моментах — одного и того же выбора — раскрывается человек. Настоящий.

Я помню один цирковой прыжок — сложный, рискованный, который мы отрабатывали неделями. В тот вечер зал был полон, воздух стоял тяжелый, прожекторы били прямо в лицо. Я поднялся на платформу, посмотрел вниз и почувствовал, как в груди сжалось — не от страха, а от величия момента. Потому что в такие секунды ощущаешь не только свою силу, но и свою хрупкость. Я стоял и понимал: сейчас в моих руках моя судьба, но и судьба тех, кто подо мной, тех, кто верит в меня. Это чувство ответственности — сильнее любого адреналина. Оно наполняет тело тихим напряжением, из которого рождается правильное действие. Ни на грамм больше, ни на грамм меньше.

На татами я переживал другое, но сродственное чувство. Там всегда присутствует уважение — к противнику, к школе, к самому моменту. Когда ты выходишь на татами, ты словно говоришь миру: «Я принимаю этот путь, со всеми его трудностями». И это принятие разливается необыкновенной внутренней тишиной. Ты чувствуешь, что не можешь позволить себе ни суеты, ни манерности, ни лишних движений. Вся твоя жизнь сужается до малого пространства между двумя людьми — и до одного решения: быть честным.

Перед камерой я впервые испытал чувство, которого не знал в цирке и спорте: чувство мягкой ответственности. Не жесткой, не физической — а эмоциональной. Ответственности за тонкость. За правду эмоции. За то, что в твоих руках — не трюк и не удар, а человеческая история.

И в этот момент понимаешь, что искусство — не в силе, а в точности. В искренности, с которой ты произносишь слово или делаешь шаг.

И чем больше я проживал в этих трех мирах, тем глубже понимал: общее между ними — не азарт и не драйв. Общее — это предельная честность. Та, которую невозможно сыграть. Честность мгновения, когда ты стоишь перед тем, что больше тебя самого, и говоришь: «Я готов быть настоящим». И если в цирке честность выражается в точности движения, на татами — в прямоте духа, то в кино она выражается в открытости эмоции. Но по сути это одно и то же состояние — состояние человека, который выходит к миру, не скрывая свою уязвимость.

Если сказать просто — эти три пространства объединяет не внешняя сила, а внутренняя. Сила быть собой в момент, который требует полной открытости. Сила шагнуть туда, где не спрячешься. Сила, которая не кричит, не бросается в глаза, не требует аплодисментов. Сила тишины. Сила присутствия. Сила честности.

И именно поэтому, выходя на арену, на татами или перед камерой, я всегда чувствовал одно и то же: уважение к моменту. К жизни, которая в этот миг становилась острее. К людям, которые доверяют мне. К своему собственному пути. И, наверное, это чувство — самое драгоценное, что дали мне эти три искусства. Оно научило меня не бояться быть увиденным. Не бояться быть человеком — живым, настоящим, несовершенным, но честным.

ЧЕЛОВЕК И РАВНОВЕСИЕ

Всю жизнь я нахожусь между двумя силами — силой бойца и силой артиста. Они были во мне с самого начала, еще до того, как я понял, что такое сцена, что такое бой, что такое искусство движения. Тогда я не мог называть их словами, не понимал их природы, но они уже жили рядом, иногда — в согласии, иногда — в споре, иногда — в напряженном сосуществовании. И, наверное, большая часть моего пути была не в том, чтобы научиться действовать, прыгать, сражаться, играть перед камерой. А в том, чтобы научиться соединять эти две стороны — так, чтобы одна не разрушала другую, а наоборот — давала ей дыхание.

Когда я был молодым, я думал, что боец и артист — противоположности. Боец — прямой, строгий, собранный, напряженный, направленный на результат. Артист — мягкий, свободный, гибкий, позволяющий себе переживать эмоцию до конца. Мне казалось, что в одном человеке эти две силы могут только мешать друг другу. И я часто чувствовал конфликт между ними. На тренировке по каратэ я чувствовал себя слишком художественным, слишком восприимчивым, слишком эмоциональным. Мне казалось, что боец должен быть монолитом, должен уметь выключать эмоции, должен быть резким и четким, как сталь. А в цирке, наоборот, я чувствовал себя слишком строгим, слишком собранным, слишком рациональным. Как будто во мне жили два человека, которые по очереди поправляли друг друга: один говорил «будь тверже», другой — «будь мягче». И долгое время я не понимал, что они говорят об одном и том же.

Равновесие не приходит сразу. Оно не возникает внезапно, как внезапное озарение. Оно формируется медлен-

но, так же медленно, как формируется сила или гибкость. Чтобы найти равновесие между бойцом и артистом, мне пришлось прожить много разочарований, много побед и поражений, много мгновений, в которых я чувствовал себя расколотым надвое.

Вспоминаю один период — тяжелый, изнуряющий. Я готовился к выступлениям в цирке, одновременно проходил интенсивные тренировки по боевым искусствам. Тело было в постоянном напряжении, психика — в состоянии вечной готовности, а сердце — то в одной роли, то в другой. Однажды после репетиции под куполом я вернулся домой и сел за стол с ощущением, будто вся моя жизнь состоит из двух несовместимых половин. Внутренний голос говорил: «Ты либо боец, либо артист. Нельзя быть двумя одновременно». И тогда я впервые задумался — а что, если это ложь? Что, если конфликт не между бойцом и артистом, а между моим представлением о них?

Я начал прислушиваться к себе глубже. Когда я бьюсь на татами — что происходит со мной? Там есть напряжение, да. Есть сила. Есть точность. Но есть и другое — уважение, внимание к дыханию, к движению другого человека. Есть ритм, есть ощущение пространства, есть то тонкое внутреннее чувство, без которого невозможно предугадать атаку или увидеть скрытый шанс. И тогда я понял: в бойце есть артист. В самом центре боя есть искусство — искусство видеть.

Когда я стоял под куполом цирка, я ощущал совсем иные эмоции, но корень был тот же. В цирке есть красота, плавность, риск, воздушность. Но есть и другое: предельная концентрация, воля, способность подавлять страх, способность не позволить ни одной мысли разрушить траекторию полета. Там, на высоте, артист держится на силе бойца. И наоборот — боец держится на сердце артиста. И в какой-то момент я понял: их разделяют только привычные ярлыки. На самом деле они всегда были единым — просто я этого не видел.

Были моменты, когда эти стороны действительно конфликтовали. Иногда после интенсивных тренировок по каратэ я приходил на репетицию и чувствовал себя слишком «острым»: тело двигалось резко, жестко, без того мягкого дыхания, которое требует сцена. Или наоборот — после сложного циркового номера я приходил в зал и ловил себя на том, что не могу собрать внимание в одну линию, что внутренний настрой — слишком гибкий, слишком эмоциональный. И тогда я переживал: не разрушу ли я одно искусство другим? Не потеряю ли я что-то важное, балансируя между двумя мирами?

Но были и другие моменты — моменты, когда внезапно становилось ясно, что эти силы помогают друг другу. Помню тренировки, когда после сложного номера в цирке я приходил на татами и чувствовал, что тело плывет мягче, дыхание становится глубже, удар — чище, потому что во мне звучала пластика манежа. Или, наоборот, когда жесткость боя помогала мне под куполом, потому что я знал, что могу держать напряжение, могу выдерживать давление, могу не терять линию движения. И вскоре я заметил, что боец внутри меня делает артиста сильнее. А артист делает бойца мудрее.

И постепенно я стал видеть: эти стороны не конфликтуют. Конфликтует лишь наша привычка разделять. Мы думаем, что человек должен быть либо таким, либо таким. Либо сильным, либо тонким. Либо жестким, либо мягким. Но жизнь — не дуэль противоположностей. Жизнь — это постоянное движение между ними. И гармония — не когда одна сторона побеждает, а когда обе звучат в унисон.

Я понял это особенно ясно в один момент на съемочной площадке. Мы снимали сцену, где нужно было соединить силу и уязвимость — шаг, в котором должны были звучать одновременно напряжение бойца и внутреннее тепло человека. И тогда я почувствовал: если бы я был только бойцом — шаг получился бы грубым. Если бы был

только артистом — шаг был бы слишком мягким, лишенным внутреннего стержня. Но когда две силы во мне соединились, движение стало настоящим. В нем появилась правда — та, которую невозможно сыграть.

И тогда я понял: равновесие — не в том, чтобы глушить одну сторону. Равновесие — в том, чтобы позволить им разговаривать. Чтобы одна учила другую. Чтобы они не боролись, а поддерживали.

Боец учит артиста дисциплине. Артист учит бойца чувствовать. Боец дает артисту стойкость. Артист дает бойцу человечность. И вместе они создают состояние, в котором человек становится цельным.

Теперь, оглядываясь назад, я понимаю: самое важное равновесие — не между двумя ролями, а между двумя силами, которые вместе создают личность. В каждом человеке есть то, что можно назвать бойцом — воля, стойкость, умение идти вперед. И есть то, что можно назвать артистом — способность чувствовать, воспринимать, быть открытым. Ошибка — в попытке выбрать одну. Истинный путь — соединить их.

Были ли моменты, когда они помогали друг другу? Да, и именно эти моменты сделали меня собой. Когда под куполом я держал траекторию полета — во мне работал боец. Когда в бою я видел не только удар, но и движение души противника — во мне говорил артист. Когда перед камерой нужно было соединить правду эмоции и силу внутреннего центра — обе стороны работали вместе, дополняя друг друга.

И если сказать просто: я не нашел гармонию — она нашла меня тогда, когда я перестал делить себя на две половины.

И позволил себе быть тем, кто я есть — человеком, в котором сила и мягкость не враги, а союзники. Человеком, который живет на границе двух искусств — и благодаря этому начинает понимать себя глубже.

ВДОХНОВЕНИЕ И СТРАХ

Страх сопровождает человека всю жизнь — дольше любого ремесла. Он был с нами еще тогда, когда мы не знали ни слова «искусство», ни слова «спорт». Страх — древнее чувство, одно из самых честных, самых прямых. Оно, как ни странно, никогда не врет. Оно приходит туда, где многое поставлено на кон: жизнь, честь, мечта, возможность. И, наверное, главной частью моего пути было не победить страх — а научиться слушать его. Научиться понимать, а потом — превращать в энергию, которая поднимает, а не сковывает.

Я часто слышал от людей: «Вы, наверное, ничего не боялись». И мне всегда хотелось ответить: «Если бы я ничего не боялся — я бы ничему не научился». Потому что страх — не враг. Он учитель. Жесткий, но справедливый. И если человек пытается жить без страха, он обедняет свою жизнь, лишает ее глубины. Страх — часть движения, часть выбора, часть роста. И настоящий мастер — не тот, кто не боится. Настоящий мастер — тот, кто умеет идти вперед, даже когда боится.

Мой первый осознанный страх — страх высоты. В цирке он приходит сразу, как только понимаешь, что между тобой и манежем нет ничего, кроме воздуха. Ты смотришь вниз и чувствуешь, как в груди что-то сжимается — не от ужаса, а от осознания масштаба. Высота — это не пространство, это испытание. Она заставляет тебя стать честным с собой: можешь ли ты доверять своему телу? Можешь ли доверять партнеру? Можешь ли доверять моменту? Высота никогда не прощает фальши. И именно поэтому она учит слушать страх. Не убегать от него, не глушить его силой, а вступать с ним в диалог.

Я помню один вечер, когда под куполом мы отрабатывали сложный номер. Свет был тусклый, зал пустой, слышно было только эхо шагов. В тот момент я почувствовал страх почти физически — как холодный ветер, который проходит сквозь тело. Но вместе с этим страхом пришло и другое чувство — вдохновение. Потому что высота делает тебя живым, если ты умеешь смотреть в нее открыто. В эти секунды ты понимаешь, зачем ты здесь. Понимаешь, что твоя жизнь — это не только комфорт и безопасность. Она — о преодолении. О том, чтобы не отступить назад в тот момент, когда сердце бьется так сильно, что слышишь его в ушах.

Татами давало другой страх — страх ошибки. Когда ты выходишь в бой, ты чувствуешь не опасность удара, а опасность неправильного решения. Опасность потерять внутренний центр. Опасность уступить не противнику, а своим сомнениям. Если в цирке страх говорит: «Сможешь ли ты удержать себя в воздухе?», то на татами он спрашивает: «Сможешь ли ты удержать себя внутри себя?» И это не менее тяжелый вопрос.

Перед боем есть мгновение, которое я помню особенно ясно. Судья поднимает руку — и время будто сжимается. Пространство становится узким, взгляд — острым. И в этот момент страх становится почти осязаемым. Но он не слабость. Это точка концентрации. Страх делает тебя внимательнее. Он показывает, что перед тобой — не игра, не игрушечное состязание. Он показывает, что в этот момент нужно быть честным, собранным, прямым.

Мне всегда нравилось наблюдать за моментом, когда боец впервые встречается взглядом с противником. Там — все. Там — едва заметный след страха, который заставляет сердце работать быстрее. Но именно этот след добавляет ясность: «Ты живой. Ты настоящий. Ты стоишь перед человеком, и вам предстоит говорить друг с другом языком

движения». И вот тогда страх и вдохновение начинают переплетаться в одно целое.

Но, пожалуй, самым тонким и сложным страх был страх перед камерой. Он иной. Он не выталкивает тебя в действие, не заставляет напрягать мышцы. Он заставляет тебя оголиться эмоционально. Камера видит не твоё тело — она видит твоё состояние. Она ловит малейшее несоответствие между внутренним и внешним. И всякий раз, когда режиссер говорил «Мотор!», я чувствовал, как внутри поднимается волнение — не от неизвестности, а от понимания ответственности. Не физической, как в цирке. Не соревновательной, как на татами. А ответственности быть честным. Ответственности не спрятать то, что действительно чувствуешь.

Это самый тихий страх, но, возможно, самый сильный. Страх быть увиденным таким, какой ты есть. Страх, что в твоём взгляде заметят слабость, растерянность, боль. Страх, что не сможешь прожить эмоцию до конца. Но именно этот страх я полюбил больше всего. Потому что он делал меня человеком. Не исполнителем. Не спортсменом. Не артистом. А живым человеком — со всеми несовершенствами, с которыми я выходил в кадр.

И постепенно, проживая эти три вида страха, я начал замечать: страх — это не преграда. Это порог. И каждое искусство учило меня пересекать этот порог по-своему.

Страх высоты учил меня доверять. Страх боя учил меня собранности. Страх кадра учил меня открытости.

И самое удивительное — страх никогда не исчезал. Даже спустя десятки лет. Даже когда техника становилась точной, тело — сильным, эмоции — послушными. Страх всегда приходил вместе со мной. Он стоял рядом. Но со временем я перестал бороться с ним и начал слушать его.

Я понял важную вещь: страх — не сигнал «остановись», а сигнал «будь внимателен».

И когда это понимание укоренилось во мне, страх перестал быть препятствием. Он стал источником энергии. Силы. Чистоты.

Во время прыжка страх держал мою концентрацию в центре тела, чтобы не потерять траекторию. Во время боя страх делал ум острым, а реакцию — мгновенной. Перед камерой страх заставлял меня проживать каждую эмоцию глубже, чем в обычной жизни.

И тогда я впервые увидел: страх — не враг вдохновения. Он его родитель. Там, где нет страха, нет и вдохновения. Потому что вдохновение — это не комфорт. Вдохновение — это шаг в неизвестность. Это внутреннее «да» на вызов. Это желание дотянуться до того, что больше тебя самого.

Вдохновение под куполом — это ощущение полета. Вдохновение на татами — это момент, когда ты выбираешь путь чести. Вдохновение в кадре — не слова. Это тишина, которая рождается между ними.

И всякий раз, чувствуя настоящий, глубокий страх, я понимал: значит, я живой. Значит, я снова стою перед чем-то важным.

Но чтобы страх стал союзником, с ним нужно установить отношения. Нельзя его глушить, нельзя его игнорировать, нельзя говорить себе «я ничего не боюсь». Это неправда. И ложь себе — худшая ложь. Нужно смотреть страху в глаза. Как другу, который пришел предупредить: «Будь здесь. Не рассейся. Помни, кто ты».

Со временем я научился разговаривать со страхом. Научился делать вдох перед прыжком так, чтобы сердце возвращалось на место. Научился на татами удерживать внутренний центр так, чтобы страх не превращался в хаос. Научился перед камерой отпускать желание контролировать себя и позволять страху открыть дно эмоции.

И тогда страх стал частью моего вдохновения. Он перестал мешать. Он начал направлять. Он словно держал

меня на границе того, что возможно, и того, что я еще не знал о себе. И чем чаще я проходил эту границу, тем яснее понимал: страх — это то пространство, где человек растет. Он — не враг силы. Он — ее источник.

Теперь, когда я оглядываюсь назад, я вижу: самые важные моменты моей жизни — всегда были рядом со страхом. Не там, где все получалось легко. Не там, где тело работало автоматически. А там, где мне нужно было сделать шаг, который требовал решимости. Шаг, в котором я был уязвим. Шаг, в котором я признавал: «Мне страшно. Но я иду».

И когда я иду, я становлюсь собой.

Если сказать просто — я не победил страх. Я сделал его союзником. Он стал не тем, кто держит меня на месте, а тем, кто помогает подняться выше.

Страх — это тень вдохновения. И если ты идешь к свету — тень всегда рядом. Но она идет позади. А не впереди.

СВОБОДА И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ АРТИСТА

Свобода в искусстве — одно из самых трудных понятий, с которыми мне довелось встретиться. Когда я был молодым, мне казалось, что свобода — это отсутствие рамок, отсутствие ограничений, возможность делать все, что хочешь, как хочешь, когда хочешь. Мне казалось, что настоящий артист — это человек, который не живет по правилам, не подчиняется форме, не знает сценариев и условностей. И в моем юношеском представлении сво-

бода была почти синонимом внутреннего бунта. Но чем старше я становился, чем глубже входил в искусство — будь то цирк, боевые искусства или кино — тем сильнее понимал: свобода без формы не существует, как музыка без ритма, как дыхание без легких. Свобода — не отсутствие правил. Свобода — способность жить внутри них так, чтобы они становились не клеткой, а пространством.

Когда я впервые понял это, то ощутил, что во мне что-то перевернулось. Я был в цирке уже достаточно давно, знал технику, понимал риски, чувствовал зал. Снаружи все выглядело просто: разученный номер, выверенная траектория, отточенные движения, партнерская доверенность — и прыжок. Но внутри происходило другое. Я вдруг уловил, что форма, которой я следую, вовсе не ограничивает меня. Она защищает. Она создает границы, в которых возникает свобода. Точно так же, как стены создают дом не для того, чтобы запереть человека, а для того, чтобы дать ему пространство, где он может быть собой. Стены не мешают, если ты понимаешь, что они — часть архитектуры. Техника не мешает, если ты понимаешь, что она — часть дыхания.

Так я впервые почувствовал, что свобода в искусстве — это не хаос и не вседозволенность, а способность находить личный путь внутри структуры. В прыжке под куполом ты не можешь действовать, как вздумается. Ты не можешь изменить движение в последний момент. Ты не можешь игнорировать физику, партнера, высоту. Но внутри этих ограничений есть пространство, где рождается твое решение, твой собственный жест, твой внутренний ритм. И это пространство — удивительно широкое. Когда техника становится частью тебя, когда она перестает быть набором правил и становится языком, именно тогда появляется свобода. Не до формы и не вопреки форме — а через нее.

В боевых искусствах я увидел то же самое. На татами есть строгая структура: стойки, дистанция, ритм боя, пра-

вила взаимодействия, почтение, тишина. Но именно эта структура создает чистоту. Без нее бой был бы грубой дракой. С ней — он превращается в диалог. Вадору особенно подчеркивает это: мягкость, внимание, чувствительность, умение читать пространство — все это требует дисциплины. И вот парадокс: чем больше дисциплины, тем больше свободы возникает внутри движения. Потому что свобода — это не «делай, что хочешь». Свобода — это «могу выбрать одно из множества путей, потому что владею собой». Дисциплина расширяет выбор, а не сужает его. Она дает возможность проявлять себя, а не теряться в хаосе.

В кино я увидел третий аспект свободы — свободу эмоциональную. Многим кажется, что актер свободен, если может кричать, плакать, размахивать руками, играть ярко и сильно. Но это иллюзия. Настоящая свобода — это способность быть честным. Камера не прощает неискренности. Она видит каждую попытку «вдавить» эмоцию, каждый жест, сделанный нарочно. И удивительно: чем больше ты стараешься быть свободным, тем меньше свободы получаешь. Ты становишься пленником собственного желания впечатлить. А когда позволяешь себе просто быть — вот тогда свобода приходит. Она тиха. Она не требует доказательств. Она приходит не из желания сделать по-своему, а из способности прожить момент таким, какой он есть.

И тогда я понял: свобода — это не форма движения. Свобода — это внутреннее состояние. Это способность перестать бороться с моментом и позволить ему проявиться. Это поток жизни, в котором человек либо присутствует, либо сопротивляется. Когда ты присутствуешь — ты свободен. Когда сопротивляешься — ты связан.

Я часто вспоминаю одну мысль, которая пришла ко мне в период больших нагрузок, когда я пытался удержать в руках сразу три сферы — цирк, каратэ и кино. Мне казалось, что дисциплина меня давит, что техника меня ограничивает, что сценарии и партитуры не оставляют места

для творчества. И однажды ночью, сидя в тишине после репетиции, я вдруг понял, что мой конфликт — не со структурой. Мой конфликт — со своей гордостью. Я хотел свободы как освобождения. А свобода — это не освобождение. Свобода — это созвучие. Это когда то, что ты делаешь, совпадает с тем, кто ты есть.

Мне кажется, что артист, который стремится к свободе без ответственности, быстро превращается в самодеятельность. А тот, кто стремится к ответственности без свободы, превращается в исполнителя. Истинное искусство рождается только там, где свобода и ответственность встречаются. Ответственность создает берега. Свобода — создает реку. И как только эти два начала находят баланс, движение становится естественным. Удар в бою, прыжок под куполом, слово в кадре — все начинает течь, будто бы само.

Но что такое ответственность артиста? Ответственность — это внутренняя честность перед тем, что ты делаешь. Это понимание, что ты не имеешь права относиться к искусству поверхностно. Ты не имеешь права на халтуру. Ты не имеешь права прикрывать отсутствие глубины «творческой свободой». Ответственность — это способность выполнить движение правильно, прежде чем позволить себе изменить его. Это умение уважать структуру искусства, прежде чем нарушать ее. Это готовность отдавать себя моменту полностью, а не искать легких путей.

И вот в этой ответственности и рождается свобода. Потому что когда ты овладел формой, форма перестает тобой владеть. Ты больше не думаешь о ней — она становится твоим дыханием. И тогда ты можешь позволить себе импровизацию. Не случайную, не хаотичную, а настоящую — импровизацию, как продолжение твоей сущности. Она не разрушает структуру — она ее оживляет.

Так я понял, что свобода — это зрелость. Это не бунт подростка, а тишина мастера. Это не разрушение границ, а умение наполнять их жизнью. Это состояние, когда дви-

жение исходит не из желания выделиться, а из ясности и внутренней необходимости. И чем больше человек работает над собой, тем свободнее становится его мир. Не потому что исчезают рамки, а потому что исчезает напряжение.

Однажды я наблюдал за старым мастером каллиграфии. Он сидел перед листом бумаги, и его кисть едва касалась поверхности. Казалось, он ничего не делает. Но в этот момент я понял, что в этой легкости — огромная дисциплина. В этой тишине — годы труда. В этой плавности — величайшая свобода. И тогда я впервые увидел свободу так ясно, как не видел никогда: свобода — это когда человек больше не отделяет себя от действия. Когда он сам становится движением.

И мне кажется, что артист в любой сфере — цирковой, драматический, спортивный, музыкальный — приходит к этому пониманию не сразу. Сначала он пытается «проявить себя». Потом он пытается «быть правильным». Потом он пытается «быть лучше». И только спустя долгий путь он понимает, что настоящая свобода — это когда тебя нет. Когда есть только движение, которое проходит через тебя. Когда есть Путь, и ты идешь по нему не силой, не гордыней, не попыткой доказать, а внутренним согласием.

Тогда исчезают рамки. Остается пространство. И в этом пространстве человек становится свободным.

О СИНТЕЗЕ ИСКУССТВ

Иногда я думаю, что все пути, которыми я шел в жизни — цирк, каратэ, кино, сцена, движение, физика тела, эмоциональная природа искусства — никогда не существовали отдельно. Они могли казаться разными направлениями, различными дорогами, разными мирами. Но теперь, оглядываясь назад, я вижу, что все эти линии шли параллельно и постепенно, шаг за шагом, сближались, пока не превратились в одну большую траекторию — мой Путь. И, наверное, именно поэтому мысль о синтезе искусств — о попытке соединить цирковую поэзию, философию каратэ и выразительность театра — не кажется мне чем-то странным или искусственным. Наоборот — она кажется естественным итогом всей моей жизни. Будто все годы готовили меня к тому, чтобы однажды соединить три стихии в единый язык.

Но размышления о таком синтезе не возникли вдруг. Они долго созревали. И прежде всего потому, что я всегда чувствовал: в основе этих искусств лежит одно и то же — движение как выражение внутреннего состояния. Да, в цирке движение — это полет, риск, точность, преодоление высоты. В каратэ — уверенность, линия силы, дыхание, момент концентрации, чистота реакции. В театре — эмоция, образ, голос, намерение. Но все эти формы — лишь разные ветви одного корня. И этот корень — движение души.

Я часто думал о том, что цирк научил меня мечтать. Каратэ научило меня стоять на земле. Театр и кино научили меня видеть человека изнутри. И, возможно, настоящее единство форм возникает не тогда, когда мы пытаемся силой соединить разные дисциплины, а тогда, когда человек, прошедший через эти дисциплины, становится их живым

местом встречи. Человек — это сцена, на которой искусства встречаются. И если внутри человека есть гармония, то и синтез возможен.

Когда я представляю себе проект, в котором цирк, каратэ и театр существуют вместе, я не вижу механического соединения. Я не вижу номер, где артист совершает прыжок под куполом, затем выполняет боевую технику и произносит длинный монолог. Это было бы искусственно, и это был бы не синтез, а коллаж. Настоящий синтез — это когда искусства перестают быть отдельными и становятся одним дыханием.

Я представляю себе пространство — не сцену в привычном понимании, а живое поле движения, где каждый элемент рождается из внутренней необходимости. Там нет номеров, нет жесткого деления на «боевое» и «театральное», «цирковое» и «драматическое». Там есть человек, который проходит через состояние. И каждое искусство — лишь способ сделать состояние видимым.

Например, представь сцену, где движение начинается с глубокого вдоха. Этот вдох — цирковой по своей вертикали, боевой по своей концентрации и театральный по своей тишине. Затем человек делает шаг — и этот шаг становится одновременно стойкой, позицией, образом. Он несет силу, но в этой силе есть мягкость. Он несет эмоциональный подтекст, но без излишнего драматизма. Движение не принадлежит ни одной дисциплине — оно принадлежит человеку. И если человек проживает его честно, движение становится языком.

Порой я думал, что такой проект должен был бы быть не спектаклем, а скорее — посвящением пути. Не показывать зрителю мастерство, а показывать внутреннюю трансформацию. Не демонстрировать трюки или приемы, а раскрывать то, что скрыто за ними. Потому что цирк — это не высота, а доверие. Каратэ — не удар, а дух. Театр — не роль, а правда. И если соединить эти три правды, мож-

но получить новое искусство — искусство, где форма служит душе, а не душа форме.

Был момент в моей жизни, когда я особенно ясно почувствовал, что цирк и каратэ — не два разных мира. Мы репетировали сложный трюк, который требовал абсолютной согласованности. Снаружи это выглядело как чистая акробатика. Но внутри я ощущал то же, что на татами во время спарринга. Там была тишина ожидания. Там был момент, когда ты слушаешь движению другого так же внимательно, как слушаешь намерение противника. Там была линия, которая соединяет двоих людей в одно дыхание. Тогда я понял, что боевые искусства и цирк встречаются не в технике, а в состоянии.

Театр раскрывал эту мысль еще глубже. В театре самое главное — правда момента. Ты не можешь спрятаться за внешней формой. Ты должен быть полностью внутри действия. Это то же состояние, что и в прыжке: если твоя мысль уходит в сторону, движение рушится. Это то же состояние, что и в ударе: если ты не в моменте, ты теряешь линию. И я понял, что если бы когда-нибудь я соединял эти три стихии, то делать это нужно было бы не через форму, а через состояние присутствия.

Синтез искусств возможен только тогда, когда все три искусства встречаются в человеке, прошедшем их глубоко, честно, без попытки доказать или продемонстрировать. Я стал видеть, что цирк дал мне вертикаль — способность подниматься. Каратэ дало мне горизонталь — способность стоять. Театр дал мне глубину — способность чувствовать. И если соединить вертикаль, горизонталь и глубину, получается пространство. Пространство для искусства, которое не привязано ни к одному жанру.

Если бы когда-нибудь такой проект произошел, я бы хотел, чтобы он был тихим. Не зрелищным. Не построенным на эффекте. Эффекты принадлежат форме. А синтез принадлежит содержанию. Я бы хотел, чтобы зритель

не удивлялся технике, а узнавал в движении человека. Чтобы он видел не прыжок, не удар, не монолог — а переход между ними. Потому что именно переход — самая честная часть движения. Именно там встречается душа.

Мне кажется, что синтез искусств должен быть не представлением, а путешествием. Путешествием по состояниям, которые человек проходит: страх, вдохновение, сомнение, ясность, работа, отпускание, искренность. И каждое состояние должно выражаться тем видом движения, который ему ближе. Страх — через каратэ, потому что там концентрация и внимание. Смелость — через цирк, потому что там высота и полет. Разговор с собой — через театр, потому что там голос и душа. И если эти линии соединить в одно дыхание, получится не номер и не спектакль — получится исповедь в движении.

Возможно, именно это и было бы символом моего пути. Не потому что я объединил дисциплины, а потому что они сами во мне соединились. Иногда я думаю, что человек не выбирает свой синтез. Он становится его естественным итогом. И если когда-нибудь я смогу выразить все, чему учился всю жизнь, это будет не мастер-класс, не демонстрация техники, не лекция, не шоу. Это будет движение, в котором цирк, каратэ и театр перестанут быть формами и станут тремя сторонами одной правды.

Правды о том, что все, что мы делаем, — это путь. И что каждая дисциплина лишь подсвечивает его под разным углом. А в центре всегда остается человек, который идет.

О СУТИ МАСТЕРСТВА

Если бы когда-то давно, в юности, меня спросили, что значит быть мастером, я бы наверняка сказал о силе, о технике, о том, что мастер — это тот, кто делает лучше, точнее, выше, чище. Тот, кто владеет ремеслом и может выполнять свое дело без ошибок. Но чем дальше я иду по жизни, тем яснее понимаю, что мастерство не начинается там, где человек перестает ошибаться. И уж точно не заканчивается там, где техника становится безупречной. Мастерство — это не верхушка пирамиды, это глубина, которая открывается только тем, кто долго смотрит внутрь.

Если бы я объяснял молодому человеку, что значит быть мастером в спорте, в цирке, в искусстве, я бы сказал прежде всего: мастерство — это зрелость. Не возрастная, а внутренняя. Это состояние, когда человек перестает доказывать. Перестает бороться с миром ради признания. Перестает отмерять свою ценность количеством успехов, медалей, аплодисментов, ролей или прыжков. Мастер — это тот, кто знает, что ценность не извне. Она внутри. И движение — будь то удар, шаг, полет или слово — становится выражением не амбиций, а истины.

Но как объяснить человеку, который только начинает свой путь, что техника — это не конечная цель? Что ремесло важно, но оно лишь ступень? Что можно отшлифовать форму до блеска, но так и не приблизиться к сути? Что можно научиться выполнять любой элемент, но так и не узнать, кто ты.

Мне кажется, все начинается с понимания, что ремесло — это умение повторять, а искусство — это умение слышать. Ремесло — это точность, система, тренировка. Искусство — это внутренний отклик. Ремесло — спрашивает:

«Как правильно?» Искусство — спрашивает: «Как честно?» И только там, где эти два вопроса начинают звучать вместе, появляется мастерство.

Я всегда видел разницу между человеком, который владеет техникой прыжка, и человеком, который живет в прыжке. Она тонкая, но разительная. Первый может сделать все идеально, но внутри движения пустота. Второй может ошибиться на миллиметр, но в каждом его движении — дыхание, жизнь, смысл. И зритель чувствует это мгновенно, даже если не понимает, что именно почувствовал. Мастерство — это не безошибочность. Это подлинность.

В боевых искусствах я встречал людей с безукоризненной техникой, но без внутреннего центра. Их движения были сильными, точными, быстрыми — но без души. И встречал мастеров, у которых техника могла быть не самой впечатляющей, но каждый шаг, каждая пауза, каждый взгляд были наполнены такой плотностью присутствия, что рядом с ними чувствуешь себя иначе. Настоящий мастер изменяет пространство. Не потому, что он силен, а потому, что он целостен. Я часто думал о том, почему так получается. И однажды понял: мастер — это не тот, кто делает движение. Это тот, кто слышит движение. Человек может научить тело выполнять тысячи техник, но пока он не научится слышать себя — он остается ремесленником. Ремесленник делает то, что знает. Мастер делает то, что чувствует. И это фундаментальная разница.

Но молодому человеку трудно принять такую мысль, потому что в начале пути всегда хочется внешнего. Нам всем хочется научиться быстрее, достигнуть раньше, впечатлить сильнее. Молодость стремится к форме. Мудрость стремится к сути. И если бы передо мной стоял молодой человек, я бы сказал ему так: «Не спеши становиться мастером. Спеши становиться честным. Мастерство придет само». Честность — главная грань между ремеслом и ис-

кусством. Ремесло существует ради результата. Искусство — ради смысла. Ремесло направлено на то, что видят другие. Искусство — на то, что чувствуешь ты сам. Когда человек делает движение ради аплодисмента — движение мертво. Когда человек делает движение ради истины — оно живет. Мастер — это тот, кто живет в движении, а не вокруг него.

В цирке я понимал это особенно остро. Высота не уважает тех, кто пришел ради славы. Она уважает тех, кто пришел ради истины. Там, наверху, обнажается все: страх, сомнения, гордость, сила, слабость. Мастер — это тот, кто не прячет страх, а принимает его. Кто не пытается прыгнуть «красиво», а прыгает честно. Красота — это всегда следствие честности, а не замена ей.

На татами — то же самое. Удар ради демонстрации — пустой удар. Удар ради духа — живой. Соперник чувствует это мгновенно. Мастер выигрывает не силой, а ясностью. Не скоростью, а вниманием. Не техникой, а состоянием.

В театре и кино эта грань чувствуется еще тоньше. Камера разоблачает все. Ты можешь идеально играть роль, но если в тебе нет правды — зритель чувствует холод. Мастерство в искусстве — это способность быть настоящим даже в том, что придумано. Быть живым даже в том, что поставлено. Быть самим собой даже в том, что не ты.

И вот это, наверное, главное, что я бы сказал молодому человеку: мастерство — это когда техника перестает быть целью и становится проводником. Это когда форма служит душе. Это когда человек знает ремесло настолько хорошо, что перестает о нем думать и начинает думать о смысле. Это когда движение перестает быть упражнением и становится выражением.

Еще одно важное качество мастера — способность видеть. Видеть то, что скрыто от большинства людей: скрытый ритм движения, внутреннее состояние партнера, настраивание пространства, дыхание момента. Ремесленник

смотрит на то, что происходит снаружи. Мастер — на то, что происходит внутри. Он умеет замечать мгновение, в котором все решается. Он умеет различать тишину между жестами. Он слышит паузу так же ясно, как звук. Это приходит не сразу. Это приходит тогда, когда человек учится быть внимательным. И здесь важно еще одно — смирение. Не покорность, а глубокое понимание своей природы. Мастер не ставит себя выше других. Он не соперничает, не доказывает, не вырывает. Он знает цену своей силы. И поэтому никогда не злоупотребляет ей. Смирение делает мастера мягким. Но именно эта мягкость — самая большая сила. Она дает человеку способность действовать точно, ясно и без лишнего шума.

Если говорить совсем просто, то грань между ремеслом и искусством — в глубине. Ремесло — это поверхность. Искусство — это внутренний слой. Ремесло можно выучить. Искусство можно только прожить. Ремесло можно повторить. Искусство — только создать. И мастер — это тот, кто научился дышать в искусстве, как в воздухе. Когда человек достигает этого состояния, движение начинается происходить само. Ты не «делаешь» удар — он проходит через тебя. Ты не «играешь» роль — она раскрывается изнутри. Ты не «прыгаешь» — ты летишь. Все становится простым. И эта простота — самая сложная вещь в мире.

Если молодой человек спросил бы меня: «Как мне стать мастером?» — я бы сказал: «Не стремись к мастерству. Стремись к честности, вниманию, присутствию. Остальное придет». И, может быть, добавил бы еще одну мысль, которую осознал слишком поздно: мастер — это не тот, кто достиг вершины. Мастер — это тот, кто умеет идти по пути. И делает это бесконечно. Без спешки. Без гордости. Без страха.

Потому что мастерство — не точка. И не награда. И не роль. Мастерство — это Путь, который проходит через человека. И тот, кто проживает его честно, становится не лучше других — он становится собой.

ГЛАВА 8. ВСТРЕЧИ, КОТОРЫЕ ОСТАЛИСЬ В ПАМЯТИ

ВСТРЕЧИ, КОТОРЫЕ МЕНЯЮТ ЖИЗНЬ

Иногда я ловлю себя на том, что вспоминаю людей не по событиям, не по датам, а по тому внутреннему теплоту или острому следу, который они оставили во мне. С возрастом понимаешь, что память — не архив, а живой организм. Она отбрасывает лишнее, оставляет главное. Она как будто сама выбирает, какие лица всплывут через двадцать, сорок лет, а какие растворятся, едва мы отвернемся. И вот это ощущение — что мной вспоминается только то, что было «настоящим», — наверное и есть самое ценное.

Когда я был молодым, казалось, что встречи случаются просто так: кто-то входит в зал, кто-то выходит, кто-то становится другом, кто-то исчезает, как тень от облака. Тогда все выглядело естественно, просто, без философии. Но годы прошли, и теперь, оглядываясь назад, я понимаю, что

каждая встреча — это маленький переломный момент. Не обязательно великий, не обязательно драматический, но *переломный*. Потому что именно после таких моментов мы становимся другими. Чуть-чуть, почти незаметно. И лишь спустя годы видишь, что вот тут жизнь тихо повернула, а ты даже не услышал ее шагов.

Я часто думаю: а что делает встречу судьбоносной? Разве есть критерий? Количество сказанных слов? Время, проведенное вместе? Интенсивность переживаний? Ничего подобного. Бывает, человек прошел мимо тебя всего один раз — и изменил всю твою жизнь. А бывает, ты знаком с кем-то долгие годы, но в душе нет ни тепла, ни смысла, ни памяти.

Получается, дело не в продолжительности — а в качестве. В каком-то глубинном совпадении. В тайной химии человеческих судеб.

И еще в одном. Судьбоносные встречи всегда приходят как будто чуть раньше или чуть позже, чем мы их ждем. Они не подчиняются нашему расписанию. Они не спрашивают готов ли ты, свободен ли ты, открыт ли ты. Они просто приходят. И если ты в тот момент хотя бы немного честен с собой — они остаются навсегда.

Я вспоминаю свое детство. Простые дворы, перепачканные штаны, мяч, который казался дверью в другой мир. Там были ребята, с которыми мы проводили целые дни, а потом исчезали друг у друга с горизонта на десятилетия. И все же я не могу сказать, что эти встречи были случайными. Они учили меня самому первому — человеческой честности. Той, которая проявляется в драке, в игре, в споре, в улыбке. Той, которой ни купить, ни подделать. Дети чувствуют ложь быстрее взрослых. И кто был настоящим — оставался в сердце. А кто пытался быть «круче» — забывался в тот же день.

Может быть, именно там я впервые понял закон: человеческая встреча важна ровно настолько, насколько в ней

есть искренности. Если нет — она пустая. Как хлопок в пустом зале.

Потом пришла молодость. Спорт. Тренировочный зал, пот, усталость и та удивительная тишина перед началом занятия. Я до сих пор помню, как входили люди. Как брали первый вдох. Как двигались, как слушали. Казалось бы — просто ученики, просто спортсмены. Но нет. Среди них были такие, которых жизнь привела ко мне не для того, чтобы научить их ударам или стойкам, а чтобы научить меня. Именно меня.

И это, наверное, главный парадокс слова «встреча». Мы думаем, что это *мы* чему-то учим других. Но на самом деле мы учимся у них куда больше.

Я видел, как люди приходили в зал уставшими — и оживали. Я видел, как кто-то боролся не с партнером, а с собой. Как кто-то впервые позволял себе поверить, что может быть сильнее. Как кто-то, наоборот, признавал свою слабость — и освобождался от нее. Были те, кто приходил на одно занятие и больше никогда не возвращался. А были такие, что оставались со мной на годы. Или даже на всю жизнь.

Что делало этих людей близкими мне? Почему именно они остались рядом? Потому что мы совпали в одном — в стремлении идти по пути честно. Чисто. Без хитростей, без желания казаться каким-то другим человеком. Это совпадение не обсуждается словами. Оно чувствуется. И вот такие встречи — настоящие. Они делают человека человеком.

Но есть еще третий уровень — неожиданные встречи, которые становятся частью судьбы так глубоко, что ты понимаешь это только спустя много лет. Как будто некая сила заранее знала, что этот человек однажды вытащит тебя из темноты, или вдохновит, или заставит повернуть туда, куда сам бы ты никогда не решился.

Я никогда не верил в мистику, но все же... иногда складывается ощущение, что встречи выбирают нас, а не нао-

борот. Что они как маленькие сигналы на пути: «Стой, посмотри, вот здесь начнется что-то новое».

Наверное, поэтому каждый раз, когда я говорю «судьба — лучший режиссер», я говорю это без иронии. Ведь если бы взять лист бумаги и аккуратно выписать имена всех тех, кто вошел в мою жизнь в нужный момент... получилась бы картина, которую невозможно придумать самому. Слишком тонко, слишком точно она выстроена.

Возьмите хотя бы мои годы в цирке. Там каждый день был встречей — с партнером, с командой, с залом, с самим собой. Но главное — с людьми, которые навсегда остались в моем внутреннем пространстве. Кто-то поддерживал, когда я сомневался. Кто-то сказал одно короткое слово — и этим поменял мой вектор. Кто-то показал пример, который стал для меня опорой на годы вперед.

И я часто думаю: если бы хотя бы одна из таких встреч не произошла — был бы я тем, кто я есть сегодня? Скорее всего — нет. Мы создаем себя сами, это правда. Но создаем себя не в пустоте. А в диалоге. В столкновении с другими. В том удивительном процессе, в котором человеческие судьбы соприкасаются на миг — и меняют направление друг друга.

А бывает и так: встреча происходит очень тихо. Как будто между делом. Пара слов. Жест. Взгляд. Шаг. Какая-то маленькая деталь, на которую в тот момент не обратил внимания. А потом происходит что-то важное, и ты вдруг понимаешь, что решение созрело именно тогда, в тот момент, когда кто-то произнес простую, но честную фразу. Или сказал: «ты сможешь». Или просто посмотрел так, как смотрят только те, кто видит тебя настоящего.

Такие моменты живут в человеке десятилетиями. Иногда всю жизнь.

Я уверен — у каждого из нас внутри есть своя «внутренняя комната», где на полках стоят не вещи, а встречи. Некоторые — пыльные, почти забытые. Некоторые — яр-

кие. Некоторые — болезненные. Но все они — часть нас. И мы сами — часть других людей. Пусть даже не всегда знаем этого.

Я часто задаю себе вопрос: а что я оставил в жизни тех, кого встретил? Что осталось во мне? Где мы пересеклись? Ради чего? Были ли мы честны? Удержали ли мы ту тонкую нить, которая возникает между людьми нечасто, но если возникает — не рвется просто так?

Я знаю: встречи случаются именно тогда, когда человек внутренне готов услышать что-то важное. Внешняя форма может быть любой — будь то тренировка, разговор на кухне или случайный попутчик. Но суть одна. Если внутри есть готовность — встреча становится судьбоносной. Если нет — она проходит мимо.

Поэтому я всегда говорю своим ученикам: будьте внимательны к людям. Смотрите им в глаза. Слушайте не только слова — слушайте паузы. Вы никогда не знаете, какой случайный разговор станет тем, что изменит ваш путь.

И еще... с возрастом понимаешь, что судьбоносные встречи — это не всегда встречи с людьми. Иногда это встречи с самим собой. С честным собой. Это самая трудная встреча. И самая важная. Человек может прожить жизнь, ни разу не увидев себя настоящего. Но если происходит — человеку уже нечего бояться. Потому что тот, кто встретил себя, уже не потеряет путь.

Я благодарен каждой встрече, хорошей и трудной. Теплой и холодной. Доброй и строгой. Потому что именно из них сплелось то, что я называю своим путем. И когда я говорю «моя жизнь» — я имею в виду не только себя. Я имею в виду всех, кто шел рядом, хоть немного.

Так почему же судьба одних людей приводит ко мне на миг, а других — на долгие годы? Потому что каждый приносит то, без чего путь был бы неполным. Одни — чтобы научить меня, другие — чтобы поддержать, третьи — чтобы испытать, четвертые — чтобы оттолкнуть меня

на новый уровень. А пятые... просто чтобы показать: в мире все еще есть добро.

И вот, когда я думаю обо всех этих встречах, больших и маленьких, мне становится ясно: ничего случайного нет. Каждый человек, который вошел в мою жизнь, принес в нее свет, опыт, урок или поворот. И если бы кто-то из них не появился — я был бы другим. Может быть, хуже. Может быть, слабее. Может быть, менее уверенным, менее благодарным, менее умеющим видеть красоту в людях.

Поэтому, когда меня спрашивают: «Почему одни встречи становятся случайными, а другие — судьбоносными?» — я отвечаю так: Потому что судьба знает нас лучше нас самих. И она приводит к нам людей ровно в тот момент, когда мы готовы сделать следующий шаг. Иногда — шаг вверх. Иногда — шаг в сторону. Иногда — шаг в неизвестность. Но всегда — шаг по пути, который мы должны пройти честно. А главное — она приводит нас к тем, кого мы будем помнить тогда, когда забудутся даты, соревнования, награды, выступления, имена залов и названия городов. Останутся только люди. Их тепло. Их слова. Их взгляд. Их доброта. Их дух.

И если так посмотреть на жизнь — она не кажется ни случайной, ни хаотичной. Она напоминает большой, светлый путь, на котором каждое встреченное лицо — это фонарь. Иногда маленький. Иногда очень яркий. Иногда погасший. Но все равно — фонарь. Путь освещают не достижения. Путь освещают встречи.

И чем дальше я иду, тем яснее понимаю: именно они составляют мою жизнь. Все остальное — лишь обстоятельства. Поэтому я храню в себе эти лица. Эти истории. Эти моменты. И каждый раз, когда мне кажется, что впереди новая вершина или новый поворот, я вспоминаю их — и становлюсь сильнее.

Потому что человек, который помнит своих людей — никогда не идет в темноте.

ВСТРЕЧИ, ЗАПОМНИВШИЕСЯ НАВСЕГДА

Есть в человеческой памяти особое пространство — тихое, как музей в утренний час, где хранятся моменты, которые невозможно забыть. Не потому, что они громче других, не потому, что ярче или внезапнее, а потому, что в каком-то тонком смысле именно они формируют человека. Эти встречи — как точки света в длинном коридоре жизни: идешь, оглядываешься, и видишь, что именно в эти моменты все менялось. Иногда чуть-чуть, иногда резко. Иногда — необратимо.

Если попытаться коротко ответить, какие встречи стали для меня самыми важными, я бы перечислил лишь несколько имен — имен людей, которые развернули мою жизнь в новом направлении. Но каждая из тех встреч была не просто событием, не просто знакомством. Это был внутренний поворот, когда человек вдруг понимает: он стал другим.

Когда я впервые встретил в цирке Мухтарбека Кантемирова и Шаг-Новожилова, я был еще молодым спортсменом, полным силы, амбиций, надежд, но еще не знавшим самой сути своего пути. Встреча с ними стала дверью, которую я бы сам не открыл. Они увидели во мне то, чего я не знал в себе сам. И именно они направили меня туда, где раскрылся мой настоящий внутренний мир — в искусство цирка. Тогда казалось, что это просто предложение, просто новый этап. Только позже, с годами, я понял: если бы не было той встречи — не было бы и всей моей дальнейшей жизни. И не было бы того искусства, которое стало для меня сердцевиной, дыханием, смыслом.

Другой встречей, изменившей меня, стала встреча с мастером каратэ Сато Тэцуо. Он был не только президен-

том Всемирной Ассоциации Каратэ и вице-президентом федерации сито-рю. Он был человеком, который умел не просто учить технике — он умел прикоснуться к душе ученика так, что внутри начинало звучать что-то новое. Его уроки были не о блоках и ударах, не о ката и стойках. Они были о жизни, о стиле, о чистоте пути. И когда я слушал его, я чувствовал, что становлюсь не только сильнее, но и чище. Он входил в зал — и менялось пространство. В нем была тишина, которая не давила, а открывала дыхание. Его присутствие было уроком само по себе. И каждый раз, когда мы встречались, я словно уверялся: путь, по которому я иду, верный.

А встреча с цирковым коллективом Арнаутовых стала настоящим чудом. Если бы кто-то сказал мне в юности, что я однажды стану частью легендарной цирковой династии, я бы не поверил. Но судьба сама вывела меня туда — шаг за шагом. И благодаря им я не только научился мастерству, о котором раньше даже не мечтал. Я понял, что такое сцена, что такое риск, что такое честность в искусстве. Потому что цирк не терпит фальши. Там каждый жест, каждый взгляд, каждый миллиметр движения — правда. Или провал. И Арнаутовы научили меня жить честно в профессии. Они сделали меня тем, кем я стал как артист.

Но все эти встречи — это только одна часть моей жизни. Были и другие, не менее важные — внезапные, масштабные, удивительные. Во время них я не всегда понимал, что именно чувствую. Но сегодня, оглядываясь назад, я понимаю: они навсегда остались во мне.

Одной из таких встреч был фестиваль в Пхеньяне — грандиозный, почти нереальный по масштабам праздник искусства, где собрались артисты со всего мира. Там все было другим: воздух, небо, свет, головы людей, которые смотрели на нас в залах, и те улыбки, которые появлялись после выступлений. Там я впервые увидел, как искусство может объединить тысячи людей разных национальностей,

культур, традиций. Там я понял, что мы, артисты, говорим на одном языке — языке движения, риска, чувства.

Именно там, в Пхеньяне, состоялась встреча, которую забыть невозможно. Нас пригласили на торжественный прием, и я впервые увидел Ким Ир Сена. В тот момент я чувствовал не политическую фигуру и не мирового лидера, а человека, который умеет смотреть прямо и видеть каждого. Он подошел к артистам, говорил спокойно, почти мягко, с уважением. Удивительно было то, что в его словах не было высокомерия — наоборот, было ощущение, что он понимает: искусство — это мост между людьми. И несмотря на всю официальность момента, атмосфера была теплой. Эта встреча осталась во мне не как политический эпизод, а как момент человеческого уважения. Это редко бывает — когда огромная фигура мира обращается к тебе так, словно видит не артиста, а человека.

Фестиваль был удивительным сам по себе. Я помню огромный зал, свет, который казался живым, как тепло. Помню тишину перед началом номера «Партерный полет». Она была особенной — густой, как перед грозой. И когда я вышел на манеж, почувствовал сразу: здесь что-то случится. Здесь воздух другой. Здесь взгляд зала не просто наблюдает — он держит, поддерживает, верит.

Когда номер начался, я двинулся почти автоматически. Каждое движение было отточено годами, каждый прыжок — тысячу раз прожит. Но именно там, на том фестивале, техника вдруг стала чем-то большим. Я чувствовал не просто тело — я чувствовал, что сцена открылась. Что люди дышат вместе со мной. Что кто-то в первом ряду смотрит широко распахнутыми глазами. Что кто-то в последнем ряду затаил дыхание. И что в этот момент я, человек из маленького мира, соединен с этими тысячами людей одной нитью.

Финальный прыжок. Тишина. И вдруг — взрыв аплодисментов. Не просто громких. А тех, которые идут

от сердца. Когда люди не могут иначе. Когда тело само поднимается, хлопки становятся плотнее, воздух вибрирует. Это не было просто признанием. Это было что-то, похожее на человеческое единение. Мгновение, когда каждый понимает: искусство — не украшение, не развлечение, не трюк. Это связь.

Тогда я почувствовал, что весь путь, каждая тренировка, каждая боль, каждая маленькая победа — все было не зря. Потому что эти аплодисменты были не в мою честь. Они были в честь человеческого труда, человеческой мечты, человеческого риска. И я был лишь проводником. Лишь тем, кто смог в тот день стать частью чего-то большого.

После фестиваля нас ожидала другая встреча — не менее удивительная и тоже вошедшая в мою память навсегда. Это была встреча в Ватикане с папой римским Иоанном Павлом II. Я до сих пор помню тот зал — высокий, светлый, с особенной атмосферой где воздух будто несет в себе историю. И помню, как он вошел. Плавно, спокойно, но с той внутренней силой, которую невозможно спутать ни с чем. Он обратился к нам на русском языке — чисто, мягко, с легким польским оттенком. Это произвело на всех нас впечатление невероятное.

Он говорил не формально. Не как глава церкви. Не как политическая фигура. Он говорил как человек, который понимает ценность человеческого труда и искусства. Он пожал руки каждому — и в этом жесте была искренность. Теплая, простая. Даже немного неожиданная. Потому что мы привыкли думать, что такие люди далеки, недостижимы. Но он был рядом. Это ощущалось. И эта встреча, как и все другие, стала частью того внутреннего фундамента, который помогает человеку не потерять себя.

И были другие — вручение государственных наград, встречи со знаменитыми артистами, спортсменами, режиссерами, мастерами. В каждом таком моменте сердце било

чуть сильнее. Потому что награда — это не медаль, не документ. Это признание пути. Это знак того, что все, что ты делал, — виделось, замечалось, ценилось.

Я помню, как дрожали руки, когда мне вручали первые награды. Это было не волнение. Это было ощущение ответственности. В эти моменты человек понимает: он не имеет права опуститься ниже той планки, которую однажды поднял. Это и радость, и груз, и свет одновременно.

Я помню визиты Сато Тэцуо в нашу школу. Помню, как мы выстраивались перед проведением занятий, как воздух становился плотнее — не от напряжения, а от уважения. Как каждый пытался быть лучше, чище, внимательнее. Как его короткие фразы становились уроками на годы. Как он показывал движение — простое, как линия. Но в этом движении была вся философия Пути. Встречи с учителем — это всегда особое пространство. Там не говорят высоких слов. Там просто учатся видеть.

И конечно, я навсегда запомнил момент, когда мы получили приз телевидения и радио Италии в 1987 году. Как мэр Рима пожал нам руки, как вручал кубок лауреатов. Казалось бы — награждение. Но на самом деле — подтверждение того, что искусство действительно соединяет людей. Мы приехали из другой страны, с другой культурой, с другими традициями. Но когда мы выступили — это все исчезло. Осталась только сцена. Только красота движения. И люди, которые увидели в этом честность, ответили нам теплом.

И вот, оглядываясь назад, я вижу одно: все эти встречи — большие и маленькие, официальные и случайные — сделали мою жизнь не просто насыщенной. Они сделали ее живой. Они наполнили ее красками, смыслами, поворотами, глубиной.

Порой спрашивают: что удивило больше — атмосфера, масштабы, люди, или сами моменты?

Наверное, все вместе. Но больше всего — то, что каждый из этих моментов был не внешним, а внутренним.

Не просто событием, а прикосновением. Человеческим, теплым, настоящим. И это прикосновение осталось со мной навсегда.

Жизнь состоит не из прожитых лет. Не из километров. Не из наград. Она состоит из встреч. И каждая настоящая встреча — это подарок. И если мне сегодня дают возможность назвать главное, что было в моей жизни, я называю не достижения, не награды, не выступления.

Я называю людей.

И благодаря им мой Путь был таким, какой он есть. Светлым, трудным, насыщенным, бесконечно человеческим.

РАЗГОВОР БЕЗ ПЕРЕВОДЧИКА

Иногда я думаю, что человеческая речь — удивительный инструмент, но и удивительная иллюзия. Мы привыкли думать, что понимаем друг друга благодаря словам. Но с возрастом все яснее становилось: самые важные разговоры происходят вовсе не словесно. Они происходят в тишине, в движении, во взгляде, в интонации дыхания, в том, как человек держит руки, как слушает, как улыбается. Бывают моменты, когда понимаешь — язык здесь ни при чем. Мы касаемся друг друга чем-то более глубоким.

Особенно ясно я ощутил это в годы, когда выступал в Лас-Вегасе в Cirque du Soleil (цирке Дю Солейль). Лас-Вегас — удивительный город. Шумный, сверкающий, словно собранный из неона и миражей, город, который днем кажется маской, а ночью — театром. Но самое главное

происходило не на огромных сценах, не под софитами, а за кулисами — в тех моментах, которые никогда не увидит зритель.

Наша гримерка была как маленький мир, куда стекались люди со всего света. Не только артисты цирка — хотя их тоже было много, и каждый со своей историей, акцентом, судьбой. Но приходили и те, кого весь мир привык видеть на экране — актеры, музыканты, спортсмены, политики. Они приходили не как звезды, а как обычные люди, которым вдруг захотелось прикоснуться к живому искусству без посредников.

Я часто вспоминаю те вечера, когда после спектакля в дверь гримерки тихонько стучали — и появлялись лица, которые когда-то казались далекими, почти легендарными. Но стоило им войти, улыбнуться, посмотреть тебе в глаза — и становилось ясно: мы все одинаковые. Мы все ищем восторг, искренность, человеческое тепло.

Иногда они приходили сами, без охраны, без предварительных предупреждений. Просто открывали дверь — и входили.

Я хорошо помню встречу с Ринго Старром. Я знал его музыку еще в юности, слышал о нем как об одном из легендарных «битлов». А вот он стоит рядом, улыбается так просто, будто мы знакомы с детства. Он сказал несколько слов — я понял не все, но понял главное: его глаза светились уважением. Он держал в руках программку нашего шоу и хвалил номер, жестами показывая, что для него это было чем-то невероятным. Этот момент был бессловесным. И в нем было все.

Чак Норрис приходил так же просто. Его сила ощущалась не в мускулах, а в спокойствии. Он сказал несколько коротких фраз, похлопал по плечу, и я почувствовал — этот человек знает цену труду, знает цену мастерству. Я не говорил на английском, но понимал его благодарность. А он понимал мою. Мы просто смеялись, жестами объясня-

лись, а в этот момент между нами происходило то самое — разговор без переводчика.

Лиз Тейлор. Мягкая, ослепительно красивая, с той невероятной внутренней энергией, которая бывает только у людей, прошедших через многое. Она вошла, как королева, но говорила просто, тепло. Она смотрела на нас долго, внимательно, словно хотела рассмотреть не костюмы, а души. А когда она поблагодарила за выступление, это прозвучало так, будто говорит не артистка, а мудрая женщина, умеющая ценить человеческий дар. Наши ребята, под смех и радость, осторожно подняли Лиз на руки — легко, весело, с искренней теплотой, как в доброй, почти детской игре. Она смеялась, хлопала в ладоши, и в ее голосе звучало что-то удивительно трогательное. Перед нами была не звезда голливудской эпохи — перед нами была женщина с огромным, светлым сердцем.

С Вупи Голдберг было иначе. Она вошла — и сразу стало светло. Я не говорю о лампах. Она сама светила. Она смеялась, обнимала артистов, хвалила, задавала вопросы, слушала. И с ней тоже не нужен был язык. Ее эмоции были настолько честными, настолько открытыми, что все становилось предельно ясным. Она смотрела не на трюки — она смотрела в людей. И это редкое качество.

Стивен Сигал общался с интересом к технической стороне — он сразу замечал движения, ловил детали, спрашивал о механике, о риске. Я не всегда понимал каждое слово, но понимал тон. Он говорил языком мастера. И этот язык — универсальный.

Встречу с Тиной Тернер невозможно забыть. Она вошла в примерку так, будто принесла с собой солнце. И дело было не в славе, не в статусе, не в том, что ее голос знала вся планета. Дело было в ее улыбке — такой ослепительной, что она будто освещала пространство вокруг. Не яркостью, а той редкой силой, которая возникает, когда человек светится изнутри.

Она подошла к нам с какой-то удивительной искренностью, будто не было никакой дистанции между мировой звездой и цирковыми артистами. Благодарила так, как благодарят по-настоящему, — просто, сердечно, с теплом в голосе. И даже если я не понимал каждое слово, я понимал главное: она была тронута. Ее эмоции были настоящими, живыми, открытыми.

А потом она предложила сделать фотографию вместе — не формально, не «для галочки», а от души. Она встала рядом, взяла меня за руку, улыбнулась своим неподражаемым сияющим светом — и в этот момент я почувствовал, что передо мной не легенда мировой музыки, а человек редкой доброты. И что этот момент — настоящий подарок судьбы.

Ее энергия, ее теплый смех, ее простота — все это осталось во мне навсегда. Удивительно, как иногда один короткий миг может согреть душу на долгие годы.

Шон Коннери — легенда. Он вошел тихо, но весь гримерный зал словно изменился. В нем было достоинство — старомодное, настоящее, не показное. Он благодарил за искусство так, как благодарят за что-то бесконечно важное. Его взгляд говорил больше слов. Его жесты — знак уважения. И мне стало ясно: этот человек знает, что такое тяжелый труд, и что такое внутренняя честь.

Арнольд Шварценеггер — это была встреча совсем другого рода. Он пришел открыто, свободно, с той улыбкой, которую знают миллионы. Поблагодарил, поговорил, а потом — неожиданно — пригласил к себе в Лос-Анджелес, показать свой тренировочный зал. В тот момент я ясно понял: сила человека определяется не мышцами, а добротой. По-настоящему сильный человек всегда щедр. Щедр вниманием, временем, теплом. И Арнольд был именно таким.

Ал Гор — другой человек, другой мир. Вице-президент США, большая фигура мировой политики. Но он приходил

не как политик. Он приходил как отец. С детьми. Два раза. Каждый раз спокойно, без охраны, без пафоса. Он задавал вопросы, смотрел на нас с интересом, и я ловил себя на мысли: вот так выглядит настоящая простота. Настоящая человечность. Ты смотришь на человека, который в руках держал рычаги огромной страны — и видишь просто человека, который уважает труд других.

Дэвид Гилмор из «Пинк Флойд». Музыка этой группы звучала в моей молодости, и вдруг — он стоит рядом. Он улыбался, разговаривал, смотрел шоу не как звезда, а как человек, который умеет удивляться. Он пригласил нас на концерт. И этот жест был как знак — искусство понимает искусство, независимо от формы. Он смотрел на наш номер не глазами музыканта, а глазами человека, который умеет видеть красоту в риске, в тишине, в полете.

Фил Коллинз — скромный, тихий, немного стеснительный. Это был человек, который предпочитал тихий закулисный угол шуму и яркой суете сцены. Один из трех музыкантов в истории — наряду с Полом Маккартни и Майклом Джексоном — чьи альбомы разошлись по всему миру тиражом более ста миллионов экземпляров. Он говорил мало, но каждое слово было искренним. Иногда именно такие люди — самые глубокие. Он стоял рядом, смотрел на наши руки, на костюмы, на канаты, и его взгляд был как музыка — мягкая, понимающая.

Курт Рассел и Голди Хоун — семейная пара с каким-то невероятным теплом. Голди особенно. Она смотрела рисунки Артура, улыбалась, хвалила, спрашивала. Она говорила так, словно знала нас давно. И я подумал: вот она, настоящая человеческая доброта — без позы, без дистанции.

Мел Гибсон приходил в гримерку с детьми — трое маленьких, шумных, живых. И перед нами был не мировой режиссер и не знаменитый актер, а просто отец трех очаровательных малышей. И это было прекрасно. Он говорил

просто, улыбался, благодарил. И рядом с ним я чувствовал ту самую атмосферу — когда человек не играет роль. Он такой, какой он есть.

Была одна встреча особенно необыкновенная — встреча с Чарльзом Бронсоном. Его имя знала вся планета. Его лицо — резкое, мужественное, почти вырубленное — было символом целой эпохи. Его фильмы смотрели миллионы, а роль Бернардо О'Рейли в «Великолепной семерке» стала одной из тех ролей, что навсегда остаются в памяти зрителей. Этот актер носил в себе такой внутренний стержень, что казалось, его невозможно представить в обычной жизни: он будто был создан из стали.

Но когда он вошел к нам, все оказалось совсем иным.

Он зашел тихо, почти незаметно. Просто распахнулась дверь, и в гримерку вошел человек — не легенда, не голливудский гигант, а человек, в котором чувствовалось необыкновенное спокойствие. Он двигался простыми, уверенными, почти скромными жестами, как будто всю жизнь хотел оставаться в тени.

Он смотрел на нас пристально, но мягко. Глаза у него были глубокие, задумчивые — такие глаза бывают у людей, которые прожили тяжелую жизнь и вынесли ее без озлобления. Он говорил мало, но каждое слово было точным, словно он подбирал его не умом, а сердцем. И когда он благодарил за номер, за искусство, за риск, за ту честность, которая есть в цирке, я чувствовал, что это не вежливость, не дежурная фраза. Это была настоящая, почти суровая благодарность человека, который ценит силу духа и уважает труд.

Я понимал далеко не все из его речи. Я ловил интонацию, выражение лица, жесты — и этого было достаточно. Он поднимал большой палец, кивая с той чуть сдержанной улыбкой, которую знали зрители по его фильмам. Он показывал руками движения, словно имитируя прыжки или риск — и это была наша общая точка понимания.

И вдруг я ощутил, что между нами — несмотря на языковой барьер, несмотря на расстояния между мирами кино и цирка — возникла та самая связь, которая бывает только между людьми, уважающими друг друга внутренне, глубинно.

Он, человек, сыгравший десятки сильных и молчаливых героев, понимал цену тишины. И я понял: вот он — настоящий Бронсон. Не образ. Не экранная тень. А человек с огромной внутренней правдой.

И когда он уходил, он пожал руку — крепко, по-мужски, но без театральности. В его рукопожатии чувствовалось многое: уважение, благодарность, понимание, и, возможно, та теплая солидарность, которая возникает между людьми, живущими по честным правилам.

Во всех этих встречах, разных по настроению и масштабу, была одна общая черта: отсутствие языка не мешало пониманию. Язык был где-то в стороне. А главное происходило без слов.

Когда известный, сильный, талантливый человек входит к тебе в примерку, смотрит на тебя и говорит — пусть жестом, пусть улыбкой — «я понимаю твой труд», — это дороже любых слов. Это и есть та связь, которая возникает между людьми, не знающими языка друг друга. Потому что искусство сильнее языковых барьеров.

Общение происходило на языке сердца. На языке уважения. На языке восхищения человеческим мастерством. Ты чувствуешь, что перед тобой человек — большой, знаменитый, влиятельный, — но он смотрит на тебя не сверху вниз, а как равный. Он видит не статус, не страну, не должность, а твою работу, твой труд, твою душу, вложенную в дело.

И если человек не стесняется чувств — он их выражает. Это закон. А если он не умеет выражать чувства — он никогда не станет великим, независимо от того, сколько наград у него на стенах.

И, конечно, мы терпели огромные трудности из-за незнания языка. Каждый раз, когда приходили гости, мы понимали лишь часть слов. Иногда только жесты. Иногда только интонацию. Но это никогда не было преградой. Потому что самое важное в этих встречах не требовало точных предложений. Тонкости перевода были бы лишними.

Мы общались глазами. Мы смеялись. Мы обнимались. Мы показывали жестами то, что невозможно объяснить словами. И в эти моменты я понимал: язык тела, язык души, язык искренности — это язык, который понимают все.

Были моменты, когда я чувствовал: мы понимаем друг друга глубже, чем если бы говорили на одном языке часами. Потому что слова — это только оболочка. А содержание — в том, что человек ощущает.

И однажды, уже много позже, я поймал себя на мысли, что самые важные разговоры в моей жизни происходили молча — между прыжком и аплодисментами, между взглядом и улыбкой, между рукопожатием и поклоном. Там, где переводчик только помешал бы, мы понимали друг друга идеально, потому что настоящая встреча рождается не языком, а душой. И сегодня, оглядываясь на всех этих людей — знаменитых, великих, талантливых, удивительных — я вспоминаю вовсе не слова, не фразы, не автографы, а то, как они смотрели, как слушали, как благодарили, как смеялись, как становились обычными людьми, освобожденными от звездности и барьеров. И то, как мы, не понимая языка друг друга, все равно понимали главное — уважение, восхищение и ту тихую человеческую любовь, что соединяет сердца без единого звука. Все это навсегда осталось во мне.

БЛАГОДАРНОСТЬ СУДЬБЕ

Когда пытаюсь собрать в памяти все лица, которые прошли через мою жизнь — известные и простые, сильные и добрые, строгие и мягкие, знаменитые и совершенно обычные — во мне неизменно поднимается одно чувство. Оно не похоже ни на гордость, ни на ностальгию. Оно глубже, тише, целостнее. Это — благодарность. Благодарность судьбе за то, что она провела меня тем путем, который я в молодости не смог бы придумать даже в самых смелых мечтах.

В юности мне казалось, что успех — это усилие. Что все в жизни построено на упрямстве, настойчивости и трудолюбии. Что если идти вперед, сжимать зубы, преодолевать себя — то все получится. Тогда я еще не понимал, что труд — это только половина пути. Вторая половина — это встречи, обстоятельства, неожиданные двери, которые открываются ровно в тот момент, когда человек готов войти. Мы можем учиться, тренироваться, стараться, но никто не может выбрать людей, которых встретит. И в этом та великая тайна, которую начинают понимать только с возрастом.

Когда я оглядываюсь назад, вижу длинную цепь лиц, характеров, судеб. Вижу тех, кто помог в трудный момент. Тех, кто вдохновлял. Тех, кто учил молча. Тех, кто просто стоял рядом. Тех, кто верил. И тех, кто иногда даже не знал, что стал для меня важным. И понимаю: если бы хотя бы одно из этих звеньев выпало, моя жизнь была бы другой.

Гордость? Бывает. Но гордость — чувство острое, верховое. Оно похоже на вспышку света, которая быстро гаснет. Ностальгия? Конечно. Она приходит тихо, особенно поздними вечерами, когда вдруг вспоминаешь голос, руку,

взгляд, которые давно не видел. Но ностальгия — это чувство мягкое, туманное, в нем больше грусти, чем движения.

А благодарность — это совершенно другое. Она не похожа ни на что. Она существует глубже всех эмоций. Она не вспыхивает — она живет. Она не требует слов — она присутствует.

Я вспоминаю всех тех, кого судьба привела ко мне: учителей, партнеров, артистов, друзей, членов семьи, обычных зрителей, которые однажды подарили мне улыбку, слова поддержки или просто — теплый взгляд. И понимаю, что невозможно отдать долги этим людям. Им можно только быть благодарным. Потому что они сделали меня тем, кто я есть.

Когда я думаю о благодарности судьбе, вспоминаются маленькие моменты — те, которые в свое время казались обычными, но оказались решающими. Например, первую встречу с мастерами, которые направили меня из спорта в цирк. Тогда это решение выглядело, может быть, даже странным, но они увидели во мне то, чего я сам еще не знал. И вот сегодня, спустя десятилетия, я понимаю: благодаря их интуиции и их вере во мне родилась моя новая жизнь. И это — дар судьбы.

Я помню свою первую встречу с Арнаутовыми — легендарным цирковым коллективом. Никогда не забуду их мастерство, их требовательность, их внутреннюю силу. Они не просто учили меня трюкам, технике, точности — они учили меня пониманию искусства как пути, как философии, как служения. И сегодня мне ясно: если бы не они, не их школа, не их отношение к делу — моя профессиональная биография была бы совсем другой. Им я благодарен настолько, что невозможно выразить словами. Это та благодарность, которая живет в жестах, в уважении к профессии, в том, как я выхожу на манеж.

Вспоминаю мастера Сато Тэцуо — учителя, который вошел в мою жизнь так светло и так точно. Он не просто преподавал технику сито-рю. Он показывал путь — путь внутренней честности. Он жил так, как учил. И даже короткий разговор с ним становился уроком на годы. Когда он приезжал в нашу школу, мы все чувствовали, что в зал входит не просто мастер — входит человек особой внутренней чистоты. Благодаря ему я понял, как надо держать дух. Как надо жить. И эта благодарность — навсегда.

Или, например, встречи в Пхеньяне. Огромный зал, тысячи людей, аплодисменты, свет — и ощущение, что искусство, которым живешь, может объединять людей разных стран, культур, миров. Встреча с Ким Ир Сенем тоже была частью этой необычной мозаики судьбы. Все выглядело официально, торжественно, но в атмосфере было что-то человеческое, теплое, уважительное. Он говорил спокойно, внимательно, и я увидел в нем не символ или фигуру, а человека, который уважает труд артистов. И за эту встречу я тоже благодарен судьбе. Потому что она открыла мне мир шире.

Или — встреча с Иоанном Павлом II. Его слова, сказанные по-русски, его доброта, его взгляд, его внимание — все это осталось во мне как глубокий след. Не каждый день судьба приводит человека к тому, кто способен одним жестом, одним словом осветить путь. Это была одна из тех встреч, после которых понимаешь: человек может быть великим, не теряя простоты. Духовная сила не кричит — она просто присутствует. И ты благодарен за то, что стал свидетелем этого.

Вспоминаю и всех тех людей, которых мне довелось встретить за кулисами уже в *Cirque du Soleil*. Неважно — был это Ринго Старр или Чак Норрис, Лиз Тейлор или Шон Коннери, Арнольд Шварценеггер или Голди Хоун. Каждый из них, приходя к нам, оставлял частичку искреннего человеческого тепла. И я благодарен судьбе, что видел их та-

кими — без камер, без грима, без роли. Настоящими. И благодарен за то, что они видели во мне не национальность, не статус, не язык, а человека и артиста. И это тоже — подарок судьбы.

Но если посмотреть на все эти встречи глубже, то становится ясно: благодарность — это не только про известных людей. Наоборот. Чаще всего самые важные, самые формирующие встречи — с простыми людьми. С учениками, которые смотрели на меня с доверием, когда приходили в зал. С партнерами, которые удерживали мою руку в тот момент, когда жизнь висела на долю секунды. С друзьями, которые были рядом в тихие, незаметные, непростые годы. С теми, кто стоял за кулисами, кто держал страховку, кто подшивал костюмы, кто поддерживал свет. Ни один артист не стоит на сцене один. Его поднимают тысячи незримых рук. И им — миллионы раз больше благодарности, чем я могу сказать вслух.

Благодарность судьбе — это не про громкие моменты. Это про осознание. Осознание того, что жизнь — это цепочка даров. Иногда очевидных, иногда скрытых. Иногда тех, что приятны, а иногда — тех, что сначала вызывают боль. Потому что испытания — это тоже встречи. И их тоже нужно принимать с благодарностью.

Были моменты, когда на моем пути появлялись люди, казалось бы, строгие, требовательные, трудные. В молодости я мог обижаться, раздражаться, спорить. А теперь понимаю — эти люди были посланы судьбой, чтобы укрепить меня. Чтобы научить терпению. Чтобы заставить смотреть внутрь себя, а не только наружу. Чтобы вырастить ответственность. И за них благодарность — особенная. Тихая, зрелая.

Есть и другая благодарность — самая, наверное, глубокая. Благодарность за то, что я был свидетелем великих моментов. За то, что стоял под куполом цирка и слышал аплодисменты, которые шли не в мою сторону, а в сторону

искусства. За то, что чувствовал дыхание зала. За то, что видел, как глаза зрителей начинают светиться тем огнем, который рождается только от подлинности. Это — счастье, которое словами не измерить. И это — величайший подарок судьбы.

Сегодня, когда я выпускаю из памяти все эти лица, я не чувствую ни гордости, ни сожаления. Я чувствую благодарность. За путь. За людей. За труд. За риск. За святую усталость после выступлений. За возможность жить среди тех, кто верил в меня. За то, что судьба ни разу не оставила меня без урока, без поддержки, без знака.

И самое удивительное — чем старше становишься, тем яснее понимаешь, что благодарность — это не чувство, а форма мудрости. Это принятие. Это умение сказать себе: «Мне было дано ровно то, что нужно, ровно тогда, когда нужно». И если жить с таким пониманием — в душе не остается ни пустоты, ни претензий, ни сожалений.

Когда я вспоминаю всех этих людей — известных и неизвестных, сильных и тихих, больших и маленьких, — я чувствую одно: я был счастлив увидеть их, узнать, услышать. Я был счастлив идти рядом хоть недолго. И судьба была невероятно щедрой ко мне.

И если в конце моего пути останется только одно слово — пусть это будет слово «спасибо». Спасибо людям. Спасибо встречам. Спасибо пути. Спасибо жизни.

Потому что благодарность — это и есть то чувство, которое держит человека на земле и поднимает его к небу.

Это чувство — навсегда во мне.

ГЛАВА 9. ДОРОГА ЗА ОКЕАН

РЕШЕНИЕ ПРИНЯТО

Решение уехать в Канаду не возникло внезапно — оно зрело во мне долго, как часть того глубокого внутреннего процесса, который переживали многие люди в конце 80-х и начале 90-х, когда мир вокруг стремительно менялся. Тогда казалось, что сама реальность растрескивается по швам: прежние правила исчезают, новые еще не родились, а привычный мир начинает рассыпаться, как старая штукатурка на стене. Это время сейчас вспоминать тяжело. Мы все привыкли жить в стране, где, несмотря на строгость и партийную дисциплину, существовали какие-то понятные человеческие ориентиры: порядочность, взаимное уважение, определенные нормы поведения. А вдруг пришел период, когда все это мгновенно потеряло силу. Порой казалось, что на улице действует только одно правило — у кого хватит наглости, тот и прав. Люди растерялись, и я вместе с ними. Это был момент, когда очень легко было потерять не только уверенность в завтрашнем дне, но и самого себя.

Мы, артисты московского цирка, тоже переживали этот переход. Жизнь разительного менялась: гастроли стали нестабильными, заработки — непредсказуемыми, и в воздухе витало ощущение, что старая система, в которой выросли все мы, больше нас не удержит. Но одновременно именно в то время судьба открыла передо мной совершенно иной путь — путь, о существовании которого я долгие годы только догадывался.

В конце 80-х мы начали регулярно гастролировать по Америке, открывая для себя новый мир — мир свободного искусства и профессионального шоу-бизнеса. Каждый полгода возвращались домой в отпуск, а затем снова отправлялись за океан. С нами работал профессиональный менеджер, человек удивительной судьбы — тот самый, который в свое время раскрутил группу «Роллинг Стоунз». Его опыт, его уверенность в нас, его способность понимать публику — все это давало ощущение, что мы попали в совершенно иной мир шоу-бизнеса, где талант и умение трудиться открывают врата куда шире, чем любые связи. В этих поездках часто участвовал Иосиф Кобзон, и я до сих пор помню, как американцы встречали его с неподдельным уважением. Тогда я впервые ощутил: мир гораздо шире Москвы, Питера и наших привычных цирковых стадионов.

И вот в 1992 году мне поступило приглашение от руководства Cirque du Soleil. Предложение было настолько неожиданным, что я даже не сразу поверил, что это все всерьез. В то время Cirque du Soleil уже набирал мировую славу — это был новый тип циркового искусства, в котором соединялись театральность, пластика, музыка, визуальная магия. Я поехал один, чтобы посмотреть, попробовать, понять. И понял почти сразу: это именно то место, где мой путь может продолжиться. Не как побег от трудностей, нет — как естественное продолжение развития.

Позже ко мне приехали Таня и Артур. Мы начали строить новую жизнь, которая постепенно становилась более устойчивой, более светлой, хотя поначалу все было непривычно, языковой барьер давил, а тоска по дому накатывала по вечерам. Но работа в *Cirque du Soleil* вдохновляла — мы прожили первый гастрольный круг по Штатам: Сан-Франциско, Лос-Анджелес, Сан-Хосе, Сан-Диего, затем Нью-Йорк, Вашингтон, Орlando. Это было время изматывающее, но удивительно насыщенное. Каждый город казался новым миром, каждый зритель — новым испытанием.

После гастролей мы вернулись в Монреаль, чтобы готовить вторую программу — «Аллегррия». Это была эпохальная постановка, одна из тех, что позже определила лицо всего *Cirque du Soleil*. Руководство предложило нам остаться в составе цирка на постоянной основе и пообещало помощь в переезде в Канаду и получении гражданства. К тому моменту мои друзья Арнаутовы уже стали канадскими гражданами и работали там стабильно. И где-то внутри меня возникла ясность: возможно, настал момент, когда жизнь приглашает меня выйти за привычные границы и попробовать то, что я долго откладывал.

Когда вторая программа была готова, мы отправились во второй гастрольный круг — вновь Лос-Анджелес, Сан-Диего, затем Лас-Вегас. И именно там произошел эпизод, который я храню в памяти как один из самых удивительных.

Когда мы выступали в Лас-Вегасе, нас пригласил к себе домой самый богатый человек города. Не бизнесмен, не владелец казино, не медиамагнат — психолог. Главный психолог Лас-Вегаса. И это уже звучит как сюжет для фильма. Нас сажают в автобус, везут на окраину, в район, где каждый дом — как музей. Нас встречает оркестр, улыбающиеся люди, огромные столы с угощением. Мы не знаем, кто хозяин. И вот мы входим в дом — и видим целый

скелет мамонта, собранный идеально, как экспонат из научного центра. Во дворе стоит маленькая копия храма Василия Блаженного, а рядом небольшой канал с гондолой, которой, по словам хозяина, триста лет. На стене — перчатка Кассиуса Клея. Все это казалось сном, причем сном человека, который слишком долго жил в мире цирковых номеров и вдруг попал в частную коллекцию чудаковатого волшебника.

Помню, как нас потом пригласил на свое ранчо наш финансовый менеджер. И только там, сидя за деревянным столом под огромной сенью вековых деревьев, он рассказал нам, что его семья получила фамильную грамоту от самого Авраама Линкольна. И показал ее — пожелтевшую, хрупкую, но совершенно подлинную. Иногда судьба показывает такие страницы истории, что начинаешь иначе смотреть на собственную жизнь.

Мы работали и в Атлантик-Сити, у Трампа. И там встречались со многими выдающимися артистами, включая легендарного Залима Кудзаева. К концу гастролей нам наконец одобрили документы на постоянное проживание в Канаде. Тогдашний хозяин цирка, узнав об этом, просто сказал: «Если тебе открывается новая дорога — иди. Я подпишу окончание контракта». И сделал это без всяких условий. Думаю, он чувствовал: иногда человеку нужно дать возможность уйти, чтобы он стал тем, кем должен.

Тогда знакомые из армянской диаспоры в Лос-Анджелесе помогли мне за полцены купить лимузин — огромный, белый Lincoln, настоящий «пароход» на колесах. Я позвонил Залиму Кудзаеву, мы встретились — и втроем, на этом невероятном лимузине, проехали всю Америку до канадской границы в Детройте. Дорога была длинной, почти одухотворенной. Мы ехали через Лейквуд — город, известный своей русской церковью, где покоятся белые офицеры, царские генералы, воины Дикой дивизии. Мы

долго ходили между могил, читали надписи, словно переплетая свои судьбы с историей, которая осталась далеко позади, но все еще жила в этих именах.

Когда я получил трехлетний контракт с Cirque du Soleil и статус постоянного резидента Канады, жизнь начала выстраиваться в новую линию. Но перед окончательным переездом судьба сделала еще один неожиданный поворот. Я встретился со своим другом Виталием Козловым, который переехал в США, работал полицейским, а потом, благодаря подруге-промоутеру, оказался в Голливуде. Его отец был чемпионом Москвы по боксу, другом Василия Сталина и главным редактором журнала о цирке — настоящий человек советской эпохи, в которой мы все выросли.

Я показал Виталию свои кассеты — «Фанат», «Человек в зеленом кимоно» — и неожиданно получил предложение: роль русского полковника КГБ в голливудском фильме. Это был бы резкий, мощный шаг — то самое окно возможностей, которым многие готовы пожертвовать всем. Но была деталь: чтобы принять роль, нужно было разорвать контракт с Cirque du Soleil. Контракт на три года, честно подписанный, к которому я относился как к данному слову.

Тогда я спросил себя: что для меня важнее — одно мгновение славы или путь, который я уже начал? И понял: если я нарушу свое слово, я перестану быть собой. И я отказался. Мы пожали друг другу руки. И я поехал в Канаду — не как человек, убежавший от трудностей, а как тот, кто выбрал свой путь, даже если он был труднее.

Так начался новый этап моей жизни — дорога за океан, которая оказалась не просто переменой страны, но переменой самой сущности моего пути. Там, в Канаде, меня ждали новые испытания, новые победы, новые люди. Но главное — меня ждал новый смысл, который невозможно было бы найти, останься я на прежнем берегу.

ПЕРВЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ О КАНАДЕ

Когда мы наконец получили документы и отправились в путь через Америку к канадской границе, я думал, что самое сложное уже позади. Дорога была долгой, но легкой — мы ехали на огромном лимузине, который достался мне по невероятной удаче, и который какое-то время был для нас не просто средством передвижения, а домом на колесах. Внутри него мы жили, спали, ели, обсуждали планы на будущее. Мне казалось, что эта машина стала символом перехода — от старой жизни к новой, от прошлого, которое я оставлял позади, к будущему, которое еще не имело очертаний. Но стоило нам доехать до Ниагары и приблизиться к канадской границе, как выяснилось, что испытания на этом не закончились.

Таможенный офицер внимательно посмотрел на документы и сказал, что по закону я имею право пересекать границу только на личном автомобиле. А моя машина, по его словам, являлась «бизнес-транспортом» — слишком большой, слишком роскошной, слишком «коммерческой», как он выразился. Я пытался объяснить ему, что работаю в цирке, что мы живем в этой машине, что она — наше временное жилье. Но он только качал головой и повторял: «Вы можете въехать в Канаду, но только не на этом автомобиле». И в тот момент я почувствовал, что мир — даже самый открытый и дружелюбный — все равно будет предъявлять свои условия, и к ним придется приспособливаться.

И тут огромную роль сыграл мой друг Юра Краснов. Именно он тогда помог решить эту непростую проблему: он приехал, забрал машину и отвез на свое ранчо, где она и осталась. И я до сих пор думаю: как часто в жизни именно друзья помогают нам перейти ту границу, которую мы

не можем пересечь одни. Так получилось и здесь — буквально и символически.

Когда мы въехали в Канаду, первая мысль была удивительно простой: тишина. Даже не тишина как отсутствие шума, а какое-то другое качество пространства — ровное, спокойное, будто воздух здесь дышал иначе. Ландшафт мягкий, широкие дороги, аккуратные пригородные улочки, и все это оставляло впечатление уравновешенности, в которой было что-то почти целительное. Мы добрались до Торонто и поселились в районе Северного Йорка, на улице Антибис, в знаменитом доме 155, где когда-то останавливались почти все новоприбывшие артисты. Это место было чем-то вроде временного приюта для тех, кто начал новую жизнь, — дом, где жили, мечтали, спорили, учились адаптироваться к стране, в которой никто не знал тебя по имени.

Но, что удивительно, меня узнавали. Люди — особенно русские и выходцы из бывшего СССР — подходили, здоровались, вспоминали мои цирковые выступления, говорили, что видели меня в Москве. И это узнавание было для меня как тихая поддержка, как напоминание: куда бы ты ни уехал, ты не исчез, ты живешь в памяти людей. А такая вещь, как я понял, очень помогает, когда начинаешь все с нуля.

Меня поражало многое. Природа — спокойная, широкая, светлая. Люди — улыбчивые, открытые, уважительные. Их культура общения была совсем другой: никто не торопился, никто не пытался доказать свое превосходство, никто не повышал голос. Все решалось спокойно: в магазине, в банке, в ресторане. Если у кого-то день рождения — собираются в ресторане, танцуют, смеются, поздравляют незнакомых людей просто потому, что «так принято». Это казалось не просто другой страной, а другим измерением человеческих отношений.

Но вместе с этим была и другая сторона — внутренняя. Новая страна — это всегда испытание. Ты начинаешь жить

как будто с чистого листа, и этот лист не всегда гладкий. Язык давался тяжело. Я понимал многое, но говорить свободно было трудно. Иногда казалось, что мысль у меня одна, а выходит из уст совсем другая — будто бы я пытаюсь пройти через узкое горлышко, которое не пропускает мою интонацию, мой характер, мою манеру речи. Нужны были месяцы терпения, чтобы научиться говорить так, чтобы тебя понимали не только словами, но и интонацией.

Быт тоже не был простым. Все другое — документы, счета, страховки, даже магазины. В Москве мы привыкли, что многое можно решить «по ходу», быстро, по знакомству, как-нибудь. Здесь — только порядок, только система, только правила. И вначале это раздражало: казалось, что меня словно зажимают в рамки, которые не дают сделать шаг в сторону. Но потом я понял: эти рамки и есть то, что делает жизнь спокойной. Здесь никто не прыгал выше головы, не пытался кого-то обойти, не искал дыр в правилах. И в этой предсказуемости было что-то удивительно уютное.

Что же было самым трудным? Наверное, именно ощущение, что я начинаю все заново. Что мой багаж — десятки лет работы, награды, роли, гастроли, опыт — важен, но здесь он ничего не гарантирует. Я приходил в места, где никто не знал, кем я был в Москве. И это заставляло быть настоящим, без прикрас. Заново доказывать профессионализм. Заново показывать характер. Заново зарабатывать уважение. А это непросто, когда тебе уже не двадцать лет, и ты привык быть мастером, а не учеником.

Но были и светлые моменты — их было много. Во-первых, друзья. Все, что у меня тогда было — это люди, которые не забыли меня и не оставили. Арнаутовы поделились реквизитом. Друзья из Америки привозили оборудование. Юра Краснов отдал мне свой реквизит и маты. Это была огромная помощь. В такие моменты ты особенно остро понимаешь: никто не строит новую жизнь в одиночку.

И, конечно, Таня. Она мечтала о своей цирковой школе еще в Москве. Мы говорили об этом как о какой-то далекой мечте, но в Канаде эта мечта вдруг стала возможной. Мы встретили Рому Вейга — удивительный человек, деловой, успешный, открытый. Он сразу увидел в нашей идее смысл и перспективу. И буквально через два месяца мы стали обсуждать детали, строить планы, искать помещение, оборудование. Так появился «Wonderful World of Circus» — школа, которая стала частью не только нашей жизни, но и большой цирковой истории Канады. Мы открыли ее в 1998 году, но сама идея зародилась гораздо раньше, в те первые месяцы, когда мы только приехали в Торонто.

Я помню, как Артур, тогда еще подросток, начал помогать с тренировками. Он был молод, но уже понимал, что это дело — наше общее. Он стал тренировать первых учеников, помогать с инвентарем, участвовать в постановках. И это было невероятное чувство — видеть, как твоя семья не просто переезжает в новую страну, а становится частью большого дела, которое ты создаешь собственными руками.

Первые ученики были разные — дети русских эмигрантов, канадцы, азиатские семьи, дети из Южной Америки. Они приходили в школу с улыбками, с любопытством, с тем самым детским огоньком в глазах, который заставляет тебя снова и снова возвращаться в зал. Я видел в них то, что когда-то видел в себе — желание, азарт, вдохновение, жажду двигаться, лететь, расти.

И все эти первые месяцы в Канаде были настолько насыщенными, что я иногда забывал, что мы приехали в чужую страну. В какой-то момент я просто понял: она стала нашей. Потому что в ней появились работа, друзья, дом, мечты, надежды. Она стала не убежищем, не пунктом назначения, не местом временного пребывания — а страницей, на которой началась новая глава моей жизни.

Были трудности — конечно. Были сомнения — как без них. Но была и вера. Вера в то, что каждый человек имеет право начать сначала. Вера в то, что жизнь может меняться, и эти изменения могут вести к лучшему. Вера в то, что если ты честно работаешь, честно живешь, честно относишься к людям — мир отвечает тебе тем же.

Канада поразила меня тем, что там люди не живут ради борьбы — они живут ради жизни. Там никто не пытается доказать, что он сильнее. Там ценят уважение, труд, доброту, терпение. И эти качества постепенно стали частью моей новой реальности. Они научили меня — спустя десятилетия — заново видеть мир.

Так начались мои первые шаги в Канаде. Страна встретила меня мягко, хотя путь до нее был непростым. Она дала мне возможность идти дальше. И дала то, что нельзя купить, нельзя заслужить заранее, нельзя получить по знакомству — возможность начать все заново, но не с пустыми руками, а с тем багажом, который я привез из прошлого и который стал фундаментом для нового этапа моей дороги.

ПЕРВЫЕ ДНИ НОВОЙ ШКОЛЫ

Первые дни нашей цирковой школы в Канаде были похожи на утро после долгой дороги, когда ты еще не понимаешь, в каком направлении пойдет день, но уже чувствуешь, что впереди начинается что-то важное. Это было время, когда сама мысль о том, что мы создаем что-то свое, на новом континенте, среди других людей и в другой культуре, казалась одновременно смелой,

дерзкой и по-детски вдохновляющей. Мы делали первые шаги, и каждый шаг становился событием. Мы открывали двери зала, а мне казалось, что мы открываем дверь в новую эпоху — не только нашей семьи, но и для десятков детей, которые впервые приходили к нам с огромными глазами, полными любопытства.

Помещение было простое, без излишней роскоши, но просторное и теплое. Стены еще пахли свежей краской, маты мы разложили своими руками — одни привез мне Краснов, другие помогли достать друзья. Реквизит был собран по крупицам: что-то привезли из Америки, что-то подарили коллеги, что-то мы нашли сами. Весь этот разношерстный набор предметов становился нашим капиталом, нашим фундаментом, нашим стартом. И каждый предмет — от первой трапеции до первого гимнастического обруча — не просто лежал в зале, а словно дышал ожиданием.

Первые занятия я помню до мелочей. Дети — такие разные, такие яркие, такие честные в своем желании учиться. Русские, украинцы, канадцы, китайцы, индийцы, дети из Латинской Америки — язык у всех разный, характер разный, традиции разные. Но стоило им войти в зал, посмотреть вверх на канаты, на трапеции, на мат, на кольца — и они становились одинаковыми. Детская энергия — это удивительная сила. Она стирает границы, которые взрослые часто создают годами. И именно дети первыми сделали нашу школу интернациональной. Даже если они не понимали друг друга словами, они понимали движением, улыбкой, вниманием, подражанием. Я видел, как мальчик из Китая повторяет упражнение за девочкой из Перу, как русская девочка помогает завязать шнурки канадскому мальчику, как украинские близняшки делятся батончиками с детьми из Ирана. И я думал: вот оно — настоящее цирковое братство. Оно не зависит от языка. Оно живет в сердце.

Мы были еще никому неизвестной школой, но в наш коллектив сразу вошли удивительные люди — артисты, которые сами приехали в Канаду в поисках новой жизни. Среди них были цирковые артисты-лилипуты из Украины — талантливые, яркие, невероятно добрые. Они нам помогали открывать первые представления. Когда они появлялись на сцене, зрительный зал оживал особым смехом и восхищением. Их пластика, чувство ритма, их особое внутреннее благородство делали каждый номер живым. Они создавали настроение, они задавали тон, они задавали ту самую атмосферу дружелюбного праздника, с которого начинается любовь зрителя к цирку.

Одну из артисток, Лену, мы вспоминаем особенно тепло. Она научила Таню работать с голубями — искусству тонкому, требующему невероятного терпения, мягкой руки и умения разговаривать с птицей без слов. Таня поначалу сомневалась, получится ли у нее, хватит ли времени, но под руководством Лены она быстро освоила тонкости. Голуби оказались удивительными партнерами — чувствительными, осторожными, но невероятно артистичными. И впервые увидев, как Таня посылает голубя в зал, а он возвращается точно в ее ладонь, я понял, как много нового наша школа сможет дать детям. Ведь если артист может найти общий язык с птицей, значит, он обязательно найдет общий язык и с ребенком.

С нами работала и Элла Железнова — человек редкой преданности искусству. На Мосфильме она была костюмером, а в Канаде стала одной из тех, кто привозил артистов из России на гастроли и выступления. Она организовала в Торонто шоу цирка Шварца из Сан-Франциско, где участвовала удивительная женщина — наша будущая подруга Ирина Маркова. В ее номере выступали дрессированные пудели, и каждый из них был как маленький артист с собственной индивидуальностью. Но наша дружба с Ириной началась гораздо проще — с одной маленькой просьбы.

Таня купила щеночка по имени Лакути, и мы попросили Ирину помочь с дрессировкой. Она взяла собачку к себе, и уже через три месяца Лакути стала настоящей артисткой: прыгала через обруч, выполняла команды, вставала на задние лапки, преодолевала препятствия. Это было чудо — не только мастерства Ирины, но и того доверия, которое способна создать любовь к животным.

Потом Ирина подарила нам вторую собачку — так в нашей школе появился полноценный номер с дрессированными пуделями. Я помню, как дети смотрели на этих собак: в глазах был восторг. Собаки становились не просто частью программы — они становились частью семьи школы. Дети учились с ними дружить, заботиться, работать в паре. И каждый раз, когда собака делала трюк, а зал взрывался аплодисментами, ребенок, участвующий в номере, сиял так, будто выиграл олимпийскую медаль.

Одним из тех, кто особенно помогал становлению школы, был Ахмед Абакаров — человек невероятной пластики и доброты. Его энергия, его чувство юмора, его способность увидеть в ребенке то, чего тот сам о себе еще не знал, делали его буквально магнитом для учеников. Он был педагогом по духу. Его уважали, к нему тянулись, у него учились не только движениям, но и характеру.

Помогал и легендарный канатоходец Акодин — мастер высочайшего уровня. Его искусство формировалось десятилетиями, и в каждом его шаге была мудрость. Он говорил детям: «На канате нет ошибок — есть только потерянный баланс». И это была философия, которая стала частью нашей школы. Ведь цирк и баланс — это почти одно и то же. Баланс тела, баланс души, баланс между страхом и смелостью. И когда дети увидели его выступление, увидели, как спокойна его походка на высоте, как ровно дышит его тело, как уверенно его руки удерживают равновесие, они поняли, что цирк — это не про риск. Это про гармонию.

Что же касается атмосферы — она была удивительная. Не было жесткой дисциплины, как в спортивных секциях. Но была уважительная строгость. Не было крика — но была ответственность. Не было соревнования — но было желание расти. И это самое важное. Дети не сравнивали себя друг с другом, они смотрели только на себя вчерашнего. И каждый новый шаг, каждое новое движение становились их маленькой победой.

Я как основатель школы чувствовал одновременно ответственность и вдохновение. Ответственность — потому что дети смотрели на меня как на человека, который должен знать ответы на все вопросы. Вдохновение — потому что я видел, как их маленькие усилия создают большое дело. Когда я видел, что у ребенка впервые получился акробатический элемент, я радовался, как будто это удалось мне самому. Когда я видел страх в глазах новичка, я подходил, говорил что-то тихо, спокойно — и страх уходил. И каждый такой момент был частью обучения не только детей, но и меня.

Иногда я думал: как мы вообще нашли общий язык между всеми этими культурами? Ведь каждый ребенок принес с собой свой дом, свою страну, свои традиции, свою манеру поведения. Но, оглядываясь назад, я понимаю — дело не в языке и не в культуре. Дело в том, что цирк — универсен. Он говорит с людьми на языке движения, музыки, смеха и преодоления. И в этом языке нет национальностей.

Но и дети научили меня многому. Они научили меня терпению. Научили смотреть на мир проще. Научили замечать маленькие победы. Научили тому, что не бывает «чужих» детей — бывают только те, которых еще не успели услышать. В какой-то момент я понял, что не я учу их цирку — это они учат меня быть лучше, мягче, внимательнее. Они учат меня оставаться в форме не только физически, но и душевно.

Школа росла. К нам приходили новые педагоги, новые ученики, новые семьи. Но атмосфера первых дней — светлая, искренняя, почти домашняя — осталась навсегда. Она стала тем фундаментом, на котором мы построили школу, которая объединяла не просто людей разных стран, но людей, которые искренне верили, что движение, творчество и доброта способны соединять мир.

И когда я вспоминаю те первые месяцы, я понимаю: в этот период рождалась не только школа. Рождалась наша новая жизнь. Рождалась новая традиция. Рождалось ощущение, что мы не просто приехали в Канаду — мы нашли свое место. И оно нашло нас.

О ФИЛОСОФИИ ШКОЛЫ

Когда мы открывали цирковую школу Wonderful World of Circus (WWC), то, конечно, думали прежде всего о деле — о тренировках, о расписаниях, о зале, о реквизите, о программах, о том, чтобы дети научились стоять на руках, делать акробатику, держать баланс, работать в парах. Но довольно быстро стало понятно: школа — это не только место, где учат цирковому мастерству. Она оказалась чем-то гораздо большим. Постепенно, через первые занятия, через первые встречи с родителями, через первые слезы и первые восторги детей, через первые успехи и первые провалы, вырисовалась настоящая философия, которую мы даже не придумывали специально — она родилась сама, из нашего опыта, из нашей жизни, из наших ценностей.

Цирк — это искусство, но также и опыт преодоления. И, наверное, главное, что мы хотели — и что постепенно ста-

ло сутью нашей школы — это учить детей не столько трюкам, сколько тому, как держать равновесие в жизни. Как уметь падать и подниматься. Как не бояться пробовать новое. Как уважать других и себя. Как сохранять радость движения — даже тогда, когда тяжело.

Уже в первые месяцы я заметил одну вещь: дети приходят к нам не только ради трюков. Да, им нравится летать на трапеции, нравится, когда получается переворот, нравится ощущение, что тело может больше, чем кажется. Но где-то глубже они ищут другое — чувство принадлежности. Чувство коллектива. Чувство поддержки. Чувство чуда. Им нужно место, где их видят и слышат, где они могут быть собой, где никто не смеется над ошибками, а, наоборот, помогает исправить их.

И мы понимали: если хотим создать настоящую школу, то должны создавать не только программу, но и атмосферу. Психологическую, духовную, человеческую. Чтобы ребенок не просто становился сильнее физически — он должен становиться увереннее в себе. Чтобы ребенок не просто учился стоять на руках — он учился стоять на ногах в жизни.

Я всегда говорил детям: цирк начинается не с трюка. Цирк начинается с уважения — к партнеру, к зрителю, к педагогу, к реквизиту, к самому себе. Если ты выходишь на арену с уважением, то все получается. Если нет — номер разваливается, даже если ты технически подготовлен идеально. Цирковое искусство очень быстро распознает фальшь. Ты можешь быть сильным, гибким, талантливым, но если в тебе нет внутренней честности, зритель почувствует это мгновенно.

Вот почему одним из основ нашей философии было воспитание характера. Мы учились не только тому, как выполнить элемент, но и тому, как подойти к нему. Как преодолеть страх, как не отступать после первой неудачи, как научиться работать в команде. Один из моих любимых мо-

ментов был тогда, когда ребенок, который месяц ничего не мог сделать, вдруг ломал барьер — и у него получалось. В этот момент он становился другим. Он открывал в себе силу, которую раньше прятал. И эти моменты становились для нас доказательством: школа делает не только акробатов — она делает людей сильнее внутри.

Очень важно было и то, что школа стала международной. У нас были дети со всего мира, и чтобы они понимали друг друга, нужно было не просто учить их трюкам — нужно было учить их взаимодействию, уважению к другому культурному опыту. Это, поверьте, не так просто, как кажется. Ведь ребенок быстрее видит различия, чем сходства. Бывает, один ребенок говорит громко — другой сразу думает, что тот злится. Один привык к тихой дисциплине — другой любит смеяться и бегать. Один хочет все понять сразу — другому нужно время. И мы нашли решение: цирк сам выравнивает характеры, если правильно построить занятия.

Например, в акробатике нельзя выполнить элемент в паре, если нет полного взаимного доверия. Один держит — другой летит. Один подстраховывает — другой делает переворот. Один поднимает — другой делает свечу. Здесь нет места высокомерию или конкуренции. Если ты не доверяешь партнеру — элемент рассыпается. Если партнер не уверен в тебе — он не станет делать рискованный трюк. Поэтому доверие, уважение и поддержка становились обязательной частью обучения.

Мы не делали специальных лекций о дружбе или о терпимости. Дети сами начинали понимать это через практику. Иногда я видел, как мальчик из Индии, который раньше говорил тихо и всегда был застенчивым, подбадривал девочку из Китая: «Ты сможешь, попробуй еще раз». Или как мальчик из русской семьи крепко держал за руку девочку из Венесуэлы, когда она боялась подниматься на высоту. Это были моменты настоящей человечности, ко-

торые нельзя прописать в программе — они рождаются только тогда, когда атмосфера в школе живая и правильная.

Философия школы заключалась еще и в том, чтобы радость была не дополнением к обучению, а его основой. Если ребенок движется с удовольствием, значит, он учится. Если он улыбается, значит, он преодолевает страх. Если он смеется, значит, он растет. Я всегда говорил педагогам: «Дайте детям радость движения. Остальному они научатся сами». И это было не просто красивое выражение — это был принцип, который мы применяли каждый день.

Мы часто проводили занятия таким образом, чтобы ребенок сначала почувствовал простую радость — от удачного прыжка, от мягкого приземления, от движения под музыку. Только затем мы усложняли элементы. И постепенно ребенок сам стремился к большему. Он хотел расти. Он хотел превосходить самого себя. И мы никогда не требовали от него невозможного — но мы знали, что он способен на большее, чем думает. И вот это ощущение, что каждый ребенок — это потенциал, который нужно не сломать, не подавить, а раскрыть, — становилось нашим главным ориентиром.

Цирковое искусство учит дисциплине, но дисциплина у нас была не в форме приказов, не в форме крика, а в форме уважения к своему делу. Я всегда говорил детям: «Если ты выходишь на ковер — ты уже артист. Даже если только учишься. А артист уважает свое ремесло». И дети это понимали. Мы не строили их, как в армии, но они знали, что в зал приходят работать. Они могли смеяться, играть, шутить — но когда начиналась тренировка, наступало то, что я называю «внутренней тишиной». Тишина перед движением, тишина перед прыжком, тишина перед балансом.

Еще одним важным аспектом нашей философии была идея, что цирк должен быть добрым. В цирке возможно

все: смех, риск, красота, изящество, удивление — но в основе должно быть добро. Потому что цирк, в отличие от многих искусств, не может существовать на холодном равнодушии. Цирк — это тепло. Это контакт. Это искренность. И мы всегда создавали именно такую атмосферу — чтобы ребенок чувствовал себя защищенным. Чтобы он знал: здесь над ним не смеются. Здесь ему помогут. Здесь его поддержат.

Школа учила меня так же, как и детей. Я учился терпению — когда ребенок пятнадцать раз падал с того же места и все равно вставал. Я учился мудрости — когда маленькая девочка объясняла мне, что «страх — это когда сердце бежит быстрее тебя». И в этот момент я понимал: дети чувствуют жизнь глубже, чем мы думаем. Я учился юмору — когда мальчик, не сумевший выполнить элемент, говорил: «Я упал, но красиво!» Я учился уважению — когда видел, как дети поддерживали друг друга без лишних слов, просто взглядом или протянутой рукой.

Иногда родители спрашивали: чему именно мы учим? И я отвечал: мы учим тому, что ребенок сам однажды применит в жизни. Мы учим преодолевать страх. Мы учим уважать труд. Мы учим улыбаться, даже если трудно. Мы учим слушать — и слышать. Мы учим стоять прямо. Мы учим не отступать после неудачи. Мы учим верить в себя.

Цирк дает не только физическую подготовку — он дает ощущение, что ты способен на невозможное. Что ты можешь быть смелым. Что ты можешь быть красивым в движении. Что ты можешь быть нужным. И если ребенок однажды почувствует это — он понесет это ощущение через всю жизнь.

Вот в этом и заключалась философия Wonderful World of Circus. Мы создавали не школу трюков — мы создавали школу внутренней силы, радости, уважения и доброты. Школу, где ребенок учился быть человеком. И именно поэтому школа выросла в то, чем она стала — не просто ме-

стом для занятий, а живым, теплым, светлым миром, куда дети приходили не только тренироваться, но и жить, мечтать, находить друзей, становиться собой.

ПРИЗНАНИЕ И УСПЕХ

Есть моменты в жизни, когда ты понимаешь: то, что ты создавал годами, с заботой и сомнением, с надеждами и усталостью, наконец обрело собственную силу. И эта сила уже не зависит от тебя одного — она живет во всех, кто рядом. Так было и с нашей школой Wonderful World of Circus. Долгое время я не думал о признании, не ждал похвал, не искал подтверждений. Мы просто делали дело, в которое верили, и каждый день становился маленьким шагом вперед. Но однажды наступил момент, когда я почувствовал: школа не просто существует — она живет. И не только живет, но и становится частью культурной карты Канады.

Первые годы были как подъем в гору. Ты идешь, дышишь тяжело, но смотришь только на следующий шаг. Не видно вершины, не видно пути назад — есть лишь движение вперед. И этот путь был непростой: мы решали бытовые вопросы, собирали команду, формировали программу, обучали детей основам дисциплины, объясняли родителям, что цирк — это не опасное «шоу», а искусство воспитания. Мы убеждали, вдохновляли, объясняли, защищали. И иногда казалось: мы одни против огромного мира, который еще не знает, что нам есть что предложить.

Но постепенно школа стала притягивать людей сама собой. Сначала приходили дети знакомых, потом друзья

друзей. Потом начали появляться артисты, которые слышали о нас от коллег. Потом педагоги, которые хотели присоединиться к делу. И, наверное, самый первый момент, когда я почувствовал, что школа состоялась, был очень простой. Я вошел в зал и увидел, как дети занимаются сами — без крика, без напоминаний, без того, чтобы кто-то стоял над ними. Они повторяли элементы, подстраховывали друг друга, помогали младшим. И это было как тихое подтверждение: мы создали место, где дети хотят быть, хотят работать, хотят расти.

Но настоящий перелом я почувствовал на одном из первых больших концертов, которые мы провели в Торонто. Это было наше ежегодное шоу, где участвовали дети разных групп. Я стоял за кулисами и видел, как они готовятся: кто-то повторяет движения, кто-то улыбается и шутит, а кто-то смотрит в зал и не может поверить, что сегодня на него смотрят сотни зрителей. В этот момент я чувствовал: это не просто концерт — это рождение артистов.

И вот наступил момент выхода. Музыка зазвучала, свет ударил по арене, и дети пошли. Они шли уверенно — не потому что им сказали так идти, а потому что они верили в себя. И зритель поверил им. Аплодисменты были такими, что у меня перехватило дыхание.

После концерта ко мне подошли родители. Они говорили: «Спасибо, вы изменили наших детей». Я слышал это снова и снова — не всегда вслух, иногда взглядом, иногда в коротких письмах, иногда в том, как ребенок обнимал педагога. И каждый раз я понимал: мы сделали нечто большее, чем просто школу. Мы создали пространство, где люди меняются к лучшему.

Еще одним важным моментом признания было то, что к нам стали приходить артисты мирового уровня — не как гости, а как педагоги и партнеры. Когда в зале появлялись мастера своего дела — канатоходцы, акробаты, жонглеры,

эквилибристи — и говорили: «Мы хотим работать с вами», — я понимал, что школа стала центром, где цирковое искусство живет по-настоящему. Не как декоративное хобби, не как кружок при спорткомплексе, а как культурная сила.

Я помню, как однажды к нам пришел педагог из Европы, высококлассный акробат. Он посмотрел занятия, поговорил с детьми, походил по залу, понаблюдал за атмосферой. А потом сказал фразу, которая запомнилась мне на всю жизнь: «У вас здесь не школа. У вас здесь дом». И это было для меня самым ценным признанием. Потому что дом — это место, куда человек возвращается. И я видел, как дети спешили в зал после школы, как родители приходили раньше, чтобы посидеть на лавочке и посмотреть тренировки, как педагоги оставались после занятий обсуждать планы, как смех и энергия не уходили даже вечером, когда мы выключали свет.

Но, пожалуй, самым ярким моментом, когда я ощутил: «Да, мы сделали это», был день, когда наша школа впервые получила приглашение участвовать в крупном городском фестивале — как официальный участник, как признанный коллектив. Мы готовили номер долго, дети волновались, педагоги переживали. Но когда мы вышли на сцену, когда зал встал, когда после выступления к нам подошли организаторы и сказали: «Ваш номер — один из лучших», — я почувствовал, как внутри меня что-то успокаивается. Не гордость даже, хотя и она была, а именно спокойствие. Тихое, глубокое, настоящее. Мы сделали то, что казалось невозможным: мы создали школу, которая стала частью культурной жизни страны.

Еще одним подтверждением признания стал поток новых семей. Но они приходили не потому, что мы давали красивую рекламу. Они приходили по-другому — через истории. Одна мама рассказывала другой, что ее ребенок стал увереннее. Один отец говорил коллеге, что его сын

впервые перестал бояться выступать. И эта живая цепочка человеческих рассказов создала нам репутацию — честную, заслуженную, настоящую.

А потом пришел момент, который я запомню навсегда. К нам в школу приехал журналист из одного из крупных канадских изданий. Он долго расспрашивал, смотрел тренировки, общался с детьми. А через неделю вышла статья о том, что Wonderful World of Circus — уникальное явление, школа, где растят не только артистов, но и сильных, уверенных, светлых людей. И когда я держал газету в руках, мне казалось, что я держу знак от судьбы: школа встала на ноги.

Но признание не только в газетах, не только в фестивалях и аплодисментах. Признание — это когда ты видишь первый выпуск детей, которые выросли у тебя на глазах. Я видел, как они взрослеют, как меняется их взгляд, как они перестают бояться мира. Некоторые из них стали артистами. Некоторые — тренерами. Некоторые пошли совсем другими дорогами, но всегда возвращались в гости. И каждый из них говорил одно и то же: «То, что мы получили здесь, останется с нами на всю жизнь». И это, наверное, самая высшая награда, которую может получить педагог.

Когда я думаю о признании, я понимаю: оно приходит не в один день. Оно не как фейерверк, который вспыхивает и гаснет. Признание — это теплый свет, который постепенно наполняет пространство. Это та внутренняя уверенность, которая приходит тогда, когда ты видишь, что твоя работа приносит людям добро. Когда ты видишь, что дети становятся сильнее. Когда ты видишь, что педагоги работают с вдохновением. Когда в зале царит энергия, которую нельзя создать искусственно.

И однажды, спустя много лет, я стоял в нашем большом зале, смотрел на то, как тренируются новые дети — десятки, сотни детей из разных стран — и понял: да, мы сделали это. Мы создали место, куда хотят приходить. Место, кото-

рое стало частью жизни людей. Место, где цирк не просто учат — им живут.

Школа стала центром притяжения потому, что в ее основе была не только техника, не только акробатика, не только жонглирование или эквилибр. В ее основе был дух. Та самая невидимая сила, благодаря которой человек поднимается после падения, улыбается после трудностей, двигается вперед, даже если страшно. И пока этот дух живет в стенах школы, она будет жить дальше.

Вот тогда я впервые сказал себе: «Да. Мы сделали это». И, оглядываясь назад, я понимаю — это было одно из самых счастливых признаний в моей жизни.

СВЯЗЬ С РОДИНОЙ И ОСЕТИЕЙ

Когда человек покидает родину, он сначала думает, что пересекает границу на карте. Кажется, что ты уезжаешь от страны, от города, от привычных улиц, от друзей, от дома — но через какое-то время понимаешь: все эти границы внешние. Настоящая граница проходит внутри человека. Ты можешь уехать на другой континент, начать новую жизнь, обзавестись новым домом, новой работой, новыми людьми, но то, что впитано в детстве, в юности, в крови — оно остается с тобой. Оно переезжает вместе с тобой. И осетинская земля, и Москва, и Россия — все это всегда оставалось во мне где-то глубоко, как невидимый ориентир, как тихий компас, который показывает путь даже тогда, когда дорога незнакома.

Когда мы переехали в Канаду, жизнь закружила в своем ритме: работа, школа, постоянные заботы, новые встре-

чи, сотни обязанностей. И иногда казалось, что прошлое удаляется, как берег, который становится все меньше, пока корабль уходит в море. Но в какой-то момент я понял: сколько бы ни прошло времени, родина не исчезает. Она живет в языке, которым ты думаешь. В музыке, которую вдруг включишь вечером. В жестах, которые ты делаешь автоматически. В вкусе хлеба, который невозможно найти в чужой стране. В песнях, которые начинаешь петь при первой же встрече с земляками. В запахе горного воздуха — даже если ты чувствуешь его только в памяти.

Осетия — особая точка в моей душе. Там мои корни, моя фамилия, память о предках, о традициях, которые передавались из поколения в поколение. Когда живешь в Канаде, где люди со всего мира, начинаешь еще отчетливее понимать, кто ты. Откуда твой характер. Почему ты не сдаешься. Почему уважаешь старших. Почему слово — это слово, а честь — не пустой звук. Я видел: другие народы тоже несут свои внутренние коды, но осетинская культура — она как скала, в которой не меняется главное. И эту скалу я носил внутри.

Я часто вспоминал дом, где мы собирались большой семьей. Вспоминал пустыни Алании, горы, холодный воздух, который будто звенит, когда выйдешь утром на улицу. Вспоминал песни стариков, рассказы о трудных годах, о войне, о тех, кто стоял на границе не просто земли, но человеческого достоинства. И всегда понимал: я вышел из этой земли. И где бы я ни жил, эта земля жила во мне.

Связь с родиной не пропадает сама по себе — ее нужно беречь, как огонь. Я старался поддерживать ее всеми способами. Общался с родственниками. Смотрел новости. Звонил друзьям. Иногда приезжал — и каждый такой приезд был как дыхание свежим воздухом. Но даже если годы проходили без поездок, в душе оставалась ниточка, которая не рвалась. Она была тонкая, но крепкая, как стальная струна.

В Канаде я часто встречал земляков — артистов, спортсменов, ученых, просто людей, которые нашли свой путь далеко от дома. И каждый раз, когда мы начинали говорить, чувствовалась эта удивительная близость. Независимо, сколько лет ты живешь в другой стране — когда встречаешь человека из Осетии, вы как будто видели друг друга вчера. Это невозможно объяснить словами. Есть что-то глубинное, что объединяет людей, чьи корни растут в одной земле.

Мой цирковой путь тоже играл роль в сохранении связи с родиной. Артисты из Осетии приезжали к нам, выступали, работали, делились своим мастерством. Когда я смотрел на их номера, слышал их речь, чувствовал их темперамент — это напоминало мне о доме. И многие из них приносили в школу ту самую осетинскую прямоту, силу, честность, преданность делу. Эти качества настолько естественны для нас, что мы порой даже не замечаем их — но в другой стране они становятся особенно заметными. И наши канадские ученики тоже чувствовали эту силу, она передавалась им через атмосферу, через стиль, через отношение к работе.

В школе Wonderful World of Circus я иногда ловил себя на том, что учу детей не только технике, но и тем ценностям, которые привил мне дом. Я говорил о дисциплине, о чести, о взаимной поддержке. О том, что артист должен быть не только сильным, но и добрым. Не только гибким, но и честным. Не только смелым, но и уважительным. И каждый раз, когда я произносил эти слова, я понимал: это не только цирковые правила. Это часть нашего осетинского мировоззрения — уважать старших, оберегать младших, держать слово, помогать тому, кто рядом. И, наверное, именно поэтому многие родители говорили нам потом: «Ваши занятия меняют детей. Они становятся мягче, спокойнее, увереннее». Я знал, что в этом есть и частичка нашей культуры.

Иногда, когда заканчивался долгий день, когда школа пуста и оставались только звуки выключающегося света и мягкий запах мата, я садился на лавочку и вспоминал дороги Осетии. Вспоминал, как по вечерам воздух над горами становится плотным, как туман стелиться по склонам, как звезды появляются так ярко, будто их можно достать рукой. И эти воспоминания не были грустью — скорее тихой благодарностью. За то, что у меня был дом, который дал мне все, чтобы я мог выстоять в трудные моменты.

Иногда я спрашивал себя: почему связь с родиной так важна, если человек живет далеко? И со временем нашел ответ. Родина — это не просто место, где ты родился. Это точка твоей внутренней опоры. Это то, что не меняется, когда меняется все вокруг. Это память о людях, которые тебя научили любить жизнь, уважать труд, держать удар. И когда ты на чужой земле сталкиваешься с трудностью, инстинктивно ищешь эту опору. Ты вспоминаешь, как тебе говорили в детстве: «Не сдавайся». Или как старшие учили: «Сначала подумай, потом делай». Или как отец говорил: «Держи спину ровно». Эти простые фразы становятся оружием, которое помогает выстоять.

Одним из сильнейших моментов связи с родиной для меня был день, когда я увидел, что в нашей школе дети с интересом слушают рассказы о Кавказе, о традициях, о наших обычаях. Они спрашивали, как живут люди в Осетии, чем отличаются праздники, какие песни поют. И я осознал: связь с родиной — это не только про себя. Это про то, что ты передаешь дальше. Что ты сохраняешь и передаешь детям, которые растут в другой стране, с другими друзьями, с другим языком. Но когда они слышат про осетинские пиры, про уважение к старшему, про умение защищать слабого, про честность и трудолюбие — они узнают в этих словах что-то, что близко любому человеку. И это удивляло меня каждый раз.

Осетия учила меня стойкости. Россия — масштабу. Канада — терпимости. И когда эти три нити собрались в моей жизни в один узел, я понял: человек богат тогда, когда у него много корней. Один корень — это устойчивость. Два — это сила. А три — это дерево. И это дерево уже не сломать ветром. Оно может наклониться, может потерять листья, может пережить бурю — но оно будет стоять, потому что корни глубоко.

Живя в Канаде, я никогда не чувствовал себя оторванным. Я чувствовал себя расширенным. Мое сердце стало шире — в нем хватало места и для родины, и для новой земли. И время показало: это не два мира. Это один. Они не противоречат, не вытесняют друг друга — наоборот, они дополняют. Родина дает корень. Новая страна — крылья. И когда у человека есть и то, и другое, он может лететь выше, чем думал.

Сегодня, оглядываясь назад, я понимаю: связь с Осетией не ослабла ни на день. Она была со мной в каждом выступлении, в каждом уроке, в каждом совете, в каждом успехе. Она была в том, как я добивался своих целей. В том, как относился к ученикам. В том, как держал слово. В том, как переживал за родных. В том, как помогал другим. И я благодарен судьбе за то, что смог сохранить эту нить между двумя мирами. Нить, которую не рвут расстояния. Нить, которую держит сердце.

КАНАДА В МОЕМ СЕРДЦЕ

Если задуматься, что такое Канада в моем сердце сегодня, то невозможно дать короткий ответ. Она не сводится к понятию «новая родина», но и не остается просто страной, в которой сложилось жить удобнее, спокойнее, увереннее. Канада стала частью моего жизненного пути — не как география, а как состояние духа. Вначале я думал, что приехал сюда потому, что судьба подтолкнула. Потом — что это был рациональный шаг: работа, перспективы, безопасность. Но с каждым годом я понимал, что Канада — это не пункт назначения. Это этап пути, который помог увидеть все пройденное иначе, глубже, объемнее.

Когда ты растешь в Советском Союзе, в Осетии, в Москве, когда становишься артистом, спортсменом, когда вокруг тебя жизнь кипит так, что не хватает времени даже подумать — кажется, что весь мир устроен примерно одинаково. Какие бы страны ты ни посещал, какие бы гастроли ни переживал — ты все равно смотришь на мир глазами человека из своей культуры. А потом приезжаешь в Канаду — и вдруг замечаешь, что тебя не заставляют менять себя. Наоборот, здесь ты впервые понимаешь: у каждого человека есть право быть самим собой. И это не просто слова — это воздух, которым ты дышишь.

В первые годы я думал, что Канада станет временным пристанищем. Местом, где мы закрепимся, пока школа растет, пока ребенок подрастает, пока жизнь успокаивается. Но чем дольше я жил здесь, тем яснее понимал: Канада не держит человека силой. Она открывает перед ним простор, и человек сам решает, останется он или нет. Поэтому те, кто остается, остаются сердцем. Я остался сердцем.

Если описать Канаду одним словом, я бы назвал ее «тишиной». Не той, что пустая или холодная, а той, что глу-

бокая, наполненная, способная успокаивать. Осетия — корни. Россия — величие, простор. Цирк — напряжение, движение, огонь. А Канада — тишина, которая постепенно настраивает душу, как инструмент, заставляет слышать себя. И эта тишина не от расстояний, не от лесов, не от огромных озер. Она от уважения, которое живет в людях. От терпимости, которая не требует доказательств. От способности общества существовать без искусственного шума.

Но Канада не стерла во мне горы Осетии и ритм Москвы. Наоборот, она позволила мне впервые посмотреть на свою жизнь со стороны. Как если бы ты поднялся на вершину — не ту, что в горах, а внутреннюю — и увидел путь, который прошел. Не фрагменты, не отдельные моменты, а именно путь целиком. И тогда начинаешь понимать, зачем были трудности. Зачем были перемены. Зачем была эмиграция. Зачем судьба вывела тебя именно сюда.

Иногда я думаю, что все, что происходило — это движение по длинной горной тропе. В юности ты идешь быстро, скачешь, спотыкаешься, не замечаешь ни обрывов, ни камней. Потом жизнь ускоряется, и ты несешься вперед, как будто за тобой гонится ветер. Но рано или поздно наступает момент, когда ты выходишь на просторное плато — и там уже не надо бежать. Можно остановиться. Можно оглянуться. Можно вдохнуть глубоко и увидеть: все было ради того, чтобы ты оказался здесь.

Канада стала для меня именно таким плато — местом, где ты впервые можешь посмотреть на свою жизнь не как на серию событий, а как на путь, который имеет смысл. Пусть этот смысл не всегда понятен сразу, пусть он раскрывается через десятилетия — но он есть. И сегодня я уже знаю: ни один шаг не был случайным.

Иногда меня спрашивают: считаю ли я Канаду своей родиной? И я отвечаю так: родина — это корень. А путь — это ветви. Корень у меня один — Осетия. Позже

я пустил глубокие корни в Москве — там прошли годы формирования, становления, борьбы, побед. Но Канада стала почвой, в которой эти корни смогли расправиться, углубиться и, самое главное, продолжить расти. Она не пыталась заменить прошлое. Она дала возможность продолжить путь.

Канада — это место, где пришлось снова учиться. Не только языку, но и терпению. Не только работе, но и внутренней мягкости. В России и Осетии мы привыкли жить так: если трудность — нужно преодолеть ее силой. В Канаде учишься преодолевать терпением. Не ломать проблему, а обходить ее. Не давить, а слушать. И от этого внутри появляется удивительная устойчивость — не от напряжения, а от благородства духа.

Когда я смотрю на свои годы в Канаде, то понимаю, что она стала для меня доказательством: путь человека не ограничивается одним пространством. Он гибкий, живой, как река. Иногда она сужается, иногда разливается, иногда подмывает берега, иногда кажется спокойной — но главное, что она течет. И Канада стала частью моего русла. И частью того, как я понимаю жизнь.

Есть одна вещь, которую я понял уже спустя годы: судьба не делит страны на «свои» и «чужие». Она дает человеку разные пространства, чтобы тот мог увидеть себя под разными углами. В Осетии я научился стойкости. В России — профессионализму и характеру. В цирке — дисциплине и смелости. В Канаде я научился тому, чего не хватало раньше: внутреннему равновесию.

Наверное, поэтому для меня Канада — это вершина. Не вершина в смысле конца пути, а в смысле точки обзора. Это место, где видно, что было важным, а что — случайным. Где видишь, что ошибки были не поражениями, а уроками. Что разочарования были необходимыми, чтобы не потерять себя. Что успехи приходили тогда, когда ты слушал сердце, а не шум вокруг.

Но вершина — это не остановка. Это только шанс увидеть дорогу, по которой еще предстоит идти. И теперь я понимаю: путь не заканчивается эмиграцией, не заканчивается школой, не заканчивается годами, даже не заканчивается достижениями. Путь — это то, чем наполнена внутренняя жизнь человека. Это то, что движет им вперед, даже когда силы заканчиваются. Канада дала мне возможность увидеть, что все, что я делал — не исчезло, не растворилось. Оно стало частью того, кем я стал. И, наверное, именно это самое ценное. Когда оглядываешься назад и не чувствуешь сожалений. Когда понимаешь: ты прожил жизнь честно. Не идеальную — но честную. Не без ошибок — но с достоинством. И дальше идешь не из страха, не из необходимости, а из внутренней благодарности. Если бы мне пришлось описать Канаду одним образом, я бы сказал: она как раннее утро на берегу озера. Вода тихая, воздух прозрачный, солнце поднимается медленно, и ты стоишь, чувствуя, что мир велик, но в этом величии есть место и для тебя. Именно так я ощущаю эту страну — как простор, который дал мне возможность продолжить путь. Как тишину, которая научила слышать себя. Как дом, который не требует отказа от прошлого, а бережно принимает его.

Но в сердце моем Канада и Осетия не противопоставлены. Они обе — части одного большого пути. И этот путь продолжается. И если представить себе вершину, с которой видно пройденное, то с нее видно многое: и горы, где я родился, и манеж, где я впервые почувствовал силу зрительского дыхания, и цирковые арены по всему миру, и канадские дороги, по которым я ехал, думая: куда приведет судьба дальше? И, стоя на этой внутренней вершине, я говорю себе тихо: «Спасибо. За путь. За силу. За людей. За возможность начинать заново. За то, что я все еще иду».

И, может быть, именно это и есть смысл пути — идти дальше, сохраняя сердце открытым. И ничего не бояться.

ГЛАВА 10.

СООТЕЧЕСТВЕННИКИ

РОЖДЕНИЕ ИДЕИ СОВЕТА

Иногда большие истории начинаются не с громких заявлений и не с тщательно продуманного плана. Часто все рождается из одного разговора, сказанного спокойным тоном, из неяркого, но искреннего предложения, в котором человек слышит не просто слова, а приглашение к пути, к ответственности, к делу, которое невозможно оставить. Так было и в тот день, когда ко мне подошел Валерий Токмаков — человек, которого в русскоязычной Канаде знали практически все. Он был не только продюсером и режиссером Tokmakov TV Productions, независимой телекомпании, которая долгие годы была культурным мостом между Россией и Канадой, но и человеком редкой энергии, внутреннего огня и удивительной способности смотреть дальше горизонта. Его передача «Русские волны» давно стала голосом нашей диаспоры, ее хроникой, ее открытым дневником, куда попадали и радости, и тревоги, и надежды тех, кто оказался вдали от дома.

Он подошел ко мне как к старому знакомому, хотя мы виделись тогда не так часто, и сказал почти буднично, хотя в его голосе чувствовалась та самая нота, которая появляется, когда человек говорит о деле, которому верит: «Олег, надо поговорить. Есть кое-что, что может быть важно». Эти слова стали точкой отсчета для того, что впоследствии стало идеей Совета российских соотечественников — огромной, живой и глубоко нужной структуры, объединившей людей, судьбы, истории и усилия.

Когда он объяснил суть своего предложения — вступить в союз соотечественников, — я сначала воспринял это как простое участие в общественной деятельности. Но чем дольше мы разговаривали, тем яснее становилось: речь идет не о формальном членстве, не о еще одном пункте биографии, а о возможном пути служения. Он говорил о нашем участии в помощи детям Беслана, о поддержке ветеранов, о той работе, которую мы с Таней уже много лет вели, популяризируя русскую культуру и прежде всего — русский цирк в Канаде и США. Тогда я впервые услышал от него ту мысль, которая в будущем стала одной из главных: «Мы должны сохранять и нести то, что делало нас сильными дома. Культура — это корни. А без корней человек начинает растворяться».

Это были не просто правильные слова — они были правдой, которую я чувствовал на собственной жизни. Никакая эмиграция, никакое расстояние и никакие новые реалии не отменяют внутреннего долга — сохранить то, что тебе дано, и передать это дальше тем, кто растет уже на другой земле, среди других школ, других привычек, другого мира.

Его предложение стало возможным не только благодаря человеческой инициативе, но и благодаря рекомендации Георгия Энверовича Мамедова — тогдашнего Чрезвычайного и Полномочного Посла России в Канаде. Чтобы я мог войти в Совет, он дал обо мне отзыв, в котором под-

черкнул нашу деятельность, направленную на воспитание детей, на развитие культурных связей, на создание у диаспоры чувства единства. Это доверие я ценю до сих пор.

А окончательную уверенность придало поручительство Александра Сергеевича Дзасохова, президента Северной Осетии–Алании, с которым меня связывали долгие годы уважения, общих дел и духовной родины. Когда человек такого масштаба говорит: «Этому человеку можно доверить культуру наших соотечественников», — это не просто рекомендация. Это ответственность, которую чувствуешь как тяжесть и как честь одновременно.

Так я оказался внутри большого дела, которое начиналось с инициативы нескольких людей, но быстро стало общим. В Совете у каждого была своя роль. Мне поручили направление искусства и культуры — естественно, учитывая, что к тому времени наша цирковая школа стала одним из ярких центров притяжения русскоязычной молодежи. Мы не только учили ребят цирковому мастерству — мы учили уважению к традиции, к русской школе хореографии, акробатики, пластики; учили дисциплине и характеру, который каждый ребенок выносил с собой даже если впоследствии выбирал другой путь.

За театральное направление отвечала Элла Железнова — человек с потрясающим чутьем на талант и редкой способностью открывать для канадской публики артистов из России. Она была проводником между двумя мирами. Благодаря ей в Канаду приезжали театральные коллективы, певцы, знаменитые артисты, которые иначе никогда бы не увидели этих сцен и не смогли бы донести до эмигрантов тот воздух, который пахнет родиной. Элла умела говорить с театром его языком — уважительным, точным, интонационно безупречным, а с людьми — языком сердца.

Но как бы ни делились обязанности, общее направление было ясным для всех нас: Совет создавался не ради

собственных имен или формальных мероприятий. Его задача была глубже — стать точкой опоры для множества людей, живущих в новой стране, пытающихся сохранить самоощущение, язык, культуру, внутреннюю связь с теми землями, где прошло их детство, где живут их родители, где находятся могилы предков.

То, что начиналось как инициатива нескольких человек, вскоре оформилось в структуру, которая обрела ясные цели и задачи. Среди них были — содействовать развитию культурных и экономических связей между Россией и Канадой; помогать тем, кто только приехал, сделать первые шаги в адаптации; поддерживать национальную самобытность, помогать сохранить язык и культурный код; представлять интересы русскоязычной диаспоры перед муниципальными, провинциальными и федеральными органами двух стран; укреплять связи между людьми разных поколений и убеждений; передавать молодежи культурное наследие, чтобы они понимали: быть русскоязычным — это не просто иметь определенный язык, это иметь историю, смысл, биографию народа.

В этой работе не было ничего случайного. Когда мы думали над тем, каким должен быть центральный офис Совета, мы представляли себе не просто административное помещение, а место, где можно было организовывать встречи, семинары, лекции, мероприятия по искусству, культуре, спорту. Офис в Торонто стал точкой притяжения не только для русскоязычных жителей города, но и для тех, кто приезжал из других провинций. Там рождались новые проекты, там обсуждались инициативы, там возникала та энергия, которая делает любое общественное дело живым.

Не менее важную роль сыграли интернет-ресурсы и СМИ. Мы понимали: если у человека не хватает информации, он начинает чувствовать себя одиноким. Поэтому Совет создавал русскоязычные и англоязычные публика-

ции, держал связь с людьми, жил в ритме их забот. Для многих это стало окном в мир своей диаспоры — способом чувствовать себя частью большого сообщества.

Отдельным направлением стала русская публичная школа. Это была не просто образовательная идея — это была борьба за то, чтобы дети, родившиеся в Канаде, не потеряли связи с корнями. Когда малыш впервые произносит русские слова в канадской школе — это маленькое чудо. Это маленький мостик между мирами, и он может оказаться очень важным для его будущей идентичности.

Мы проводили встречи с родителями, объясняли им: язык — это не только средство общения, это способ мыслить, способ чувствовать. Потеря языка — это всегда потеря части себя. Поэтому школа стала одним из самых трогательных и важных проектов Совета.

Когда вспоминаю те первые годы, я вижу перед собой не собрания, не документы, не списки задач. Я вижу лица — тех, кто приходил на наши мероприятия, тех, кто благодарил за помощь, тех, кто просто нуждался в понимании. У кого-то были бытовые сложности, у кого-то — проблемы с документами, у кого-то — тоска по дому и непонимание, как жить дальше. Люди приходили к нам не как к чиновникам, а как к тем, кто может услышать и поддержать.

В какой-то момент я понял, что Совет — это не организация. Это — мост. Мост между странами, мост между поколениями, мост между прошлым и будущим. Мы не спорили о политике, не делили людей на лагеря. Мы объединяли их вокруг главного: культуры, искусства, памяти, языка, взаимопомощи.

И, пожалуй, самая удивительная мысль, которая жила во мне все это время: никто из нас не пришел в Совет ради собственной выгоды. Мы пришли, потому что понимали — если не мы, то кто? Если мы не протянем руку тем, кто оказался между культурами, между мирами, между прошлой и новой жизнью, то кто это сделает?

За годы работы в Совете я видел, как люди, которые приходили к нам растерянными, через какое-то время становились волонтерами, организаторами, активными участниками. Они начинали чувствовать себя нужными. Они начинали строить свою новую жизнь, не теряя старой.

Когда я оглядываюсь назад, я с теплом понимаю: идея Совета не была запланированной кампанией. Она родилась из желания помочь конкретным людям. Но именно такие идеи иногда и становятся самыми большими. Они живут дольше тех, кто их начинал. И в этом есть что-то удивительно правильное: судьба диаспоры — это всегда коллективное дыхание. И если людям удастся вдохнуть в него силу, тепло и взаимопонимание, значит, они сделали главное.

ПЕРВЫЕ ШАГИ И УЧАСТНИКИ. О ЦЕЛИ И МИССИИ

Если закрыть глаза и попытаться вернуть в памяти самые первые дни работы Совета, то вспоминаются не столько документы, не столько протоколы и списки дел, сколько люди — их лица, их голоса, их неподдельная вовлеченность. Все начиналось удивительно просто: несколько человек, каждый со своим опытом, своей судьбой, своим пониманием того, что значит жить вдали от родины, собирались в маленьких комнатах, в офисах, иногда — на кухнях, чтобы обсудить одно: что мы можем сделать для тех, кто оказался здесь, так же как мы когда-то, среди чужого города, чужого языка и иной системы жизни?

У истоков Совета стояли люди очень разного склада — режиссеры, общественные деятели, предприниматели, музыканты, педагоги, представители СМИ. Каждый приносил в эту еще не оформленную организацию то, что знал и умел лучше всего. Среди них были те, кто давно жил в Канаде, уже успел пройти свой путь адаптации, найти себя, построить дом и карьеру; были и те, кто еще помнил свою недавнюю растерянность, тепло первых поддерживавших людей, ту самую руку помощи, которая когда-то помогла не опустить голову.

Валерий Токмаков — человек, сумевший создать медийный мост между двумя странами, — был одним из главных инициаторов. Своей энергией он напоминал человека, который видит далеко вперед, и именно он задавал тон обсуждениям: честный, открытый, деловой. Элла Железнова, влюбленная в театр, в артистов, в приезжающие из России труппы, была той, кто сразу же начала думать не о структуре, а о людях: как поддержать талантливых артистов в эмиграции? Как помочь им не потеряться, не раствориться в бесконечной занятости канадской жизни, где каждый занят работой и бытовыми проблемами? С ее приходом в Совет появилось ощущение духовного тепла — она умела слушать и слышать.

Были среди нас и представители бизнеса, и преподаватели, и журналисты, и те, кто просто хотел помочь — без громких ролей, без стремления к видимости. Они приносили в наши собрания свой опыт жизни: кто-то знал, как работать с канадскими учреждениями, кто-то — как выстроить диалог внутри общины, кто-то — как организовать культурные вечера, концерты, выставки. И все это соединялось в одно большое целое.

Первые шаги были простыми, почти наивными, но в этом была их сила. Мы собирались за круглым столом и обсуждали: что нужно людям прямо сейчас? Нужна информация? Значит, будем создавать информационный

ресурс. Нужна помощь в адаптации? Значит, пригласим специалистов, чтобы они объясняли тонкости канадской системы. Нужна площадка, где можно встретиться, поговорить, услышать свой язык, почувствовать связь с другими? Значит, будем организовывать вечера, встречи, лекции, мероприятия.

Эти собрания напоминали смесь мозгового штурма и семейного совета. Кто-то предлагал идеи, кто-то спорил, кто-то задавал вопросы, которые заставляли всех остановиться и подумать. Но важнее всего был дух, который царил среди людей: дух доверия и общего дела. Никто не поднимал вопрос: «Что я получу?» Все думали иначе: «Чем я могу помочь?»

Иногда казалось, что мы — маленькая команда, взявшаяся за огромную работу. Но это чувство не пугало. Наоборот, оно объединяло. Мы понимали, что не сможем сделать все сразу, но сможем начать с главного — с людей, которые живут рядом, ходят по этим же улицам, воспитывают детей в этих же школах, но каждый день сталкиваются с той же внутренней дилеммой: как сохранить себя, не потеряв связь с тем культурным миром, который сформировал личность?

Именно тогда мы впервые всерьез заговорили о миссии Совета. Было ясно: наша работа не может быть узкой. Невозможно заниматься только культурой или только социальными вопросами. Русскоязычная диаспора — это живой организм, и у него много потребностей, каждая из которых важна.

Так родилась формула, которая впоследствии стала официальной, но в душе каждого из нас жила с самого начала: Совет существует для того, чтобы соединять, поддерживать, защищать и сохранять.

Мы сформулировали наши цели — сначала не на бумаге, а в сердце.

Первое — содействовать развитию культурных и экономических связей между двумя странами. Это было важ-

но, потому что любая культурная инициатива в Канаде, любая творческая поездка из России, любой проект требовали диалога, понимания особенностей обеих сторон. Мы становились посредниками, переводчиками культур, тех, кто умел объяснить одну реальность другой.

Второе — оказывать реальную помощь соотечественникам, как тем, кто только приехал, так и тем, кто живет здесь десятилетиями. Помощь могла быть разной: консультации, советы, поддержка документов, знакомства с нужными людьми, участие в мероприятиях, психологическая поддержка. Иногда человеку нужно было буквально одно теплое слово, и этого хватало, чтобы он почувствовал себя не чужим.

Третье — поддерживать национальную самобытность, связь с родной культурой. Это значило — защищать язык, поддерживать художественные инициативы, популяризировать русское искусство, литературу, музыку, цирковую школу, театральные традиции. Это значило — не дать раствориться в огромном канадском культурном пространстве, не дать молодому поколению потерять связь с наследием своих родителей.

Четвертое — представлять интересы диаспоры перед структурами Канады и России. Это уже была задача взрослого, системного уровня. Мы понимали, что сообщество должно иметь голос, который слышат. Голос, который говорит не о частных проблемах, а о жизни десятков тысяч людей.

Пятое — способствовать взаимопониманию внутри самой общины. Диаспора неоднородна. Кто-то приехал из Москвы, кто-то из Сибири, кто-то с Кавказа, кто-то из Украины, Белоруссии, Прибалтики. Люди говорят на разных диалектах, исповедуют разные традиции, но все — русскоязычные. Наша задача была — не разделять, а объединять. Не подчеркивать различия, а находить общие точки соприкосновения.

Шестое — заботиться о преемственности поколений. Это означало: дети должны знать язык, должны иметь возможность читать русские книги, слушать русскую музыку, видеть спектакли, понимать традиции своих предков. Когда ломается связь поколений, община начинает растворяться. Поэтому мы так серьезно относились к русской публичной школе — она стала не просто образовательным проектом, а настоящим фундаментом, на котором можно было строить будущее.

Седьмое — знакомить зарубежную аудиторию с лучшими образцами российского искусства. В Канаде русская культура всегда воспринималась с интересом: людям нравились наши танцы, наши певцы, наши цирковые артисты, наши фильмы, наши выставки. Но мы понимали, что знакомить — это не просто привезти концерт. Это — рассказывать, объяснять, создавать контекст. Когда канадский зритель смотрит на то, что сделано на основе вековой традиции, он начинает по-другому понимать народ, стоящий за искусством.

Постепенно структурные решения оформлялись. Мы определили, что в Торонто должен быть центральный офис — не только административный, но и культурный центр, который мог бы стать домом для обсуждений, подготовок, мероприятий, встреч. Мы разработали интернет-ресурсы, ориентированные сразу на два языка — русский и английский. Мы понимали: диаспора должна говорить со странами вокруг, иначе мы замкнемся сами в себе.

Работа становилась все масштабнее. И все же ощущение оставалось прежним: мы — сообщество людей, которые решили делать добро, не требуя за это наград. В этом была наша сила, наш стержень.

Если говорить честно, идея Совета не родилась из готового плана. Она родилась из желания помочь — простого, искреннего, человеческого. Люди приходили к нам с разными историями: кто-то бежал от трудностей в родной

стране, кто-то искал спокойствия, кто-то приезжал ради детей, кто-то — ради работы. Но всех объединяло одно: чувство одиночества перед новой жизнью. Совет стал тем местом, где это одиночество начинало растворяться.

Вырастая из простого желания помочь, Совет стал структурой, имеющей и задачи, и миссию, и инструменты. Но в самом сердце его всегда оставалось то, что было в первых шагах: тепло, человечность, вера в то, что культура соединяет людей, делает их ближе, делает их сильнее.

Вспоминая эти годы, я понимаю: то, что мы тогда создавали, было не столько организацией, сколько сообществом. Люди приходили к нам, потому что чувствовали — мы не формальная инстанция. Мы — те, кто когда-то сам прошел этот путь. Те, кто знает, что значит смотреть на мир глазами человека, который живет между двух культур. Те, кто не только говорит о помощи, но действительно помогает.

И, возможно, именно поэтому Совет рос. Потому что мы создавали не структуру — мы создавали пространство. Пространство, где русскоязычный человек в Канаде снова становился не просто единицей, потерянной среди миллионов, а частью большой истории, у которой есть достоинство, память и будущее.

ПОМОЩЬ ВЕТЕРАНАМ. О ПРОГРАММЕ ПОМОЩИ ДЕТЯМ БЕСЛАНА

Когда мы говорим о деятельности Совета соотечественников, то очень легко раствориться в общих словах — о миссии, о культурных связях, о диалоге стран и поколений. Но истинная ценность этой работы всегда проявлялась в конкретных людях. В тех, кому ты мог помочь прямо сейчас. В тех судьбах, которые по-настоящему менялись благодаря нашему участию.

И если оглядываться назад, то среди всего, что мне довелось сделать в рамках Совета, два направления до сих пор остаются самыми личными и самыми эмоционально сильными: помощь ветеранам Великой Отечественной войны и программа реабилитации детей Беслана. Эти истории жили в моей памяти годами, и каждая из них оставила след, который не исчезнет.

Когда я впервые узнал, что в Канаде живет довольно большое число ветеранов Великой Отечественной войны, я был поражен — не тем, что они здесь есть, а тем, насколько тихо и незаметно они существовали среди миллионов жителей большой страны. Эти люди, когда-то стоявшие на передовой, спасавшие мир от ужасов войны, жили в эмиграции без признания, без государственной поддержки, зачастую со скромными средствами и с той горькой мыслью, что их подвиг растворился в бесконечной дистанции между континентами.

Каждая встреча с ветеранами была словно разговор с историей. Они не жаловались, не просили — они рассказывали. Как шли по снегу под Курском. Как наступали под Сталинградом. Как хоронили друзей под Варшавой. У каждого из них была судьба, написанная огнем, но никто

из них не говорил о себе как о герое. И, может быть, именно поэтому я почувствовал — мы обязаны сделать все, чтобы они получили то, что им принадлежит по праву.

Когда встал вопрос о восстановлении документов и оформлении российских пенсий для ветеранов, оказалось, что это не только юридически сложный процесс — это еще и эмоциональная работа, требующая терпения, такта и времени. Некоторые документы были утеряны, другие — повреждены, третьи — требовали подтверждений из России. Казалось бы, бюрократическая задача, но за каждой бумажкой стояла человеческая жизнь.

Мы собирали справки, переписывались с архивами, контактировали с министерствами, помогали ветеранам заполнять заявления, объясняли им суть каждого шага. Иногда процесс занимал месяцы, но ни один ветеран не был оставлен без внимания.

Большую помощь оказал Питер Кент, депутат парламента Канады от Консервативной партии. Он поддержал нашу инициативу с искренним уважением и удивительным тактом. Помню его слова: «Мы должны сделать все, чтобы эти люди получили то, что заслужили». Он подчеркивал, что уважение к ветеранам — это не вопрос политики, а вопрос чести. И благодаря его участию многие процессы ускорялись, упростились, а иногда — просто становились возможными.

И вот наступал тот день, когда мы приходили к ветерану с письмом, в котором было официальное подтверждение: российская пенсия назначена. Эта минута была не деловой — она была человеческой. Взгляд ветерана менялся. Он держал этот документ аккуратно, будто это не бумага, а символ того, что его подвиг помнят, что его родина не забыла его, что его жизнь значима.

Несколько раз я видел слезы — тихие, мужские, сдержанные. Люди, прошедшие фронт, редко плачут. Но это были слезы благодарности и облегчения.

Каждый раз, уходя из дома ветерана, я чувствовал, что сделал не просто общественное дело — я помог человеку вернуть ощущение сопричастности к своей стране, к своей истории. И это ощущение останется со мной навсегда.

Но если говорить о самой эмоционально трудной и одновременно самой светлой странице нашей работы, то это, без сомнения, программа помощи детям Беслана.

Трагедия в Беслане расколола сердца миллионов людей. Она не имела национальности, политических окрашиваний, границ — это была общечеловеческая боль. Когда стало ясно, что дети нуждаются в реабилитации, в возможности хоть на время выйти из тени той жуткой раны, которую оставило нападение, мы понимали: молчать нельзя.

Русскоязычная община Канады объединилась удивительно быстро. Люди приносили пожертвования, предлагали жилье, предлагали свою помощь, транспорт, медицинские консультации — все, что могли. Не было ни одного равнодушного. Это был момент, когда мы увидели, насколько сильна община, когда дело касается жизни детей.

Когда дети приехали в Торонто, весь город будто стал мягче. Их встречали не как гостей, а как родных. Их улыбки были редкими, осторожными, будто забытыми, но постепенно — день за днем — эти улыбки возвращались.

Они приходили в мою цирковую школу. Я до сих пор помню, как они впервые увидели арену, снаряды, реквизит, номера. На их лицах появилась та самая искра, которую невозможно сыграть — детское удивление, искреннее и живое. Они ходили на наши выступления, аплодировали, пробовали себя в простых акробатических упражнениях. Иногда спрашивали: «Можно еще?» И в эти моменты я понимал, что цирк действительно лечит. Он не стирает трагедию — но он возвращает ребенку чувство жизни, движения, игры, свободы.

Мы возили их на телевизионную вышку Торонто — CN Tower. Я видел, как они смотрели вниз через стеклянный

пол: кто-то смело, кто-то осторожно, а кто-то просто сидел рядом, наслаждаясь высотой. Мы ездили с ними на Ниагарский водопад, где они стояли под завесой водяного тумана и кричали от восторга.

Эти поездки были не развлечением — они были возвращением к миру. Каждый такой момент говорил им: да, жизнь продолжается, и в ней еще есть место радости.

Прошли годы. Дети выросли, стали взрослыми людьми, у которых своя жизнь, свои семьи, свои дороги. И все же, встречая меня во Владикавказе много лет спустя, они говорили одно и то же: «Мы помним, как нас приняли в Канаде. Мы помним вашу цирковую школу. Мы помним, как вы были с нами».

Эти слова — лучше любой награды. Нет ничего более ценного, чем знать, что ты стал частью чьего-то пути, что твоя забота осталась в чьей-то памяти добрым, теплым светом.

Что значили для меня эти программы?

Если говорить честно, я никогда не воспринимал помощь ветеранам и детям Беслана как общественную работу. Для меня это было продолжением того, чему учил меня цирк: человек должен быть человеком. Человек должен протянуть руку другому, если может.

И когда я думаю об этом сегодня, я понимаю: именно такие дела и создают настоящую ткань диаспоры.

Это не мероприятия, не выступления, не протоколы Совета.

Это — живые судьбы.

Это — благодарности, которые не произносятся вслух, но чувствуется сердцем.

Это — тот момент, когда взрослый человек впервые получает заслуженную пенсию.

Это — тот миг, когда ребенок после трагедии впервые смеется над цирковым номером.

Вот ради чего все это делалось.

О СПЛОЧЕННОСТИ РУССКОЙ ОБЩИНЫ

За годы, проведенные в Канаде, я видел, как менялась и росла русскоязычная община. Это было не мгновенное движение, не вспышка, а долгий, глубокий процесс, похожий на то, как медленно формируется река: сначала маленькие ручейки, потом — потоки, которые соединяются в один большой водный путь. И именно на моих глазах эта община проходила путь от разрозненных групп, которые жили каждый своей судьбой, до крепкого, осмысленного и сильного сообщества, которое ощущает свое достоинство, свои корни и свою культурную миссию.

Когда-то люди приезжали сюда осторожно, словно прислушиваясь к новой стране. Они селились в разных районах, искали работу, пытались найти свои дороги. Мало кто думал о диаспоре как о живом организме. У всех были свои заботы, свои трудности: работа, дети, документы, попытки понять менталитет новой страны. И все же постепенно, почти незаметно для самих себя, люди начали объединяться. Их притягивало то, что невозможно отменить: общая память, общая культурная матрица, общий язык, который слышишь среди незнакомых улиц и вдруг чувствуешь — вот, есть рядом кто-то, кто понимает тебя с полуслова.

Я видел этот процесс изнутри. Сначала приходили на наши мероприятия всего несколько человек — осторожно, будто проверяя, что это за «русское собрание». Но через несколько лет залы уже были полны. Люди приходили семьями, приводили друзей, приглашали соседей. Они тянулись к своим — не потому что жизнь в Канаде была плохой. Нет. Наоборот — многие прекрасно устроились, нашли работу, обеспечили своих детей. Но язык

сердца, память рода, запахи детства, песни, сказки, интонации — все это не исчезает. И каждый эмигрант однажды понимает: чтобы жить в новом мире легко, нужно иметь крепкую связь с тем, откуда ты пришел.

Русская община в Канаде постепенно обретала лицо. Это были не просто русские по паспорту или по происхождению — это были люди, которые несли в себе цельный культурный опыт большой страны. Приезжали люди из Москвы и Владивостока, из Сибири и Кавказа, из Украины, Белоруссии, Прибалтики, Казахстана — и все они, несмотря на различия, находили общую точку опоры: язык, память, родовые истории, песни, традиции, вкусы.

Что объединяет наших людей за рубежом? Иногда говорят: «ностальгия». Но это слишком узкое слово. Да, она есть — особенно в первые годы эмиграции. Но настоящая сплоченность рождается не из тоски по прошлому, а из понимания собственной культурной идентичности. Мы объединяемся не потому, что скучаем, а потому что чувствуем: мы носители огромной культуры, и мы хотим передать ее дальше — детям, друзьям, тем, кто интересуется Россией.

Еще один мощный объединяющий фактор — язык. Это удивительное чувство: идешь по улице Торонто, слышишь русскую речь — и сердце откликается, как будто встретил кого-то родного. Язык — это не только средство общения. Это способ думать, чувствовать, видеть мир. Это то, что нельзя заменить другим языком, каким бы хорошо ты ни говорил по-английски. Русский язык создает невидимое поле притяжения, он возвращает к себе, связывает людей, которые, возможно, в России никогда бы не пересеклись, но здесь становятся почти как семья.

Культура — еще один фундамент. Фильмы, музыка, литература, балет, цирк, театр — все это огромный пласт, который люди несут через океан и хотят делиться им. Когда мы устраивали фестивали русского искусства, концерты, ярмарки, встречи с писателями и артистами, я видел: люди

приходили не просто за развлечением. Они приходили за дыханием родины. За тем ощущением, которое можно испытать только среди своих — чувство узнавания. Именно оно создает сплоченность.

Но, пожалуй, главное, что объединяет людей в эмиграции, — это моральная поддержка. В Канаде жизнь не всегда бывает простой. Да, страна гостеприимная, социально стабильная, справедливая, но путь иммигранта всегда требует усилий: нужно строить карьеру заново, понимать новые правила, иногда бороться с одиночеством, с внутренним ощущением разрыва между двумя мирами. И вот тогда русская община становится не просто культурным клубом — она становится точкой опоры. Человек приходит на мероприятие, видит родные лица, слышит знакомые шутки, вспоминает слова, запахи, музыку — и у него появляется второе дыхание.

Много раз ко мне подходили люди и говорили: «Олег, вы не представляете, как нам помогает то, что вы делаете. Мы чувствуем, что мы не одни». И я тогда понимал: для многих эти встречи — это гораздо больше чем культурное событие. Это — восстановление внутренней силы.

Прошли годы, и я увидел, что наша община стала зрелой. Она перестала быть собранием одиночек. Она стала структурой, у которой есть голос, есть центр, есть взаимная поддержка. Люди помогали друг другу находить работу, оформлять документы, устраиваться в жизнь. Мы проводили благотворительные акции, помогали детям, поддерживали ветеранов, организовывали мероприятия для семей.

И каждый раз, когда я видел, как люди обнимаются после концерта или обсуждают новости, или спорят о книгах, или вместе вспоминают свои города и деревни — я понимал: сплоченность создается не лозунгами. Она рождается там, где есть доверие, тепло и уважение.

Есть в жизни русской общины моменты, которые не записывают в отчеты, не заносят в официальные документы,

но которые остаются в памяти людей навсегда. Один из таких моментов связан с Таней Зубрилиной — ее мастерством, ее храбростью, ее удивительным талантом превращать воздух в пространство свободы.

Это случилось на одном из крупных городских фестивалей в центре Торонто. День выдался солнечный, голубое небо будто само стало декорацией, а ветер, едва ощутимый, казался специально утихшим, чтобы ничто не отвлекало внимание от того, что должно было произойти. Фестиваль собрал сотни людей: семьи с детьми, туристов, молодых студентов, деловых работников, которые вышли в обеденный перерыв посмотреть, что происходит на городской площадке.

Две высокие стойки — металлические, уходящие в небо, — были установлены так, что многие зрители, едва запрокинув головы, не могли поверить: человек действительно поднимется туда. Даже привыкшие к городским шоу канадцы переглядывались: слишком большая высота, слишком открытое пространство, слишком мало — или совсем отсутствовало — привычной страховки.

Но Таня не привыкла бояться. Она вышла легко, как будто с первого шага вступила в свою стихию. В тот момент, когда она поднялась на верхнюю платформу, толпа замолчала — тот самый редкий момент, когда сотни людей перестают шуметь и начинают дышать в унисон.

Она сделала несколько уверенных движений, проверила равновесие — больше привычкой, чем необходимостью. И вдруг, словно невесомая, оторвалась от опоры и взмыла над площадью. Это был не просто трюк и не просто номер — это был полет. Таня парила между двумя стойками, выполняя элементы высочайшей сложности, и при этом казалось, что она улыбается — спокойной, светлой, удивительно женственной улыбкой.

Не было ни страховочных тросов, ни сетки внизу, ни страхующих ассистентов. Только она — и воздух, который

слушался ее так же послушно, как слушается вода опытного пловца.

Зрители не издавали звуков. Некоторые дети прижимались к родителям. Люди поднимали телефоны, но через секунду опускали — понимая, что никакая камера не передаст того, что происходит перед их глазами. На лице многих читалось одно: изумление, смешанное с восторгом.

Когда Таня выполнила свой знаменитый свободный полет — момент, когда тело, словно не знающее гравитации, описывает дугу над пустотой — по площади пронесся тихий, почти священный вздох. Казалось, все пространство на мгновение остановилось.

А потом — аплодисменты. Мгновенные, оглушительные, такие, какие бывают только в моменты настоящего искусства. Люди поднимались на носки, кричали «Браво!», обнимали друг друга, словно были свидетелями не трюка, а чуда.

Да, такое не забывается.

Ее номер стал легендой, о которой еще долго вспоминали в городских художественных кругах. Многие, кто был тогда на площади, рассказывали об этом как о дне, когда они увидели не просто цирковое искусство, а силу человеческого духа, мастерство, граничащее с невозможным.

Для меня же это был еще один аргумент в пользу того, что искусство — особенно цирковое — имеет способность объединять людей. На той площади, среди небоскребов большого города, Таня подарила всем ощущение чуда. И возможно, именно такие моменты и становятся невидимыми нитями, связывающими нашу общину, делая ее живой, гордой и вдохновленной.

Канада — страна мультикультурности. Здесь каждая община живет своей культурной жизнью, но при этом открыта миру. Русскоязычная община вписалась в этот контекст удивительно гармонично. Мы сохраняем свое, не замыкаясь, мы участвуем в жизни страны, работаем, создаем

бизнесы, растим детей, помогаем обществу развиваться. И при этом — держим связь с историей своего народа.

Такой баланс не всегда легко удерживать. Но именно в этом и есть мудрость диаспоры: жить в новом доме, не забывая старый; адаптироваться, не теряя себя; дарить миру свои таланты, не разрывая корни.

Когда сегодня я прихожу на русские фестивали в Торонто и вижу, как на сцене выступают дети — кто-то читает стихи, кто-то танцует, кто-то исполняет цирковой номер — я ощущаю особую гордость. Потому что эти дети — мост между будущим и прошлым. Они говорят по-русски и по-английски, живут в Канаде, но несут в себе частицу мира, который воспитали их родители.

И тогда я понимаю: русская община Канады стала сплоченной не по указу, а по внутренней потребности. Нас объединяет не только ностальгия, не только язык и не только культура. Нас объединяет желание сохранить свою идентичность, уважение к своим корням, стремление помочь друг другу и чувство, что где бы ни находился русский человек — у него всегда есть задача: нести в мир тепло своей культуры.

Это — наш фундамент. Это — наше дыхание. Это — то, что делает нас общиной, а не просто статистикой на карте эмиграции.

ДУХОВНЫЕ ЦЕННОСТИ ЗА ОКЕАНОМ

Когда человек переезжает в другую страну, он переносит с собой не только документы, личные вещи или воспоминания. Внутри него живет нечто куда более глубокое — духовный багаж, накопленный поколениями. Это — язык, интонации, привычки, традиции, представления о добре и справедливости, о человеческой силе, сострадании, уважении к старшим, о том, что можно и что нельзя. Все это невидимое, но именно оно формирует внутренний облик человека.

И с того момента, как оказываешься за океаном, понимаешь: все, что ты несешь в себе, начинает звучать особенно громко. Потому что теперь ты — не просто человек, ты — представитель культуры, которую далеко не все знают, не всегда понимают, но всегда замечают. У каждого твоего шага появляется новый контекст — ты уже не только Олег или Таня, или кто-то еще. Ты — лицо большой страны. Ты — ее голос. Ты — ее интонация.

Когда я оказался в Канаде, я не думал об этом сразу. Жил, работал, строил школу, занимался учениками. Но постепенно понял: все, что я делаю — как выступаю, как общаюсь с людьми, как веду проекты, — неизбежно воспринимается через призму того, откуда я приехал. Люди видели во мне представителя России — со всеми ее глубинами, историями, трагедиями и красотой.

И тогда, почти незаметно, рождается чувство ответственности. Не той, что давит, а той, что направляет. Ответственности за то, чтобы своими поступками не исказить образ страны, где ты родился. Чтобы не уронить ее честь, чтобы не дать повод думать о ней плохо. Чтобы показывать людям вокруг, что русская культура — это не стерео-

типы и не политика, а прежде всего духовность, талант, уважение, широта души.

Эта ответственность особенно чувствовалась в моменты, когда мы работали с ветеранами, помогали детям Беслана, проводили культурные мероприятия, принимали артистов, организовывали фестивали. Ведь каждый такой шаг — это не просто общественная деятельность. Это — акт культурного представительства. Он формирует мнение о том, кто мы такие, каковы наши ценности, как мы относимся к миру.

Русская духовность за океаном — это не церковность и не красивые слова. Это — способность не пройти мимо чужой беды. Способность терпеливо слушать. Способность помогать, даже если никто не попросил. Способность видеть в человеке человека, а не набор социальных признаков. В Канаде именно эти качества — сопереживание, щедрость, доброта — сделали русскую общину уважаемой и заметной.

Когда мы устраивали благотворительные акции, канадские коллеги удивлялись: «Почему вы делаете это так бескорыстно?» А я отвечал: «Потому что по-другому нас с детства не учили».

Когда мы проводили концерты русского искусства, к нам подходили люди и говорили: «У вас все пронизано какой-то глубиной». И я понимал — это не наша заслуга. Это — дыхание той культуры, в которой мы выросли.

Работая за океаном, особенно четко ощущаешь: честь страны — в руках тех, кто носит ее в сердце. Не посольств, не политиков, не официальных структур — а обычных людей, которые живут в Канаде, США, Европе, Австралии, и каждый день делают маленькие, но нравственные выборы. Именно они, а не громкие заявления, создают настоящий образ России в глазах мира.

Я много раз чувствовал на себе эту тихую ответственность. Когда вел переговоры. Когда выступал на фестива-

лях. Когда рассказывал канадским родителям о наших традициях. Когда показывал детям цирк. Когда объяснял журналистам смысл русской школы. И каждый раз внутри звучало одно: «Ты — представитель своей родины. Ты — продолжение ее культуры. Ты — ее слово».

Быть носителем духовных ценностей за океаном — значит хранить в себе то лучшее, что дала тебе страна детства. И каждый раз, когда ты выбираешь доброту, честность, уважение, терпение — ты сохраняешь ее честь.

Да, расстояние огромно. Да, океан широкий.

Но духовность не знает географии.

И если в сердце живет память о том, откуда ты пришел — ты становишься проводником этой памяти в новом мире.

Это и есть истинная сплоченность общины — когда каждый живет не только для себя, а еще и для того, чтобы через его поступки люди вокруг могли увидеть красоту и силу той культуры, что дала ему корни.

ФИЛОСОФИЯ ЕДИНЕНИЯ

Есть мысли, которые приходят не сразу. Они не рождаются в молодости, когда кажется, что мир устроен просто, когда человек уверен, что все зависит только от его собственных решений, силы, упорства. Настоящие мысли приходят позднее — когда прожиты годы борьбы, побед, утрат, когда в жизни появились ученики, когда увидел, как судьбы людей переплетаются, ломаются, возрождаются, как один добрый поступок меняет многое, а одно равнодушие — разрушает. Так я постепенно понял простую,

но глубокую истину: человек не имеет права быть равнодушным.

Это не лозунг и не красивое выражение. Это — философия, проверенная жизнью. Она не родилась в тишине кабинета или за столом; она выросла на репетиционных площадках, среди учеников, среди ветеранов, в залах для собраний, на фестивалях, на улице, где видишь лицо человека и понимаешь — прямо сейчас ему нужно нечто большее, чем слова.

Равнодушие — это не отсутствие действий. Это отсутствие внутреннего движения. Это то молчание души, которое делает человека слепым к судьбе другого. И именно это молчание я всегда считал самым опасным.

Почему? Потому что равнодушие разрушает природу человека. Оно делает его наблюдателем вместо участника. Заставляет закрывать глаза на чужую беду. Превращает сердце в камень. А когда человек перестает откликаться на боль другого, он перестает быть человеком.

Мне часто говорили: «Нельзя помогать всем. Нельзя тратить столько сил на чужие проблемы. Надо идти своей дорогой». А я всегда отвечал: «Дорога человека — это и есть его участие в судьбе других». Если ты проходишь мимо, если отводишь глаза, если делаешь вид, что это не касается тебя, — тырываешь невидимую нить, которая соединяет людей.

А без этой нити общество рассыпается.

Человек не создавался для одиночества. Он живет через других. Его смысл — в том, как он влияет на мир вокруг себя. И если каждый закроется в своем маленьком пространстве удобства, если каждый скажет «это не моя проблема», то однажды мы обнаружим, что живем рядом, но не вместе; что слышим друг друга, но не слушаем; что видим, но не понимаем.

Когда я оказался в Совете соотечественников, когда работал с нашими ветеранами, помогал детям Беслана, ко-

гда открывал цирковую школу и видел, как дети растут не только в мастерстве, но и в духе, — я понимал: каждый раз, когда мы протягиваем руку другому, мы укрепляем не только его жизнь, мы укрепляем общество.

И это — главная философия единения.

Единение — это не когда все думают одинаково. Это когда все чувствуют ответственность друг за друга. Это когда человек, увидев чужую проблему, не отмахнется, не пройдет мимо, а хотя бы остановится.

В Канаде я часто наблюдал удивительный феномен: люди разных культур, разных вер, разных языков могут жить рядом и при этом сохранять уважение, участие и любобпытство к друг другу. Но чтобы это стало возможным, каждый должен уметь смотреть на другого не как на конкурента, не как на чужого, а как на человека — такого же, как он сам.

И когда я говорил ученикам: «Нельзя быть равнодушным», — я имел в виду не только школу, не только цирк. Я говорил о жизни.

Почему это так важно для меня?

Потому что я видел, что происходит, когда люди теряют способность сопереживать.

Я видел это в судьбах иммигрантов, которые приезжали сюда одинокими и не находили поддержки. Многие замыкались в себе, начинали бояться мира, теряли веру и в себя, и в людей. Но стоило им встретить доброжелательное слово, участие, теплый взгляд, — и они расцветали, начинали меняться. Человек не может жить без признания его боли.

Я видел это среди детей Беслана, которые пережили то, что взрослому трудно вынести. Они смотрели на мир настороженно, словно ждали удара. Но стоило им почувствовать заботу, теплоту, поддержку, — они начинали улыбаться. Эти улыбки были хрупкими, осторожными, но они были. И каждая такая улыбка — это победа над равнодушием.

Я видел это среди ветеранов, которые проживали старость в отдалении от родной земли, тихо и незаметно, как будто их подвиги растворились в эмиграции. И когда мы помогали им восстановить документы, оформить российскую пенсию, когда говорили им: «Мы помним ваш подвиг», — они оживали. Люди, которые давали миру свободу, снова чувствовали уважение и признание.

И тогда я еще яснее понимал: равнодушие убивает человека не мгновенно. Оно делает это медленно — так медленно, что он не замечает, как перестает жить сердцем. А общество, в котором люди перестают откликаться друг на друга, превращается в набор отдельных одиночек. И тогда исчезает самое важное — чувство общности, чувство плеча, чувство единства.

Но когда равнодушия нет — общество оживает.

Оно становится сильным.

Оно становится устойчивым.

Оно становится человеческим.

Когда мы с Таней открывали цирковую школу, мы мечтали не только обучать акробатике. Мы хотели воспитывать маленькое сообщество внутри большого города — место, где дети учатся поддержке, взаимовыручке, уважению к друг другу. В цирке невозможно быть равнодушным. Там один неверный шаг партнера может стать опасным. Там каждый держит другого — физически и морально.

И я понял: цирк — это метафора общества.

Если человек готов подстраховать другого, готов подать руку, готов разделить успех и готов разделить риск, — тогда это уже не просто коллектив. Это — семья. А в семье равнодушие недопустимо.

Почему я так много говорю о единении? Потому что я видел, что оно может творить.

Когда русская община объединялась, мы были способны на невероятные вещи: помогали детям из другой страны; спасали судьбы ветеранов; проводили масштабные

фестивали; поддерживали друг друга в трудные моменты; участвовали в жизни Канады, показывая, что русская душа — это не стереотип, а живое, глубокое, щедрое начало.

Когда люди чувствовали плечо друг друга — исчезали страхи. Возникал смех, возникали идеи, появлялось желание действовать.

Единение — это мощнейшая энергия. Она способна поднимать сообщество, способна возрождать дух, способна лечить раны, которые кажутся неизлечимыми.

И когда я думаю о том, что остается после человека, я вижу одно: его поступки. Не награды, не титулы, не материальные достижения. А то, как он относился к людям. Умел ли он видеть другого. Умел ли он поддержать. Умел ли он жить сердцем.

Когда люди теряют способность сопереживать, общество становится холодным. Оно превращается в механизм, в котором никому нет дела до никого. А когда общество теряет сердце, оно теряет будущее.

Но когда в людях живет отзывчивость, чувство локтя, желание поддержать — такое общество становится неразрушимым.

Поэтому я всегда говорил своим ученикам, своим коллегам, своим друзьям: «Не позволяйте равнодушию поселиться в вашем сердце». Это — не просто совет. Это — фундаментальная ценность, без которой ни жизнь, ни культура, ни община, ни человечество не могут существовать.

Философия единения начинается с малого — с того, что мы замечаем друг друга. С того, что мы не боимся откликнуться, помочь, спросить, понять. И когда эти маленькие действия складываются в коллективный дух, появляется феномен, который невозможно разрушить ни временем, ни расстоянием, ни трудностями.

Именно так рождается сильная община. Именно так рождается культура участия. Именно так рождается чело-

веческое единение — то самое, что делает жизнь наполненной и осмысленной.

Если человек живет не только для себя — он живет по-настоящему.

Вот почему равнодушие недопустимо.

Вот почему сопереживание — основа общества.

Вот почему единение — это не красивая идея, а единственный путь сохранить человечность в мире, который постоянно испытывает нас на прочность.

ПОЧЕМУ ЭТО ВАЖНО ДЛЯ МЕНЯ

Когда я оглядываюсь назад и вспоминаю все годы, проведенные в Совете соотечественников, я понимаю, что это был не просто период общественной деятельности, не череда проектов и мероприятий, не список задач и отчетов. Это был путь — очень личный, очень внутренний, формирующий не только общину вокруг меня, но и меня самого. В эмиграции человек живет в двух измерениях: внешнем, где он адаптируется к новой стране, строит работу, поднимает семью, и внутреннем, где он хранит в себе мир детства, родные голоса, запахи, музыку, память, язык и все то, что невозможно вынуть из сердца. И все эти годы в Совете я жил именно между этими двумя пространствами, пытаясь соединить их так, чтобы людям, которые оказались за океаном, было чуть легче идти своей дорогой.

Самым важным в этой работе стали не события, не награды и не громкие проекты, а люди. Их глаза, их слова, их улыбки, их благодарность и даже их молчание — то са-

мое молчание, в котором слышится доверие. Я видел, как люди, приехавшие в Канаду потерянными, с ощущением, будто земля ушла у них из-под ног, постепенно находили здесь свое пространство, свои смыслы. Они приходили на первые встречи Совета настороженными, сдержанными, словно проверяющими, можно ли довериться. Но через какое-то время их лица менялись: в них появлялось тепло, спокойствие, уверенность, а иногда — долгожданная улыбка. И всякий раз, видя это, я чувствовал: работа Совета — не про документы, не про структуры, не про официальные заявления. Она — про возвращение человеку его внутренней опоры, про то, как человек снова начинает чувствовать, что он не один, про то, как между незнакомыми людьми рождается что-то похожее на родство.

Самыми запоминающимися стали моменты, когда кто-то подходил и говорил: «Спасибо вам. Вы помогли мне почувствовать себя дома». Эти слова стоят дороже любой медали, потому что дом — это не стены, а состояние души. Если человеку удалось вернуть это состояние — даже на день, даже на час, — значит, работа была не напрасной.

Когда я вспоминаю ветеранов, с которыми мы работали, я понимаю, что для них мы стали мостом обратно к своей родине. Они прожили жизнь, полную подвигов, но в эмиграции часто чувствовали себя забытыми. И когда мы помогали им восстановить документы или оформить российскую пенсию, это было не только про финансы — это было про справедливость, про признание, про уважение. Некоторые из них, получая письмо с подтверждением пенсии, плакали — это были тихие, глубокие слезы. В этот момент они снова чувствовали, что часть их судьбы не потеряна, что память о них жива. И такие минуты стали для меня важнейшими. Ты понимаешь: то, что ты сделал, — не просто помощь, это возвращение человеку его достоинства.

Когда я вспоминаю детей Беслана, которых мы принимали в Канаде, я понимаю, что это был один из самых ду-

ховно тяжелых и одновременно самых светлых проектов. Увидеть, как дети, пережившие трагедию, постепенно начинают смеяться, играть, смотреть на мир без страха — это величайший подарок. Я помню их глаза в первые дни: настороженные, словно ожидающие боли. И помню, как они смотрели на сцену нашей цирковой школы, как аплодировали, как впервые за долгое время смеялись от души. Этот смех был настоящим воскресением, и я до сих пор храню это в сердце. Эта работа подарила мне понимание: доброта — это не благотворительность, это способ вернуть человеку воздух.

Но, наверное, самое глубокое, что дала мне работа в Совете, — это ощущение единства народа, который живет по всему миру, но не утрачивает себя. Русская культура удивительна тем, что она не просто пересекает границы — она живет в людях. Она живет в том, как они думают, как говорят, как поют, как плачут, как радуются, как помогают друг другу. И когда мы собирались на праздники, культурные вечера, встречи, я видел, что в каждом человеке есть своя маленькая Россия. Кто-то приносит пироги, кто-то читает стихи Пушкина, кто-то приносит старые семейные фотографии, кто-то рассказывает историю своего переезда, кто-то приводит детей, чтобы те не забывали язык. Все это — Россия, не территория, а культура.

И, наверное, самое важное чувство, которое сопровождало меня во все эти годы, — это ответственность. Ответственность за то, как мы выглядим в глазах мира. Ответственность за то, как мы передаем свою культуру детям. Ответственность за то, чтобы никто, оказавшийся в трудности, не остался один. Я всегда считал, что человек, живущий за рубежом, становится представителем своей страны независимо от желания. На него смотрят, его слушают, его воспринимают как голос своей культуры. И этот голос должен быть честным, сильным, добрым.

Иногда ночью, когда в школе уже тихо, я сидел в пустом зале и думал: «Зачем все это?» И всегда приходил к одному — ради людей. Ради их улыбок, ради их спасенных судеб, ради того, чтобы слово «соотечественник» значило не просто формальную категорию, а живую связь между сердцами.

Когда я думаю о наших соотечественниках сегодня — тех, кто живет в Канаде, в Америке, в Европе, в Австралии, в Азии, — я вижу огромный, рассеянный по миру народ, который несет свою культуру как светильник. Кто-то делает это через искусство, кто-то через науку, кто-то через воспитание детей, кто-то через добрые дела, кто-то — просто через то, как он живет. И всем им я хочу сказать одно: помните, откуда вы, несите добро, не стесняйтесь своей культуры, не прячьте свой язык, не бойтесь быть теми, кто вы есть. Мир большой, но в нем много одиночества. И когда человек встречается другого человека, который говорит с теплом, с простотой, с уважением, это меняет мир. Один маленький жест может стать началом большой цепочки добра. Я хочу, чтобы все наши соотечественники знали: русская культура — это не тяжесть, не ноша. Это сила — глубокий внутренний ресурс, щедрость, смелость, творчество, способность сострадать. И если каждый, живя где-то далеко, сохраняет в себе эти качества, то Россия — не только страна на карте, но и глобальная душа, живущая в людях.

В конце концов я понял: работа в Совете — это не работа, а судьба, которая дала мне возможность увидеть, как свет от одного сердца передается другому. И если сегодня есть люди, которые нашли в наших встречах тепло, смысл, поддержку, если хоть один человек почувствовал себя менее одиноким — значит, все было не зря. Оглядываясь назад, я понимаю: главный смысл этой деятельности не в том, что сделал я, а в том, что мы делали вместе. Настоящий дом — это там, где люди соединены невидимыми нитями добра.

ГЛАВА 11. НАГРАДЫ И ПРИЗНАНИЕ

ОТНОШЕНИЕ К НАГРАДАМ

Когда я оглядываюсь назад и вспоминаю все годы, связанные с наградами, вручениями, официальными церемониями и признанием, я все яснее понимаю: награда сама по себе никогда не была для меня вершиной пути. Она не была целью, ради которой нужно идти, бороться, подниматься после поражений. Награда всегда стояла немного в стороне от моих личных стремлений и моего внутреннего мира. В детстве, занимаясь спортом, я видел, как ребята восторженно рассматривали свои первые медали, как они носили их домой, аккуратно вешали на стену. Я тогда радовался вместе с ними, но где-то в глубине души уже чувствовал, что для меня в этих блестящих дисках есть нечто символическое, но не главное. Настоящая работа начиналась не в момент, когда тебе вешают медаль, а на следующее утро, когда ты вновь становишься на татами, вновь учишься терпеть боль и снова ищешь путь, как стать лучше, чем вчера. Эта мысль не покидала меня и в цирке. Ты можешь сорвать

самые длинные аплодисменты, можешь вызвать восторг зрителей, можешь услышать десятки благодарностей, но вечером ты возвращаешься за кулисы, снимаешь грим, проверяешь реквизит, рвешь мозоли на ладонях, тренируешься снова, потому что искусство не знает пауз. Оно требует постоянства, отдачи, честности. Никакой диплом не заменит внутренней дисциплины, и никакая грамота не сделает номер лучше — делает только труд. Поэтому в какой-то момент награды перестали казаться чем-то особенным. Они стали скорее тихими вехами на дороге, чем трофеями.

И все же, когда в моей жизни появился период активной общественной работы, я впервые почувствовал к наградам особое отношение. Не потому, что они были значимее, а потому, что стояли на плечах многих людей. Когда мы помогали ветеранам, оформляли им пенсии, работали с архивами, сидели по вечерам над документами, чтобы они, спустя десятилетия, получили заслуженное признание от своей страны, — я понимал: если эта работа будет отмечена, то это награда не для меня. Это знак уважения к ним. Это знак того, что их память жива. То же было и с детьми Беслана. Когда мы принимали их в Торонто, когда видели, как они постепенно переставали прятать глаза, как смеялись, как учились снова доверять миру, я чувствовал, что если этот проект когда-нибудь будет отмечен, то награда принадлежит в первую очередь им — их силе, их мужеству, их способности выжить после трагедии.

Именно тогда я понял окончательно: награда — это не про меня. Это про судьбы, которым довелось чуть помочь. Я никогда не воспринимал награды как личные победы. Скорее, это была форма благодарности судьбе за то, что мне доверили быть рядом с людьми в важные моменты их жизни.

Но что я действительно чувствую, когда получаю награду? Это не эйфория, не гордость и не ощущение триумфа.

Чаще всего — тишина. Внутренняя, спокойная, почти философская тишина. В такие минуты я вспоминаю тех, кто был со мной рядом: моих учителей, которые терпеливо объясняли, как держать удар; коллег, которые стояли со мной под куполом цирка, когда ошибаться было нельзя; моих учеников, которые смотрели на меня с таким доверием, что нельзя было жить иначе, кроме как честно; мою семью, без которой я бы не выдержал самых трудных этапов.

Я вспоминаю людей, которых мы поддерживали, и их благодарные глаза. Вспоминаю моменты, когда человек, прошедший войну, впервые за годы получал письмо из России, подтверждающее его заслуги. Вспоминаю детей, которые пережили ужас и все же нашли силы снова смеяться. Эти лица стоят за каждой моей наградой. И именно поэтому я не могу воспринять их как украшение собственной биографии. Они — символ служения. Служения не в религиозном смысле, а в человеческом — служения людям, служения делу, служения идее, что человек не должен проходить мимо другого человека.

Когда на торжественных мероприятиях называют мое имя, я всегда думаю: сколько людей стоит за этими буквами? Сколько жизней, историй, боли, надежд? И чем больше наград появляется, тем сильнее я чувствую ответственность — потому что каждая награда напоминает не о сделанном, а о том, что можно сделать еще.

Многие считают, что награды — вершина профессии. Я так не думаю. Вершина — это возможность продолжать. Возможность оставаться полезным. Возможность поднимать людей на ноги, вдохновлять, учить, поддерживать. А награда — лишь подтверждение, что ты идешь в нужном направлении.

Но есть и другая правда. Настоящая, главная награда — это не медаль на груди и не диплом на стене. Настоящая награда — это когда ко мне подходит человек после

выступления или мероприятия и говорит: «Вы подарили мне что-то важное», или: «Вы изменили мою жизнь», или просто: «Спасибо». Эти короткие фразы — весомее всего золота мира. Они не исчезают. Они живут во мне годами.

Иногда, когда я сажусь в пустом зале после тренировки, и тишина становится глубокой, я думаю: что останется после меня? И понимаю: награды — красивые, значимые, но временные. А вот судьбы, которых удалось поддержать, — вечные. Ученики, которые продолжают путь. Люди, которым было легче благодаря нашему делу. Семьи, в которые вернулась надежда. Ребенок, который перестал бояться сцены. Ветеран, который почувствовал уважение. Девочка, пережившая трагедию, но научившаяся снова улыбаться. Вот они — мои истинные награды.

Поэтому, если меня спросят: что значит награда для меня — оценка труда, благодарность судьбе, символ служения или часть профессии? Я отвечу так: награда — это напоминание. Напоминание о том, что я не имею права останавливаться. Напоминание о том, что любой успех — это труд многих. Напоминание о том, что человек живет ради того, чтобы быть полезным. Напоминание о том, что жизнь — не о медалях, а о том, сколько сердец ты смог согреть.

И если мне суждено получить еще какие-то награды, я приму их так же, как принимал все предыдущие — спокойно, благодарно, с уважением к людям, благодаря которым они появились. Потому что награды — это не трофеи. Это следы. Следы того, что человек по пути не прошел мимо других, что он сумел оставить в мире чуть больше добра, чем было до него.

А это, как мне кажется, и есть самая высокая награда, которую вообще может получить человек.

О НАСТОЯЩЕМ ПРИЗНАНИИ

Когда человек живет долгу жизнь в искусстве, спорте и работе с людьми, он проходит через множество этапов признания. Ему вручают грамоты, благодарственные письма, медали, официальные знаки отличия. Он выходит на сцены, его имя произносят на награждениях, о нем пишут в газетах. Все это приятно, почетно, иногда даже волнительно, но с годами начинаешь понимать: истинная ценность этих моментов гораздо меньше, чем кажется в молодости. Внешнее признание быстро проходит. Его можно сфотографировать, повесить на стену, положить в коробку, но оно не держит тепло. Настоящее тепло исходило от другого — от тех простых, незаметных для прессы моментов, которые почему-то остаются в памяти на всю жизнь и которые я всегда ставил выше любых официальных наград.

Почему улыбка ребенка важнее медали? Потому что в этой улыбке — правда. В ней нет дипломатии, нет вежливых формул, нет притворства. Ребенок улыбается только тогда, когда действительно ощущает радость, когда ему хорошо, когда его душа открыта в этот миг. И если ребенок, увидев твой номер под куполом, твой урок, твой совет или твою поддержку, вдруг начинает улыбаться так, как умеют улыбаться только дети, — это значит, что ты коснулся чего-то настоящего. Ты пробудил доверие, вдохновение, надежду. Ребенок не умеет благодарить словами — он благодарит улыбкой. И никакая медаль не сравнится с этим мгновением.

Почему рукопожатие друга ценнее официального звания? Потому что в рукопожатии друга — верность. Там нет коридорной политики, нет формальных протоколов, нет холодной церемониальности. Там есть человеческое при-

знание твоего пути, твоих усилий, твоей внутренней честности. Когда друг жмет руку после трудного проекта, после выступления, после рабочей победы или поражения, он говорит не словами: «Я видел, как ты старался. Я знаю, через что ты прошел. Я разделяю с тобой этот момент». И это признание куда глубже любого официального. Официальная награда видит твою внешнюю сторону. Друг видит — внутреннюю.

Но, наверное, сильнее всего меня трогает уважение ученика. Не поклонник, не зритель, не чиновник, не руководитель — ученик. Человек, который пришел к тебе, доверил тебе свое время, свою энергию, свою веру в собственное будущее. Ты работаешь с ним, воспитываешь его тело, его характер, его дисциплину, а иногда — его судьбу. И однажды он подходит к тебе, уже повзрослевший, уже самостоятельный, уже уверенный, и говорит просто: «Спасибо вам». В эти слова вложено все. Ученик не говорит так ради формальности. Он говорит так только тогда, когда в самом деле чувствует, что ты сыграл в его жизни роль, которая изменила его путь.

Я видел, как ученики возвращались в мою цирковую школу спустя многие годы. Они входили в зал взрослыми людьми, с детьми за руку, с морщинками вокруг глаз, но при виде меня у них появлялось то самое выражение — мягкое, теплое, открытое. Они говорили: «Вы научили меня стоять перед трудностями», «Вы сделали меня сильнее», «Вы показали мне, что можно преодолеть даже то, что кажется невозможным». И каждый раз я понимал: это — настоящая награда. Она не лежит на полке, не блестит металлом, но живет в человеке, и человек несет ее через всю жизнь.

Однажды на одном из концертов ко мне подошла женщина и сказала: «Мой сын стал другим человеком после ваших занятий. Он поверил в себя». Эта фраза стоит дороже всех наград, которые я мог получить. Потому что она

касается самой сути моей работы — помочь человеку увидеть свою силу. Награды приходят и уходят, а судьбы — остаются.

Почему я ценю такие моменты? Потому что они неподдельны.

Официальная награда — это взгляд общества.

Улыбка ребенка — это взгляд души.

И если выбирать между тем, что скажет комиссия, и тем, что скажет маленький человек, который только начинает жить, я всегда выберу второе. Комиссия видит твою внешнюю сторону. Ребенок — твою истинную.

Рукопожатие друга напоминает, что ты не один в этом мире, что твой путь увиден и понят. Уважение ученика говорит о том, что ты сделал что-то, что продолжится после тебя. Это не краткий момент, это семя, которое будет расти. И когда ученик становится взрослым, передает твою философию, твою силу следующему поколению, ты понимаешь — вот она, настоящая награда.

Внешнее признание — это свет прожекторов.

Внутреннее признание — это свет сердца.

Официальная медаль может быть вручена по миллиону причин — за заслуги, за участие, за традицию, за красивую биографию. Но уважение ученика нельзя вручить. Его можно только заслужить. Оно не появляется от должности, от статуса, от громких имен. Оно появляется от ежедневного труда, от честности, от доброты, от способности видеть человека, а не только результат.

Многие думают, что награды — это итог пути. Но я понял давно: итог пути — это люди, которые были рядом. Те, кто доверил тебе свое время. Те, кто плакал или смеялся вместе с тобой. Те, кто научился у тебя хоть чему-то хорошему. Это и есть твой истинный след в мире.

Я помню, как однажды маленькая девочка из моей школы подошла ко мне после выступления и сказала: «Я хочу быть смелой, как вы». У меня даже дыхание перехва-

тило. Что может быть ценнее? Какой орден сравнится с тем, что ребенок решил стать лучше, потому что увидел пример? В такие моменты ты остро чувствуешь, что твоя жизнь имеет смысл.

Почему я ставлю эти простые моменты так высоко? Потому что они — живые. Потому что они — вечные. Потому что они рассказывают правду. Медали и грамоты отражают заслуги. Люди отражают твою душу.

Официальное признание — это приятное дополнение к жизни. Настоящее признание — это то, что остается, когда свет гаснет, когда зал пустеет, когда музыка затихает. Это то, что живет внутри тех, кому ты помог, кого вдохновил, кого поддержал.

Если завтра весь мир забудет мои награды — ничего страшного. Но если хотя бы один человек будет помнить, что благодаря мне он стал смелее, добрее, сильнее — вот это и будет моим настоящим наследием.

Я всегда говорил ученикам, друзьям, коллегам: «Цените простые моменты. Они и есть настоящее золото жизни». И теперь, прожив столько лет в искусстве и среди людей, я верю в это еще глубже. Награды — это то, что дает общество. Улыбка ребенка — это то, что дает жизнь.

ПАМЯТЬ И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

Когда я смотрю на свои награды — на ордена, дипломы, письма благодарности, памятные знаки, на все то, что за многие годы собрано в коробках, альбомах и на полках, — я никогда не вижу перед собой холодный металл или красиво оформленную бумагу. Эти предметы сами

по себе не имеют веса. Их ценность определяется не формой, не блеском, не официальной значимостью, а тем, что скрыто за ними. И каждый раз, когда я задерживаю взгляд на какой-либо награде, передо мной всплывают не даты, а лица. Не события, а судьбы. Не формулировки, а живой путь, в котором было место и радости, и борьбе, и ошибкам, и победам, и человеческим историям, которые оставили след в моей душе.

Мне давно стало ясно, что награда — это своего рода окно в прошлое. Но это окно открывается не в день вручения, не в торжественный миг, когда звучат фанфары или когда жмут руку. Оно открывается тогда, когда человек остается один, когда наступает тишина, когда можно спокойно вспомнить, что стояло за тем или иным признанием. Иногда я беру в руки медаль и вижу не себя на сцене, а тех ветеранов, чьи истории мы пытались восстановить, чьи документы мы собирали по крупицам, чьи письма из архивов ждали месяцами. Вижу их морщинистые лица, их улыбки сквозь слезы, то, как они благодарили тихо, почти шепотом, будто боялись потревожить память своих боевых товарищей. И тогда я понимаю, что эта награда — не моя. Она принадлежит им. Это символ того, что их подвиг не исчез в тумане эмиграции, что их имена не растворились между двумя странами. Это знак того, что хотя бы один человек в другой стране вспомнил о них, позаботился, восстановил справедливость. И я чувствую ответственность — ведь раз уж мне довелось быть посредником между прошлым и настоящим, я должен быть честным перед той памятью, которую держу в руках.

Когда я вижу благодарственное письмо за работу с детьми Беслана, я вспоминаю не сам момент награждения, а их глаза — настороженные, потерянные, измученные трагедией, а потом постепенно светлеющие. Я вспоминаю, как они впервые улыбались, как спрашивали: «А можно завтра еще прийти в школу?», как смеялись, ко-

гда их поднимали на воздушные полотна, как восторгались видом с телевизионной башни или силой Ниагары. В этих лицах была жизнь, которая требовала очень бережного отношения. И, возможно, никогда в моей жизни не было большей ответственности, чем ответственность перед этими детьми. Никакая награда не способна передать тот внутренний трепет, который я испытывал рядом с ними. И если за этот проект когда-то вручали благодарности, то для меня это было не признание моего труда, а напоминание: ты взялся помогать этим детям, значит, будь достойным их доверия.

Когда я вижу дипломы, связанные с цирковой школой, передо мной встают не сцены и не выступления, а мои ученики — с их страхами, падениями, победами, слезами, мечтами. Я вспоминаю мальчика, который боялся выйти на арену, но однажды все же сделал свой первый шаг под куполом. Вспоминаю девочку, которую когда-то называли «несерьезной» и «несклонной к спорту», но которая спустя годы стала сильной, пластичной, смелой. Вспоминаю родителей, которые подходили ко мне со словами: «Вы изменили нашего ребенка». И тогда любая награда, врученная за работу школы, превращается в живой символ — символ того, что труд педагога всегда больше, чем кажется со стороны. Потому что педагог работает не со снарядами и не с техникой — он работает с душой. А душа — это величайшая ответственность.

Иногда я думаю, что награды — это своего рода хроника. Каждый орден — глава моей жизни. Каждый диплом — страница. Каждое письмо благодарности — абзац, написанный не мной, а судьбами тех людей, которые встретились мне на пути. И в этом есть нечто трогательное: ты держишь в руках символ, а за ним стоит целая вселенная человеческих историй. Награда — это не итог дела. Это напоминание о том, что у каждого поступка есть последствия. И если этот поступок был добрым, то последствия становятся светом.

Но, пожалуй, самое важное, что я чувствую, смотря на свои награды, — это не гордость и не удовлетворение, а ответственность. Ответственность за то, что однажды кто-то поверил, что мое имя достойно быть произнесенным перед людьми. Ответственность за то, что я представляю не только себя, но и тех, кто шел рядом. Ответственность за то, что если мне доверили награду, то я должен в будущем сделать еще больше. Награда — это не точка, не завершение, а направление. Она словно говорит: продолжай. Ты сделал что-то доброе, но впереди — еще много работы. Не расслабляйся. Не прекращай идти.

Когда мне вручали награды за популяризацию циркового искусства, многие думали, что это дань моему мастерству или моим заслугам. Но я каждый раз думал о другом: о тех, кто был рядом, кто помогал строить школы, кто работал со мной в зале, кто поддерживал в трудные моменты. В моем сознании каждая награда всегда делилась на множество частей — одна принадлежала мне, но десятки принадлежали тем, кто помогал мне становиться лучше. Потому что ни один успех не бывает индивидуальным. У любого достижения — коллективное сердце.

Есть награды, которые особенно дороги. Но не потому, что они высокие или редкие, а потому что с ними связаны самые глубокие человеческие истории. И когда я думаю о них, я понимаю, что за каждой стоит особое чувство. Это чувство долга. Долга перед людьми, чью благодарность невозможно забыть. Долга перед детьми, которых нельзя подвести. Долга перед общиной, которая доверила тебе быть ее голосом. Долга перед родителями учеников, которые привели своих детей и сказали: «Мы вам верим». Долга перед историей, которая вручает человеку имя и просит его не посрамить его.

Я не знаю, существует ли что-то более тяжелое и в то же время более вдохновляющее, чем ощущение от-

ветственности перед памятью. Память — это не просто воспоминания. Это долг. Это то, что заставляет человека каждый день становиться лучше, чем он был вчера. И в этом смысле награды — это маленькие якоря. Ты смотришь на них и видишь не «я сделал», а «я должен продолжить». Ты понимаешь, что еще не все сделано. Что еще есть люди, которые нуждаются в помощи, в поддержке, в добром слове. Что впереди — новые ученики, новые судьбы, новые вызовы. И что награда — это всего лишь знак, что тебе доверили идти дальше.

Иногда люди спрашивают меня: чувствую ли я гордость, глядя на все свои награды? И я всегда отвечаю честно: я чувствую не гордость, а благодарность. Благодарность судьбе за то, что мне довелось прожить жизнь, в которой было место для служения. Благодарность людям, которые доверяли. Благодарность тем, кого путь свел со мной. Благодарность тем, кто вдохновлял. Благодарность тем, кто ждал помощи. И, самое главное, благодарность памяти, которая напоминает: жизнь — не о наградах, а о том, насколько ты был нужен.

Каждая награда — это маленькое напоминание о большой ответственности. Ответственности перед теми, кто верит в тебя. Перед теми, кому ты помог. Перед теми, кого еще предстоит поддержать. И когда я думаю обо всем этом, я понимаю: самые важные награды — те, что не висят на стене и не лежат в коробке. Самые важные награды — это люди, сохранившие добрую память о тебе. Люди, чьи судьбы пересеклись с твоей и стали светлее. Люди, которые несут дальше то благородство, которое ты пытался вложить в них. И если в моей жизни было хоть несколько таких людей, то это уже выше любого ордена.

Вот почему, глядя на свои награды, я вижу не прошлое, а ответственность за будущее. И это чувство — самое честное, самое трудное и самое нужное, что может дать человеку память о его собственном пути.

СКРОМНОСТЬ КАК ЖИЗНЕННЫЙ ПРИНЦИП

Когда человек проживает жизнь, полную событий, встреч, побед, трудностей, свершений и ошибок, он неизбежно сталкивается с тем, что окружающие начинают называть его по-разному: мастер, артист, учитель, наставник, основатель школы, человек, который сделал то-то и то-то. Эти слова иногда звучат громко, иногда с уважением, иногда с восхищением, и для многих они становятся частью личной идентичности. Но для меня все эти титулы и определения никогда не становились основой внутреннего ощущения себя. Наоборот — чем больше я слышал таких слов, тем сильнее ощущал необходимость оставаться спокойным, простым и честным перед собой. Скромность — это не внешняя поза, не маска, которую надевают, чтобы выглядеть прилично. Скромность — это внутренняя форма правды, которая не позволяет человеку забыть, что любое мастерство — лишь результат долгой дороги, которую он прошел не в одиночку.

Мне часто задают вопрос: трудно ли сохранять внутреннюю скромность, когда тебя называют мастером, когда благодарят за выступления, когда говорят теплые слова ученики, зрители, коллеги? И всякий раз я отвечаю для себя не словами, а ощущением — нет, не трудно. Но только если ты помнишь, что путь к любому признанию был выстроен трудом десятков людей вокруг тебя. Если помнить о тех, кто поднимал меня на ноги, когда я падал, кто вдохновлял меня, кто показывал пример. Если помнить, как много в твоей судьбе зависит не от твоего таланта, а от доброты и веры окружающих.

В цирке, как и в спорте, человеком восхищаются легко. Арена под куполом дает возможность зрителю забыть

о земле, увидеть то, что кажется невозможным, и на мгновение поверить, что человек может летать. Но артист, который начинает думать, что восхищение принадлежит только ему, делает первую ошибку. Потому что любой полет, любой трюк, любое воздушное движение — это плод огромного труда тех, кто тебя учил, кто ставил твое тело, кто ловил тебя, когда ты неудачно падал, кто сидел рядом в раздевалке и молча протягивал полотенце, кто разбирал ошибки, кто спорил, кто требовал дисциплины. И когда артист помнит все это, скромность становится не обязанностью, а естественным состоянием. Потому что невозможно стоять под куполом и думать, что ты единственный, кто создал эту минуту. Вокруг стоит целый мир — и каждый человек, причастный к твоему номеру, незримо поднимает тебя вверх.

То же самое касается педагогики. Учитель, который считает, что весь успех ученика — его заслуга, не понимает самого важного: ученик всегда делает намного больше, чем мы видим. Он переживает свои страхи, свои сомнения, свои падения. Он растет в тишине дома, в бесконечных попытках, в борьбе с собой. Учитель лишь направляет, поддерживает, открывает двери, но пройти через них ученик должен сам. Это осознание тоже рождает скромность — глубокую, честную, спокойную. Когда ученик благодарит меня, я всегда чувствую не гордость, а уважение к его собственному труду. И я понимаю, что быть учителем — значит быть рядом, но не выше. Быть поддержкой, но не вершиной.

Иногда люди спрашивают: как вы относитесь к тому, что вас называют мастером? И я всегда улыбаюсь. Потому что слово «мастер» для меня — не титул, а путь. Мастер — это не тот, кто получил признание, а тот, кто умеет быть учеником всю жизнь. Тот, кто не боится учиться даже в старости. Тот, кто знает: как только ты решил, что уже все знаешь, в этот миг ты перестаешь быть мастером. В цирке мне

доводилось видеть артистов невероятной силы, от которых зал входил в восторг, но которые после выступлений приходили ко мне и говорили: «Скажи, что я сделал не так». И вот это — настоящая школа скромности. Они понимали, что совершенство недостижимо, что даже лучший номер можно сделать лучше, что мастерство — это путь длиной в жизнь, и каждый день ты на нем лишь один шаг.

Честно говоря, сам по себе успех никогда не менял мое внутреннее ощущение. Я видел слишком много историй, где успех уводил людей в сторону. Видел артистов, которые переставали тренироваться после первой победы. Видел спортсменов, которые начинали считать себя непобедимыми. Видел людей, которые принимали похвалу как должное. И почти во всех этих историях дорога вела вниз — иногда тихо и медленно, иногда резко и болезненно. Именно поэтому еще в юности я понял: успех — опасный спутник, если не держать его на расстоянии. Он легко превращает человека в того, кто начинает верить в собственную исключительность. А исключительность — враг мастерства. Исключительность заставляет человека перестать учиться. А перестав учиться, он перестает расти.

Скромность — это не умение занижать свои достижения. Скромность — это способность видеть в каждом успехе не только себя, но и всех, кто был рядом. Это способность помнить свой путь таким, какой он был на самом деле — трудным, иногда болезненным, иногда неожиданным, иногда полным сомнений. Это способность честно сказать себе: «Я не пришел сюда один. Меня привели». И тогда никакая похвала, никакой титул, никакая награда не смогут нарушить внутреннего равновесия.

Бывали моменты, когда меня называли мастером с такой торжественностью, что любой другой, наверное, почувствовал бы гордость. Но я в этот момент ощущал другое — ответственность. Ответственность соответствовать тому образу, который люди вкладывают в это слово. Ответ-

ственность быть честным. Ответственность быть примером. Ответственность не предать доверие тех, кто смотрит на тебя как на наставника. Особенно это чувствуется, когда рядом дети. Дети очень тонко чувствуют фальшь. Можно говорить правильные слова, можно писать красивые фразы, можно создавать образ успешного человека. Но если внутри нет скромности, ребенок это увидит. Он увидит, как ты смотришь на людей. Как слушаешь. Как говоришь. Как относишься к ошибкам. И он будет учиться не по твоим словам, а по твоему поведению.

Вот почему настоящая скромность — не внешняя. Настоящая скромность живет в тихих жестах. В том, что ты благодаришь тех, кого никто не благодарит. В том, что ты не считаешь себя выше других. В том, что ты умеешь признавать ошибки. В том, что ты можешь подойти к ученику и сказать: «Ты сегодня был лучше меня». В том, что ты не ставишь себя в центр мира.

И, наверное, поэтому для меня никогда не было трудным сохранять скромность. Я слишком хорошо помню свою дорогу. Помню, с чего начинал. Помню людей, которые поднимали меня, когда казалось, что дальше идти невозможно. Помню тех, кто был рядом в самые сложные годы. Помню друзей, которые помогали, не требуя ничего взамен. Помню учителей, которые учили не только технике, но и жизни. Помню семью, которая дала мне основу. И когда все это живет в сердце — невозможно зазнаваться. Потому что ты понимаешь: все, что у тебя есть, — это не только результат твоих усилий, но и подарок судьбы.

Мои успехи — это результат множества рук, которые держали меня на пути. Мои достижения — это наследие тех, кто верил в меня. Мои победы — это маленькие шаги в длинной цепочке труда. И когда я вспоминаю все это, я чувствую глубокое спокойствие. Потому что скромность — не маска и не роль. Скромность — это благодарность.

И если когда-нибудь люди будут вспоминать обо мне, мне бы хотелось, чтобы вспоминали не мои титулы и заслуги, а то, что я оставался простым человеком. Потому что именно простота — самая высокая форма мудрости. Она позволяет оставаться честным. Она позволяет видеть других. Она позволяет слышать. Она позволяет не переставать учиться. Она не позволяет гордости вырасти выше сердца.

Так что, когда меня называют мастером, артистом, учителем, я не ощущаю ни тяжести, ни пафоса. Я ощущаю вызов — быть достойным этих слов. Быть человеком, который никогда не перестает идти вперед, но идет так, чтобы не задевать других локтями. Быть человеком, который знает себе цену, но не ставит эту цену выше чужой. Быть человеком, который хранит уважение к своему пути, но никогда не забывает, что без других этот путь был бы невозможен.

И если мне удастся сохранить такую скромность, то, наверное, это и есть моя настоящая награда.

НАГРАДЫ, КОТОРЫЕ НЕ НОСЯТ НА ГРУДИ

Когда человек проживает долгую и насыщенную жизнь — жизнь, полную встреч, дорог, выступлений, ошибок, побед, учеников, друзей, потерь и невероятных взлетов, — он неизбежно накапливает множество наград. Есть те, что лежат в коробках, аккуратно рассортированные по годам. Есть те, что висят на стенах или бережно хранят-

ся в альбомах. Есть официальные письма и ордена, есть благодарственные грамоты, есть значки, медали, дипломы. Но со временем начинаешь понимать, что самые дорогие награды не сделаны из металла, не напечатаны на бумаге, не вручены под аплодисменты. Настоящие награды — невидимые. Их не носят на груди, но носят в сердце. Они хранятся внутри так тихо, что иной раз даже забываешь, что они там, пока жизнь не напомнит тебе о них. И однажды ты понимаешь: эти невидимые награды куда важнее всех остальных.

Для меня такие невидимые награды всегда были связаны с людьми. Не с событиями и не с датами, а именно с людьми и их судьбами. Например, одна из самых значимых наград моего сердца — взгляд старого ветерана, которому мы помогли восстановить документы и получить заслуженную пенсию. Этот человек прожил жизнь честно, достойно, работал, воевал, растил детей, строил страну. Но в эмиграции оказался как будто вне времени, вне истории. И когда, спустя долгие недели работы, мы наконец получили подтверждение из России, когда ему передали письмо, он посмотрел на меня так, как будто увидел не меня, а весь тот путь, которому он был верен. В этом взгляде не было громких слов. Там была тихая человеческая благодарность, которая остается в сердце навсегда. Это — моя награда, которая никогда не поблекнет.

Есть еще одна награда — улыбка ребенка, который впервые поверил в свои силы. В моей цирковой школе приходили ребята разного характера: кто-то уверенный, кто-то робкий, кто-то смелый, кто-то боязливый. Но я всегда помню того мальчика, который даже бояться боялся. Он опускал глаза, сутулился, словно хотел исчезнуть. И вот однажды, проведя с ним долгий путь от страхов к доверию, от неуверенности к первому шагу под куполом, я увидел, как он делает то, что еще месяц назад казалось ему невозможным. И когда он оглянулся и улыбнулся

мне — это была награда, которую невозможно сравнить ни с одним дипломом. Этот момент — свет, который остается внутри навсегда.

Я помню и другой случай, связанный с одной девочкой, которая приехала из трудной семьи. Она замыкалась, не верила в себя, не умела выражать эмоции. Но однажды, после выступления, она подошла ко мне и тихо сказала: «Я думала, что у меня ничего никогда не получится, а теперь я чувствую, что могу все». Эта фраза стала моей личной медалью — не той, что блестит, а той, что греет. И я ношу ее в сердце уже много лет.

Но, пожалуй, самые сильные мои невидимые награды связаны с детьми Беслана. Когда трагедия разрушает жизнь человека, особенно маленького, слово «награда» кажется слишком формальным, почти неуместным. Но когда эти дети приехали в Канаду и я увидел, как они постепенно начинают оживать, как они доверяют нам, как смеются, как тянутся к миру, я понял: каждый их шаг к жизни — это награда для всех, кто участвовал в этом проекте. Один мальчик сказал мне при прощании: «Спасибо, что вы показали, что мир все еще добрый». Эти слова стали одной из самых дорогих наград в моей жизни. Никакая медаль не сравнится с тем, что ребенок, прошедший через ужасы, вновь поверил в добро.

Такие невидимые награды приходят в неожиданные моменты. Порой это простой жест. Взрослый мужчина, встретив меня спустя годы, кладет руку мне на плечо и говорит: «Вы изменили мою жизнь». Молодая женщина, когда-то занимавшаяся в школе, присылает письмо из другой страны: «Я многого добилась благодаря тому, что вы меня научили не бояться». Или когда один из родителей после спектакля подходит и тихо говорит: «Мой ребенок впервые чувствует себя сильным». Все эти слова — как драгоценные камни. Они складываются внутри, формируя то, что потом называют судьбой. Они не требуют витрины.

Они не теряют блеск. Напротив — с каждым годом светят все ярче.

Есть и еще одна награда, о которой мало кто говорит вслух. Это — моменты, когда ученики становятся лучше тебя. Когда они делают движения точнее, прыжки выше, композиции смелее, чем ты делал в их возрасте. И ты понимаешь: ты не просто обучал технике — ты дал дорогу дальше. И в эти моменты я чувствую не горечь, а гордость. Потому что настоящий учитель живет не в своих победах, а в победах учеников. Это невидимая награда, которую нельзя вручить официально, но которую можно носить глубоко в сердце.

Иногда награда — это маленькая, почти незаметная фраза. Как-то один из моих старых друзей, уже будучи взрослым, успешным человеком, сказал мне: «Ты был тем, кто верил в меня, когда я сам в себя не верил». Эти слова стали наградой за годы, которые мы прошли вместе, за доверие, которое выдержало время и расстояния.

Есть награды, которые приходят в тишине. Например, когда ночью, после долгой тренировки или репетиции, остаешься один в зале, садишься на скамью, смотришь на пустую арену и чувствуешь странное, глубокое спокойствие. Как будто сама жизнь кладет руку тебе на плечо и говорит: «Ты все делаешь правильно». Такие моменты не увидит ни один фотограф, но именно они помогают продолжать путь, когда кажется, что сил больше нет.

Есть также награды, связанные не с успехом, а с болью. Это моменты, когда ты стоял рядом с человеком в трудный период — когда был свидетелем его слабости, его слез, его борьбы. Когда человек, переживший сложность, однажды говорит тебе: «Если бы не вы, я бы не справился». Эти слова — тяжелая награда. Их трудно носить. Но они тоже живут в сердце.

В моей жизни были и такие награды, которые выражались одним молчанием. Когда человек просто смотрит

на тебя и в его взгляде — признание, уважение, благодарность, доверие. Такие взгляды многое значат. Иногда они значат больше, чем слова. Потому что слова можно подобрать, а взгляд — нет. Он всегда честный.

Я также считаю невидимой наградой ту внутреннюю уверенность, которую дарят ученики. Не уверенность в себе, а уверенность в том, что мир можно менять. Когда видишь, что дети становятся добрее, сильнее, честнее, смелее, — понимаешь: все, что ты делал, было не зря. И это ощущение — огромная невидимая медаль на груди, только ее никто не видит, кроме тебя.

Но, может быть, самая большая невидимая награда — это ощущение, что ты прожил жизнь не впустую. Это не громкие слова. Это тихое знание. Знание о том, что ты оставил после себя не только номера, спектакли, выступления, проекты и школы, но и людей — людей, в чьей жизни ты оставил свет. Людей, для которых ты стал точкой опоры. Людей, которые будут помнить не твои достижения, а твою человеческую теплоту.

Такие награды невозможно уронить, потерять, забыть или передать другому. Они — часть сердца. Они — внутренняя биография человека. Внешние награды украшают стены. Невидимые — украшают душу.

Если спросить меня сегодня, какие мои награды самые ценные, я не назову ни одного официального ордена. Я назову имена. Лица. Взгляды. Моменты. Слова. Все то, что невозможно положить в коробку. Все то, что делает жизнь осмысленной.

И именно эти невидимые награды я буду носить с собой до последнего дня.

О ФИЛОСОФИИ БЛАГОДАРНОСТИ

Когда человек проживает долгую, насыщенную, трудную и одновременно счастливую жизнь, он неизбежно приходит к моменту, когда оглядывается назад и пытается понять, что же на самом деле было главным. И когда я думаю о своем пути, о тех дорогах, которые судьба проложила передо мной, о людях, которых я встречал, о трудностях, которые переживал, о победах, которые казались невозможными, о потерях, которые оставляли глубокие следы, я понимаю, что главным словом в моей жизни никогда не было «я достиг». Главным всегда было и остается «я благодарен». Причем благодарность эта — не церемониальная, не формальная, не рассчитанная на эффект. Она тихая, внутренняя, глубокая, как дыхание перед выходом на арену, как теплое рукопожатие друга, как взгляд, который понимает все без слов.

Когда я вспоминаю свою юность, спорт, первые успехи и первые поражения, я благодарен тем, кто видел во мне больше, чем я сам видел тогда. Ведь любой молодой человек сначала живет на энергии, на порыве, на безрассудстве. Но рядом всегда должен быть кто-то, кто держит тебя на земле. Кто-то, кто скажет: «Ты сможешь. Но путь будет трудным». Эти люди не получают наград за свою роль. Они не выступают на сцене. Но именно они формируют характер. И если сегодня я могу сказать, что выдержал многое, то в этом заслуга тех, кто сформировал мою выдержку. За это я благодарен.

Когда я вспоминаю первые шаги в цирке, когда над головой висели метры пустоты, а под ногами ничего не было, кроме тонкой страховки и человеческой веры в тех, кто рядом, я снова думаю о благодарности. В цирке нет одиночек. Даже если зритель видит одного артиста под ку-

полом, за ним стоит команда, у которой одно сердце на всех. И если я выходил туда, где большинство людей никогда не поднимется — в высоту, где дыхание обрывается, — то только потому, что знал: внизу стоят люди, которые поймают, поддержат, подскажут, помогут. Благодарность к этим людям — самая чистая, потому что без них не было бы ни одного моего номера. Удивительно, но настоящую благодарность обретаешь именно там, где рискуешь больше всего. Страх делает человека честнее, а доверие — смелее. И моя благодарность всем, кто стоял рядом со мной в цирке, безмерна.

Когда я вспоминаю годы педагогики, годы, когда в школу приходили дети — маленькие, испуганные, смелые, непоседливые, талантливые, неуверенные, разные — я снова думаю о благодарности. Ведь учитель учится у учеников ничуть не меньше, чем они у него. Каждый ребенок приносит в зал свой мир, свою историю, свои страхи. И каждый ребенок, который преодолевает себя, дарит учителю целую вселенную. Я благодарен всем детям, которые приходили ко мне за силой, и благодарен еще больше тем, кто помог понять, что сила — не в мастерстве, а в доверии. Они научили меня терпению, научили слышать, научили видеть за внешним поведением то, что происходит внутри. И когда я думаю о них сегодня, через годы, мне кажется, что именно дети стали моими главными учителями. За это я благодарен судьбе.

Когда я вспоминаю ветеранов, с которыми мы работали, когда мы искали документы, писали письма, переводили бумаги, добивались подтверждений, я испытываю благодарность за то, что мне было дано право быть сопричастным к их памяти. Ведь это люди, которые вынесли на своих плечах эпоху, которые заплатили за мир собственной молодостью. Их благодарность, сдержанная и тихая, стала для меня наградой, которая живет в сердце. Но я еще больше благодарен им — за стойкость,

за человечность, за умение ценить малое. Они научили меня тому, что жизнь нужно уважать, потому что она хрупка. И что добро — это не жест, а долг.

Когда я вспоминаю детей Беслана, я чувствую благодарность, которая не укладывается в слова. Эти дети пережили больше, чем должен переживать взрослый. Они пришли в Канаду с болью, с тяжестью, с ужасом, который невозможно описать. Но они нашли в себе силы снова смеяться. Снова верить. Снова доверять. Их смех стал уроком для всех взрослых. Я благодарен им за то, что они показали мне: человеческая душа сильнее любой трагедии. И при этом нежнее, чем кажется. Если мне что-то удалось сделать для них — то это не моя заслуга, а честь, которую мне доверили. За это доверие я благодарен.

Когда я думаю о трудных периодах — о провалах, ошибках, потерях, болезнях, о тех тяжелых этапах, которые неизбежны в любой человеческой судьбе, — я благодарен даже им. Потому что именно они сделали меня сильным. Но еще больше — мягким. Эти два качества редко живут вместе, но, кажется, именно в этом и есть зрелость. Я благодарен трудностям за то, что они научили меня состраданию. За то, что научили меня не судить других. За то, что научили меня видеть глубже.

Когда я думаю обо всех встречах на своем пути — о людях известных и неизвестных, талантливых и простых, мудрых и юных, — я благодарен каждому из них.

Благодарность — удивительное чувство. Оно не громкое. Оно не требует зрителей. Оно не ищет подтверждений. Оно просто живет внутри и делает человека чище. Когда я смотрю на свой путь, я понимаю: то, что мне удалось сделать — результат не только моих усилий. Это результат усилий сотен людей, которых я встретил. И я благодарен каждому из них. Без них я не был бы тем, кто я есть.

Есть люди, которые, оглядываясь на свою жизнь, говорят: «Вот чего я достиг». И в этом нет ничего плохого. Это

честная позиция. Но для меня ближе другая — когда человек говорит: «Вот кому я благодарен». Потому что «я достиг» — это взгляд на себя. А «я благодарен» — это взгляд на весь мир вокруг. И этот взгляд дает человеку другое сердце. Более мягкое, более мудрое, более светлое.

В конце концов, благодарность становится философией. Она начинает определять, как ты смотришь на жизнь, как относишься к людям, как воспринимаешь трудности. Человек, который благодарен, никогда не бывает циничным. Никогда не бывает одиноким. Никогда не бывает опустошенным. Благодарность наполняет. Благодарность исцеляет. Благодарность делает возможным то, что казалось невозможным.

Если меня сегодня спросить, какое слово определяет мой путь, я не скажу «успех». Я не скажу «победы». Я не скажу «достижения». Я скажу тихо — «благодарность». Потому что она сопровождает меня всю жизнь. Благодарность учителям. Благодарность друзьям. Благодарность ученикам. Благодарность людям, которым я помог и которые помогли мне. Благодарность судьбе за удивительные встречи. Благодарность за то, что жизнь дала мне возможность делать что-то доброе. Благодарность за то, что мой путь оказался не напрасным.

И если однажды мне дадут право оставить всего одно послание тем, кто будет идти после меня, я бы сказал:

не стремитесь к тому, чтобы сказать «я достиг», стремитесь к тому, чтобы однажды искренне произнести «я благодарен».

В этих словах — целая жизнь.

ГЛАВА 12. МОЙ ПУТЬ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

О СЕГОДНЯШНЕМ ДНЕ

Мой сегодняшний день в Канаде всегда начинается с движения — с той особенной гимнастики, к которой я привык за долгие годы и без которой я уже просто не могу жить. Я делаю упражнения системы Рудольфа Плюкфельдера¹ — человека, стоявшего у истоков советской школы тяжелой атлетики. Его гимнастика — не просто набор движений, это философия тела, уважение к своему организму, к возрасту. Иногда я выполняю один комплекс, иногда — другой, но каждый из них возвращает меня в состояние внутренней собранности.

Я обязательно растягиваюсь, обязательно тянусь, слушаю мышцы, дыхание, суставы. И правда, без этой утренней гимнастики я уже не представляю своей жизни. Она

¹ Рудольф Владимирович Плюкфельдер — советский тяжелоатлет, заслуженный мастер спорта СССР (1962), заслуженный тренер СССР (1965). Чемпион Олимпийских игр (1964), неоднократный чемпион мира, Европы, СССР в среднем весе.

стала такой же необходимой, как воздух. Именно с нее начинается мой путь через новый день.

Затем я перехожу не к чашке чая и не к долгим размышлениям, а с куда более земной, но по-своему радостной традиции. Я открываю дверь в подсобное помещение, и четыре пары внимательных глаз уже смотрят на меня, ожидая, что мы вот-вот отправимся на прогулку. Наши цирковые собачки — маленькие актеры, которые прожили со мной немало сцен, — давно превратились в моих тихих спутников. Они знают мое настроение, чувствуют малейшее изменение в голосе, и утренняя прогулка стала для нас не просто обязательством, а маленьким ритуалом, открывающим день. Мы идем по тихим канадским улочкам, и я наблюдаю, как они по-детски радуются каждому шагу, каждой травинке, каждому пробегающему мимо белке. В такие моменты я особенно ясно понимаю: жизнь всегда дает нам повод улыбнуться — надо только успеть заметить.

После прогулки мы возвращаемся домой, и начинается вторая часть моего утреннего круга — голуби. Да, голуби стали для меня таким же важным делом, как раньше были тренировочные залы, репетиции и выступления. Я подхожу к клеткам, слышу их мягкое воркование, смотрю на их беспокойные движения и чувствую то же самое спокойствие, что ощущал когда-то перед спектаклем, когда все было готово, номер выучен, артисты в форме, а мне нужно было просто вдохнуть глубже и выйти на свет. Я чищу клетки, кормлю птиц, проверяю, все ли у них в порядке. В этих простых делах есть своя мудрость: они возвращают меня к земле, заставляют быть внимательным к мелочам. А без внимания к мелочам нет ни цирка, ни мастерства, ни настоящей жизни.

После завтрака начинается обычный быт. Домашние дела звучат скромно, но они наполняют день той структурой, которая незаметно держит человека в форме. Иногда

я сам удивляюсь, как много этих дел возникает в течение недели: что-то поправить, почистить, проверить, вынести, переставить, что-то подготовить к поездке на дачу или к очередному выступлению. Когда человек занят сценой, он часто забывает о прозаичности жизни. Но когда сцена — лишь часть дня, а не его основа, появляется удивительное чувство гармонии: все имеет свое место.

Не каждый день у нас есть выступления, но бывает, что работаем утром или днем — такой теперь у нас график. В день, когда по расписанию шоу, весь дом будто собирается в одно дыхание. И собачки, и голуби, и реквизит — все это часть одного маленького путешествия, которое мы проделываем снова и снова. Мы с Таней собираем вещи, проверяем костюмы, смотрим, все ли готово, и отправляемся на площадку.

Нет уже той спешки, что была в молодости, когда за кулисами все кипело, когда каждый звук был сигналом: пора! Но остался главный огонь — желание подарить людям радость. И каждый раз, когда мы выходим на манеж или на сценическую площадку, я понимаю, что это чувство не стареет. Оно живет независимо от возраста, обстоятельств, времени. Оно просто есть.

После выступления мы возвращаемся домой, и день плавно перетекает в другое состояние. Иногда я созваниваюсь с друзьями — со старыми товарищами по цирку, со знакомыми, с теми, кто был частью моей жизни в разные периоды. Разговоры бывают разные: веселые, важные, теплые, глубокие. Иногда — просто короткие звонки, как знак того, что мы помним друг друга, что расстояние — не помеха дружбе. Жизнь научила меня ценить такие беседы. В них есть что-то особенное: то, что не купишь и не заработаешь, то, что приходит только с годами, прожитыми рядом с людьми.

Если время позволяет, мы с Таней едем по магазинам. Обычно это простые поездки — за продуктами, за чем-то

для дома, иногда за реквизитом. Но и в этих маленьких поездках есть своя радость. Мы идем рядом, обсуждаем планы, иногда смеемся над какими-то мелочами. Это то спокойное семейное счастье, которого в молодости у нас почти не было: тогда жизнь неслась по кругу тренировки-выступления-репетиции, и времени на тихие прогулки между полками супермаркета просто не оставалось. Сейчас же каждое такое мгновение — часть большего: часть того дома, который мы построили вместе.

Особенное место в моем дне занимает время с внучкой Алисой. Когда Артур приезжает к нам в гости, дом снова наполняется детским голосом, смехом, движением, той живой энергией, которую может принести только ребенок. Я смотрю на Алису и вижу, как быстро растет время. Кажется, только вчера Артур был маленьким, тянулся ко мне, учился у нас первым цирковым движениям, а теперь он — взрослый мужчина, артист, отец. И рядом — Алиса, которая воспринимает наш дом как место чудес, где голуби воркуют как персонажи сказок, собачки выполняют маленькие фокусы как волшебники, а дедушка с бабушкой всегда готовы рассказать историю. Время с ней приносит ту радость, которую не даст ни сцена, ни аплодисменты. Это другое счастье — тихое, глубокое, семейное.

А если погода хорошая, мы обязательно едем на дачу. Канадская природа — просторная, спокойная. Там, на даче, у нас тоже немало дел. Кто думает, что дача — это отдых, тот никогда не держал в руках грабли или лопату. Там всегда найдется работа: подстричь, поправить, подкрасить, вынести, разложить, пересадить, почистить, приготовить дрова, проверить сарай, сделать то, что давно откладывалось. Но эта работа вовсе не утомляет. Напротив — она освежает, наполняет, делает человека частью земли и воздуха. Когда я двигаюсь на даче, я чувствую, что все, чему меня научил цирк — терпению, вниманию, силе, координации — пригодились и здесь. Дача напоминает мне, что

человек должен что-то делать своими руками — иначе его душа становится тяжелой.

И все же среди всех этих дел я нахожу время и для творчества. Творчество больше не выглядит как погоня за новым номером или новая идея для сцены. Оно стало внутренним состоянием, умением увидеть историю в каждом мгновении. Иногда я записываю мысли — коротко или подробно, как пойдет. Иногда придумываю небольшие сюжеты, иногда — размышления о прошлом. Странное дело: чем старше становишься, тем больше начинаешь понимать, что каждая минута жизни — материал для искусства. Надо только уметь слушать.

И хотя я давно не веду регулярных тренировок, связь с учениками никуда не исчезла. Они звонят, пишут, приезжают, спрашивают, советуются. И каждый раз я чувствую ту же радость, что и много лет назад: ради этого стоило прожить все тяжелые дни, все трудные решения, все сомнения. Ученики остаются с тобой навсегда — пусть не рядом, но в сердце. И, может быть, именно это и есть настоящая награда: знать, что ты был в чьей-то жизни человеком, который помог сделать шаг вперед.

Когда наступает вечер, дом постепенно наполняется тишиной. Таня готовит чай или смотрит телефильм, и я чувствую благодарность за этот простой, спокойный день. Он может показаться незаметным, даже обыденным, но на самом деле в нем — все, что важно человеку. Труд, движение, семья, забота, творчество, общение, мысли. Все вместе — одна большая симфония, которую мы играем с жизнью изо дня в день.

И если раньше мой путь был похож на стремительный бег по канату — каждый шаг точный, напряженный, рискованный, — то сейчас он напоминает широкую ровную дорогу. Я иду по ней спокойно, с открытым сердцем, не спеша, но с пониманием, что впереди всегда есть новое утро, новая прогулка, новая встреча, новое

выступление, новая радость, новая возможность быть полезным.

Мой день в Канаде — это день, в котором живут и цирк, и искусство, и семья, и память, и надежда. Это день, который продолжается так же, как продолжается мой путь. И чем старше я становлюсь, тем яснее понимаю: жизнь мудра тем, что учит нас ценить не вершины, а движение между ними. И это движение продолжается во мне каждый день.

ВРЕМЯ, ПАМЯТЬ И СМЫСЛ ПРОЖИТОГО

Время — это странная вещь. В молодости оно кажется бездонным, бесконечным, почти беспредельным в своей щедрости. Тогда ты уверен, что можешь тратить его как угодно, разбрасываться днями, месяцами, даже целыми главами своей жизни. Ты думаешь, что всегда будет потом — завтра, через год, через десять лет. Но проходит время, и ты вдруг видишь: настоящая ценность была вовсе не в том, сколько у тебя было запасов, а в том, как ты прожил каждый момент. Тебе открывается простая истина, которую невозможно объяснить молодому человеку — ее можно только прожить.

Если попытаться назвать самое важное, я не смогу выбрать одно. Жизнь — не линейка, где отмечены отдельные точки. Она — ткань, переплетающая все сразу: и достижения, и встречи, и преодоления, и падения, и неожиданные повороты, и минутные радости, которые потом оказываются

ся важнее больших побед. Но все же, если вслушаться внимательнее в то, что происходит в сердце, можно почувствовать, что внутри меня живут три больших смысла, три столпа, на которых держится моя жизнь: люди, путь и внутренний покой.

Я часто думаю о встречах. Большие достижения, громкие номера, оваации, фотографии в газетах — они были, и я их не отрицаю. Но когда сегодня я вспоминаю свою жизнь, перед глазами встают не плакаты и не титулы. Я вижу людей: тех, кого встретил, кто стал частью моего пути, кого я учил или кто учил меня. Я вижу лица — иногда давно забытые, иногда до сих пор рядом со мной. Я вспоминаю разговоры, которые длились всего несколько минут, но открывали дорогу в новую главу жизни. Я вспоминаю учеников, которые росли на моих глазах, и то, как они на репетициях впервые чувствовали, что у них получилось. Я вспоминаю, как мы с Таней придумывали номера, как рисовали траектории полетов, как спорили, смеялись, обсуждали каждую деталь. И я понимаю: все это — встречи. Без них не было бы меня.

Когда ты молод, кажется, что встреча — случайность. Но с годами понимаешь: в каждой из них есть смысл. Как будто жизнь подводит тебя к тому человеку, который должен в чем-то помочь — или научить, или вытащить, или, наоборот, подтолкнуть к новому решению. Иногда эта встреча узнается сразу, иногда — спустя десятилетия. Но нет ни одной, которая была бы лишней. Люди формируют нас сильнее, чем обстоятельства. Они передают нам что-то свое — жест, мысль, энергию, доброту, мудрость, характер. Так незаметно складывается то, что мы называем судьбой.

В моей судьбе были люди, которые стали ориентирами. Были и те, кто проходил мимо, но оставлял важный след. Были те, кого я учил, и те, кто учил меня. Все это — один поток жизни. И чем старше я становлюсь, тем яснее пони-

маю: самое важное, что остается после человека, — это то, как он повлиял на других. Не те спектакли, которые он поставил, не рекорды, не заработанные награды, а то, что он оставил в душах. Это — единственное, что не подчиняется времени.

И все же, если говорить о значимости, я не могу не вспомнить преодоления. Жизнь артиста — это постоянные испытания. Внешние и внутренние. Внешние — это травмы, неудачи, неожиданные обстоятельства, смены стран и коллективов, борьба с усталостью, с препятствиями, которые возникают не по твоей воле. Внутренние — куда сложнее. Это сомнения, страхи, моменты, когда кажется, что ты не справишься, что сил больше нет, что лучше отойти в сторону. Эти испытания встречал каждый артист, и я не был исключением.

Но именно преодоления сделали меня тем, кто я есть. Они научили меня держаться, когда под ногами скользко. Научили верить, когда все говорит об обратном. Научили подниматься, когда тело болит, а душа устала. Это не звучит красиво, но правда такова: каждое мое достижение выросло из преодоления. Не было бы борьбы — не было бы побед. Не было бы сложностей — не было бы роста.

Когда я вспоминаю о тех днях, я не чувствую ни горечи, ни жалости. Я чувствую благодарность. Ведь если бы не пройти через все это, я бы не узнал самого себя. Человек узнает себя только в испытаниях. В том, как он реагирует, что выбирает, что говорит сам себе в трудный момент. И сегодня, оглядываясь назад, я понимаю, что преодоления были не врагами, а учителями. Жесткими, но справедливыми.

Но если сказать честно, ни встречи, ни достижения, ни даже преодоления не являются тем, что сегодня я ставлю на первое место. Самым важным стало то, к чему я пришел — состояние внутреннего покоя. Оно не появилось само. Оно не упало с неба и не было подарено судьбой. Оно

родилось из всех прожитых лет, из всех ошибок, осознаний, разговоров с собой, размышлений, ночей, проведенных в тревоге, и дней, прожитых в радости.

Внутренний покой — это не отсутствие волнений. Это не тишина вокруг. Это то состояние, когда ты понимаешь: все в жизни идет так, как должно идти. Ты принимал правильные решения, ошибался, снова поднимался, делал свой выбор — и все это было не случайным, а частью пути. Покой появляется, когда перестаешь спорить с прошлым. Когда принимаешь себя — и того, кто был когда-то, и того, кто есть сейчас.

Сегодня я знаю: смысл жизни — не в том, чтобы постоянно побеждать. И не в том, чтобы собирать вокруг себя награды, аплодисменты, внимание. Настоящий смысл — в том, чтобы шаг за шагом становиться тем человеком, которым ты хочешь быть. Быть честным, добрым, внимательным. Быть открытым миру. Не закрывать сердце. Уметь видеть в простых вещах то, чего не замечал в молодости — теплоту, свет, заботу, красоту.

И если меня спросить: «Что ты считаешь своим главным достижением?», я не назову конкретный номер или спектакль. Хотя в моей жизни было много важных и значимых моментов, и я помню каждый из них. Я не назову даже школу, хотя Wonderful World of Circus останется навсегда частью моей души. Я не назову встречу со знаменитостями, хотя они были яркими и неожиданными. И не назову переезд в Канаду, хотя он открыл для меня новую страницу.

Мое главное достижение — это внутреннее состояние, к которому я пришел. Мне понадобилось много лет, чтобы научиться простому: быть благодарным. Не только за хорошее. За все. За трудности — потому что они научили меня терпению. За потери — потому что они показали ценность людей. За достижения — потому что они научили ответственности. За встречи — потому что они

открыли мир. За самого себя — потому что я научился принимать свою историю без стыда и без гордыни.

Чем старше становишься, тем меньше ценишь громкие слова. И тем больше — простые. «Спасибо». «Я счастлив, что это было». «Я благодарен». Эти слова стали для меня ключом к тому, что называется смыслом. Я не ищу его — он живет во мне. Он проявляется в каждом утре, в каждой прогулке с нашими собачками, в каждом разговоре, в каждом выступлении, в каждом взгляде на внуку Алису, в каждом дне, прожитом рядом с Таней. Он проявляется в том, что я могу оглянуться назад и не испытать сожаления. Только тихую, глубокую благодарность.

Если время чему-то учит, то не тому, как стать сильнее. Оно учит тому, как стать мягче. И именно в этой мягкости рождается настоящая сила. Человек становится сильным не тогда, когда может выдержать удар, а тогда, когда может нести в себе теплое сердце, несмотря на удары. Старость — не приговор, а награда за то, что ты прожил жизнь честно. И я чувствую эту награду каждый день.

Когда я думаю о своих прожитых годах, я вижу их как большой длинный путь, иногда извилистый, иногда ровный, иногда освещенный софитами, иногда скрытый в тени. Но он был одним путем, и я шел по нему так, как умел. Сегодня я уже не спрашиваю: «Почему так?» или «А что было бы, если бы?..». Я просто говорю: «Это мой путь. И я благодарен ему». И, может быть, самое главное — я еще иду. Я чувствую внутри себя не конец, не подведение итогов, а продолжение. Тихое, спокойное, уверенное. И если спросить меня сейчас, что важнее — достижения, встречи, преодоления или покой, я отвечу так: все важно, но важнее — путь, который продолжается. Потому что пока человек идет, он живет.

И я живу. Каждый день. Каждый миг. Каждую улыбку судьбы. Каждое воспоминание. Каждую надежду.

И в этом я вижу смысл своей жизни.

ЛЮДИ, КОТОРЫЕ ОСТАЮТСЯ РЯДОМ

Когда мы становимся старше, память начинает вести себя иначе. Она уже не спешит фиксировать каждую мелочь, каждое событие, каждую новость. Она становится избирательной, мудрой, спокойной. И однажды понимаешь: память оставляет только тех людей, без которых твой путь был бы совсем другим. Людей, чьи слова, поступки, взгляды, иногда даже просто присутствие сформировали тебя так же сильно, как тренировки, победы и преодоления. Эти люди остаются рядом — не физически, но в душе. И чем дальше идешь, тем яснее чувствуешь их шаги рядом с собой.

Есть люди, которые незримо идут со мной через каждый мой день. Их уже нет в этом мире, но их поддержка и вера не покидают меня. Они как внутренний свет, который не гаснет даже в самую темную ночь.

Одним из первых, кого я вспоминаю, всегда был и остается Леонид Петрович Красильников — мой школьный учитель физкультуры. Он, наверное, и не подозревал, что в то время, когда мы, мальчишки, пытались перепрыгнуть через козла или подтянуться на перекладине, он делал для меня гораздо больше, чем просто преподавал урок. Он открывал передо мной путь движения. Он был первым человеком, который увидел во мне желание работать телом, почувствовать силу, испытать границы своих возможностей. Леонид Петрович никогда не хвалил зря, но когда говорил «молодец», это было как медаль. Его спокойная уверенность в моих силах была тем начальным толчком, который помог мне поверить в себя. Иногда я думаю: если бы в те годы рядом оказался другой учитель, может быть, все сложилось бы иначе. Но судьба послала мне именно его — строгого, честного, справедливого. И я

до сих пор мысленно благодарю его за то, что он показал мне: движение — это путь, а не случайность.

Но если говорить о людях, которые стали для меня настоящими духовными ориентирами в искусстве, то первое имя — Мухтарбек Кантемиров. Его величие было не только в мастерстве, не только в легендарной силе и умении работать с лошадьми так, как будто между человеком и животным заключен древний тайный договор. Его величие было в характере. В том, что он умел видеть человека насквозь — где слабость, где потенциал, где честолюбие, где страх. Когда я впервые оказался рядом с ним, я понял, что передо мной не просто артист. Передо мной человек, которому дано от природы больше, чем физическая сила. Ему была дана мудрость. С ним было спокойно. Рядом с ним ты чувствовал, что попал в правильное место. Иногда одно его слово заменяло месяц размышлений. Иногда один его взгляд говорил больше, чем длинная лекция. И хотя жизнь развела нас по разным дорогам, он остается во мне. Его вера — та самая сила, которая поднимает человека в моменты сомнения.

Рядом с Мухтарбеком всегда стоял Ирбек Кантемиров — другой характер, другая энергия, но такая же глубина и внутренняя отдача. Ирбек был человеком точности. Там, где Мухтарбек давал направление, Ирбек давал форму. Он умел доводить движение до совершенства, переходя от грубого каркаса к тонкой филигранной работе. Если Мухтарбек учил меня видеть масштаб, то Ирбек учил видеть детали. Именно он объяснил мне, что цирк — это не только сила, не только смелость, но еще и уважение к ремеслу. И даже сейчас, когда я выхожу на маленькую сцену с нашими собачками или голубями, я часто ловлю себя на мысли: «Как бы сделал это Ирбек?» Его внутренний голос сопровождает меня до сих пор, как тихий наставник, который стоит за спиной и наблюдает, чтобы я не упустил главного.

Память часто возвращает меня и к Шаг-Новожилову. Человеку большого таланта и огромной харизмы. Его нельзя забыть. Его энергия была настолько сильной, что любой, кто оказывался рядом, чувствовал, как внутри пробуждается что-то новое. Он умел вдохновлять одним движением руки, одним словом, одним появлением в зале. В нем была та редкая способность — зажигать людей. Он умел дать крылья тем, кто стоял на пороге отчаяния. И он умел быть честным, когда эта честность была необходима. Его уроки были не всегда простыми — иногда жесткими, иногда неожиданными — но они становились частью человека. И когда я вспоминаю его сейчас, я понимаю: многие мои решения выросли из его влияния.

Есть еще имя, которое невозможно не назвать — Валерий Дикуль. Сила, которой он обладал, выходила за рамки физического. Рядом с ним ты понимал: человеческие возможности почти безграничны. Он своим примером показывал, что невозможное существует только в нашей голове. Он разрушал границы, ломал представления о возможном и невозможном. Не просто как артист, а как человек, переживший такое, что многим даже представить страшно. И все же он не сломался, не отступил, а наоборот — стал символом силы духа. Я вспоминаю его не как легенду цирка, а как человека, который научил меня одному важному: смысл преодоления не в цели, а в самом движении вперед.

Арнаутовы — целая эпоха. Люди талантливые, глубокие, щедрые. Они не просто были мастерами — они были корнями, от которых росли новые поколения артистов. В их подходе к искусству была особенная благородность. Все, к чему они прикасались, становилось чище, выше, точнее. И когда я думаю о том, что в цирке бывает понятие династийной чести, я всегда вспоминаю именно Арнаутовых. Они сохранили и передали то, что нельзя купить и чему нельзя научиться теоретически —

уважение к сцене. И это уважение живет во мне до сих пор.

И, конечно, Волжанский. Человек удивительного ума, редкой наблюдательности и доброты, которую он никогда не выставлял напоказ. Он был одним из тех, кто умел слушать по-настоящему. Он никогда не давил авторитетом, не заставлял принимать его мнение как истину. Но когда он говорил — слушали все. Его слова могли развернуть человека в другую сторону, вывести из тупика, дать ключ к задаче, которую не мог решить никто. Он обладал редкой способностью — вдохновлять без давления, направлять без принуждения. И даже сейчас, когда я мысленно веду с ним разговоры, я слышу его спокойный голос, его точные интонации, его тихую уверенность.

Все эти люди — каждый в своей мере, каждый в свое время — остались во мне. Они как внутренний совет мудрецов, как мягкая опора, на которую я опираюсь, когда нужно принять решение или просто осмыслить прожитое. И когда сегодня я выступаю перед детьми, или разговариваю с учениками, или рассказываю историю из своего прошлого, я чувствую, что говорю не только от своего имени. Я говорю голосами всех тех, кто был со мной.

С годами ты понимаешь, что человек — не отдельная личность, вырезанная из мрамора. Он — собранная мозаика из взглядов, слов, прикосновений, уроков, которые он получил от других людей. Мы все — продолжение тех, кто был до нас. Мы несем их энергию дальше, даже если не всегда осознаем это.

Иногда я думаю: как странно устроена память. Она стирает даты, забывает числа, теряет подробности, но бережно хранит чувства. Вот я вспоминаю Леонида Петровича Красильникова — и чувствую ту уверенность, которую он мне подарил. Вспоминаю Мухтарбека — и ощущаю масштаб, широту, силу. Вспоминаю Ирбека — и вижу четкость линии, точность движения. Вспоминаю Шаг-Новожи-

лова — и сразу вспыхивает внутренний огонь. Вспоминаю Дикуля — и приходит ощущение, что нет ничего невозможного. Вспоминаю Арнаутовых — и в душе возникает благодарность за традицию. Вспоминаю Волжанского — и наступает тихое внутреннее равновесие.

То, что они дали мне, стало частью моей души. И я понимаю: даже когда человека нет рядом, его влияние продолжается. Оно живет в наших поступках, в наших решениях, в наших словах. А иногда — просто в нашем взгляде на мир.

Поэтому, когда меня спрашивают, есть ли люди, которые всегда живут во мне, я отвечаю утвердительно — их много. Они идут рядом со мной каждый день. Они присутствуют в моих решениях, в моих размышлениях, в моем искусстве. Они — как огоньки на длинной дороге жизни, которые освещают путь, когда темно. И если бы не они, я был бы совсем другим человеком.

Сегодня, оглядываясь назад, я понимаю: у каждого человека есть своя внутренняя группа поддержки. Те, кто когда-то верил в нас больше, чем мы сами. Те, кто видел в нас то, что мы не могли увидеть. Те, кто дал нам силу идти дальше. И в этом — великая мудрость жизни. Она не оставляет нас в одиночестве. Она посылает нам людей, которые становятся ключами к самому важному.

ПЕРЕДАЧА ОПЫТА

Когда человек проходит большую жизненную дорогу — со всеми ее поворотами, победами, ошибками, встречами, разлуками, сценами, аплодисментами и тишиной, — он

невольно задает себе вопрос: что из всего этого останется после него? Не фотографии, не афиши, не награды, которые когда-то казались важными, и даже не фильмы, где запечатлены мгновения молодости. Настоящее наследие — не предметы и не документы. Оно живет в людях. В их движениях, в их решениях, в том, как они смотрят на мир, как они преодолевают трудности, как держат слово, как сохраняют достоинство. И когда я думаю о том, что хотел бы оставить тем, кто идет дальше, кто еще только ищет свой путь в искусстве или в жизни, я прежде всего думаю о внутреннем состоянии, которое когда-то помогло мне самому стать тем, кто я есть.

Я хочу оставить всем им не технику — техника меняется, развивается, перестраивается. Я хочу оставить понимание. И прежде всего понимание того, что путь — это не гонка. Это не борьба за место под солнцем, не соревнование с другими артистами, спортсменами, коллегами. Настоящий путь — это бесконечное соревнование с самим собой. С тем, каким ты был вчера. С тем, каким хочешь стать завтра. Если я и могу чему-то научить, то, пожалуй, этому: сравнивай себя только с собой. Это кажется простой мыслью, но большинство людей приходит к ней слишком поздно.

Я бы хотел, чтобы мои ученики и те, кто идет дальше, понимали: движение должно быть честным. Не ради похвалы, не ради медали, не ради чужого признания. Честным — ради самого себя. Я видел много артистов, которые, достигнув внешнего успеха, внутри становились пустыми. Они переставали быть живыми в искусстве. Они превращались в исполнителей — талантливых, умелых, но без внутреннего огня. Этот огонь появляется только тогда, когда человек движется честно, когда он слышит свое сердце, а не только аплодисменты зала. И я хотел бы, чтобы те, кто пойдет дальше, умели различать эти вещи.

Если говорить о духовном наследии, то на первом месте для меня — уважение. Уважение к сцене, к труду, к партнеру, к зрителю, к самому процессу. Я рос среди людей, для которых цирк был храмом, а не ремеслом. Мухтарбек и Ирбек Кантемировы, Арнаутовы, Шаг-Новожилов, Волжанский — все они жили искусством, а не пользовались им. И я видел, как уважение создает не просто номер, а судьбу. Если артист уважает свое дело, он никогда не опустится до фальши. Он не будет искать легких путей. Он не станет продавать душу ради аплодисментов. Он будет работать так, как будто от него зависит весь мир — потому что в этот момент так оно и есть.

Это уважение я хочу передать дальше.

Я хочу, чтобы мои ученики знали: каждая репетиция — это не наказание, а дар. Каждый день, когда ты можешь двигаться, дышать, пробовать, ошибаться — это счастье. Потому что придет время, когда тело скажет: «Хватит». И тогда останутся только память и благодарность. Но пока есть возможность работать над собой, ее нельзя тратить впустую. Настоящий мастер — это тот, кто умеет радоваться самому процессу, а не только результату.

Я хочу оставить им умение видеть труд как ценность. Не как необходимость. Не как обязанность. Не как средство добиться успеха. А как путь роста. Когда-то я понял: труд и есть та сила, которая отличает настоящего человека от случайного. Талант — это вспышка, но труд — это костер, который горит всю жизнь. И если кто-то скажет: «Я стал лучше благодаря твоим словам о труде», — это будет лучшая память обо мне.

Есть еще одна вещь, которую я хотел бы передать — тишина. Точнее, умение слышать себя в тишине. Когда человек молод, ему кажется, что смысл всегда рождается в движении, в шуме, в борьбе. Но настоящее понимание приходит в тишине. Там, где нет спешки, нет обязанностей, нет чужих голосов. Там, где можно поговорить с са-

мим собой. Если человек умеет слушать себя, он никогда не потеряется. Он всегда найдет дорогу, даже в самую темную ночь.

Я хочу, чтобы мои ученики знали: внутренняя тишина — это сила. Это то место, где рождается уверенность. Где появляются идеи. Где растворяются страхи. Вся моя жизнь — цирковая, артистическая, творческая — строилась на умении слышать этот тихий голос внутри. Иногда он говорил совсем негромко, иногда — твердил так, что невозможно было его игнорировать. Но он всегда был прав. И если я могу дать совет — я скажу: слушайте себя. Не тех, кто громче всех говорит. Не тех, кто требует. Не тех, кто завидует. А себя.

Но если говорить о самом сокровенном, то я хотел бы оставить людям чувство благодарности. Это то состояние, к которому я пришел не сразу, не легко, но весьма осознанно. Благодарность делает человека сильнее. Она делает его мягче, но это не слабость — это особая, спокойная сила. Человек, который умеет быть благодарным, никогда не будет злым. Он не будет жить обидой, ревностью, завистью. Он не будет думать, что ему кто-то должен. Он будет видеть мир шире.

Я хочу передать это чувство — благодарность за каждый прожитый день, за каждого встреченного человека, за каждую возможность проявить себя. Жизнь иногда бывает суровой, особенно в искусстве, но она никогда не бывает бессмысленной. И я хочу, чтобы те, кто идет дальше, умели видеть смысл даже там, где кажется, что его нет.

Если говорить о конкретном духовном наследии, которое я хотел бы оставить, то это несколько простых истин.

Первая: не спеши. Не торопись проживать жизнь быстрее, чем нужно. То, что кажется тебе медленным, на самом деле идет в идеальном темпе. Спешка убивает глубину, а глубина — это то, что делает искусство и человека настоящими.

Вторая: не сравнивай себя с другими. Каждый человек идет своим путем. У каждого свой ритм, свои взлеты, свои уроки. Сравнение — самый быстрый способ потерять уважение к себе и к делу.

Третья: не отступай от внутренней честности. Это единственное, что невозможно вернуть, если потеряешь. Можешь ошибиться, можешь упасть, можешь изменить направление — все это нормально. Но не изменяй себе.

Четвертая: дорожи теми, кто идет с тобой рядом. Люди — самый ценный дар. Среди учеников, друзей, коллег я видел такие души, что иногда казалось: вот ради этого момента стоило прожить всю жизнь. И если кто-то из них скажет когда-нибудь: «Благодаря Олегу я стал лучше», — это будет высшая награда.

Пятая: не прекращай движение. Независимо от возраста, обстоятельств, успехов или неудач. Движение — это жизнь. Как только человек остановился внутренне — он перестал существовать. Даже если вокруг все выглядит спокойно, внутри должен идти процесс: размышление, развитие, понимание. Путь продолжается — всегда.

И наконец, я хотел бы передать самое главное — любовь. Любовь к делу, любовь к людям, любовь к жизни. Это звучит просто, но по-настоящему чувствовать любовь — это большое искусство. Когда человек любит то, что делает, он не устает. Он не ломается. Он не становится жестоким. Он несет свет. И этот свет передается дальше, даже если сам человек уже далеко.

Если спросить меня, что бы я хотел оставить после себя, я скажу так: я хочу оставить не имя, а состояние. Состояние человека, который прожил жизнь в движении, в уважении, в благодарности, в честности и в любви. Если кто-то, читая мои слова или вспоминая мои уроки, почувствует в себе желание стать лучше — хотя бы на один шаг — значит, мое наследие состоялось.

Все остальное — приходящее. Награды пылятся. Афиши теряют краски. Фильмы смотрятся иначе с годами. Но то, что остается в сердце учеников, — живет дольше всего. Это и есть духовное наследие, которое я хочу оставить.

И если когда-нибудь кто-нибудь из тех, кто идет дальше, скажет: «Я чувствую рядом его поддержку, его голос, его взгляд», — это будет лучшим доказательством того, что путь прожит не зря.

ПОСЛАНИЕ ЧИТАТЕЛЮ

Если представить, что у меня есть возможность обратиться ко всем, кто когда-либо откроет эту книгу, кто прочитает хотя бы одну страницу, кто, может быть, задержит взгляд на каком-то абзаце дольше, чем обычно, — я бы хотел сказать им не что-то громкое, не высокопарное, не важное «для истории». Нет. Все величественное давно сказано до меня. Все громкое растворяется быстрее всего. А подлинное послание должно быть простым, как дыхание, как движение, как человеческое сердце.

Я бы сказал так: берегите то, что делает вас живыми.

Эти слова кажутся короткими, но в них, как в маленьком зерне, скрыта целая жизнь — моя, и, возможно, ваша. Живым человека делает не биение сердца и не то, что он дышит. Живым его делает способность чувствовать — тонко, искренне, глубоко. Способность удивляться, благодарить, любить, быть честным, идти вперед, даже когда тяжело, и не закрывать душу, даже когда кажется, что она устала. Я прожил долгую жизнь

рядом с движением, с искусством, с людьми, и, оглядываясь назад, понимаю: все, что по-настоящему важно, связано не с достижениями и не с победами, а именно с теми моментами, когда я был живым — без защиты, без маски, без игры.

Берегите то, что делает вас живыми — это значит, прежде всего, не предавайте себя. Ни ради чужих ожиданий, ни ради успеха, ни ради страха, ни ради удобства. Я видел многих людей, которые в погоне за признанием теряли главное — внутреннюю правду. Они становились успешными, но переставали быть собой. И наоборот: видел тех, кто оставался верен своей душе, и они светились так, что становились маяками для других. Жизнь — это не про то, чтобы понравиться всем. Жизнь — про то, чтобы не потерять себя.

Если бы я мог пожелать что-то читателю, я пожелал бы ему быть честным со своим сердцем. Не обманывать себя, не уходить от того, что больно, не закрывать глаза на то, что требует мужества. Человек, который слышит свое сердце, никогда не заблудится. Он может устать, может замедлиться, может пойти по кругу, может даже упасть, но он всегда найдет дорогу дальше. Потому что истинный путь всегда звучит внутри нас, и нужно только перестать заглушать этот звук.

Я бы хотел сказать: не бойтесь быть благодарными. Благодарность — это не слабость. Это огромная сила, которая делает человека устойчивым и мягким одновременно. Она превращает прошлое — даже трудное — в источник мудрости, а настоящее — в подарок. Я желаю каждому, кто читает эти строки, найти в себе способность благодарить не только за радости, но и за испытания. Потому что именно испытания делают нас сильнее, именно через них мы становимся лучше, честнее, глубже.

Еще я бы хотел сказать: берегите свои встречи. Люди в нашей жизни появляются не случайно. Каждый приносит

с собой урок, поддержку, зеркало, порой — вызов. Есть те, кто остается на всю жизнь, и есть те, кто приходит только на короткий отрезок пути. Но каждый оставляет след. И когда годы проходят, понимаешь: важнее всего были не события, а лица. Не сцены, а души. Не выступления, а разговоры, улыбки, пережитые вместе мгновения. Я желаю вам видеть ценность в этих встречах. Беречь людей, которые идут рядом. И отпускать тех, чей путь должен идти дальше.

Я бы сказал каждому читателю: не бойтесь начинать заново. В любом возрасте, в любой стране, при любых обстоятельствах. Дороги никогда не заканчиваются, они просто меняют направление. Многие думают, что новый путь начинается внешне — переездом, новой работой, новым делом. Но на самом деле новый путь начинается внутри, когда человек говорит себе честно: «Я хочу жить дальше. Я хочу двигаться. Я хочу расти». И если у вас есть это желание — все остальное придет.

Я хочу сказать: не забывайте о движении. Оно не всегда в теле. Иногда оно — в мыслях, иногда — в душе, иногда — в тихих шагах по комнате, когда вы ищете ответ. Движение — это не скорость, а состояние. Пока человек движется, он жив. Пока он учится, пока он интересуется миром, пока он остается открытым — он продолжает путь. Я желаю вам никогда не останавливаться внутри. Даже если жизнь попросит вас замедлиться внешне, внутри пусть всегда будет движение.

Еще я хотел бы сказать: умейте быть мягкими. Мир часто учит нас жесткости: бороться, доказывать, избегать слабости. Но с годами я понял, что мягкость — это высшая форма силы. Мягкий человек умеет слушать, понимать, прощать, идти навстречу. Он не ломает, а изменяет. Он не давит, а поддерживает. Я желаю каждому читателю найти в себе эту мягкую силу, потому что она делает жизнь глубже, а отношения — чище.

Если бы у меня была возможность говорить только одно предложение, я бы сказал: цените тихие моменты жизни. Потому что именно в них мы становимся собой. Не в больших победах, не в громких овациях, не в важнейших событиях. А в утренней прогулке, в разговоре с внучкой, в чае, который пьешь рядом с любимым человеком, в теплой ладони другого человека, в коротком взгляде, который говорит больше тысяч слов. Эти тихие моменты — настоящее золото, которое со временем не тускнеет, а, наоборот, становится все дороже.

Я хочу пожелать читателю еще одну важную вещь: умение прощать себя. Мы часто строим к себе — слишком строим. Требуем невозможного, ругаем за ошибки, за промахи, за недостатки. Но с годами я понял: человек растет не через самонаказание, а через принятие. Простить себя — значит позволить себе стать лучше. Это не слабость, а мудрость. И я хочу, чтобы каждый, кто открывает эту книгу, нашел в себе эту мудрость.

Я бы хотел сказать: не носите в себе тяжелые камни прошлого. Обида, злость, разочарование — все это вес, который мешает идти. Пусть прошлое будет уроком, но не цепью. Я хочу, чтобы вы могли отпустить то, что больше не служит вам. Тогда сердце станет легче, а дорога — свободнее.

И самое главное — я бы хотел пожелать вам любви. Не той, что в романах, и не той, что на сценах. А той простой, человеческой, тихой любви, которая живет в глазах, в словах, в заботе, в присутствии. Любите своих близких. Любите тех, кто встретился вам на пути. Любите тех, кто сделал вам больно — за ту мудрость, которую вы получили. Любите тех, кто поддержал — за теплоту. Любите себя — за то, что вы идете, несмотря ни на что.

Когда я думаю о послании читателю, я представляю людей, которые возьмут мою книгу в руки. Кто-то будет молодым, кто-то — уже прожившим долгую жизнь. Кто-то

будет искать ответ, кто-то — поддержку, кто-то — просто историю. И для каждого из них я хочу сказать одно: не переставайте жить сердцем. Все, что я писал, все, что я прожил, все, о чем я рассказываю — это путь человека, который научился слушать свое сердце. Оно подсказывало мне, куда идти. Оно поднимало меня, когда я падал. Оно вело меня через страхи, сомнения и радости. И если моя книга может дать хоть одному человеку мужество услышать свое собственное сердце — значит, она написана не зря.

Я хочу, чтобы те, кто прочитает эти строки, почувствовали, что каждый человек — это история. И ваша история не менее важна, чем моя. Живите так, чтобы однажды, оглядываясь назад, вы могли сказать себе: «Я жил честно. Я любил. Я благодарил. Я не предавал себя». Это и есть настоящий успех.

И если мне позволено оставить только одно пожелание, одно послание вам, читателю, то пусть оно звучит так:

Берегите то, что делает вас живыми — и тогда ваш путь будет светлым, куда бы он ни привел.

ВОСПОМИНАНИЯ ДРУЗЕЙ И УЧЕНИКОВ

Глава «Воспоминания друзей и учеников» завершает эту книгу и представляет собой собранные воедино рассказы людей, которым довелось знать Олега в разные периоды его жизни. Эти тексты не претендуют на полноту биографических сведений и не стремятся охватить весь круг его связей. Их цель иная — зафиксировать живой опыт личного общения, то впечатление, которое остается от человека в памяти тех, кто видел его в деле, учился у него, или разделял с ним годы юности.

Каждый из приведенных здесь рассказов был записан в ходе бесед с их авторами. Воспоминания сохраняют индивидуальные интонации, особенности восприятия и личные детали, которые невозможно передать с помощью сухой хроники. Именно поэтому они представляют особую ценность: они позволяют увидеть не только факты, но и то, как они проживались и осмыслились людьми, которые были рядом с Олегом в ключевые моменты его пути.

Этот раздел не является попыткой интерпретации или анализа. Он обращен к читателю как самостоятельный пласт свидетельств, дополняющий личный рассказ Олега и показывающий, каким он остается в памяти тех, кто знает его лично.

АРТЕМ ПОГОСЯН

Я познакомился с Олегом еще в школьные годы и хорошо помню тот небольшой период, когда мы часто бывали вместе. Его увлеченность тренировками была заметна с самого начала. У него дома висели черно-белые фотографии — вырезки из журналов и старых учебников. По этим изображениям он и учился: смотрел, повторял позы, пытался разобрать технику движения.

Занимался он тогда, как я бы сейчас сказал, бытовым культуризмом: подручными средствами, без какого-либо оборудования. Когда я заходил к нему домой, в маленькую комнату, где жили он и его мама, он показывал мне свои упражнения. Ставил два стула, клал на них деревянную палку, ложился так, чтобы голова была за линией стульев, и делал «мостик» — удерживал корпус на весу определенное время. На живот он иногда клал часы, чтобы чувствовать напряжение пресса. Так он тренировал мышцы, пока не почувствует нужное усилие.

В качестве гантелей он использовал ручки от дверей — легкие, самодельные, разных размеров. Вес был небольшой, килограмм-полтора, но для начальных тренировок этого ему хватало. Позже у него появился короткий металлический шар — что-то вроде тренировочного ядра. Он подкидывал его и ловил плечом или шеей, развивая координацию и силу.

Когда нам было примерно по четырнадцать лет, он уже уверенно показывал приемы самообороны. В нашей старой школьной постройке, оставшейся еще со времен войны, был небольшой закуток, куда мы часто собирались. Олег выстраивал ребят вокруг себя и просил «нападать» — чтобы показать, как работает защита. Он демонстрировал верхние и нижние блоки, удары, движения руками. Неко-

торые приемы он перенимал из книг и журналов, какие-то — из тренировок, которые посещал. Он объяснял нам, как правильно ставить руки, как распределять тело, как принимать удар. Мы с интересом наблюдали, потому что в то время такие занятия были редкостью.

Помню также, что у него были проблемы со спиной. Его мама однажды отвела его к врачам, и они посоветовали ему заниматься спортом как обязательной частью лечения. С этого момента он тренировался почти каждый день. Уже взрослым он сам рассказывал, что именно физические нагрузки помогли ему справиться с этой проблемой.

Я знаю, что после школы он поступал в университет не сразу — сначала были трудности, но позже его приняли. До переезда в Москву он жил и учился во Владикавказе (в те годы — Орджоникидзе) и только после окончания университета покинул родной город.

Прошло почти пятьдесят лет, но многие моменты я помню отчетливо. Мы ломали доски, пробовали разбивать кирпичи — нам казалось, что мы повторяем то, что видели у старших ребят. Когда я приходил к нему домой и наблюдал его самостоятельные тренировки, чувствовалось, что для него это не просто увлечение. Он относился к этому серьезно, сосредоточенно. В этом и заключалось главное — он умел работать сам, без зала, без тренеров, без оборудования.

Это были хорошие годы, и память о тех первых тренировках сохранилась у меня как одно из самых ярких впечатлений юности.

Артем Погосян — друг детства

ГЕННАДИЙ ПОЛЯКОВ

Наше детство прошло на улице Рамонова. Это была небольшая, но очень живая улица, которая соединяла базар с трамвайной линией. Днем по ней постоянно ходили люди — те, кто шел на рынок и возвращался обратно. Олег жил на одной стороне улицы, я — на другой, и мы видели друг друга практически каждый день. К вечеру, когда базар закрывался и поток прохожих иссякал, улица становилась почти «закрытой» — своей, домашней. Все друг друга знали, и вся улица по сути была как один большой двор.

В то время у нас была своя группа — четверо друзей, которые держались вместе с раннего детства и до тех пор, пока жизнь не развела нас по разным городам. Компанию можно было назвать многонациональной: среди нас были осетины, армяне, я сам — наполовину армянин. Мы росли в дружной среде, и на улице нас хорошо знали и уважали. Конфликтов практически не случалось, а если и возникали, то решались быстро. В ближайших районах тоже нас знали, и отношения всегда были ровными, без напряжения.

Дружба наша была крепкая. За все годы между нами четверыми не было ни серьезных ссор, ни обид. Мы держались принципа: один за всех — и все за одного. Это была действительно слаженная, надежная компания. Все мы были спортивными ребятами, любили движение, дворовые соревнования, силовые упражнения — все, что было в духе того времени.

К сожалению, тогда же произошла трагедия. Один из наших друзей, Бусик погиб. Он был очень смелым, прямолинейным парнем, никогда не терпел несправедливости и всегда защищал тех, кого считал своими. Для нас это стало большим ударом — в нашем возрасте мы

просто не могли представить, что подобное могло произойти.

Несмотря на эту трагедию, воспоминания о нашем детстве остались светлыми. Мы действительно жили как одна команда, без зависти, без соперничества, без разделения по национальностям. Сейчас, оглядываясь назад, понимаю, что такой атмосферы, какая была у нас на улице Рамонова, я больше нигде не встречал.

С Олегом мы были близки многие годы. Я был дружком на его первой свадьбе, когда он женился в Москве. Тогда мы всей семьей поехали туда — я хорошо помню те дни и фотографии, которые он потом присылал.

Наша дружба, начавшаяся в обычном дворе, сохранилась через расстояния и годы. И хотя каждый из нас постепенно ушел своей дорогой, эти детские связи были для всех нас важной частью жизни.

Геннадий Поляков — друг детства

ВЛАДИМИР МАСЛЕННИКОВ

Мое знакомство с Олегом Даурбековичем произошло в школе №1, где я учился с первого класса. До этого был детский сад — теплый, яркий, живой мир, в котором все дети ощущали себя примерно одинаково. Школа оказалась полной противоположностью: серое здание, угловой класс с плохим освещением, на стене — старый стенд с фотографиями писателя Бляхина и обложками его книг. Школа носила его имя, но для нас, первоклассников, это ничего не значило, кроме ощущения какой-то тяжелой, угрюмой

атмосферы. Со временем нам объяснили, кто такой Бляхин, но на уровне детского восприятия все это связывалось с жесткостью, назидательностью и постоянным «так надо».

Я был ребенком непослушным, внутренне не принимавшим насильственное, единообразное отношение ко всем. Очень рано возник конфликт с классным руководителем: я подрался с ее сыном, который позволил себе оскорбление. Я ответил ударом и сразу оказался «в немилости». С тех пор во всех спорных ситуациях звучало одно и то же: «Масленников виноват». Это закрепило ощущение несправедливости и усилило внутренний протест против системы, где взрослые всегда правы по определению, а ребенок не имеет права голоса. Тогда я еще не мог это сформулировать, но уже чувствовал, что не хочу быть частью такой «уравниловки».

Переломным моментом стал 1973 год. На урок физкультуры вместо прежнего учителя пришел молодой преподаватель — Олег Даурбекович. Для нашего класса это было заметное событие. На фоне общей школьной серости появление человека, который был подвижным, жизнерадостным, открытым, воспринималось почти как свежий воздух. Он не создавал дистанцию «я — взрослый, вы — дети» в привычном смысле: с ним было одновременно и весело, и дисциплинированно. Он придумал много нестандартных упражнений, использовал игровые элементы, поощрял инициативу.

Да, он мог повысить голос, если кто-то откровенно ленился или не выполнял задания. Его могли услышать и на втором этаже. Но при этом никто из ребят не воспринимал это как унижение или несправедливость. Мы понимали: сделал плохо — получишь замечание, сделал нормально — все в порядке. В отличие от части других учителей, он никого не «записывал» навсегда в плохие или хорошие, не держал обид, не навешивал ярлыков. Это очень сильно выделяло его на общем фоне.

Сравнение с прежним учителем физкультуры особенно ярко проявилось в одном эпизоде. Когда-то, еще до прихода Олега, я самовольно залез на турник — мне нравилась спортивная гимнастика, хотелось попробовать. Прежний преподаватель отреагировал жестко: напугал тем, что «сломаю шею» и вообще куда-то «лезу без разрешения». У Олега Даурбековича подход был другой. Он поощрял интерес к движению, помогал, подстраховывал, объяснял, как делать безопасно. Там, где раньше звучало «нельзя», с его приходом чаще звучало «давай попробуем, но правильно».

Со временем наше общение вышло за рамки только школьного урока. Он иногда рассказывал о своей юности, о жизни на Кавказе, о том, что там мальчики взрослеют раньше и вынуждены раньше учиться отвечать за себя. Только спустя годы я понял, что значило для него «отстоять себя как мужчину» в условиях непростых Кавказских реалий. Для нас, московских школьников, мир казался гораздо более ровным и безопасным. Через его рассказы становилось ясно, что есть другая, гораздо более жесткая сторона жизни, о которой мы ничего не знали.

В середине 1970-х произошел один из самых запоминающихся эпизодов. Летом 1976 года мы поехали в Симферополь на сезонную работу — собирать черешню. Жили в общежитии, по сути, одной большой командой. Там Олег Даурбекович раскрылся с другой стороны: не только как школьный учитель физкультуры, но и как человек с поразительной способностью управлять своим телом, сохранять работоспособность и энергию в любых условиях. Он легко подключался к любому виду деятельности — от тяжелой физической работы до спортивных игр, и везде был примером.

В перерывах между работой он занимался с нами упражнениями. Привез из Москвы тренажер, показывал, как правильно выполнять силовые и дыхательные практи-

ки. Однажды он повел меня на небольшую гору рядом с общежитием. Там, на склоне, мы отрабатывали первые элементы каратэ: стойки, шаги, движения рук, удары по россыпи ракушечника. При этом он всегда следил за безопасностью, останавливал, если видел, что можно повредить кожу или связки. Уже тогда стало понятно, что для него физическая культура — это не только результат, но и грамотное, бережное отношение к телу.

После школы наши пути разошлись. Я окончил техникум, работал, потом пересекся с миром тяжелой атлетики, много занимался «железом», получил серьезную травму, которую пришлось долго исправлять. Позже ушел в научную сферу, связанную с биологией и биофизикой, потом в 90-е годы, как и многие, оказался на стройке. Работа была тяжелая, физически изматывающая. И именно тогда уроки Олега Даурбековича — правильное дыхание, техника движений, умение распределять нагрузку, беречь позвоночник и связки — оказались критически важны. Эти навыки помогли мне пройти через тот период без серьезных повреждений, хотя условия были такими, что многие ломались — и физически, и морально.

Отдельно для себя я всегда отмечал еще одну сторону его влияния: отношение к вредным привычкам и к собственному достоинству. В строительной среде, где часто бытовало правило «если не пьешь — значит свой не будешь», я сознательно удерживался от участия в этом. И каждый раз мысленно говорил себе: «Олег Даурбекович так бы не поступил». Его образ, его принципиальность, умение говорить «нет», когда это нужно, помогали оставаться самим собой и не идти на компромиссы, которые разрушили бы здоровье и уважение к себе.

Прошли десятилетия, но наша связь не оборвалась. Олег приезжает в Москву, мы встречаемся. Для меня это важное и символическое продолжение той цепочки, которая началась когда-то на школьном уроке физкультуры.

Сегодня, оглядываясь назад, я понимаю, что Олег Даурбекович оставил очень серьезный след в моей жизни. Он показал, что учитель может относиться к ученикам без унижения и давления, что физическая культура — это не только нормативы и оценки, но и школа характера, ответственности за свое тело и поступки. Он научил тому, что принципы можно сохранять даже в тяжелые времена, и что уважение к себе важнее сиюминутной выгоды.

Если говорить о личном пожелании, я бы хотел, чтобы у него были крепкое здоровье, сохраняющаяся энергия и внутренняя устойчивость. Я иногда видел в его лице оттенок грусти — возможно, от того, что не все задуманное удалось реализовать, что ушли многие из тех, с кем он начинал путь. Но каждый раз, когда он оказывается среди людей, которые его помнят и ценят — семьи, учеников, друзей, — становится видно, что его труд и его жизнь не прошли зря. Для меня он навсегда останется учителем и человеком, сыгравшим одну из ключевых ролей в моем становлении.

Владимир Масленников — друг и благодарный ученик

НИКОЛАЙ ЕГОРОВ

Я познакомился с Олегом Даурбековичем в спортивной школе, где он был нашим наставником. Мы не были в одной компании и не пересекались вне тренировочного процесса: он — учитель, я — ученик. Но именно благодаря ему я до сих пор в боевых искусствах. Он сумел привить любовь к спорту, к единоборствам и к дисциплине, которая остается со мной всю жизнь.

Олег был человеком необыкновенной силы — и физической, и внутренней. Уже тогда он был известен как чемпион, кажется, Грозного или Северной Осетии, активно выступал и обладал серьезной подготовкой в самбо. Он показывал нам технические элементы, объяснял принципы, демонстрировал то, что для нас казалось почти фантастикой. Позже он знакомил нас и с приемами каратэ, что в те годы было чем-то совершенно новым.

Именно благодаря той базе, которую дал мне Олег, я смог попасть в сильную московскую группу каратистов, где тренировал Гурам Мжаванадзе. Там я уже чувствовал себя уверенно, потому что пришел с фундаментом, который Олег закладывал на тренировках. В короткий срок я вошел в сборную ЦСКА, затем — в сборную Союза, и выступил на первом чемпионате СССР по каратэ. Формально в тот период мы уже не общались — каждый из нас пошел своей дорогой, — но именно та начальная школа позволила мне попасть в большой спорт практически сразу.

На тренировках он был открытым человеком. Мы могли обсуждать любые технические вопросы и получать ясные, практичные объяснения. Несмотря на разницу в возрасте, между нами быстро возникло доверие. Я в те годы уже играл в теннис на высоком уровне, выступал за сборные команды Москвы и Союза. И Олег сразу увидел, что я способен заниматься единоборствами всерьез. Он давал мне установки, которые впоследствии стали основой моей спортивной философии.

Одно из его замечаний запомнилось особенно. Он рассказывал, как однажды увидел в цирке гимнаста, который делал «флажок» на шесте — удерживал тело горизонтально, держась руками за опору. Олег никогда раньше этого не делал, но его задел сам факт, что кто-то способен на такое. Он сказал себе: «Почему я не могу? Я сделаю». И он сделал — через тренировки, через упорство. Этот эпизод стал для меня примером того, что никаких преград не су-

ществует: можно добиться всего, нужно лишь трудиться. Эту мысль я передаю и своим ученикам.

Я также благодарен ему за то, что благодаря Олегу познакомился с Мухтарбеком Кантемировым — великим мастером и удивительным человеком. Я не раз приезжал к нему, бывал у него с дочерью, приглашал на спортивные мероприятия. Это знакомство стало значимым событием в моей жизни и открыло совершенно иной уровень понимания боевых искусств.

Несколько технических связок и приемов, которые показал нам Олег, я помню до сих пор и продолжаю передавать своим ученикам — уже спустя почти пятьдесят лет. Его школа была прочной и жизнеспособной, и в этом заслуга его характера и метода.

После отъезда Олега наши встречи стали редкими. Мы несколько раз пересекались на мероприятиях, особенно на «Золотом поясе» — ежегодном фестивале боевых искусств. Один раз он пригласил меня к себе, и была возможность спокойно пообщаться. Но совместных проектов у нас так и не сложилось — обстоятельства и расстояния мешали. Тем не менее каждый наш разговор оставлял впечатление энергии и уверенности. Олег всегда говорил одинаково: «Коля, сейчас все сделаем, сейчас все пойдет, сейчас все решим». Его оптимизм был настоящим.

Олег остается для меня одним из главных людей в жизни. Учителем, наставником и сегодня — другом. Все, чему он учил нас в юности, продолжается в моей работе: стремление не отступать, преодолевать трудности, верить в свои силы и идти вперед.

Я уверен: если бы в свое время организационные обстоятельства позволили ему выступать на крупных чемпионатах Союза, он стал бы многократным чемпионом. Я работал с ним в спарринге и знаю его силу, скорость и природную одаренность. Он был человеком боевых искусств по сути — таком, каким рождаются.

Мои ученики знают его имя и уважают его за вклад в спорт. Для меня он навсегда останется учителем, человеком редкого таланта и огромной энергетики. И я искренне желаю ему долгих лет здоровья — чтобы он продолжал радовать всех нас той силой духа, которая всегда отличала его от других.

Николай Егоров — президент Федерации айкидо России, обладатель 6-го дана айкидо Айкикай и 6-го дана каратэдо Шотокан, мастер спорта России по айкидо, заслуженный наставник. Судья международной категории по сумо и боям без правил, судья республиканской категории по айкидо. За годы работы подготовил более 700 обладателей черных поясов, в том числе 20 мастеров спорта России.

БОРИС КАНТЕМИРОВ

Олега я узнал почти случайно. Его имя впервые прозвучало от Алика Есиева, друга моей семьи. Алик был двоюродным братом моего однокурсника по ВГИКу, Бесликоева. Как-то в разговоре он упомянул: есть такой Олег Кантемиров, каратист, очень сильный мастер.

К тому моменту я уже занимался каратэ у Мурата Джусоева и, естественно, заинтересовался. Хотелось увидеть этого человека в деле. Я позвонил домой, поговорил с Ирбеком Кантемировым, и он сказал: «Да, мы его знаем, он часто бывает у Мухтарбека». Так договорилась первая встреча.

Мы увиделись у Мухтарбека Кантемирова, в конно-спортивном комплексе в Москве. Это был 1981 год, примерно февраль. Олег приехал вместе с Таней, она уже бы-

ла беременна Артуром. Там, у Мухтарбека, мы и познакомились. Я прямо сказал, что хочу заниматься у него каратэ, много о нем слышал и хочу учиться.

Олег назначил место и время: зал на Нагорном бульваре, район Академической. С этого момента я начал к нему ходить и стал его учеником.

До Олега и после него я видел немало тренеров, в том числе людей с большими официальными регалиями и званиями. Но такой энергетики, как у него, не было ни у кого. Простая ситуация: целый день институт, занятия до пяти вечера, потом добираться через город — от ВДНХ до Академической, еще автобус, пересадки. Приезжаешь в зал выжатый, без сил.

И вот он входит в зал, хлопает в ладоши: «Начали!» — и с этого момента усталость просто исчезает. Его присутствие, манера говорить и двигаться, умение зажечь группу одним жестом — все это включало нас моментально. Эту способность «включать» людей я считаю одной из главных черт Олега как тренера.

Вторая важная особенность — он не припрятывал знания. То, что он умел, он отдавал полностью. Позже, уже в зрелом возрасте, я сдавал экзамен на дан, в том числе в Швеции, на чемпионате Европы. Сидят японцы, платишь деньги за экзамен, выходишь, «корячишься» перед комиссией, и чувствуешь, что во многом это стало бизнесом. У Олега такого не было. Он не дозировал знания «по рангу» или по принципу «этот достоин, этот нет». Каждый, кто хотел учиться, получал от него максимум. Разница была только в том, кто сколько мог взять.

И, пожалуй, самое главное — это его влияние не только как тренера, но и как человека. После родителей Олег был первым, кто реально сориентировал меня в жизни: по поступкам, по мыслям, по мечтам, по планам. Он задавал направление не только в спорте, но и в отношении к себе и к другим.

Есть эпизод, который очень точно показывает его стиль работы с учеником. Я уже какое-то время занимался у него, месяцев шесть или год. На одной из тренировок он предложил: «Давай поспарингуемся». Спарринг шел в полсилы, технический, без полного контакта. В какой-то момент мне показалось, что я «поджимаю» его, что вот-вот начну выигрывать размены. Внутренний голос даже шепнул: «Ну вот, ты уже почти мастер, догоняешь учителя».

Олег сказал: «Молодец, хорошо. А теперь давай прилизительно вот так». И за несколько секунд я пропустил такое количество ударов, что понял: все это время он просто давал мне расти. Он сознательно не ломал, не прижимал, не показывал пропасть между нами, пока это было не нужно. В тот момент я впервые по-настоящему осознал, кто стоит передо мной как боец и как тренер.

Это был урок не только каратэ, но и педагогики: ученик должен чувствовать, что он развивается, что расстояние сокращается, а не видит перед собой недостижимую вершину. Если слишком рано показать всю дистанцию, многие просто опустят руки и уйдут. Олег умел держать этот баланс.

Отдельная сторона — его человеческая глубина. Я видел, как однажды, уже взрослым, он встретился с отцом во Владикавказе, после долгих лет разлуки. Передо мной всегда стоял образ сильного, внешне собранного, даже брутального мужчины. Но во время встречи с отцом он растрогался, как ребенок. Это был один из самых сильных моментов в моей жизни. Стало ясно, что за его внешней твердыней много лет жила внутренняя боль, и что часть его жизненного пути — попытка компенсировать этот дефицит тепла и внимания

Со временем наши отношения перешли в плоскость не только «учитель–ученик», но и дружбы. Я всегда понимал, что Олег — человек, которого очень легко обмануть. Не потому что он наивен в бытовом смысле, а потому что он

склонен думать о других лучше, чем они есть на самом деле. Он мерит людей по себе. В таких ситуациях мне не раз приходилось брать на себя роль «пессимиста», того, кто смотрит трезвее, чтобы оградить его от лишних разочарований.

Еще один важный пласт его влияния связан с тем, как он научил меня относиться к тренерской работе. Когда я вернулся домой после армии и института, Олег сказал: «Открывай группу». Я возражал: «Я сырой, рано». Он ответил: «Я тебе говорю, что ты не сырой». Это было в каком-то смысле благословение.

Тогда каратэ было официально запрещено, приходилось маскировать занятия под «комсомольский отряд дружинников» и другие форматы, но по сути это была нормальная группа. Олег приехал поддержать меня, пришел в зал, посмотрел тренировку, а затем начался настоящий тренерский «экзамен».

Тренировка закончилась, а он продолжает задавать вопросы: «А вот этот элемент как будешь объяснять? А этот — как покажешь? А что ты скажешь, если ученик спросит вот так?»

На следующий день за завтраком он снова возвращается к этим же элементам. В какой-то момент у меня мелькнула мысль: «Ну тренировка же завтра, зачем сейчас?» — но уже тогда я понял, что это и есть суть профессии. Если ты тренируешь, ты должен думать об этом постоянно: на тренировке, после тренировки, за обедом, перед сном. Без этого профессионала из тебя не получится. Эту установку я у него перенял полностью.

Еще один принцип, который я считаю его наследием: тренер не должен быть только теоретиком. До конца своей карьеры я выходил на ковер в кимоно, показывал все сам. Если говорю ученику «сделай тройной удар ногой», то сначала делаю этот тройной удар сам. И тогда люди верят и идут за тобой. Олег всегда был таким — «делай как я». Это был не лозунг, а реальность.

Я закончил спортивную карьеру в сорок семь лет, выиграв международный турнир по каратэ в ветеранской категории. И во многом это стало возможно именно потому, что принцип «показывать, а не только говорить» мне достался от него.

За годы работы через мои руки прошло много учеников. Более двадцати стали мастерами спорта. Выше всех по достижениям поднялись Мария Соболев и Азамат Кантемиров. Они не только сильные спортсмены, но и очень близкие нам по системе ценностей. Это тот случай, когда то, что Олег вложил в меня, через меня передалось дальше. Когда мне вручали диплом «Лучший тренер России», на одном из первых вариантов по ошибке было напечатано «Кантемиров Олег». Я сказал: «Это правильная ошибка. Все, чего я добился, — благодаря ему». Потом прислали исправленный диплом с моим именем, но внутренне я по-прежнему считаю, что мы получили эту награду вдвоем.

Был и любопытный повторяющийся эпизод: люди, которые никогда не видели Олега и не были с ним знакомы, почему-то иногда называли меня его именем. Я воспринимаю это как своеобразный знак того, что его стержень, его манера, его энергетика во мне узнаются.

Наконец, еще одна важная вещь, которую он мне дал, — отношение к каратэ как к нормальному виду спорта, а не к мистике. В те годы вокруг было много крайностей: кого-то заставляли прыгать на коленях по камням, кто-то по пять часов подряд гонял людей в зале, кто-то строил из каратэ «ломание кирпичей головой».

Олег, имея спортивное образование, сразу ставил все на научную основу. Он говорил: каратэ — такой же вид спорта, как и любая другая дисциплина, и принципы тренировки здесь те же: постепенность, восстановление, техника, разумные нагрузки. Благодаря этому он уберег нас от множества «маразматических» подходов и травм, а меня направил на путь, где физическая подготовка

и методика стоят на первом месте, а не «колодезная энергия».

Если говорить о том, что бы я хотел сказать ему сегодня, то это, прежде всего, благодарность.

Все, что он сделал для меня, я с готовностью возвращаю — не из чувства долга, а с удовольствием. Для меня он навсегда останется учителем, наставником и другом, одним из главных людей в моей жизни.

Борис Кантемиров — мастер спорта и заслуженный тренер России по каратэ, депутат Парламента Республики Северная Осетия–Алания, президент Федерации практической стрельбы РСО–Алания. Член комитета по национальной политике и делам молодежи, а также комитета по науке, образованию и информационной политике. В прошлом — советский актер и режиссер.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Перед читателем — законченная книга. Страницы, посвященные детству, юности, поискам себя, работе, спорту и искусству, складываются в единый рассказ об Олеге Кантемирове — человеке, который на каждом этапе своей жизни оставлял след и в собственной истории, и в судьбах тех, кто был рядом: порой заметный, порой незримый, но всегда настоящий. Его рассказ — это путь преодоления и движения вперед, путь упорного труда, самостоятельных решений, ответственности за себя и других, путь, в котором честность к себе всегда была важнее внешних обстоятельств.

Собранные в книге воспоминания друзей и учеников открывают другую сторону этого пути — ту, что раскрывается в словах тех, кто был рядом. В них — взгляды изнутри: городской двор, зал спортивной школы, тренировки, первые победы, первые уроки, первые доверительные разговоры. В этих голосах ощущается не только уважение, но и доверие, и признательность. Каждый из рассказов — это отдельное свидетельство о том, какое влияние может оказать один человек, когда он живет в соответствии со своим характером и своим внутренним стержнем.

Так разрозненные элементы — главы, воспоминания — собираются в цельную картину. И эта картина говорит

о том, что человеческий путь измеряется не только биографическими фактами. Он измеряется тем, как человек влияет на других, чему учит, что оставляет после себя — не в виде наград или званий, а в виде человеческого присутствия, которое продолжает жить в памяти.

Эта книга завершается, но сам путь не заканчивается. Он продолжается в рассказах учеников, в судьбах друзей, в семейных историях, в тех, кто когда-то стоял рядом на тренировке, на сцене или в обычной жизни. Она завершается на бумаге — но не завершается в людях, для которых встреча с Олегом стала важной и формирующей.

Каждый читатель теперь держит в руках не просто биографию, а свидетельство того, как один человек может изменить пространство вокруг себя. И если в этой книге есть что-то главное, то это мысль о том, что настоящая жизнь не исчезает — она продолжается в памяти других.

Книга на этом заканчивается. Память — остается.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
Глава 1. Владикавказ. Начало пути	7
Детство и атмосфера города	7
Семья и первые уроки жизни	11
Первые увлечения и характер	15
Школьные годы и учителя	23
Спорт и первые победы	26
Первые испытания и внутренняя стойкость	31
Друзья и дворовое братство	35
Как природа меняет судьбу	39
Мечты юности	43
Смысл начала пути	48
Глава 2. Студенческие годы	53
Университет и выбор пути	53
Первые дни в университете	57
Преподаватели и наставники	62
Тренировки и дисциплина	66
Жизнь вне спорта	71
Внутреннее взросление	75
Преподавание и первый опыт наставничества	79
Мечты и перспективы	84
Философия молодости и выбора	88
Начало циркового пути	93
Глава 3. Цирк и борьба с гравитацией	98
Первые впечатления	98
Испытания и преодоление страха	103
«Партерный полет»	107
Артисты, публика и философия полета	111

Фестивали и признание	117
О человеке и полете	124
Глава 4. Школа, рожденная жизнью	129
Начало пути	129
Первые ученики	133
Школа силы характера	138
Трудности и годы запретов	142
Собственный стиль	145
Смысл выбранного пути	148
Глава 5. Мастера и ученики	151
Доверие и передача опыта	151
От первых шагов — к результату	156
Продолжение школы	160
Мастерство как преемственность	163
Уроки благодарности	167
Глава 6. Сцена, кадр, роль	172
Первый шаг в кино	172
Первые съемки	176
Фильм «Фанат»	181
Различие между ареной и камерой	185
Внутреннее перевоплощение	189
Фильм «Человек в зеленом кимоно»	193
Философия актерства и правда образа	197
Восприятие зрителя	200
Человек в искусстве	203
Глава 7. На грани искусств	206
Единство трех искусств	206
Внутренняя дисциплина	210
Движение как язык общения	215
Чувства на сцене и татами	219
Человек и равновесие	224
Вдохновение и страх	228
Свобода и ответственность артиста	232
О синтезе искусств	237
О сути мастерства	241

Глава 8. Встречи, которые остались в памяти	245
Встречи, которые меняют жизнь	245
Встречи, запомнившиеся навсегда	251
Разговор без переводчика	256
Благодарность судьбе	264
Глава 9. Дорога за океан	269
Решение принято	269
Первые впечатления о Канаде	274
Первые дни новой школы	278
О философии школы	283
Признание и успех	288
Связь с Родиной и Осетией	292
Канада в моем сердце	297
Глава 10. Соотечественники	301
Рождение идеи Совета	301
Первые шаги и участники. О цели и миссии	306
Помощь ветеранам. О программе помощи детям Беслана	312
О сплоченности русской общины	316
Духовные ценности за океаном	322
Философия единения	324
Почему это важно для меня	329
Глава 11. Награды и признание	333
Отношение к наградам	333
О настоящем признании	337
Память и ответственность	340
Скромность как жизненный принцип	345
Награды, которые не носят на груди	349
О философии благодарности	354
Глава 12. Мой путь продолжается	358
О сегодняшнем дне	358
Время, память и смысл прожитого	363
Люди, которые остаются рядом	368
Передача опыта	372
Послание читателю	377

Воспоминания друзей и учеников	382
Артем Погосян	383
Геннадий Поляков	385
Владимир Масленников	386
Николай Егоров	390
Борис Кантемиров	393
Заключение	399

Олег Кантемиров

Мой путь
О времени, людях и выборе пути

Составитель Виктор Харемов

Олег Кантемиров — мастер каратэ, цирковой артист, киноактер и наставник. Родился во Владикавказе. С юных лет связал жизнь со спортом, позже — с цирковым искусством и кино. Основатель школы Вадо-рю, воспитавший несколько поколений учеников. Участник международных фестивалей и кинопроектов. Живет и работает в Канаде, не теряя связи с Родиной. Его путь — это путь дисциплины, преемственности и служения делу.

Книга Олега Кантемирова «Мой путь» — рассказ о жизни, пройденной через спорт, цирк, кино и наставничество. Детство, первые победы, риск манежа, философия каратэ и сцены, дорога за океан и работа с учениками складываются в единый путь поиска смысла и ответственности. Это книга о преемственности, благодарности и выборе, о силе характера и людях, которые идут рядом и продолжают путь. Адресована тем, кто ищет свой путь и не боится идти до конца.

Rideró

Rideró.ru — издай
книгу бесплатно!